МЕЖДУНАРОДНЫЙ НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

ИСТОРИЧЕСКИЙ ФОРМАТ

№ 1-2 / 2023

THE INTERNATIONAL SCIENCE MAGAZINE

HISTORICAL FORMAT

№ 1-2 / 2023

МЕЖДУНАРОДНЫЙ НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

ИСТОРИЧЕСКИЙ ФОРМАТ

ОСНОВАН В 2015 ГОДУ

НАУЧНОЕ ИЗДАНИЕ

* * *

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

Меркулов Всеволод Игоревич, канд. ист. наук
главный редактор

Жих Максим Иванович
заместитель главного редактора

Колтырин Сергей Анатольевич
ответственный редактор

Лобачева Ирина Ивановна
редактор-переводчик

Артамонов Герман Анатольевич, канд. ист. наук, проф. (Россия)
Афанасьев Михаил Николаевич, докт. соц. наук (Россия)
Богданов Андрей Петрович, докт. ист. наук, проф. (Россия)
Грот Лидия Павловна, канд. ист. наук (Швеция)
Кулаков Владимир Иванович, докт. ист. наук (Россия)
Лубков Алексей Владимирович, докт. ист. наук, проф. (Россия)
Майоров Александр Вячеславович, докт. ист. наук, проф. (Россия)
Пузанов Владимир Дмитриевич, докт. ист. наук, проф. (Россия)
Фомин Вячеслав Васильевич, докт. ист. наук, проф. (Россия)

* * *

E-mail редакции: **mail@histformat.com**
Официальный сайт: **http://histformat.com/**

© Исторический Формат, 2023-2024
ISSN 2411-9415

THE INTERNATIONAL SCIENCE MAGAZINE

HISTORICAL FORMAT

ESTABLISHED IN 2015

SCIENTIFIC PUBLICATION

* * *

EDITORIAL BOARD:

PhD in History Vsevolod Merkulov
Editor-in-Chief

Maksim Zhikh
Deputy Editor-in-Chief

Sergey Koltyrin
Managing Editor

Irina Lobacheva
Editor-Translator

PhD in History, Professor German Artamonov (Russia)
Doctor of Sociology Mikhail Afanasiev (Russia)
Doctor of History, Professor Andrey Bogdanov (Russia)
PhD in History Lidia Groth (Sweden)
Doctor of History Vladimir Kulakov (Russia)
Doctor of History, Professor Aleksey Lubkov (Russia)
Doctor of History, Professor Alexander Maiorov (Russia)
Doctor of History, Professor Vladimir Puzanov (Russia)
Doctor of History, Professor Vyacheslav Fomin (Russia)

* * *

E-mail: **mail@histformat.com**
Website: **http://histformat.com/**

© Historical Format, 2023-2024
ISSN 2411-9415

ПОПЕЧИТЕЛИ ЖУРНАЛА «ИСТОРИЧЕСКИЙ ФОРМАТ»

2022-2024:

Анзимиров Лев Владиславович (независимый исследователь)
Барейша Илья Сергеевич (адвокат)
Вотрин Дмитрий Вячеславович (Академия ДНК-генеалогии)
Зиновьев Станислав Валерьевич (предприниматель)
Ковпак Алиса Игоревна (кандидат психологических наук)
Кривошеин Александр Васильевич (адвокат)
Матвейчев Олег Анатольевич (кандидат философских наук)
Присекина Лариса Александровна (кандидат технических наук)
Рычков Александр Константинович
Самусев Дмитрий Николаевич (Академия ДНК-генеалогии)
Семенов Александр Сергеевич (кандидат физико-математических наук)

**Редакция «Исторического формата» благодарит всех,
кто поддержал журнал на краудфандинговой платформе «Планета.ру»,
и персонально:**

Базлова Григория Николаевича,
Васильева Игоря Юрьевича,
Викторова Ивана Владимировича,
Голубева Александра Николаевича,
Зуба Сергея Алексеевича,
Козлова Александра Васильевича,
Кошелева Дмитрия Евгеньевича,
Лосева Сергея Петровича,
Пайора Евгения Викторовича,
Савенко Викторию Викторовну,
Смирнова Владимира Александровича,
Суржика Дмитрия Викторовича,
Щербинину Екатерину Викторовну

Международный научный журнал «Исторический формат» посвящён публикации результатов актуальных научных исследований по истории России и других стран мира. Журнал публикует оригинальные статьи с результатами научных исследований на русском, английском, французском и немецком языках, относящиеся к исторической тематике, а также сообщения о проводимых под эгидой или при участии журнала научных мероприятиях.

The international science magazine «Historical Format» is dedicated to the publication of the results of relevant scientific research on the history of Russia and other nations. The magazine publishes original articles in Russian, English, French and German, presenting the results of scientific research on historical themes, as well as notifications of research conducted under the umbrella of the magazine or with its direct participation.

Die internationale wissenschaftliche Zeitschrift «Historisches Format» veröffentlicht aktuelle Ergebnisse der wissenschaftlichen Forschung zur Geschichte Russlands und weiterer Länder. Die Zeitschrift veröffentlicht Publikationen zu historischen Themen in russischer, englischer, französischer und deutscher Sprache, sowie Berichte über wissenschaftliche Veranstaltungen unter Leitung oder Beteiligung der Zeitschrift.

La Revue internationale scientifique «Format historique» est consacrée à la publication des résultats des recherches scientifiques actuelles sur l'histoire de la Russie et d'autres pays du monde. La Revue publie des articles originaux sur les résultats des recherches scientifiques en russe, anglais, français et allemand et aussi l'information sur des activités scientifiques organisées sous la tutelle de la Revue ou avec sa participation.

Журнал нуждается в Вашей поддержке

«Исторический формат» – это научный журнал, который был, есть и будет оставаться бесплатным. Мы принципиально не хотим взимать плату с авторов за публикации и навязывать читателям платную подписку.

Нас никто не финансирует, и одновременно мы – независимая, свободная площадка. Но нам нужны средства на подготовку новых выпусков и функционирование редакции.

Если у Вас есть возможность поддержать «Исторический формат», то это очень нам поможет. По ссылке ниже – форма для добровольного пожертвования. Можно выбрать наиболее удобный способ платежа: из кошелька ЮMoney, с карты или с мобильного. Сумму пожертвования можно изменить по Вашему желанию.

ПЕРЕХОДИТЕ ПО ССЫЛКЕ: http://histformat.com/donate/

http://histformat.com/donate/

СОДЕРЖАНИЕ / CONTENTS

И.Л. Рожанский
НОВОСТИ ПАЛЕОГЕНЕТИКИ: АЛЕКСАНДР НЕВСКИЙ И ЕГО РОД

Igor Rozhanskii
NEWS IN PALEOGENETICS: ALEXANDER NEVSKY AND HIS ANCESTRY. 10

Л.П. Грот
РУСЬ-АРТАНИЯ И СВЯЩЕННЫЙ ЦЕНТР ДРЕВНИХ РУСОВ

Lydia Grot
RUS – ARTANIA AND THE SACRED CENTER OF THE ANCIENT RUS 19

С.В. Назин
ПРАСЛАВЯНЕ ВО ВРЕМЕНИ И ПРОСТРАНСТВЕ: ПРЕДКИ СЛАВЯН ПО СВЕДЕНИЯМ ЯЗЫКОЗНАНИЯ, ГЕНЕТИКИ И АРХЕОЛОГИИ

Sergey Nazin
PROTO-SLAVS IN TIME AND SPACE: THE ANCESTORS OF THE SLAVS ACCORDING TO LINGUISTICS, GENETICS AND ARCHAEOLOGY . . . 33

И.А. Гагин
ПОЛИТИЧЕСКИЕ СВЯЗИ ВОЛЖСКОЙ БУЛГАРИИ И ЗЕМЛИ ВЯТИЧЕЙ (X-XI вв.)

Igor Gagin
POLITICAL RELATIONS OF VOLGA BULGARIA AND THE LAND OF THE VYATICHI (10th -11th CENTURIES) 57

Л.Ю. Таймасова
МЕТАМОРФОЗЫ ТУШИНСКОГО ВОРА: ОТ ЦАРЕВИЧА ДМИТРИЯ ДМИТРОВСКОГО, «АРЦЫКАЛУСА» И «ТАЛМУДА» ДО «АРИЯ» ИЗ УГРЕШСКОГО МОНАСТЫРЯ

Liudmila Taimasova
METAMORPHOSIS OF THE TUSHINSKY THIEF: FROM TSAREVICH DMITRY DMITROVSKY, ARTSYKALUS AND TALMUD TO ARIUS FROM THE UGRESH MONASTERY 61

В.-И.Т. Богдан
ЛУКА ДЖОРДАНО В МУЗЕЕ АКАДЕМИИ ХУДОЖЕСТВ

Veronica-Irina Bogdan
LUCA GIORDANO AT THE ACADEMY OF ARTS MUSEUM. 94

И.Ю. Васильев
РОДСТВЕННЫЕ КОЛЛЕКТИВЫ ВЫЖИВАНИЯ КУБАНСКИХ КАЗАКОВ

Igor Vasilyev
KINSHIP SURVIVAL COLLECTIVES OF KUBAN COSSACKS 99

Д.В. Желтоухова
РЕТРОСПЕКТИВНЫЙ АНАЛИЗ ДЕЛОПРОИЗВОДСТВА В МЕМОРИАЛЬНЫХ МУЗЕЯХ г. КУЙБЫШЕВА 1980-х гг.

Dina Zheltoukhova
RETROSPECTIVE ANALYSIS OF RECORD KEEPING IN MEMORIAL MUSEUMS OF KUIBYSHEV IN THE 1980s. 106

С.Н. Азбелев
О ВАЖНОСТИ ВНИМАТЕЛЬНОГО ПРОЧТЕНИЯ ДРЕВНЕЙШЕЙ ЛЕТОПИСИ (РЕКА НЕПРЯДВА В ИСТОРИОГРАФИИ РУССКОГО ЛЕТОПИСАНИЯ)

Sergey Azbelev
ON THE IMPORTANCE OF CAREFUL READING OF THE ANCIENT CHRONICLES (THE NEPRYADVA RIVER IN THE HISTORIOGRAPHY OF THE RUSSIAN CHRONICLES) 112

М.И. Жих
РЕЦЕНЗИЯ НА КНИГУ: КАРПЕНКО А.А. РУСЬ СЕВЕРЯН ВЕЩЕГО ОЛЕГА: РЕЦЕНЗИИ, ОТВЕТЫ И СТАТЬИ, ОПУБЛИКОВАННЫЕ В СБОРНИКАХ ПО ИТОГАМ НАУЧНЫХ КОНФЕРЕНЦИЙ 2004-2010 гг. РОСТОВ-НА-ДОНУ: КНИГА, 2016, 272 с.

Maksim Zhikh
BOOK REVIEW: KARPENKO A.A. RUS OF THE NORTHERNERS OF OLEG THE WISE: REVIEWS, ANSWERS AND ARTICLES PUBLISHED IN COLLECTIONS OF THE RESULTS OF SCIENTIFIC CONFERENCES 2004-2010. ROSTOV-ON-DON: BOOK, 2016. 272 p.. 123

ПРАВИЛА ПУБЛИКАЦИИ В ЖУРНАЛЕ
RULES OF PUBLICATION IN THE JOURNAL. 129

НОВОСТИ ПАЛЕОГЕНЕТИКИ: АЛЕКСАНДР НЕВСКИЙ И ЕГО РОД

И.Л. Рожанский
Академия ДНК-генеалогии
Россия, 127591, г. Москва, ул. Дубнинская, д. 26, корп. 1
e-mail: info@dna-academy.ru
Scopus Author ID: 6602811767
Researcher ID: M-8875-2018
http://orcid.org/0000-0002-7571-7626
SPIN-код: 9823-3659

АВТОРСКОЕ РЕЗЮМЕ
В статье проанализированы данные ископаемой ДНК возможных представителей династии Рюриковичей. Результаты статьи российских исследователей (Прохорчук и др. 2023) дают основание считать, что найденные в 2020 году останки из Переславля-Залесского принадлежат потомку великого князя Всеволода Юрьевича Большое Гнездо. Заявленное авторами отнесение к сыну Александра Невского Дмитрию Александровичу, однако, требует дополнительных доказательств. Новые данные по субкладу N-Y10931, к которому принадлежит основная линия Рюриковичей, позволили уточнить его филогению. Время жизни общего предка его современных носителей попадает в интервал между 600 и 900 гг. н.э. Очевидные восточноазиатские корни матери князя из Переславля-Залесского выявляют ранее неизвестные детали семейных связей Александра Невского и/или его ближайших родственников.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: **ископаемая ДНК; Y-гаплогруппа N-Y10931; Рюриковичи; Александр Невский; связи с Золотой Ордой.**

NEWS IN PALEOGENETICS: ALEXANDER NEVSKY AND HIS ANCESTRY

Igor Rozhanskii
Academy of DNA Genealogy
Russia, 127591, Moscow, st Dubninskaya, house 26, building 1
e-mail: info@dna-academy.ru

ABSTRACT
Ancient DNA data of presumed members of the Rurikid dynasty are analyzed. Results of the paper by Russian researchers (Zhur et al. 2023) suggest that skeletal remains which have been unearthed in Pereslavl'-Zalesskii in 2020 belong to a descendant of the Grand Prince Vsevolod Yur'evich «Big Nest». Their proposed attribution to Dmitry Alexandrovich, a son of Alexander Nevsky, needs in more convincing evidence. New data on subclade N-Y10931, which the major Rurikids' line belongs to, let to clarify its phylogeny. The most recent common ancestor of its current bearers lived between 600 and 900 years of the Common Era. Apparent Eastern Asian roots of the mother of the prince from Pereslavl'-Zalesskii reveal previously unknown details of family ties of Alexander Nevsky and/or his closest relatives.

KEYWORDS: **ancient DNA, Y-haplogroup N-Y10931, Rurikids, Alexander Nevsky, ties with Golden Horde.**

ВВЕДЕНИЕ

Вопрос о скандинавском происхождении первой правящей династии Древней Руси почти 300 лет остается одной из самых обсуждаемых тем ранней русской истории. Доводы как сторонников т.н. «норманнской теории», так и ее противников все это время базировались исключительно на интерпретациях письменных источников и лингвистических реконструкциях. В силу своей неполноты и неоднозначности они допускали разные, нередко взаимоисключающие толкования. Как следствие, дискуссия о реальном историческом событии превратилась в разновидность схоластического диспута, в котором основные положения следует принимать на веру.

Выход из тупика наметился в начале 2000-х, когда выяснилось, что среди современных членов Дворянского Собрания из княжеских родов, считающих своим предком Рюрика, преобладает ветвь Y-гаплогруппы N, впоследствии получившая индекс N-Y10931 (https://www.yfull.com/tree/N-Y10931/). Подробнее о ДНК-генеалогии Рюриковичей можно прочесть в предыдущей статье автора (Рожанский 2018). Сторонники «норманнской

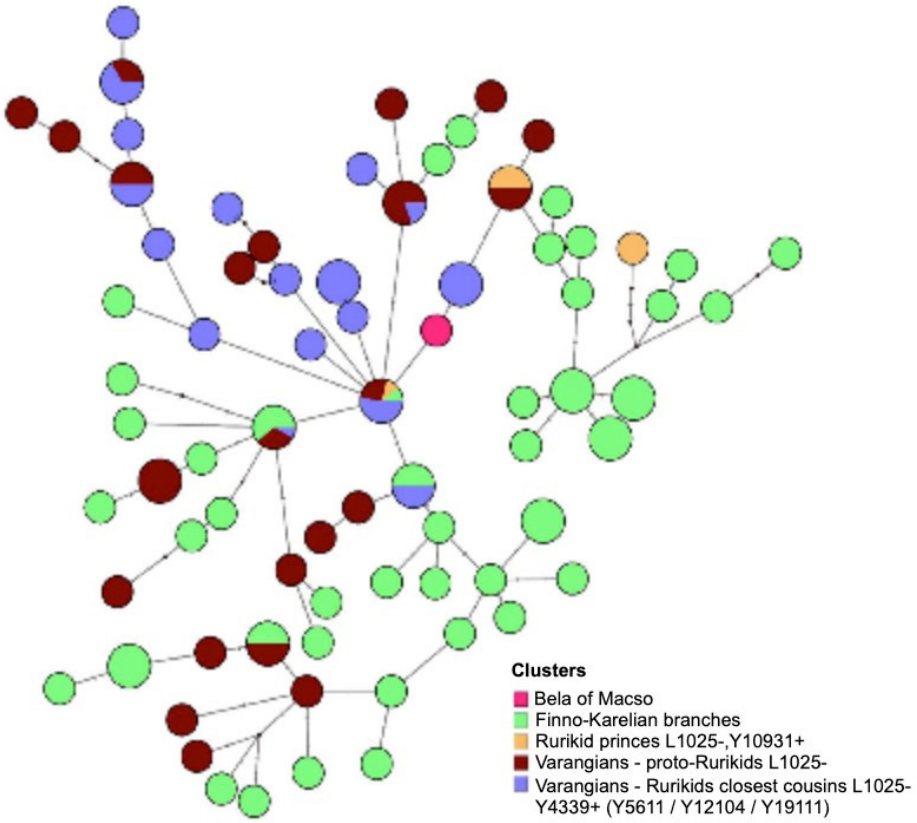


Рис. 1. Дерево 13-маркерных гаплотипов в программе Network, размещенное на стендовом докладе (Borbély et al. 2022)

теории» интерпретировали результаты в свою пользу, отмечая, что эта ветвь входит в субклад N-Y4339, в составе которого преобладают шведы (https://www.yfull.com/tree/N-Y4339/). Однако, их аргументация не столь убедительна, как ее представляют, поскольку на этническом составе субклада сказывается статистический перекос, вызванный высокой активностью уроженцев Швеции и Финляндии в коммерческом тестировании ДНК, а датировка развилки ветви Y10931 с остальными (1600-900 лет назад, по оценке YFull) допускает ситуацию, что она выделилась еще до переселения родственных линий на западное побережье Балтики.

Прояснить ситуацию могли бы данные ископаемой ДНК Рюриковичей первых поколений. Во-первых, это бы дало ответ, какая из 9 найденных у современных Рюриковичей линий восходит к династии киевских князей, а какие были причислены к ним позднее. Во-вторых, ожидалось, что при анализе полного генома ранних Рюриковичей удастся выявить их близость к скандинавам, а не славянам. Настоящая статья посвящена обзору опубликованных данных по ископаемой ДНК индивидов, заявленных исследователями как Рюриковичи.

ИСКОПАЕМЫЕ ОБРАЗЦЫ

Впервые результаты тестирования образцов ДНК Рюриковичей были опубликованы с статье исследовательской группы из Копенгагенского Университета, посвященной палеогенетике Европы и Гренландии периода викингов (Margaryan et al. 2020). Помимо захоронений, убедительно определенных как скандинавские, исследовались также образцы, для которых скандинавское происхождение не было надежно установлено. Предполагалось выяснить это в ходе анализа ДНК. Среди последних было 2 образца с Украины: VK541 из Луцка и VK542 из Чернигова. Согласно информации, предоставленной украинскими антропологами, первый из них принадлежит князю Дорогобужскому Изяславу Ингваревичу, убитому в битве на Калке в 1223 году, второй – князю Новгородскому Глебу Святославичу (внуку Ярослава Мудрого), погибшему в 1078 году в Заволочье (верховья Северной Двины и Онеги). В статье, а также в опубликованных материалах украинских антропологов, не сообщается, какими критериями руководствовались при отнесении к этим историческим лицам, а не к кому-либо еще. По-видимому, выводы делались по косвенным данным, таким как предполагаемая датировка, тип захоронения (каменный саркофаг на территории собора) и характер повреждений на скелетах, свидетельствующий о насильственной смерти. Каких-либо палеографических материалов при останках обнаружено не было.

По результатам геномного анализа оба образца попали в один кластер с образцами X-XI века из Центральной Польши и современными поляками, не показывая какого-либо сходства со скандинавами. Данные согласуются с результатами тестов на Y-ДНК: у «Изяслава Ингваревича» установлена ветвь R1a-YP593 (https://www.yfull.com/tree/R-YP593/), у «Глеба Святославича» – I2a-Y91535 (https://www.yfull.com/tree/I-Y91535/). Обе ветви входят в широко распространенные у славян многомиллионные по численности субклады R1a-CTS11962 и I2a-Y3120, соответственно. Таким образом, оба человека из пра-

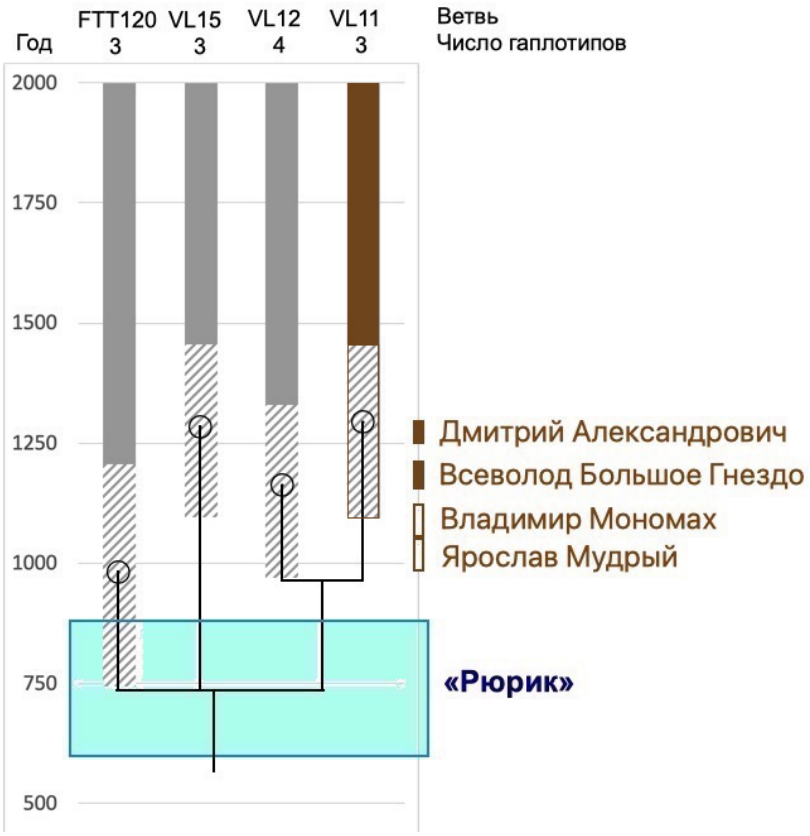


Рис. 2. Филогенетическое древо субклада N-Y10931, с указанием времен жизни предков ветвей, а также князей из рода Ярослава Мудрого. Заштрихованы интервалы статистических погрешностей

вящей элиты Древней Руси имели славянские корни как по прямой мужской линии, так и по остальным.

Однако, их принадлежность к роду Рюриковичей надежно не установлена из-за проблем с идентификацией останков. Более того, ни один из сдавших тесты на ДНК Рюриковичей из Дворянского Собрания не принадлежит к ветвям, идентифицированным у образцов VK541 и VK542. Как следствие, доказательная база сужается настолько, что образцы из Чернигова и Луцка сейчас не могут рассматриваться в качестве аутентичных Рюриковичей до тех пор, пока не будут получены дополнительные данные.

Третий по времени образец поступил из Венгрии (Hajdu et al. 2022; Borbély et al. 2022). На стендовых докладах на международной конференции сообщалось об анализе средневековых останков с о. Маргит в Будапеште. По предположению авторов, они принадлежат Беле, князю Мачвы и Боснии, сыну черниговского князя Ростислава Михайловича из рода Рюриковичей и венгерской принцессы Анны, дочери короля Белы IV из династии Арпадов. Будучи претендентом на венгерский трон, он потерпел поражение в междоусобной борьбе и погиб в 1272 г. на о. Маргит, где в 1914 году при раскопках были обнаружены останки мужчины 20-25 лет со следами многочисленных ударов холодным оружием. В течение более 100 лет они хранились в музейных коллекциях.

При анализе Y-ДНК индивида были определены 13 STR-маркеров, которые соответствовали гаплогруппе N1a1. Для дальнейшего уточнения был проведен кластерный анализ, в котором 13-маркерный гаплотип образца из Будапешта разместили среди соответствующих фрагментов современных галотипов из баз данных, включая Рюриковичей из ветви N-Y10931 (Рис. 1). Исследуемый гаплотип сближается с гаплотипами из «варяжских» ветвей субклада N-L550, но не совпадает с Рюриковичами. Следует, однако, отметить, что авторы не стали включать в расчет методом Network гаплотипы из ветвей нисходящего от L550 субклада L1025, что могли бы существенно повлиять на структуру дерева и поместить «Белу Ростиславича» в другой фрагмент. В целом, надежность расчета по столь коротким гаплотипам слишком низкая, чтобы определить сколько-нибудь глубокую ветвь. Предполагаемое в докладе отнесение к субкладу N-L550 следует рассматривать как очень оптимистичную оценку для образца такого качества. Можно надеяться, что для последующей журнальной публикации анализ будет проведен на более высоком уровне.

Также, как с украинскими образцами, остается открытым вопрос о принадлежности останков из Будапешта потомку рода Рюриковичей. В частности, радиоуглеродный анализ для 7 костных фрагментов из разных частей скелета дал с 95,4 % вероятностью дату смерти индивида между 1050 и 1180 годом, то есть намного раньше гибели Белы Ростиславича в 1272 году (Hajdu et al. 2022). Как авторы объяснили несовпадение дат, пока неизвестно. Возможно, этот вопрос будет обсуждаться в журнальной статье, если она появится. На сегодняшний день образец из Будапешта также не может

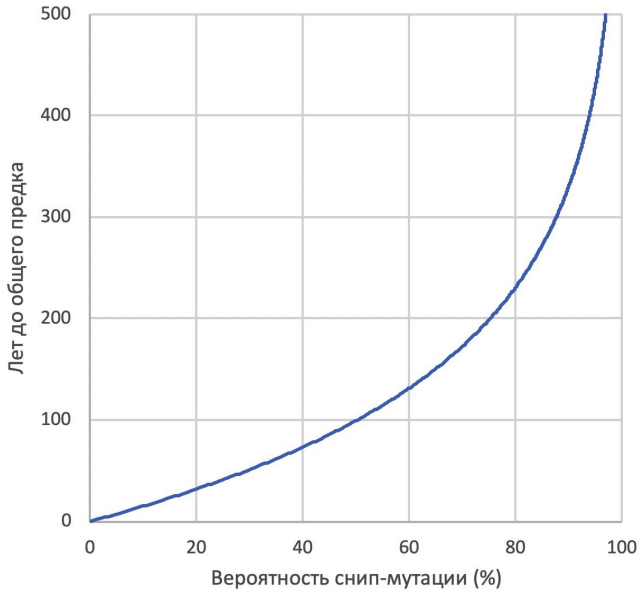


Рис. 3. Вероятность возникновения одной снип-мутации в формате YFull

рассматриваться в качестве аутентичного Рюриковича. Для доказательства недостаточно данных.

Четвертый, самый недавний по времени образец поступил из России, из г. Переславль-Залесский Ярославской области (Прохорчук и др. 2023). В сопроводительном материале к статье сообщается, что в ходе реставрационных работ в юго-восточной части Спасо-Преображенского собора в 2020 году были обнаружены обломки каменного саркофага, форма которого типична для XIII-XIV веков. До реконструкции собора в 1891 г. на том месте стояло надгробие XVII века с именем князя Дмитрия Александровича, сына Александра Ярославича Невского. В саркофаге находилось несколько позвонков и костей конечностей, принадлежавших, согласно экспертизе, мужчине 35–49 лет. Мужской пол впоследствии был подтвержден при анализе ДНК. По сумме исторических и анатомических данных останки определили как принадлежащие князю Дмитрию Александровичу. Образцы костной ткани, получившие название Nev2, использовались для выделения и анализа ДНК в соответствии с общепринятыми международными стандартами.

Y-ДНК ОБРАЗЦА NEV2

Для определения Y-гаплогруппы был проведен дополнительный анализ Y-хромосомы, что позволил добиться для нее существенно более высокого покрытия (среднего числа прочтений) в сравнении с полным геномом. В статье сообщается, что образец Nev2 принадлежит субкладу N1a1a1a1a1a1a7a~, в текущей классификации ISOGG. Это соответствует ветви N-Y4339 в нотации YFull (https://www.yfull.com/tree/N-Y4339/). Однако, в разделах, посвященных анализу Y-хромосомы, авторы никак не касаются определенных у образца снипов (однонуклеотидных полиморфизмов), а вместо этого проводят его сравнение с другими ископаемыми образцами из гаплогруппы N по не совсем ясной методике. В основном тексте статьи не сообщается, какой алгоритм использовался для построения дерева Y-ДНК, а потому нет возможности прокомментировать детали расчета.

Однако, результат вызывает удивление, поскольку образцы из разных субкладов гаплогруппы N1a оказываются перемешаны между собой почти бессистемно. Например, образец VK508 из Эстонии, который на дереве YFull находится в непосредственной близости от современных Рюриковичей и образца Nev2, на рассчитанном авторами дереве располагается от них существенно дальше, чем образец BOO004 из Мурманской области, у которого определен терминальный снип L708, появившийся более 6600 лет назад. Датировка образца BOO004 почти на 3 тысячелетия более ранняя, чем Nev2, а потому результат расчета на рис. 1 из статьи (Прохорчук и др. 2023) равнозначен утверждению, что прапрадед индивида находится с ним в более близкой степени родства, чем родной брат, дядя или племянник. К сожалению, авторы не заметили явной нелепицы, и уделили много внимания надуманному близкому родству образцов из средневековой Руси и Заполярья эпохи бронзы. Как следствие, текст двух разделов на стр. 54-58 не несет сколько-нибудь полезной информации и ведет читателя по ложном пути.

Практический результат из анализа Y-хромосомы был получен независимо специалистами компании YFull после обработки данных секвенирования, размещенных в открытом доступе. Для образца Nev2 был подтвержден снип VL11 (https://www.yfull.com/tree/N-VL11/). Согласно данным с проектов компании Family Tree DNA, в ветвь VL11 входит, как минимум, 2 участника, ведущих свой род от великого князя Владимирского Всеволода Юрьевича Большое Гнездо (1154-1212). В тексте статьи они обозначены как Юрьевичи. К тому же роду принадлежит Александр Ярославич Невский, внук Всеволода Большое Гнездо. Следовательно, результат, полученный специалистами компании YFull, можно рассматривать как аргумент в пользу вывода археологов по идентификации останков из Спасо-Преображенского собора. Человек, обозначенный как Nev2, по всей видимости, был из того же рода, что Александр Невский, но был ли он его сыном, по единичному образцу доказать невозможно. В статье не сообщается об обнаружении в Спасо-Преображенском соборе не одной, а нескольких средневековых захоронений, но такие сведения были опубликованы в СМИ[1]. В том же соборе был похоронен сын Дмитрия Александровича Иван Дмитриевич, который также может рассматриваться в качестве кандидата. Если сохранились обнаруженные в 1939 году останки из гробницы, где на надгробии было его имя, их анализ даст возможность уточнить этот вопрос.

Помимо ветви VL11, в которую попадают современные и средневековые «Юрьевичи» (потомки Юрия Долгорукого), в субкладе N-Y10931 на схеме YFull есть параллельные ей ветви VL12, в состав которой входят «Мстиславичи» (потомки Мстислава Владимировича, сына Владимира Мономаха) и VL15, представители которой

1 Электронный ресурс: https://us10.campaign-archive.com/?u=69c6481f5f46971ce0e875a31&id=ef52ddff04&e=48c369a08e (Дата обращения – 01.12.2023).

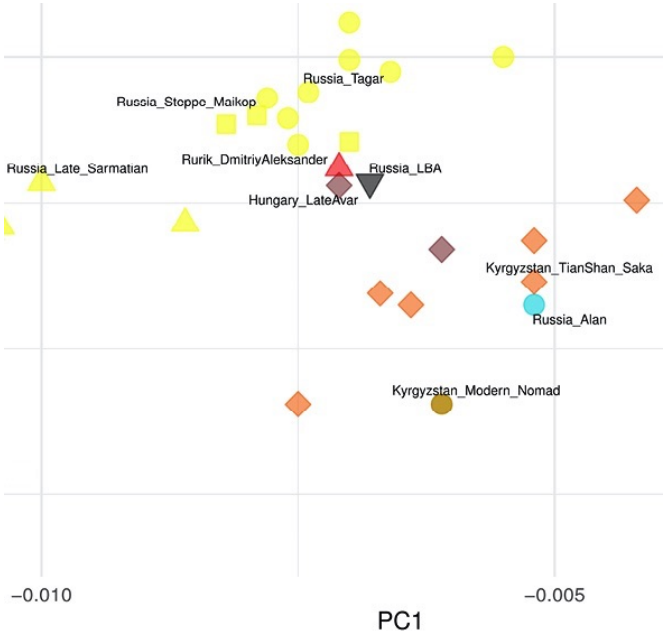


Рис. 4. Фрагмент графика с разложением по принципиальным компонентам из статьи (Прохорчук и др. 2023, рис. 4)

названы в статье «Ольговичами» (потомками Олега Святославича, двоюродного брата Владимира Мономаха). Фактически, Ольгович там только один – Массальский, из верховских князей, родословная которого надежно прослежена до середины XIV века. Другие 2 участника были так названы по общему с ним снипу VL15. Их связь с родом Рюриковичей документально не установлена. В субкладе N-Y10931 есть также четвертая ветвь, с общим снипом FTT120, о которой ничего не сообщается в статье, и участники из которой отсутствуют в схеме YFull. Данные по трем ее представителям доступны на проекте компании FTDNA Rurikid Dynasty (https://www.familytreedna.com/public/rurikid?iframe=yresults). Это 200703 Korybut Woroniecki (Польша), SI13602 Grebetskiy (Россия, Тульская обл.) и IN51360 Ejkszto (Литва). Никто из них не располагает документальными данными о принадлежности к Рюриковичам. Для каждой из известных ветвей есть возможность вычислить время жизни ее предка и реконструировать его базовый гаплотип. По этим данным было рассчитано оптимизированное генеалогическое древо субклада N-Y10931, которое представлено в графическом виде на рис. 2.

Расчет дает для общего предка всех ветвей время жизни между 600 и 900 годом, также как ранее опубликованный расчет для меньшей по размеру выборки (Рожанский 2018). Доверительный интервал выделен на рис. 2 голубым цветом. На верхнем пределе погрешности в эту датировку попадает летописный Рюрик, но не менее вероятно, что «ДНК-Рюрик» жил раньше, за пределами летописного периода.

Ветви VL11 («Юрьевичи») и VL12 («Мстиславичи») сблизились при расчете, дав для их общего предка время жизни между 800 и 1100 годом. Этим предком мог быть Владимир Мономах, в соответствии с традиционной генеалогией, но на верхнем пределе погрешности. Потому в качестве более взвешенного варианта надежнее выводить обе ветви от Ярослава Мудрого или даже его отца Владимира Святославича. На дереве YFull это сближение никак не проявляется, потому что обе ветви растут непосредственно от узла Y10931, без общих для них снипов. Такой случай нельзя назвать исключительным, потому что мутации в ДНК происходят случайным образом, а потому вполне вероятна ситуация, когда за время, прошедшее между двумя развилками, мутаций не произошло. Следующий график дает конкретные цифры вероятности таких событий для снип-мутаций, происходящих в среднем раз в 144 года, согласно калибровке YFull (рис. 3).

Из теории вероятности следует, что даже для 500-летнего промежутка времени существует вероятность в 3.1%, что во фрагменте Y-хромосомы, используемом при анализе в YFull, не окажется мутаций. Поскольку мутации в STR-маркерах происходят чаще и независимо от снипов, с их помощью возможно выявить детали ветвления, не проявляющиеся в виде снипов. Так, участник YF009219, по всей видимости, принадлежит к группе «Мстиславичей» и «Юрьевичей», но его линия выделилась еще до возникновения снипов VL11 и VL12, а потому на схеме YFull она растет непосредственно от узла Y10931, не входя в дочерние ветви. С подобными «неуловимыми» в YFull ветвями автор настоящей статьи знаком по практической работе. Следовательно, дерево на рис. 2 не противоречит дереву YFull, а дополняет его.

МИТОХОНДРИАЛЬНАЯ И ЯДЕРНАЯ ДНК ОБРАЗЦА NEV2

Помимо Y-хромосомы, геном образца Nev2 исследовали по разработанной в Гарвардском Университете методике 1240K, где анализируется набор из более, чем миллиона снипов, распределенных по всем хромосомам (Mathieson et al. 2015). Однако, лишь очень малая часть из данного набора была доступна для образца из Переславля-Залесского, а именно 532154 нуклеотидов, что соответствует покрытию 0,06. Низкое покрытие, в свою очередь, задает высокий уровень шума при расчетах данного образца стандартными методами популяционной генетики и низкую статистическую значимость результатов, даже при формальном соблюдении математических критериев. Образно говоря, это напоминает поиск черной кошки в темной комнате по нескольким фотографиям, снятым с короткой выдержкой. По этой причине следует с осторожностью относиться к расчетам на стр. 58-63 – уровень шума в них намного превышает полезный сигнал, а конечные результаты критически зависят от малых вариаций во входных параметрах.

Относительно устойчивым из использованных в статье методов можно считать разложение по принципиальным компонентам, в котором множество точек в многомерном пространстве генетических дистанций проектируется на плоскость. В качестве координатных осей выступают комбинации параметров, в которых крайние точки располагаются на максимальном удалении. Такой расчет был проведен авторами для выборки из 740 образцов древней и современной ДНК. Фрагмент графика, на котором оставлены только ископаемые образцы, приведен ниже (рис. 4).

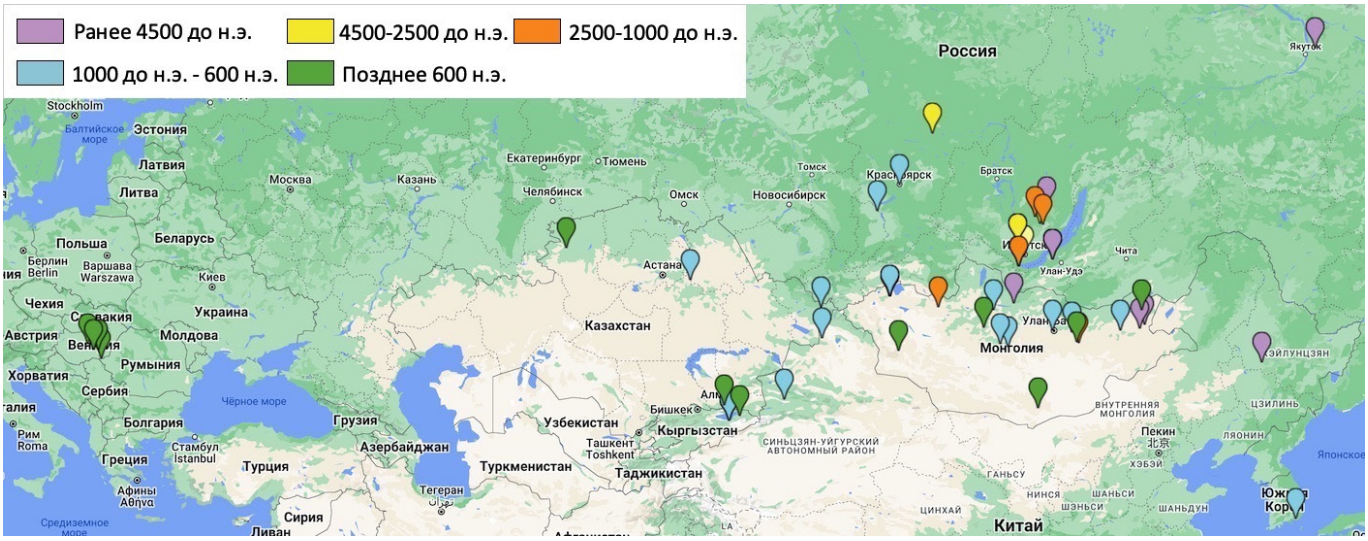


Рис. 5. Места находок ископаемой ДНК из митохондриальной гаплогруппы F1b1

Принципиальная компонента 1 (PC1) в популяционном контексте соответствует оси Запад (слева) – Восток (справа). График не дал ответа на вопрос о славянских или скандинавских корнях Рюриковичей, потому что, неожиданно для летописной биографии князя Дмитрия Александровича, предполагаемый для него образец Nev2 оказался в окружении людей из степных народов. Отмеченные желтыми ромбами образцы из тагарской культуры юга Сибири раннего железного века, а также обозначенные оранжевыми ромбами образцы с Тянь-Шаня I-IV веков до н.э. принадлежат людям смешанного происхождения, среди которых в равной пропорции присутствуют Y- и митохондриальные гаплогруппы, характерные как для Западной, так и Восточной Евразии (Damgaard et al. 2018). Смешанная родословная установлена также для образца I16741 из Венгрии конца VIII века н.э. (Hungary_LateAvar), который находится на графике в ближайшем соседстве с Nev2 (Gnecchi-Ruscone et al. 2022). По мужской линии тот человек принадлежит к субкладу N-F4205, что был основной линией у правящего клана Аварского Каганата, а по женской – к митохондриальной гаплогруппе HV4a1, характерной для Европы. В его геноме определили около 20 % восточноазиатской компоненты и около 80 % наследия народов, населявших Центральную Европу до прихода аваров. В упрощенной форме, это означает, что у индивида I16741 дед по мужской линии был из народа, родственного современным монголам и бурятам, а другой дед и обе бабушки – из местного населения. Очевидно, смешанная родословная была также у Nev2.

В отличие от человека из Аварского каганата, князь из рода Александра Невского унаследовал восточноазиатские корни не по мужской, а по женской линии, как выяснилось из анализа его митохондриальной ДНК, проведенного специалистами компании YFull (https://www.yfull.com/mtree/F1b1-a3a/). Согласно имеющимся на сегодня данным, митохондриальная гаплогруппа F1b1 встречается почти исключительно среди народов Восточной и Средней Азии. Представление о динамике ее роста можно получить из карты, составленной по данным ископаемой ДНК (Рис. 5).

Из имеющихся данных следует, что вплоть до эпохи железа люди из гаплогруппы F1b1 занимали ареал к востоку от Саян, и лишь затем началось их продвижение в западном направлении, очевидно, в составе тюркских и монгольских кочевых племен. Образцы с территории Венгрии поступили из захоронений периода Аварского каганата, также как обсуждавшийся выше образец I16741. В отличие от последнего, те люди принадлежали к правящему клану, и имели почти 100 % восточноазиатскую родословную (Gnecchi-Ruscone et al. 2022). Их линии, как мужские, так и женские, не сохранились среди современных венгров и других народов Центральной Европы, а потому маловероятно, что мать князя Nev2 унаследовала свою гаплогруппу по цепочке от элиты кочевой империи, сошедшей с исторической сцены за 4 столетия до ее рождения.

Вероятнее всего, ее предки были выходцами из другой, намного более могущественной империи – Монгольской, правящий клан которой, как ранее авары, происходил с территории Восточной Монголии и Бурятии. О том же свидетельствует высокая (на уровне 20-25 %) доля восточноазиатской компоненты в геноме Nev2. Если бы женская линия шла от более ранних степных предков, примесь от Восточной Азии была бы почти незаметна. В отличие от аваров, эта линия не угасла – тот же митохондриальный субклад F1b1-a3a2a найден у современных уроженцев Курской, Брянской и Белгородской областей (https://www.yfull.com/mtree/F1b1-a3a2a/).

ОБСУЖДЕНИЕ

В работе (Прохорчук и др. 2023) впервые, после ряда неудачных попыток и публикаций по образцам, аутентичность которых не доказана, был проведен всесторонний анализ ДНК из средневекового захоронения, принадлежность которого к представителю рода Рюриковичей подтверждается перекрестными методами. В пользу такого вывода свидетельствует, во-первых,

определенная для образца Nev2 Y-гаплогруппа N-VL11, которая помещает его в одну группу с современными потомками князя Всеволода Большое Гнездо – деда Александра Невского. Во-вторых, археологический контекст находки согласуется с историей рода Всеволода Большое Гнездо, владевшего Переславлем-Залесским с 1175 года. В статье делается вывод, что проанализированный авторами образец Nev2 принадлежит сыну Александра Невского Дмитрию Александровичу. Однако для однозначного отнесения пока недостаточно информации. Под тот же набор признаков может подходить сын Дмитрия Александровича Иван Дмитриевич, либо кто-то из их близких родственников, сведения о котором не попали в летописи. Более надежные выводы можно будет сделать, если станут доступны образцы ДНК родственников этих князей, как по мужской, так и по женской линии.

Результат анализа Y-ДНК образца Nev2 стал ключевым в решении вопроса, какая из нескольких линий современных Рюриковичей восходит к первой русской княжеской династии. Сейчас можно с определенностью сказать, что такой линией является не имеющая пока собственного снипа ветвь, объединяющая ветви VL11, VL12 и участника под номером YF009219, с терминальным снипом Y10931. Их род, по-видимому, восходят к Ярославу Владимировичу Мудрому (? – 1054), но в пределах погрешности в качестве самого недавнего общего предка также могут рассматриваться его сын Всеволод Ярославич (1030-1093) или внук Владимир Всеволодович Мономах (1053-1125).

Участники из ветвей VL15 и FTT120 принадлежат к боковым линиям, степень родства которых с «Ярославичами» неясна, поскольку их общий предок уходит в VII-IX века, по которым нет надежных письменных источников. Принадлежность участника из ветви VL15 к роду Ольговичей находит параллели с Ольговичами из субклада R1a-L260 – и те и другие, вероятно, были причислены к киевской династии «задним числом» в неустановленное пока время. Датировки, полученные при уточнении филогении субклада N-Y10931, наносят сокрушительный удар по популярной версии о норвежском короле Олафе Святом (995-1030) как биологическом отце Всеволода Ярославича и родоначальнике всех «Мономашичей». Крайне сложно объяснить, каким образом линия, существовавшая на северо-западе Руси или в Прибалтике со времен летописного Рюрика или ранее, оказалась у праправнука первого норвежского короля Харальда Прекрасноволосого, современника Вещего Олега и Игоря Старого. Исландские саги, на которые ссылаются сторонники версии о супружеской измене жены Ярослава Мудрого, шведской принцессы Ингигерд (в крещении Ирина), очевидно, выдают желаемое за действительное.

Вопрос о происхождении и историчности Рюрика по-прежнему остается открытым. Если Рюрик, родоначальник княжеской династии, является реальным историческим лицом, то он вряд ли тождественен «ДНК-Рюрику», жившему раньше. Будущие исследования должны внести ясность в этот вопрос.

Второй вопрос, что ждет своего решения – происхождение матери князя Дмитрия Александровича (если образец Nev2 принадлежит ему). Новгородская первая летопись говорит о ней следующее: «Оженися князь Александръ, сынъ Ярославль, в Новегороде, и поя в Полочьске у Брячислава дщерь, и венчася въ Торопце; и ту кашю чини, а в Новегороде другую» (Полное собрание русских летописей. Т. III. С. 77). Из этой записи можно сделать вывод, что женой полоцкого князя Брячислава, тестя Александра Невского, была уроженка одного из народов Великой Степи, видимо, с корнями в Южной Сибири или Монголии. В противном случае сложно объяснить результаты анализа ДНК князя Дмитрия Александровича. Ее имя неизвестно, а о самом князе Брячиславе сведения крайне фрагментарны. Неизвестны даты его жизни, а отчество Василькович рассматривается только в качестве гипотезы. Возможно, он в самом деле породнился с каким-либо из половецких правителей, что не было редкостью на Руси. Не совсем понятны мотивы такого союза для князя, владения которого находились далеко от степей, но очень сложно давать оценки, почти ничего не зная о биографии этого человека.

Как вариант, жена полоцкого князя могла ко времени свадьбы жить на Руси. Из данных ископаемой ДНК недавно стало известно, что на территории Владимиро-Суздальского княжества в середине XII – начале XIII века, в домонгольский период, жили выходцы из степных народов. Близ села Шекшово Ивановской области, в 20 км к северо-западу от Суздаля, было раскопано средневековое кладбище, на котором были похоронены люди в основном со славянской родословной (Peltola et al. 2023). Среди них находились могилы двух мужчин 25-35 лет, которые по Y-хромосомным и митохондриальным гаплогруппам попадали в круг народов, населявших в то время степную зону. По своим геномам они также сближались с ними. Они были похоронены по христианскому обряду, а потому едва ли считались посторонними для тех мест. Кем были те люди, неизвестно, но сам факт их обнаружения недалеко от одного из центров Владимиро-Суздальского княжества означает, что родственные связи со степными народами могли возникать и внутри Руси.

Следует рассмотреть еще один вариант, возможно, наиболее вероятный. Дмитрий Александрович мог быть сыном не от полоцкой или гипотетической половецкой княжны, а от другой жены Александра Невского, брак с которой скрепил союз с ханом Батыем и его родом. Институт династических браков вплоть до Нового Времени был важнейшим инструментом политики, и Русь не являлась исключением. В разделе «Ископаемые образцы» упоминался князь Бела Ростиславич, который по рождению мог претендовать на черниговский и венгерский престолы, и это один из десятков подобных примеров. Летописи ничего не сообщают о повторном браке Александра Невского, но то же самое касается многих других князей, в том числе его прадеда Юрия Долгорукого. Летописцы уделяли крайне мало внимания женщинам, особенно если их упоминания были «не полит корректны» с точки зрения идеологии составителя или заказчика летописи. Православная церковь

неизменно давала резко отрицательную оценку любым союзническим отношениям русских князей с «погаными», особенно после проповедей Сергия Радонежского. Факт родственных связей одного из самых почитаемых князей с династией Чингизидов не вписывался в идеологию, а потому почти не имел шансов попасть на страницы летописей. Между тем политические действия Александра Невского и возвышение его потомков дают основание считать, что между ним и правителями Золотой Орды существовали не только устные договоренности, но и более тесные связи. Вопрос требует дополнительной проработки, в том числе методами палеогенетики.

Наконец, число вариантов возрастает, если образец Nev2 принадлежит не Дмитрию Александровичу, а другому князю – потомку Всеволода Большое Гнездо. Гипотеза о родственных связях с правителями Золотой Орды в данном случае также остается основной. Высокий социальный статус князей из этого рода в сочетании с их многочисленностью давал преимущество в борьбе за власть тем, кто заключал выгодные брачные союзы с равными себе или даже более высокими по положению родами. Эта движущая сила неизбежно должна была привести к отношениям, о которых мы можем судить по результатам анализа ДНК для Nev2.

ВЫВОДЫ

В 2023 году, после нескольких лет поисков методом проб и ошибок, были опубликованы результаты исследования ископаемой ДНК XIII-XIV века, принадлежавшей человеку из рода Рюриковичей (Прохорчук и др. 2023). Образец, получивший название Nev2, относится к ветви VL11 из субклада N-Y10931. Из полученных данных следует, что 9 из 23 членов Дворянского Собрания из рода Рюриковичей, располагающие результатами тестов на Y-ДНК, являются потомками великого князя Киевского Ярослава Мудрого по прямой мужской линии. Это участники, у которых подтверждены снипы VL11 и VL12, с нисходящими от них VL14 и Y29761, а также участник с номером YF009219, у которого определен терминальный снип Y10931. Родословные остальных 14 Рюриковичей восходят к предкам, не находившимся в близком родстве с Ярославом Мудрым. В их числе «Ольговичи» из входящей в субклад N-Y10931 ветви VL15. Их общий предок с «Ярославичами» жил с VII-IX веке н.э., что не позволяет восстановить историю их рода по существующим письменным источникам. К тому же времени отодвигаются даты жизни родоначальника субклада N-Y10931, тождественность которого с летописным Рюриком вызывает вопросы. Результаты анализа митохондриальной ДНК и полного генома образца Nev2 (предположительно, сына Александра Невского, князя Владимирского Дмитрия Александровича) следует интерпретировать как свидетельство брачных союзов между русскими князьями и правящей элитой степных народов, в том числе времен Золотой Орды.

ЛИТЕРАТУРА

Прохорчук и др. 2023 - Жур К.В., Шарко Ф.С., Седов Вл.В., Добровольская М.В., Волков В.Г., Максимов Н.Г., Сеславин А.Н., Макаров Н.А., Прохорчук Е.Б. Рюриковичи: первый опыт реконструкции генетического облика правящего рода средневековой Руси по данным палеогеномики // Acta Naturae. 2023. Т. 15. № 3. С. 50-65.

Рожанский 2018 - Рожанский И.Л. Рюриковичи: данные Y-ДНК и возможные корни правящего рода Древней Руси // Исторический формат. 2018. № 3-4. С. 10-24.

Borbély et al. 2022 - Borbély N. et al. Investigation of the Genetic Ancestry of Béla of Macsó, an Árpádian Prince from Hungary // 28th EAA Annual Meeting. Budapest, 2022. September 1. Poster G.

Damgaard et al. 2018 - Damgaard P.d.B. et al. 137 ancient human genomes from across the Eurasian steppes // Nature. 2018. Vol. 557. S. 369-374.

Gnecchi-Ruscone et al. 2022 - Gnecchi-Ruscone G.A. et al. Ancient genomes reveal origin and rapid trans-Eurasian migration of 7th century Avar elites // Cell. 2022. Vol. 185. № 8. S. 1402-1413.

Hajdu et al. 2022 - Hajdu T. et al. Bioarcheological Analysis of the Possible Skeletal Remains of Béla, Duke of Macsó (13th Century AD) // 28th EAA Annual Meeting. Budapest, 2022. September 1. Poster C.

Margaryan et al. 2020 - Margaryan A. et al. Population genomics of the Viking world // Nature. 2020. Vol. 585. S. 390-396.

Mathieson et al. 2015 - Mathieson I. et al. Genome-wide patterns of selection in 230 ancient Eurasians // Nature. 2015. Vol. 528. S. 499-503.

Peltola et al. 2023 - Peltola S. et al. Genetic admixture and language shift in the medieval Volga-Oka interfluve // Current Biology. 2023. Vol. 33. S. 174-182.

REFERENCES

Borbély et al. 2022 - Borbély N. et al. Investigation of the Genetic Ancestry of Béla of Macsó, an Árpádian Prince from Hungary, in: 28th EAA Annual Meeting, Budapest, 2022, September 1, Poster G [in English].

Damgaard et al. 2018 - Damgaard P.d.B. et al. 137 ancient human genomes from across the Eurasian steppes, in: Nature, 2018, Vol. 557, pp. 369-374 [in English].

Gnecchi-Ruscone et al. 2022 - Gnecchi-Ruscone G.A. et al. Ancient genomes reveal origin and rapid trans-Eurasian migration of 7th century Avar elites, in: Cell, Vol. 185, № 8, pp. 1402-1413 [in English].

Hajdu et al. 2022 - Hajdu T. et al. Bioarcheological Analysis of the Possible Skeletal Remains of Béla, Duke of Macsó (13th Century AD), in: 28th EAA Annual Meeting, Budapest, 2022, September 1, Poster C [in English].

Margaryan et al. 2020 - Margaryan A. et al. Population genomics of the Viking world, in: Nature, 2020, Vol. 585, pp. 390-396 [in English].

Mathieson et al. 2015 - Mathieson I. et al. Genome-wide patterns of selection in 230 ancient Eurasians, in: Nature, 2015, Vol. 528, pp. 499-503 [in English].

Peltola et al. 2023 - Peltola S. et al. Genetic admixture and language shift in the medieval Volga-Oka interfluve, in: Current Biology, 2023, Vol. 33, pp. 174-182 [in English].

Rozhanskii 2018 - Rozhanskij I.L. Ryurikovichi: dannyie Y-DNK i vozmpzhnyie korni pravyashchego roda Drevnei Rusi [Rurikids: Y-DNA Data and Plausible Roots of the Ruling Clan of Ancient Russia], in: Istoricheskij format [Historical format], 2018, № 3-4, pp. 10-24 [in Russian].

Prohorchuk et al. 2023 - ZHur K.V., SHarko F.S., Sedov Vl.V., Dobrovol'skaya M.V., Volkov V.G., Maksimov N.G., Seslavin A.N., Makarov N.A., Prohorchuk E.B. Ryurikovichi: pervi opyt rekondtruktsii geneticheskogo oblika pravyashchego roda srednevekovoi Rusi [The Rurikids: The First Experience of Reconstructing the Genetic Portrait of the Ruling Family of Medieval Rus' Based on Paleogenomic Data], in: Acta Naturae, 2023, Vol. 15, № 3, pp. 50-65 [in Russian and English].

Рожанский Игорь Львович
– Кандидат химических наук, Академия ДНК-генеалогии (Цукуба, Япония).

Igor Rozhansky
– PhD in Chemistry, Academy of DNA Genealogy (Tsukuba, Japan).

info@dna-academy.ru

РУСЬ-АРТАНИЯ И СВЯЩЕННЫЙ ЦЕНТР ДРЕВНИХ РУСОВ

Л.П. Грот
Общество «Русский салон» (Лулео, Швеция)
e-mail: mail@histformat.com
ResearcherID: D-1052-2016
http://orcid.org/0000-0003-0184-1023
SPIN-код: 1768-1727

АВТОРСКОЕ РЕЗЮМЕ
В статье представлена авторская концепция локализации Руси – Артании (Арты) из восточных источников. Русь-Артания рассматривается как священный центр русов, связанный с Волосом, который в русской языческой традиции олицетворял древнюю сакральную традицию поклонения Солнцу как проявлению божества. Сам центр локализуется в Верхнем Поволжье на месте известного капища Волоса.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: Русь, Артания, божество Волос, сакральная традиция, язычество, поклонение Солнцу.

RUS – ARTANIA AND THE SACRED CENTER OF THE ANCIENT RUS

Lydia Grot
Society «Russian Salon» (Luleå, Sweden)
e-mail: mail@histformat.com

ABSTRACT
The article presents the author's concept of the localization of Rus – Artania (Arta) from eastern sources. Rus-Arta is considered as the sacred center of the Rus, associated with deity Volos, who in the Russian pagan culture personified the ancient sacred tradition of worshiping the Sun as a manifestation of the deity. The center itself is located in the Upper Volga region on the site of the famous pagan temple of Volos.

KEYWORDS: Rus, Artania, deity Volos (Veles), sacred tradition, paganism, Sun worship.

В данной статье будет показано, что три группы или три территориальных объединения русов (в зависимости от перевода источника на русский язык) из арабоязычных источников с рассказами арабоязычных авторов X-XII вв., содержат дополнительные доказательства о древних корнях русской истории в Восточной Европе. Эти доказательства на примере истории Руси-Артании/Арты и будут представлены в данной статье.

Сведения о трех группах русов, как известно, восходили к утраченной работе мусульманского ученого-энциклопедиста аль-Балхи (ок. 850 – 30-е годы X в.) «Карта климатов» и написанной, предположительно, в 20-е годы X века или чуть позднее. Сведения аль-Балхи дошли до нас в произведениях таких его последователей как аль-Истархи, Ибн Хаукаль и других географов X-XII вв. (Восточные источники 2009: 55). Согласно этим источникам, русы были многочисленным народом, подразделенным на три территориальных объединения (так А.П. Новосельцев переводил выражение «три вида русов» или «три группы русов»): Куйаба, Славия и Арса/Арта или Арсания/Артания. А.П. Новосельцев считал вариант написания Арта/Артания искажением правильного написания Арса, но думаю, он был неправ[1], поскольку название Арта имеет глубокий смысл в мировоззренческой традиции ариев и русов, о чем будет сказано ниже. Куйабу, как известно, отождествляют с Киевом, Славию – с областью ильменских славен и их главным городом – предшественником Новгорода, а относительно географической локализации Арсании/Артании/Арты выдвигалось множество разнообразных версий, о которых, по словам Б.А. Рыбакова, «написана необозримая литература» (Рыбаков 1993: 174).

Составители современной хрестоматии «Восточные источники» в рамках академического свода «Древнейшие источники по истории Восточной Европы» отмечали, что Арта/Арса (Артаб) упоминается в целом ряде мусульманских географических сочинений как столица одной из трех групп русов (или территориальных объединений). Авторами подчеркивается, что неясность

1 По словам академика О.Н. Трубачева, «сейчас преобладает чтение Арсанийа (ал-Арсанийя). На таком чтении можно было бы особенно и не настаивать, поскольку, по свидетельству специалистов, речь идет, в сущности, о приблизительной передаче недостаточными средствами русского письма и фонетики глухого межзубного согласного (= англ. th), и в неменьшей степени соответственно было бы оправдано более “старое” и традиционное чтение Артания» (Трубачев 2005: 155) – примечание редакции.

сведений о ней не позволяет однозначно отождествить её с каким-либо определенным топонимом. Среди наиболее известных идентификаций называют следующие: с мордовским племенем эрзя (К.М. Френ, Й. Маркварт), Великой Пермью (Д.А. Хвольсон), землями Окского бассейна (П. Смирнов), Тмутороканью (Г.В. Вернадский), Роднем близ Киева (Б.А. Рыбаков), Ростовом и районом Белоозера (А.П. Новосельцев, И.В. Дубов) (Восточные источники 2009: 55).

Восточные географы сообщали о том, что в Артании был свой правитель, который располагался в Арсе/Арте. Саму Арту (Артаб) никто из восточных географов описать не мог, поскольку чужестранцев туда не пускали, а тех, кто пытался туда проникнуть, убивали. Для торговли русы из Артании сами спускались вниз по воде. Торговали они драгоценными черными соболями, оловом и свинцом. Из Арты вывозили также очень ценные клинки для мечей и мечи, которые можно было согнуть вдвое, но как только отводилась рука, они принимали прежнюю форму. Русы вели торговлю с хазарами, Булгаром Великим и Румом (Византией). Русы граничили с северными пределами Рума и были так многочисленны и сильны, что наложили дань на пограничные районы Рума (Новосельцев 2000: 316-317).

Описания Арты у восточных географов наводят на мысль о том, что Арта была священным центром русов, закрытом для посторонних, куда допускались только приверженцы сакральной системы русов. Поэтому для того, чтобы идентифицировать Артанию/Арту, необходимо оставить попытки отождествить ее с каким-нибудь известным на сегодня топонимом и вместо этого заняться выявлением характера сакральной системы русов и вопроса о её пантеоне богов.

В одной из моих статей, посвященной теме происхождения Руси, было показано, что священная река Раса/Русь/Волга выступала как колыбель древних русов и как божественная праматерь (Грот 2020: 367-371). Исходя из этого, вполне допустимо предположить, что области вокруг Волги обладали статусом особо священных земель русов. Это восприятие закрепилось в народной традиции и было пронесено через тысячелетия с ведийского периода вплоть до рассматриваемого в статье времени X-XII вв. Первое упоминание Русская земля или Расатала встречается в «Махабхарате», которая связывает её с Русским Севером (Грот 2020: 371). Поэтому не совсем неправы те авторы (А.П. Новосельцев, И.В. Дубов), которые размещали Артанию на севере в землях Окского бассейна или в районе Ростова Великого (Восточные источники 2009: 55, 85). Но восточные географы сообщали также о том, что Арта/Артания русов граничила с севера с Византией (Новосельцев 2000: 316).

Следовательно, часть Арты должна была находиться где-нибудь в Причерноморье. Здесь стоит напомнить сообщения целого ряда исследователей о том, что на Черноморском побережье в Малой Азии античными и византийскими авторами локализовались река Артан и город Артане, предположительно, в Вифинии, куда в 762 году переселялись славяне с Балкан (Вернадский 1996: 300; Ламанский: 1-6). Сергей Лесной, основываясь на этих топонимах, даже отождествлял данную местность с Артанией русов у восточных авторов (Лесной 1957: 585). Д.И. Иловайский считал, что Артания есть русская Тмутаракань или Азово-черноморская Русь (Иловайский 1996: 53-54). А.И. Соболевский размещал третью группу русов на Таманском полуострове, но город Арту искал в Крыму (Соболевский 1929: 57).

Эти взгляды подкреплялись наличием в Причерноморье топонимики с корнем рус-/рос-. О них писали такие ученые, как О.Н. Трубачев и археолог Д.Л. Талис. О.Н. Трубачев, исследовав большое количество топонимов с корнем рос в Северном Причерноморье и Крыму, напомнил, что в низовьях Днепра, на восточном берегу Керченского пролива и в Юго Западном Крыму античные и ранневизантийские авторы упоминают массу названий с этим корнем, а рядом с Таматархой (Тмутараканью) в начале II тысячелетия н. э., по сообщению византийских источников, находился и город Русия (Трубачев 2005: 131-188).

К этому важно присовокупить также исследования А.Г. Кузьмина топонимики с корнем рос в Северном Причерноморье и Крыму и выводы московского археолога Д.Л. Талиса о существовании росов в Крыму на основе анализа таких топонимов в Крыму как Rossofar (варианты: Rosofar, Roxofar), как местность Rossoca, Rossa (ныне Тендерская коса), топонима «Росия», а также ряд топонимов с корнем «рос» в Приазовье – Rosso вблизи устья Дона и Casale dei Rossi к югу от Азова, Росия – Боспор (Талис 1974: 87-99; Кузьмин 2003: 243-267). Названные топонимы связывались с присутствием русов в Причерноморье.

Однако главным топонимом с корнем рас/русь являлась все-таки Волга или Раса/Русь. И некоторые авторы именно там размещали Арту/Артанию (Восточные источники 2009: 85). Тогда получается, что Арта/Артания была не одна?

Здесь надо принять во внимание, что Поволжье – важнейший священный ареал для русов – в период с первых веков н.э. явилось областью, куда из-за Уралья и Сибири стали мигрировать сначала носители финно-угорских языков, а затем кочевые, преимущественно, тюркоязычные народы, иногда образовывавшие в Поволжье или в степях Северного Причерноморья свои политии, которые существовавали пару-другую столетий и затем рассыпались под влиянием как внутренних, так и внешних факторов. Поэтому с первой трети – середины первого тысячелетия области русов, освоивших Поволжье с III-II тыс. до н.э., оказывались на какое-то время разделенными географически, но продолжали быть связанными сакральными, языковыми и другими культурными традициями – вернемся к их исследованию.

Рассмотрим эти традиции через анализ такого понятиея как арта, поскольку Арта – это не просто топоним из восточных источников, а сложное мировоззренческое понятие, хорошо известное из паматников ведийских и авестийских ариев.

Арта (др.-перс. Arta 'закон, право, священное право', авест. aša ← arta) – древнеиранский вселенский закон и основной закон мироздания (Иванов 2014: 149). Кроме того, Арта – это теоним или имя божества, сына Ахурамазды – творца и создателя всех вещей в зороастриз-

ме, а также образ духа огня и функция этого божества. Помимо этого арта означает и наилучший распорядок, и справедливость, и правдивость, и благое поведение (Брагинский 1983: 252).

В древнеиндийской философии термин арта известен как рита. Он образован от того же древнейшего индоевропейского корня rta/rt и также означал вселенский закон. Переводчица и исследовательница Ригведы Т.Я. Елизаренкова писала о рите/рте как одном из ключевых понятий ведийской модели мира: «Слово rta- ... как имя существительное означало ”вселенский закон”, ”божественная вечная истина”, ”право”, ”правда”, ”святость”, ”благочестивое дело”, ”жертвоприношение”, ”жертвенный костер”, ”жертвенный напиток”, ”место жертвоприношения”» и т.д. Скорее всего, считает Елизаренкова, здесь имело место одно общее значение вселенского закона и всего, что ему соответствует, а отсюда уже значение правильности и праведности, приложимое к разным сферам деятельности богов и людей (Ригведа1989: 513).

Известный востоковед Л.А. Лелеков подчеркивал, что Арта считается центральным понятием индоиранской религиозной идеологии вообще, поскольку термин представлен и в арийской традиции как Рита, и в древнеиранской как Арта (Лелеков 1992).

Изначальный термин арта/рита, трансформируясь и переосмысливаясь в процессе развития, стал лоном для целого ряда понятийных систем в различных индоевропейских языках и породил за тысячеления удивительный спектр важнейших понятий.

Для нас особый интерес представляет тот факт, что представления о вселенском законе ариев имеют свой аналог и в древнерусской традиции, поскольку рита/арта сопоставима с древнерусским понятием рота (тот же корень rta/rt) – совершенно особым по священной значимости обетом, в православии сменившимся крестным целованием, также по своей значимости превосходившим другие клятвы и присяги.

Но если арийские понятия арта и рита достаточно хорошо изучены в науке, в том числе и в российской науке, то их древнерусское соответствие рота к обстоятельному научному исследованию привлекалось мало. Практически неисследованной остается связь древнерусской роты со вселенским законом (Серяков 2001: 500-530).

О значении роты в древнерусской культуре прекрасно сказано в одной из работ исследователя традиционной дохристианской культуры А.Е. Федорова: «Главным нравственным законом в русской, индийской, древнеиранской культуре является Вселенский Закон Правды/Истины, именуемый в славянских языках ”рота”, в санскрите ”рита”, в иранских языках ”арта”... Слова Св. князя Александра Невского: ”Не в силе Бог, но в Правде” – именно и выражают этот закон. Аналогичные представления мы находим в ”Энциклопедии Индийской культуры” – Махабхарате – ”На чьей стороне правда, на той и будет победа” (Махабхарата, кн. 6, 2.9 – 14)» (Федоров 2017: 145-175).

Термин рота известен по различным русским произведениям, таким, как летописи, юридические памятники, поучения против язычества и др. Рассмотрим, какие значения слова рота зафиксированы в словарях.

В словаре И.И.Срезневского приводятся следующие значения для слова рота:

Рота – клятва, присяга, клятвенное удостоверение.

– Азъ Святослав, князь руский, яко же кляхъся, и утвержаю на свѣщаньѣ сем роту свою: хочу имѣти миръ и свершену любовь со всякимь великим царемъ гречьскимъ, съ Васильемъ и Костянтиномъ, и с богодохновеными цари, и со всѣми людьми вашими и иже суть подо мною Русь, боляре и прочии, до конца вѣка. – Пов. вр.л. 6479 г.

Водити = вести ротѣ = къ ротѣ = в ротѣ – приводить к клятве, к присяге.

– Твои сли водили суть царѣ наши ротѣ, и нас послаша ротѣ водить тебе и мужь твоихъ. – Пов.вр.л. 6453 г.

– Заводиша его к роте и целова крест. Пск.I л. 6567 г.

– Заутра призва Игорь слы, и приде на холмъ, кде стояше Перунъ, и покладоша оружье свое, и щиты, и золото, и ходи Игорь ротѣ и люди его, елико поганых Руси; а хрестеяную Русь водиша ротѣ в церкви святого Ильи, яже есть надъ Ручаемъ.. – Пов.вр.л.6453 г.

Роте възимате – заключить договор.

– Хощем с тобою ряд положити межи собою и внидем в роту. Ип.л.6680.

Ротьница – место клятвы, место принесения присяги.

– Се бо вам не ротница создана (церковь), но молитвѣ домъ. – Собр.сл.четвородес. и воскрес.дни XVII в. сл. 10. нед. (Оп.2 III. 105)

(Срезневский 1912: 176).

В словаре прот. Г. Дьяченко приводятся сходные значения для слова рота, такие, как божба, клятва, присяга, а выражение «роте водити» толкуется как приводить к присяге. Но помимо этого Г. Дьяченко объясняет, что в Библии это слово переведено в одних листах как вера, а в других как клятва. Но так как, добавляет Дьяченко, «по принятии нашими предками христианства роту утверждали целованием креста, то и стали называть ее крестным целованием. Потом видя, что это выражение неудобно для иноверцев, говоря о христианах, стали писать клятва, а для язычников и магометан приняли название шерть и куран; наконец, вместо слова клятва вошло в употребление польское присяга (Успенский, Опыт повествования о древностях русских, 1818 г., ч. II, с. 496-497)» (Полный церковнославянский словарь 1899: 557).

Как видно из приведенных примеров, древнерусская рота разъясняется упрощенно, явно исходя из ее значений, оставшихся от более поздних времен. Но использование при переводе библейских текстов такого значения как вера говорит о том, что русская рота в древности имела более глубокое мировоззренческое значение, сравнимое с арийскими арта и рита.

А ротница как вариант этого слова вызывает в воображении не просто некое абстрактное место, а храм. В исследованиях А.Е. Федорова и А.В. Рачинского подтверждается наличие дохристианских храмов в русской истории. В одной из своих книг они пишут: «О том, что славяне ещё до принятия христианства имели соб-

ственную традицию строительства храмов и устроения обособленного от окружающего мира сакрального пространства, говорят также данные филологии. Так, исконно славянское слово ”храм”... в польском языке – ”chram” [храм] – служит для обозначения именно языческого храма, капища»… у славян в дохристианский период существовало большое разнообразие типов сакральных зданий (храмов)… также, как у ведических арьев» (Рачинский, Фёдоров 2016: 13).

Для данной статьи древнерусская рота интересна тем, что на языковом уровне весь ряд понятий рита/арта/рота без всяких натяжек созвучен интересующему нас названию Арты/Арсы русов в описаниях мусульманских географов. Но из всего многообразия его значений здесь необходимо выбрать те, которые помогут решить проблему с локализацией Арты/Артании русов.

Прежде всего следует обратить внимание на то, что лексическое выражение идеи вселенского закона стало лоном для рождения теонимов. Выше было указано, что в авестийской традиции Арта стала и именем божества – сына Ахурамазды. Кроме того, Арта вошла как именной компонент в ряд антропонимов, носителями которых часто бывали царственные особы, а также и в ряд топонимов, обозначавших важные населенные пункты – культовые центры, места пребывания правителей. Так, на Востоке мы знаем персидских царей Артаксексов, шахов Ирана Арташиров из династии Сасанидов, парфянских царей Артабанов, правителей Армении с именем Арташес (гр. Артаксий) и одну из их столиц Арташат (Артаксаты).

Но до сих пор мало обращалось внимания на то, что Арта стала частью такого теонима как Артемида. Правда, считается, что этимология имени этого божества остается неясной. Но этимологию теонима Артемида безуспешно пытались вывести из древнегреческого, поскольку исходили из убеждения, что культ Артемиды распространялся из Греции. На мой взгляд, в теониме Артемиды первый компонент этого имени совершенно очевидно выступает как арта- и в силу этого обнаруживает связь с арийскими ритой или артой, а также и древнерусской ротой.

В одном из изданий «Мифологического словаря» в качестве легенды приводится мнение о том, что культ Артемиды был перенесен в Грецию из Крыма, поскольку Артемида была известна и под именем Артемиды Таврополы, а это связывает богиню с древним названием Крыма Таврика. Но правдоподобие этой версии отрицается на том основании, что имя Артемиды (a-ti-mi-te) (Предметно-понятийный словарь 1986: 141) было зафиксировано в Греции в надписях микенского времени, а в ту эпоху, по убеждению ученых, у греков не было никаких отношений с Крымом (Мифологический словарь 1965: 35).

Подобное заявление отражает явно устарелые взгляды, поскольку исходит из представления о том, что отношения Греции с Крымом – это отношения, которые могли быть созданы греческими колонистами в Причерноморье, а в микенское время греческих колоний в Причерноморье не было. Однако современные знания о миграциях ариев из Восточной Европы в южных направлениях (Клёсов 2016: 127-156) позволяют предположить, что данные миграции вполне могли быть и путем распространения культовых традиций из Крыма в Грецию, а не наоборот.

Поэтому мысль о том, что культ Артемиды зародился в Восточной Европе и оттуда распространился в Грецию в ходе миграций ариев, сейчас не может отбрасываться без дополнительных исследований. Тем более, что Артемида считалась покровительницей амазонок, а мифы размещают амазонок как в Малой Азии, так и в районе Меотиды, т.е. в Приазовье.

Теоним Артемиды Таврополы интересен здесь тем, что он связывает богиню не просто с Таврикой, а с именем тавров – древнейшим населением Таврики или Крыма. Археологические памятники относят тавров к срубной культурно-исторической общности поздней бронзы. Считается, что этническое происхождение тавров неизвестно. На мой взгляд, название тавров является не этнической, а культовой или конфессиональной характеристикой. Прозвище богини Артемиды Таврополы происходит от таврос – бык. А бык/буйвол в арийской мифологии – одно из зооморфных воплощений верховного божества, выступавшего как в мужской, так и женской ипостаси (Альбедиль 2009: 29-46).

Следовательно, тавры – это просто приверженцы культа Артемиды Таврополы. Этнически же, согласно вышеприведенной топонимике – арии и русы. И это является дополнительным подтверждением присутствия русов в Крыму с древних времен, как считали некоторые исследователи (Трубачев 2005: 131-188; Беззаконов, Жих 2021: 9-58; 2021а: 78-124).

Но для данной статьи интерес представляет и другое прозвище Артемиды – Брaврония или Медведица. С этим прозвищем были связаны медвежьи культы, во время отправления которых жрицы Артемиды надевали медвежьи шкуры и исполняли культовую пляску медведей. Связь теонима Артемида Брaврония с Крымом видится в выявленной О.Н. Трубачевым северо-понтийской изоглоссе hartagga- «медведь». Хорошо известна концепция О.Н. Трубачева об индоарийском характере языка крымских тавров (Трубачев 2005: 131-188). Медведица считалась одним из культовых животных Артемиды, следовательно, – одной из ипостасей богини, что соединяло воедино образ Брaвронии Медведицы и самой богини, а также – их имена с древними медвежьими культами.

Здесь представляется небезинтересным оговориться, что любопытным косвенным доказательством связи Артемиды Брaвронии с Крымом может послужить, на мой взгляд, рассказ из «Жития святого Стефана Сурожского» (дата смерти 767 г.) о русском князе Брaвлине (Брaвалене, Боравлене), который с великой ратью русской пришел из Новагорода и захватил всю прибрежную полосу Крыма между Корсунем / Херсонесом и Керчью и взял приступом Сурож/Судак (Васильевский 1883: 77-98).

Этот рассказ до сих пор вызывает споры и разногласия в науке, поскольку его сюжет сложно уместить в привычные рамки. Сторонникам норманистских концепций не удается подобрать удовлетворитель-

ные «германские» этимологии для княжеского имени Бравлин, а их оппонентам затруднительно привязать Новгород у ильменских славян к походу князя Бравлина в Крыму. Я как историк вижу в имени таврического князя Бравлина реликт древнейшей антропонимики, унаследованный в рамках культа Артемиды Брауронии, сохранившийся в именослове местных правителей вплоть до второй половины первого тысячелетия н.э. как сохраняется жизнь минувших эпох в капле янтаря. А Новгороды / Неаполи были и у тавров-русов.

Культ Артемиды Брауронии / Медведицы, по моим предположениям, может помочь найти связь с интересующей нас древнерусской сакральной традицией Арты / Артании. Эта связь проступает как в родстве понятий арта и рота, так и в прозвании Артемиды Брауронией / Медведицей, от которого тянется нить к медвежьим культам, зафиксированным и в русской истории. Раскрытие взаимодействия между древнерусской ротой и медвежьими культами в русской истории подведет и к решению задачи о локализации Арты / Артании русов.

В прозвании Артемиды Брауронией / Медведицей отразилась, как уже указывалось выше, традиция архаичных «медвежьих культов». Поклонение медведю как сакральному персонажу уходит в глубокую древность. Исследование культа медведя в мировой культуре говорит о его распространении у многих народов в разные эпохи. Исследовательница культа медведя в русском прикладном искусстве А.Ю. Майничева отмечает, что данные многих мифов и поверий свидетельствуют о том, что медведь был одним из животных, соотносившихся с богом земли: «Медведь – самая древняя ипостась бога земли, а также символ божества вообще» (Майничева 2000: 90-91).

Временем зарождения «медвежьих культов» принято считать мустьерскую эпоху или завершение нижнего палеолита, а наиболее древними святилищами – знаменитые мустьерские «медвежьи пещеры» или своеобразные медвежьи кладбища, в которых медвежьи кости составляют 95-99% всех костных останков, количество же особей в одном пункте доходит до 1000 медведей. Древнейшими из таких кладбищ являются медвежьи пещеры в Альпах, Северном Причерноморье и на Кавказе с явно ритуальными захоронениями медвежьих черепов и лап (Рыбаков 1997: 128-137).

На территории России следы медвежьего культа прослеживаются несколько позднее. В изобразительном творчестве восточноевропейского Севера и в Сибири «медвежья тема» как отражение медвежьего культа появилась, на исходе каменного века. Одним из известных погребений, где обнаружены медвежьи останки, является неолитическое погребение Оленеостровского могильника на острове Оленьем в Онежском озере: там было найдено 157 клыков медведя от 55 животных (Косинцев 2000: 4-9).

Важность культа почитания медведя подчеркивается тем, что в погребальных и культовых комплексах находятся также изображения животного из глины, кости, камня и дерева. Археолог А.В. Табарев называет великолепные неолитические ретушированные изображения медведей со стоянок в Архангельской области, у реки Зимняя Золотница (впадает в Белое море) и Бесовы Следки у Беломорска (Табарев 2000: 10-14).

Наиболее ранние изображения медведя на территории Западной Сибири относятся к эпохе неолита. Обнаружены изображения медведя в композиции из Узунгура на Горном Алтае и в других районах Южной Сибири, датированные эпохой неолита-ранней бронзы (Черемисин 2000: 19-22).

Особо яркие свидетельства медвежьего культа как особой формы верований обнаруживаются в Восточной Европе, начиная с эпохи бронзы.

Традиции этого культа сохранялись у многих земледельческих народов на протяжении тысячелетий и ярко проявляли себя даже в XIX в. Б.А. Рыбаков приводил сведения историка и археолога В.С. Передольского о том, что в окрестностях Новгорода в неолитических слоях часто встречались «пальцевые кости медвежьей лапы, зарытые в одну яму с костями человека» (Рыбаков 1997: 135).

О медвежьем культе бронзового века на территории распространения фатьяновской культуры (археологическая культура втор. пол. III — сер. II тысячелетия до н. э. на территории Ивановской, Владимирской, Нижегородской, Московской, Тверской, Смоленской, Калужской, Костромской, Тульской, Орловской, Ярославской, Новгородской областей, Чувашии и Татарстана) писал Д.А.Крайнов. Им обнаружены ритуальные захоронения медведей в фатьяновских могильниках и амулеты из медвежьих когтей или имитирующие медвежьи когти (Крайнов 1972: 142). Черты медвежьего культа видны в дьяковской культуре VII в. до н.э. – V в. н.э. на территории Тверской, Вологодской, Московской, Ярославской и Смоленской областях.

То же самое можно сказать о юхновской культуре (археологическая культура железного века V в. до н. э. — II в. до н. э. на территориях Черниговской области, а также Брянской, Курской и Орловской областей). В монографии Б.А.Рыбакова рассказывается о раскопках святилища «Благовещенская гора» (Брянская область, село Вщиж), относящегося к юхновской культуре. В этом святилище у полукруга деревянных идолов было найдено жерло большого ритуального сосуда, оформленного в виде медвежьей головы. Необычный сосуд предназначался, по мнению Б.А. Рыбакова, для жертвенной крови, и именно медвежьей, о чем недвусмысленно говорит выразительно вылепленная голова зверя (Рыбаков 1997: 141).

На Русской равнине традиция медвежьего культа демонстрирует историческую непрерывность вплоть до XIX в., и наиболее полно она отразилась в русской культуре. Для данной статьи важно выяснить причину такого долгожительства.

Одним из специфических проявлений медвежьего культа в русской традиции был культ медвежьей лапы. Многочисленные сведения о культе медвежьих лап в Верхнем Поволжье были собраны Н.Н. Ворониным. Среди них упоминаются находки глиняных моделей медвежьих лап в славянских курганах Поволжья и Приладожья (Воронин 1960: 48-50).

Русский сказочный фольклор изобилуетт рассказами о медвежьей лапе. Одной из популярных сказок является сказка о том, как мужик отрубил лапу медведю и отдал ее жене, а медведь сделал себе липовую лапу и придя в избу, съел старика со старухой. Медвежью лапу под названием «скотьего бога» подмосковные крестьяне использовали в качестве оберега для охраны скота еще в начале XX в. (Рыбаков 1997: 136). А «скотьим богом», согласно Повести временных лет (ПВЛ), величался Волос («Да имъемъ клятву от бога, в его же веруемъ – в Перуна и в Волоса, скотъя бога»).

Таким образом, медвежья лапа, прозываемая «скотий бог», являлась атрибутом древнерусского божества, скрытого за иносказательным прозванием Волос. Следовательно, медвежий культ в русской традиции, прослеживаемый с эпохи бронзы, был связан с божеством Волоса, в русской истории олицетворявшего древнейшую сакральную традицию поклоняться Солнцу как проявлению божества. О связи Волоса с солнцем мы узнаем из летописного рассказа о каре, которая постигнет преступившего клятву, данную именем Волоса: «Да будемъ золоти, яко золото», что обычно переводится, как «да пожелтеем, как золото» (Повесть временных лет 2007: 34).

Золото известно как один из символов Солнца. Трансформацией архаичных медвежих культов в мощную сакральную систему поклонения Солнцу в образе божества у древних русов и ариев и объясняется долгожительство медвежьего культа у русских. Идолы Волоса известны от северорусских земель до Владимиро-Суздальской и Ростовской земель вплоть до X-XI вв.

В образе Медведя как персонажа медвежьих культов и в образе божества Волоса легко обнаруживаются общие черты. Волос – это иносказательное прозвание древнего божества, заменявшего его табуированный теоним. Само имя Волоса ассоциируется с понятиями волохатый или волосатый (Иванов, Топоров 1974: 52-53; Рыбаков 1997: 142).

И медведь также имел много иносказательных прозваний для замены его табуированного имени, среди которых были такие как «мохнатый», «волосатый», «косматый черт» (Гура 1995: 257). Основной чертой ряда мифологизированных персонажей, связанных с Волосом, таких как былинные герои Волх Всеславьевич и Вольга Буслаевич/Святославьевич, являлась их способность к перевоплощению (Иванов, Топоров 1995: 108-110).

Медведь в народной традиции также наделяется свойствами оборотничества и провидца: староверы Сибири считали, что медведь – вещий зверь, наперед все знает (Болонев, Фурсова 2000: 85).

Для данной статьи важно подчеркнуть, что в русской традиции божество Волоса имело и женскую ипостась (Грот 2013). От женского воплощения Волоса остался, например, образ Волосынь – так именовалось в русской традиции созвездие Плеяд. По народному поверью, имелась связь этого созвездия с медвежьим культом: сияние Волосынь предвещало хорошую охоту на медведя. По мнению Иванова и Топорова, Волосыни, могли пониматься как астрализованный образ женщины и толковаться как жены Волоса (Иванов, Топоров 1995: 107-108).

Согласно моему предположению, культ Волосыни Медведицы, как нить Ариадны, может вывести нас к сакральному центру русов Арты/Артании из восточных источников. Но для его отыскания бесполезно, как уже указывалось выше, подгонять русские топонимы под название Арта, ведь это написание в мусульманских географических сочинениях соответствует древнеперсидским или древнеиранским нормам произношения и написания, а в других языковых системах оно может приобретать иные формы. К тому же реальные сакральные названия древнерусских культовых центров могли выступать и как эвфемизмы для замены табуированного имени божества. Поэтому для отыскания Руси Артании более продуктивно идентифицировать места отправления культа Волосыни Медведицы.

Культ Волоса, как сказано выше, был распространен по всем восточноевропейским землям. Но для данной статьи не может быть интересно Поднепровье, так как там доминировал Киев/Куявия. А на северо-западе в качестве центра была известна Славия, предтеча Новгорода. Поэтому поиски будут направлены в Верхнее Поволжье, в г. Ярославль, предистория которого связана с известными капищами Волоса, причем Волоса в его женской ипостаси. Исследователь фатьяновской культуры Д.А. Крайнов во многих своих работах писал о том, что культ Волоса в Ярославском Поволжье был тесно связан с почитанием медведя: «От поколения к поколению передается предание о том, что на вершине холма стоял деревянный идол ”Волосу” по имени которого и деревня носит название Волосово. Вероятно, фатьяновцы поклонялись богу Волосу. О вероятности данного предположения свидетельствуют многочисленые факты, связанные с существованием у фатьяновцев культа медведя» (Крайнов 1964: 68-83).

В качестве примера, подтверждающего сказанное, приведем один из вариантов сказания о начале Ярославля, где рассказывается о том, что князь Ярослав, будучи князем Ростовским, охотился в устье Которосли и там «встретился с превеликою медведицей, с которой вступя в бой, убил её сам один». Место ему понравилось, и вскоре он снова прибыл сюда с мастерами и «заложил город рубленною стеною, назвав в своё имя — Ярославль» (Ленивцев 1827: 7-10). Легко догадаться, что за образом «превеликой медведицы» скрывается жрица местного медвежьего культа, а за ее «убийством» – факт подчинения местного населения власти князя.

Это сказание интересно дополнить другой легендой, записанной Самуилом / Симеоном Мисловским (1731-1796), архиепископом ростово-ярославским, меценатом, собирателем ярославских письменных древностей: «И се бысть селище, рекоша Медвежий угол, в нём же насельницы человецы, поганыя веры – языцы, злы суще… Идол, ему же кланяетеся сии, бысть Волос, серечь скотий бог. И сей Волос, в нём же бес живя, яко и страхи мноз» (Лебедев 1877: 7).

Поселение Медвежий угол, жителей которого Ярослав подчинил своей власти, находилось на берегу реки

Медведицы, а в бывшем устье Медведицы известно Медведицкое городище I тыс. до н.э.

Итак, согласно русским источникам, крупнейшее капище Волоса в его женской ипостаси, находившееся в Верхнем Поволжье, было низложено князем Ярославом где-то в начале XI в. А восточные источники ещё как минимум в X в. говорят о закрытом сакральном центре русов, называемом согласно нормам древнеперсидского языка Арта, куда чужестранцы не допускались под страхом смерти.

Повторюсь еще раз и подчеркну, что объяснение удивительному долгожительству культа Волоса/Медведя или Волосыни/Медведицы в русской традиции кроется в том, что Медведь/Медведица выступали в нем как зооморфные образы Солнцебожества и стояли в центре мощной сакральной системы, сменившей неолитические культы охотничьей магии. Теперь необходимо рассмотреть такой фактор, как необыкновенно широкий ареал распространения этой сакральной системы.

Традиция поклонения Солнцебожеству известна с эпохи бронзы и являлась главным культом у носителей ИЕ или древних ариев и русов. Известно, что в Южной Сибири и Центральной Азии эта традиция распространилась в ходе арийских миграций, поскольку у аборигенного населения Центральной и Восточной Азии главным культом был культ Земли (Скрынникова 2000: 3; Батоева, Галданова, Николаева, Скрынникова 2002: 158-162).

Но традиция поклонения Солнцебожеству была известна и саамам Кольского полуострова. По моим наблюдениям, она возникла явно под влиянием древнерусской традиции (Грот 2011: 37-38).

Широкая распространенность традициии поклонения Солнцу как проявлению божества отразилась в русских былинах о Подсолнечном царстве, т.е. о царстве под охраной великого Солнцебога (Грот 2019а: 133-143).

Именно благодаря этой традиции былинный князь Владимир прозывался Владимиром Красное Солнышко, и было это не в силу проявления ласкового отношения к нему народа, а для подчеркивания его конфессиональной характеристики – поклонения Солнцебогу, олицетворявшего систему дохристианских верований (Грот 2020а: 1-9).

Солнцебог мыслился во многих зооморфных образах. Наиболее известными являлись олень/лось, лебедь, конь – эти воплощения солнца достаточно хорошо исследованы в соответствующей литературе. Но на связь солнца и медведя, как представляется, обращалось меньшее внимание, однако медведь в древнерусской традиции поклонения Солнцу в образе божества и в аналогичных традициях многих народов России играл большую роль.

Значимость божества, слившегося с образом медведя, проявилась в наделении его небесной проекцией и в космогонических представлениях о «звездных медведях», отразившихся в названиях созвездий Большой и Малой Медведиц. У русских под именем Большой Медведицы выступала Кола, а имя Колы через праздник зимнего солнцеповорота Коляду олицетворяло, по моему убеждению, также и древнерусские традиции поклонения Солнцу в образе бога (Грот 2009: 56-65).

Астральная проекция «солнечного» Медведя в русской традиции подтверждалась связью медведя с календарными датами солнцеворота. На Воздвижение (14/27.IX) Медведь ложится в берлогу. Среди зимы, на Спиридона-солнцеворота (12/25/12) или на Ксению-полузимницу (24/1/6.II) Медведь поворачивается в берлоге на другой бок, а встает на Благовещение (25/III/7.IV) или на Васильев день (12/25. IV). (Гура 1995: 257).

У старообрядческих семей Забайкалья сохранилось поверье, что медведь «знал» середину зимы: «Крестьяне верили, что медведь спит на одном боку, а переворачивается на другой, когда половина зимы миновала» (Болонев, Фурсова 2000: 85).

Поворот зимы на весну – важнейшая дата для всех приверженцев Солнцебога, посвящавшаяся у русских Коляде – празднику зимнего солнцеповорота. Олицетворение зимнего солнцеповорота в виде поворота медведя на другой бок отражает древнейший образ народных представлений, в котором запечатлелась связь между традицией поклонения Солнцу в образе бога и медвежьими культами, что в древнерусской традиции передаётся симбиозом имён Большой Медведицы и Колы.

Существенным в этой связи является тот факт, что аналогичные метафоры, сближающие время зимнего солнцестояния и традиции медвежьих культов, можно проследить в культуре части народов Сибири. Например, у обских угров в период зимнего солнцестояния начинался медвежий праздник, который продолжался вплоть до весеннего равноденствия (Молодин, Октябрьская, Чемякина 2000: 28).

У хакасов сохранилось очень архаичное название февраля как «месяца медведя», связанное с поверьем о том, что в феврале медведь переворачивается в берлоге на другой бок (Бутанаев 2000: 66). Несовпадения в примерах из угрских и хакасских традиций не должны препятствовать рассмотению их в рамках родственных солярных культов, поскольку обе традиции используют сходные мифопоэтические метафоры, связывающие определённую календарную фазу с «медведеповоротом».

Сведения о связи образа медведя с солнцем сохранились и у саамов. Об этом рассказывает следующая саамская легенда. Однажды Солнце похитило жену сказочного существа Найнаса, и похищенная женщина стала женой Солнца. От этого брака родилась дочь, которая вышла замуж за земного человека, за пастуха. Через какое-то время молодожены решили подняться к Солнцу. Солнце встретило их, подъезжая на олене. Солнце согласилось оставить зятя у себя, но дало ему поручение совершать объезд вокруг земли, при этом с рассвета до полудня езда должна идти на медведе, с полудня до вечера – на олене-самце, а остаток дня на оленихе-важенке. Зять так и сделал, и с тех пор, согласно легенде, день начинается с того, что солнце начинает объезжать мир и едет либо на медведе, либо на олене (Харузин 1890: 144, 198). На примере этой легенды видно, что в качестве зооморфных символов солнца у самов выступа-

ли олень, известный в этой роли в арийской и русской мифологии, а также медведь, получивший «солнечный» статус через древнерусскую традицию.

Но астральные проекции Медведя не исчерпывали его культовой значимости. В словаре В.И. Даля урман, урманный является одним из многочисленных названий для медведя. Представляется, что урман в значении ‘дремучий лес’ является вторичным относительно значения ‘медведь’, поскольку лес – это среда обитания для медведя, которого именовали также ‘лесник’, ‘лесной черт’, ‘хозяин тайги’ или характеризовали через поговорки: «хозяин в дому, что медведь в бору» и др. Следовательно, Медведь наделялся в русской традиции и статусом «хозяина» земного мира.

Кроме того, в поверьях разных народов медведь обладал чертами мифического змея – хозяина нижнего, подземного мира. Майничева отмечает, что в ряде русских сказок образ медведя замещает в ролевом отношении Кощея – повелителя преисподней (Майничева 2000: 91).

Таким образом, медведь – урман выступал в русской традиции как повелитель трех миров: небесного, земного и подземного/нижнего. И это опять возвращает нас к древнерусскому божеству, известному под теонимом Волос.

В древнерусском мировоззрении Велес/Волос также воспринимался как всемогущий владыка, объединявший под своей властью три сферы вселенной: повелитель потустороннего мира (например, Волх как «лютый зверь коркодил» в реке Волхов из «Сказания о Словене и Русе», самим именем связанный с Волосом), покровитель скота и владыка аграрной магии и плодородия почвы, которого надо было умилостивлять («Волосу на бородку» оставляли несколько несжатых колосьев), и олицетворение небесного мира божественного солнца (Грот 2013а).

По моему заключению, поклонение божеству Волосу отразилось в таком уникальном источнике, как произведения пермского звериного стиля, а один из его сюжетов – медведь в жертвенной позе – представляет дохристианскую иконографию данного божества. Сюжет медведя в жертвенной позе был распространен от Западной Сибири до Прикамья (Грот 2016).

Анализ упомянутых источников дает основания предполагать, что территория нашей страны, и в древности полиэтничная по составу, скреплялась общей духовной культурой надэтнического характера, что явилось фундаментом совместной жизни уже в древности. И центром этой культуры и ее всемогущим владыкой было божество, скрытое за именем Волоса и олицетворявшее всесильного Солнцебога. Историческая достоверность данных рассуждений может быть подкреплена целым рядом примеров.

Они будут касаться такого известного феномена как медвежья присяга – особого явления в традиционной культуре народов России, в рамках которого в качестве ритуальных предметов использовались медвежья лапа или голова медведя и которое, по наблюдениям учёных, широко бытовало в разных вариантах у многих народов Сибири, включая и русское староверческое население Сибири (Болонев, Фурсова 2000:84-89; Люцидарская 2000: 78-80).

Приведу несколько примеров из исследований, посвящённых медвежьей присяге/клятве.

Медведь у сибирских угров, – хантов и манси, – согласно выводам А.А. Люцидарской, один из самых значимых персонажей в картине мира, который выступал как хранитель клятвы и первопредок, как безжалостный судья, не признающий никаких компромиссов, «ибо таково явленное свыше назначение ”священного деда” – первопредка, следящего за соблюдением законов бытия» (Люцидарская 2000: 53, 82).

В системе традиционной культуры обских угров, элементы которой отразились в медвежьих праздниках, во время медвежьего праздника медведь представлялся живым и более того, человеком – родственником: человек – это шкура с неободранными лапами и головой, а разделанная туша – это зверь, носитель пищи. По наблюдениям исследователей, на р. Конда танцоры обряжались в медвежью шкуру и подражали походке зверя. В этом ритуале, по мнению В.М. Кулемзина, отразились представления о теле как носителе жизни. Широко известна у обских угров клятва на медвежьей лапе. Предполагалось, что ложно присягнувшего ждёт заслуженная кара. В качестве семейного оберега в прошлом в жилище или на чердаке хранили медвежий череп, над детской колыбелью подвешивали коготь или клык этого зверя (Кулемзин 2000: 74-75).

По наблюдениям А.А. Бадмаева, сохранились свидетельства образа медведя как священного существа и в традиционной культуре бурят – принесение клятвы с использованием медвежьей шкуры. Ссылаясь на труды Г.Ф. Миллера, А.А. Бадмаев подчёркивает, что такая клятва, сопряжённая с поеданием или кусанием кусочка медвежьей шкуры, описывается как наиболее обязывающая и страшная. В отношении отдельных частей тела медведя у бурят сложились представления как о несомненно обладающих особыми магическими свойствами. Так, например, череп медведя обыкновенно вешали над дверью или хранили на чердаке, чтобы защитить дом от воздействия злых духов боохолдой. Лапы медведя подвешивали на гвозде над дверью как средство против колдовства (Бадмаев 2000: 68-71).

Феномен медвежьей присяги известен у русского населения Сибири. По исследованиям Ф.Ф. Болонева и Е.Ф. Фурсовой, в конце XIX – начале XX в. русские крестьяне – старожилы Сибири часто использовали иносказательные наименования медведя, такие как «хозяин», «дедушка». Существовала традиция принесения присяги с ритуалом целования медвежьей лапы или медвежьей присяги. В случае ложной присяги – при целовании медвежьей лапы, виновного ожидала звериная месть, потому что в тот же год «медведь обдерёт». Вера в сверхъестественные свойства медведей фиксировались также и у русских в других регионах, прежде всего, у жителей северных территорий Европейской России (Болонев, Фурсова 2000: 84).

Выше в статье было показано, что культ медвежьей лапы и медвежьей присяги был связан с древнерусским могущественным божеством Волосом и что культ этого

божества был распространен по всему евразийскому пространству и укоренился в традиционной культуре как русских, так и народов Сибири и Севера. Что скрывается за ритуалом целования медвежьей лапы?

Традиция медвежьей присяги с целованием медвежьей лапы, демонстрирующая сакрализацию отдельных частей тела божества, восходит к древнейшему, сохраненному в РВ и в русской «Голубиной книге», представлению о происхождении Вселенной из разных частей тела Первобожества, которого расчленяли в ходе жертвенного ритуала для творения мира. Данный ритуал служил точкой отсчета для нового возрождения управлявшегося им мира – «воспроизведение в ритуале нового сотворения порядка из хаоса, повторение космогонического акта в ритуале» (Скрынникова 1997: 95).

Идея космического антропоморфного Первобожества в образе первочеловека/первобожества Пуруши, сочетавшего в себе и женское, и мужское начала, представлена в «Ригведе». В гимне РВ (X, 90) говорится о том, как из частей тела космического гиганта Пуруши возникла Вселенная:

В самом деле, Пуруша – это вселенная,
Которая была и которая будет
.....
Луна из (его) духа рождена
Из глаз солнце родилось
Из уст – Индра и Агни
Из дыхания родился ветер (Ригведа 1997: 235-236).

Согласно данной древней космогонии носителей ИЕ, возникновение Вселенной и отдельных небесных и земных явлений связано с различными частями божественного тела Первосущества. Тело это расчленяется в рамках жертвенного ритуала во имя создания макро- и микрокосмоса и выполняет в этом ритуале роль Первобога. Так были созданы разные элементы вселенной, живого и неживого мира, а также – социального мира:

Когда Пурушу расчленили,
На сколько частей разделили его?
Что его рот, что руки,
Что бедра, что ноги называется?
Его рот стал брахманом,
(Его) руки сделались раджанья
(То), что бедра его, – эта вайшья,
Из ног родился шудра (Ригведа 1997: 236).

В древнерусской традиции идея космогонического мифа об образовании Вселенной из частей тела Первобожества отразилась в духовных стихах, в частности, в стихе о «Голубиной книге»:

А и белый свет от лица божья,
Со (л) нцо праведно – от очей его,
Светел месяц – от темичка,
Тёмная ночь – от затылечка,
Заря утренняя и вечерняя – от бровей божьих,
Часты звёзды – от кудрей божьих! (Древнейшие российские стихотворения 1977: 211).

В данном космогоническом мифе следует искать и смысл ритуала расчленения медвежьей туши и сакрализации отдельных частей тела Первобожества в виде медвежьей лапы. Это подтверждается приведёнными примерами из традиций народов Сибири и из древнерусских традиций, где сохранились следы ритуала расчленения медведя как носителя сакральной сущности. В них медвежья лапа наделяется функцией социального творчества, т.е. она становится медиатором между социальным Космосом и Макромиром, между человеком и небесными феноменами Вселенной. Этим и можно объяснить тот факт, что у русских медвежья лапа на протяжении длительных периодов выступала наделённым особой силой сакральным предметом, к помощи которого обращались для подтверждения обета, т.е. для непосредственного обращения к древнейшему Первобогу, частью плоти которого она была. Аналогичные традиции почитания медвежьей лапы у сибирских народов (выше были приведены примеры из материалов традиционной культуры народов манси, хантов, бурят) позволяют предположить, что на какой-то глубине времён предки всех этих народов также принадлежали к традиции космогонических мифов древних ариев и русов с идеей сотворения мира из расчленённой плоти Первобога, к которой восходит культ почитания медвежьей лапы в описанных выше формах проявления.

Медвежья лапа – часть ритуала, связанного с культом древнерусского божества Волоса. С теонимом Волоса (иногда Перуна, но о слиянии культов Перуна и Волоса см.: Грот 2013а) связаны и клятвы русов из ПВЛ, приносимые при заключении важнейших договоров и скреплявшиеся священной присягой древнерусской роты. Медвежья лапа – образное зооморфное воплощение роты. Как и медвежья лапа, рота мстила людям, преступившим её обет, и они обрекались на смерть. Это явствует, например, из отповеди Владимира пленному половецкому князю Бельдюзю: «То вѣдѣ яла вы рота. Многажды бо ходивше ротѣ, воеваste Русскую землю. То чему ты не казаше сыновъ своихъ и роду своего не преступати роты, но проливашеть кровь хрестьяньску? Да се буди кровь твоя на главѣ твоей» (Повесть временных лет 1977: 118).

Совершенно очевидно, что с понятием роты в русской истории связаны важнейшие сакральные ценности. Согласно моим выводам, рота наделена аналогичным мировоззренческим смыслом, как и арийские рита и арта. Однако связь древнерусской роты со вселенским законом остается практически неисследованной, поэтому оставим проблему роты для рассмотрения в будущих работах.

В завершение следует подкрепить гипотезу об Арте на реке Медведица в Верхнем Поволжье данными ее торгового обмена, о которых мы знаем из восточных источников: «торговали они драгоценными черными соболями, оловом и свинцом».

Что касается Верхнего Поволжья, то его земли были вовлечены в международную торговлю впечатляющих масштабов с глубокой древности. К середине II тыс. до н.э относится возникновение древнейшего торгового пути – Великого Нефритового пути, связавшего Прибайкалье с Волго-Камьем на западе и шан-иньским Китаем на востоке. Великий Нефритовый путь был предшественником караванной дороги Великий Шелковый путь, связавшей со II в. до н.э. Восточную Азию и с Восточной Европой, и со Средиземноморьем (Латов

2010: 123). Международная торговля из Волго-Камья и Приуралья, прослеживающаяся с эпохи бронзы, особенно полно документирована для периода, начиная с VIII-IV вв. до н.э. и по VII-VIII вв. н.э. И археологические исследования демонстрирует удивительные результаты. На протяжении многих столетий и до рубежа эпох из Восточной Европы велась торговля с Кавказом, древнегреческими полисами, с народами Средней Азии и Казахстана, на рубеже эпох в Прикамье появляется египетский фаянс, римские кастрюли, ближневосточные бусы, иранское серебро, в могильниках Среднего Прикамья – ракушки каури – одно из наиболее древних средств обмена из Тихого и Индийского океанов (Грот 2012: 508-511). Поэтому нет ничего удивительного, что «драгоценные черные соболя» могли прибывать в Верхнее Поволжье из Сибири, где этот зверек с красивым темным мехом стал со временем настоящим символом Сибири. Олово и свинец также могли доставляться из «сибирских руд». Разработка оловянных месторождений Рудного Алтая, а также медной руды и золота относится, согласно археологу С.С. Черникову, к XV в. до н.э. Древние тоговые связи, охватывавшие евразийские просторы животворными нитями, дают интереснейший материал для русской истории начального периода, требующий более подробного изучения, что предполагается сделать в будущем.

А пока краткий вывод из вышеизложенного. Предварительный анализ проблемы локализации Руси – Артании позволяет предположить, что третий центр русов находился на месте селища Медвежий угол, где жители «поганыя веры – языцы, злы суще». Вероятно, Волосыня Медведица в Верхнем Поволжье и Артемида Медведица в Тавриде/Крыму принадлежали к одному культу древних русов, объединяемого иносказательным прозванием божества Волоса – перевоплощенца многих зооморфных образов. Божество, скрытое за именем Волоса, было охранителем вселенского закона роты, выступало аналогом ведийского Варуны, бывшего охранителем космического закона риты и каравшего грешников своими петлями (Т.Я. Елизаренкова).

Все высказанные предположения требуют более углубленного исследования. Но одно можно уже сейчас сказать со всей определенностью: никакого славяно-скандинавского поселения под Ярославлем в IX в., о чем пишут российские археологи-норманисты, не могло быть, поскольку местность была закрыта для чужестранцев. Поэтому археологический комплекс Тимерёво не имеет никакого отношения к выходцам из Скандинавского полуострова, также как и Рюриково городище в Новгороде (Грот 2019: 1-7).

ЛИТЕРАТУРА

Альбедиль 2009 - Альбедиль М.Ф. Бык: символика образа традиционной индийской культуре // Азиатский бестиарий: Образы животных в традициях Южной, Юго-Западной и Центральной Азии. Сборник статей / Отв. ред. М.А. Родионов. СПб.: МАЭ РАН, 2009.

Бадмаев 2000 - Бадмаев А.А. Реликты культа медведя в культуре бурят // Медведь в древних и в современных культурах Сибири. Новосибирск: Издательство Института археологии и этнографии СО РАН, 2000.

Батоева, Галданова, Николаева, Скрынникова 2002 - Батоева Д.Б., Галданова Г.Р., Николаева Д.Н., Скрынникова Т.Д. Обряды в традиционной культуре бурят. М.: Восточная литература, 2002.

Беззаконов, Жих 2021 - Беззаконов С.Н., Жих М.И. Хакан народа рос // Исторический формат. 2021. № 3. С. 9-58.

Беззаконов, Жих 2021а - Беззаконов С.Н., Жих М.И. Поход русов на Константинополь в 860 г.: проблемы исторической географии и логистики // Исторический формат. 2021. № 4.

Болонев, Фурсова 2000 - Болонев Ф.Ф., Фурсова Е.Ф. Культ медведя в верованиях крестьян Сибири в прошлом и настоящем // Медведь в древних и в современных культурах Сибири. Новосибирск: Издательство Института археологии и этнографии СО РАН, 2000.

Брагинский 1983 - Брагинский И.С. Древнеиранская литература. Авеста. Гаты. Часть 2 // История всемирной литературы в девяти томах. М.: Наука, 1983.

Бутанаев 2000 - Бутанаев В.Я. Медведь по воззрениям хакасов // Медведь в древних и в современных культурах Сибири. Новосибирск: Издательство Института археологии и этнографии СО РАН, 2000.

Васильевский 1883 - Васильевский В.Г. Житие св. Стефана Сурожского // Русско-византийские исследования. Вып. II. СПб., 1893.

Вернадский 1996 - Вернадский Г.В. Древняя Русь. Тверь: ЛЕАН; М.: АГРАФ, 1996.

Воронин 1960 - Воронин Н.Н. Медвежий культ в Верхнем Поволжье в XI в. // Краеведческие записки Ярославско-Ростовского историко-архитектурного заповедника. Вып. IV. Ярославль, 1960.

Восточные источники 2009 - Древняя Русь в свете зарубежных источников. Хрестоматия. Т. III. Восточные источники / Под ред. Т.Н. Джаксон, И.Г. Коноваловой, А.В. Подосинова. М.: Русский фонд содействия образованию и науке, 2009.

Грот 2009 - Грот Л.П. Солярные культы в древнерусской традиции и у народов Сибири: анализ топонима Кола // Культурологические исследования в Сибири. 2009. № 2 (28).

Грот 2011 - Грот Л.П. Индоевропейский субстрат на Севере России (на примере солнцепоклонства) // Чарнолуские чтения: саами в динамике современной культуры. Мурманск: МГТУ, 2011.

Грот 2012 - Грот Л.П. О Рослагене на дне морском и о варягах не из Скандинавии // Слово о Ломоносове. Сборник статей и монографий. М.: Русская панорама, 2012.

Грот 2013 - Грот Л.П. Древнерусские женские божества Севера. 2013 / Электронный ресурс: http://pereformat.ru/2013/06/zhenskie-bozhestva-severa/ (Дата обращения - 17.06.2022).

Грот 2013а - Грот Л.П. Между громовержцем и скотьим богом. 2013 / Электронный ресурс: http://pereformat.ru/2013/05/perun-volos/ (Дата обращения - 20.05.2022).

Грот 2016 - Грот Л.П. Камская чудь и бронзовое искусство Рифея. 2016 / Электронный ресурс: http://pereformat.ru/2016/07/kamskaya-chud-2/ (Дата обращения - 18.07.2022).

Грот 2019 - Грот Л.П. Вера и власть в Новгороде: находки конских черепов на Рюриковом городище и дохристианская традиция // Ученые записки Новгородского государственного университета им. Ярослава Мудрого. 2019. № 2 (20).

Грот 2019а - Грот Л.П. Образ Подсолнечного царства в исторических источниках и творчестве Я.П. Полонского // Вестник Рязанского государственного университета имени С.А. Есенина. 2019. № 4 (65).

Грот 2020 - Грот Л.П. Материнское имя Руси и визуальное воплощение образа Матери в вышивках и культовой металлопластике // Материалы XVI Международной научной конференции «Икона в русской словесности и культуре» / Под ред. М.В. Первушина. М., 2020.

Грот 2020а - Грот Л.П. О князе Владимире Красное Солнышко // Ученые записки НовГУ им. Ярослава Мудрого. 2020. № 3 (28).

Гура 1995 - Гура А.В. Медведь // Славянская мифология. М.: Эллис Лак, 1995.

Древнейшие российские стихотворения 1977 - Древнейшие российские стихотворения, собранные Киршею Даниловым. М.: Наука, 1977.

Иванов 2004 - Иванов В.В. Избранные труды о семиотике и истории культуры. Т. III. М.: Языки славянской культуры, 2004.

Иванов, Топоров 1974 - Иванов В.В., Топоров В.Н. Исследования в области славянских древностей. М.: Наука, 1974.

Иванов, Топоров 1995 - Иванов В.В., Топоров В.Н. Волосыни // Славянская мифология. М.: Эллис Лак, 1995.

Иловайский 1996 - Иловайский Д.И. Начало Руси. М.: Алгоритм, 1996.

Клёсов 2016 - Клёсов А.А. Миграции ариев по данным ДНК-генеалогии // Исторический формат. 2016. № 2.

Косинцев 2000 - Косинцев П.А. Человек и медведь в голоцене Северной Евразии (по археозоологическим данным) // Медведь в древних и в современных культурах Сибири. Новосибирск: Издательство Института археологии и этнографии СО РАН, 2000.

Крайнов 1964 - Крайнов Д.А. Волосово-Даниловский могильник фатьяновской культуры // Советская археология. 1964. № 1.

Крайнов 1972 - Крайнов Д.А. Древнейшая история Волго-Окского междуречья. М.: Наука, 1972.

Кузьмин 2003 - Кузьмин А.Г. Начало Руси. М., 2003.

Кулемзин 2000 - Кулемзин В.М. Культ медведя и шаманизм у обских угров // Медведь в древних и в современных культурах Сибири. Новосибирск: Издательство Института археологии и этнографии СО РАН, 2000.

Ламанский 1859 - Ламанский В.И. О славянах в Малой Азии, Африке и Испании. СПб.: Типография Академии наук, 1859.

Лебедев 1877 - Лебедев А. Храмы Власьевского прихода. Ярославль, 1877.

Лелеков 1992 - Лелеков Л.А. Авеста в современной науке. М.: Государственное НИИ реставрации МКиТ РФ, 1992.

Ленивцев 1827 - Ленивцев М. Описание построения города Ярославля // Отечественные записки. 1827. Т. 84.

Лесной 1957 - Лесной С. История руссов в неизвращенном виде. Т. 6. Париж, 1957.

Люцидарская 2000 - Люцидарская А.А. Медвежьи песни как феномен культуры сибирских угров // Медведь в древних и в современных культурах Сибири. Новосибирск: Издательство Института археологии и этнографии СО РАН, 2000.

Майничева 2000 - Майничева А.Ю. Образ медведя в русском прикладном искусстве // Медведь в древних и в современных культурах Сибири. Новосибирск: Издательство Института археологии и этнографии СО РАН, 2000.

Мифологический словарь 1965 - Мифологический словарь. М.: Просвещение, 1965.

Молодин 2000 - Молодин В.И., Октябрьская И.В., Чемякина М.А. Образ медведя в пластике западносибирских аборигенов эпохи неолита и бронзы // Медведь в древних и в современных культурах Сибири. Новосибирск: Издательство Института археологии и этнографии СО РАН, 2000.

Новосельцев 2000 - Новосельцев А.П. Восточные источники о восточных славянах и Руси VI-IX вв. // Древнейшие государства Восточной Европы. 1998. М.: Восточная литература, 2000.

ПВЛ 2007 - Повесть временных лет / Подготовка текста, перевод, статьи и комментарии Д.С. Лихачева; Под редакцией В.П. Адриановой-Перец. Третье издание. СПб.: Наука, 2007.

Полный церковнославянский словарь 1899 - Полный церковнославянский словарь прот. Г. Дьяченко. М., 1899.

Предметно-понятийный словарь 1986 - Предметно-понятийный словарь греческого языка. Микенский период. Л.: Наука, 1986.

Рачинский, Федоров 2016 - Рачинский А.В., Фёдоров А.Е. Славяно-арийские истоки русской архитектуры. М.: Вече, 2016.

Ригведа 1989 - Ригведа. Мандалы I-IV / Издание подготовила Т.Я. Елизаренкова. М.: Наука, 1989.

Ригведа 1999 - Ригведа. Мандалы IX-X / Издание подготовила Т.Я. Елизаренкова. М.: Наука, 1999.

Рыбаков 1993 - Рыбаков Б.А. Киевская Русь и русские княжества XII-XIII вв. М.: Наука, 1993.

Рыбаков 1997 - Рыбаков Б.А. Язычество древних славян. М.: Русское слово, 1997.

Серяков 2001 - Серяков М.Л. «Голубиная книга». Священное сказание русского народа. М.: Алетейа, 2001.

Скрынникова 1997 - Скрынникова Т.Д. Харизма и власть в эпоху Чингис-хана. М.: Восточная литература, 1997.

Скрынникова 2000 - Скрынникова Т.Д. Солнце и Земля в пантеоне народов Центральной и Восточной Азии // Altaica. 2000. Т. VI.

Соболевский 1929 - Соболевский А.И. «Третье» русское племя // Доклады АН СССР. 1929. № 4.

Срезневский 1912 - Срезневский И.И. Материалы для словаря древне-русского языка по письменным памятникам. Т. III. СПб., 1912.

Талис 1974 - Талис Д.Л. Росы в Крыму // Советская археология. 1974. № 3.

Трубачев 2005 - Трубачев О.Н. В поисках единства: взгляд филолога на проблему истоков Руси. Третье издание, дополненное. М.: Наука, 2005.

Федоров 2017 - Федоров А.Е. Славяно-арийский мир и Западная Европа: противостояние культур // ЭКО-потенциал. 2017. № 2 (18).

Харузин 1890 - Харузин Н. Русские лопари. Очерки прошлого и современного быта. М., 1890.

Черемисин 2000 - Черемисин Д.В. Изображения медведей в петроглифах Узунгура (Горный Алтай) // Медведь в древних и в современных культурах Сибири. Новосибирск: Издательство Института археологии и этнографии СО РАН, 2000.

REFERENCES

Al'bedil' 2009 - Al'bedil' M.F. Byk: simvolika obraza tradicionnoj indijskoj kul'ture [Bull: symbolism of the image of traditional Indian culture], in: Aziatskij bestiarij: Obrazy zhivotnyh v tradiciyah YUzhnoj, YUgo-Zapadnoj i Central'noj Azii. Sbornik statej / Otv. red. M.A. Rodionov [Asian bestiary: Images of animals in the traditions of South, South-West and Central Asia. Collection of articles / Executive editor M.A. Rodionov], Saint-Petersburg, MAE RAN Publ., 2009 [in Russian].

Badmaev 2000 - Badmaev A.A. Relikty kul'ta medvedya v kul'ture buryat [Relics of the bear cult in the Buryat culture], in: Medved' v drevnih i v sovremennyh kul'turah Sibiri [The bear in ancient and modern cultures of Siberia], Novosibirsk, Izdatel'stvo Instituta arheologii i etnografii SO RAN Publ., 2000 [in Russian].

Batoeva, Galdanova, Nikolaeva, Skrynnikova 2002 - Batoeva D.B., Galdanova G.R., Nikolaeva D.N., Skrynnikova T.D. Obryady v tradicionnoj kul'ture buryat [Rituals in the traditional culture of the Buryats], Moscow, Vostochnaya literatura Publ., 2002 [in Russian].

Bezzakonov, ZHih 2021 - Bezzakonov S.N., ZHih M.I. Hakan naroda ros [Khagan of the Ros people], in: Istoricheskij format [Historical format], 2021, № 3 [in Russian].

Bezzakonov, ZHih 2021a - Bezzakonov S.N., ZHih M.I. Pohod rusov na Konstantinopol' v 860 g.: problemy istoricheskoj geografii i logistiki [Military expedition of the Rus' to Constantinople in 860: problems of historical geography and logistics], in: Istoricheskij format [Historical format], 2021, № 4 [in Russian].

Bolonev, Fursova 2000 - Bolonev F.F., Fursova E.F. Kul't medvedya v verovaniyah krest'yan Sibiri v proshlom i nastoyashchem [The cult of the bear in the beliefs of the peasants of Siberia in the past and present], in: Medved' v drevnih i v sovremennyh kul'turah Sibiri [The bear in ancient and modern cultures of Siberia], Novosibirsk, Izdatel'stvo Instituta arheologii i etnografii SO RAN Publ., 2000 [in Russian].

Braginskij 1983 - Braginskij I.S. Drevneiranskaya literatura. Avesta. Gaty. CHast' 2 [Ancient Iranian literature. Avesta. The Ghats. Part 2], in: Istoriya vsemirnoj literatury v devyati tomah [The History of World Literature in nine volumes], Moscow, Nauka Publ., 1983 [in Russian].

Butanaev 2000 - Butanaev V.YA. Medved' po vozzreniyam hakasov [The bear according to the views of the Khakas], in: Medved' v drevnih i v sovremennyh kul'turah Sibiri [The bear in ancient and modern cultures of Siberia], Novosibirsk, Izdatel'stvo Instituta arheologii i etnografii SO RAN Publ., 2000 [in Russian].

CHeremisin 2000 - CHeremisin D.V. Izobrazheniya medvedej v petroglifah Uzungura (Gornyj Altaj) [Images of bears in petroglyphs of Uzungur (Gorny Altai)], in: Medved' v drevnih i v sovremennyh kul'turah Sibiri [The bear in ancient and modern cultures of Siberia], Novosibirsk, Izdatel'stvo Instituta arheologii i etnografii SO RAN Publ., 2000 [in Russian].

Drevnejshie rossijskie stihotvoreniya 1977 - Drevnejshie rossijskie stihotvoreniya, sobrannye Kirsheyu Danilovym [The oldest Russian poems collected by Kirsha Danilov], Moscow, Nauka Publ., 1977 [in Russian].

Fedorov 2017 - Fedorov A.E. Slavyano-arijskij mir i Zapadnaya Evropa: protivostoyanie kul'tur [The Slavic-Aryan world and Western Europe: the confrontation of cultures], in: EKO-potencial [ECO-potential], 2017, № 2 (18) [in Russian].

Grot 2009 - Grot L.P. Solyarnye kul'ty v drevnerusskoj tradicii i u narodov Sibiri: analiz toponima Kola [Solar cults in the Ancient Russian tradition and among the peoples of Siberia: analysis of the toponym Kola], in: Kul'turologicheskie issledovaniya v Sibiri [Cultural studies in Siberia], 2009, № 2 (28) [in Russian].

Grot 2011 - Grot L.P. Indoevropejskij substrat na Severe Rossii (na primere solncepoklonstva) [Indo-European substrate in the North of Russia (on the example of sun worship)], in: CHarnoluskie chteniya: saami v dinamike sovremennoj kul'tury [Charnol readings: the Sami in the dynamics of modern culture], Murmansk, MGTU Publ., 2011 [in Russian].

Grot 2012 - Grot L.P. O Roslagene na dne morskom i o varyagah ne iz Skandinavii [About Roslagen at the bottom of the sea and about the Varangians not from Scandinavia], in: Slovo o Lomonosove. Sbornik statej i monografij [A word about Lomonosov. Collection of articles and monographs], Moscow, Russkaya panorama Publ., 2012 [in Russian].

Grot 2013 - Grot L.P. Drevnerusskie zhenskie bozhestva Severa [Ancient Russian female deities of the North], 2013, Electronic resource: http://pereformat.ru/2013/06/zhenskie-bozhestva-severa/ (Date of access - 17.06.2022) [in Russian].

Grot 2013a - Grot L.P. Mezhdu gromoverzhcem i skot'im bogom [Between the Thunderer and the beast god], 2013, Electronic resource: http://pereformat.ru/2013/05/perun-volos/ (Date of access - 20.05.2022) [in Russian].

Grot 2016 - Grot L.P. Kamskaya chud' i bronzovoe iskusstvo Rifeya [Kamskaya Chud and the bronze art of Rife], 2016, Electronic resource: http://pereformat.ru/2016/07/kamskaya-chud-2/ (Date of access - 18.07.2022) [in Russian].

Grot 2019 - Grot L.P. Vera i vlast' v Novgorode: nahodki konskih cherepov na Ryurikovom gorodishche i dohristianskaya tradiciya [Faith and Power in Novgorod: the finds of horse skulls at the Rurik settlement and the pre-Christian tradition], in: Uchenye zapiski Novgorodskogo gosudarstvennogo universiteta im. YAroslava Mudrogo [Scientific notes of Yaroslav the Wise Novgorod State University], 2019, № 2 (20) [in Russian].

Grot 2019a - Grot L.P. Obraz Podsolnechnogo carstva v istoricheskih istochnikah i tvorchestve YA.P. Polonskogo [The image of the Sunflower Kingdom in historical sources and the work of J.P. Polonsky], in: Vestnik Ryazanskogo gosudarstvennogo universiteta imeni S.A. Esenina [Bulletin of Ryazan State University named after S.A. Yesenin], 2019, № 4 (65) [in Russian].

Grot 2020 - Grot L.P. Materinskoe imya Rusi i vizual'noe voploshchenie obraza Materi v vyshivkah i kul'tovoj metalloplastike [The mother's name of Russia and the visual embodiment of the image of the Mother in embroidery and iconic metal plastics], in: Materialy XVI Mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii «Ikona v russkoj slovesnosti i kul'ture» / Pod red. M.V.

Pervushina [Materials of the XVI International Scientific Conference "Icon in Russian Literature and Culture" / Edited by M.V. Pervushin], Moscow, 2020 [in Russian].

Grot 2020a - Grot L.P. O knyaze Vladimire Krasnoe Solnyshko [About Prince Vladimir The Red Sun], in: Uchenye zapiski NovGU im. YAroslava Mudrogo [Scientific notes of Yaroslav the Wise NovSU], 2020, № 3 (28) [in Russian].

Gura 1995 - Gura A.V. Medved' [Bear], in: Slavyanskaya mifologiya [Slavic mythology], Moscow, Ellis Lak Publ., 1995 [in Russian].

Haruzin 1890 - Haruzin N. Russkie lopari. Ocherki proshlogo i sovremennogo byta [Russian Lapps. Essays on the past and modern life], Moscow, 1890 [in Russian].

Ilovajskij 1996 - Ilovajskij D.I. Nachalo Rusi [The Beginning of Russia], Moscow: Algoritm Publ., 1996 [in Russian].

Ivanov 2004 - Ivanov V.V. Izbrannye trudy o semiotike i istorii kul'tury [Selected works on semiotics and cultural history], Vol. III, Moscow, YAzyki slavyanskoj kul'tury Publ., 2004 [in Russian].

Ivanov, Toporov 1974 - Ivanov V.V., Toporov V.N. Issledovaniya v oblasti slavyanskih drevnostej [Research in the field of Slavic antiquities], Moscow, Nauka Publ., 1974 [in Russian].

Ivanov, Toporov 1995 - Ivanov V.V., Toporov V.N. Volosyni, in: Slavyanskaya mifologiya [Slavic mythology], Moscow, Ellis Lak Publ., 1995 [in Russian].

Klyosov 2016 - Klyosov A.A. Migracii ariev po dannym DNK-genealogii [Migrations of the Aryans in light of DNA genealogy], in: Istoricheskij format [Historical format], 2016, № 2 [in Russian].

Kosincev 2000 - Kosincev P.A. CHelovek i medved' v golocene Severnoj Evrazii (po arheozoologicheskim dannym) [Man and bear in the Holocene of Northern Eurasia (according to archaeozoological data)], in: Medved' v drevnih i v sovremennyh kul'turah Sibiri [The bear in ancient and modern cultures of Siberia], Novosibirsk, Izdatel'stvo Instituta arheologii i etnografii SO RAN Publ., 2000 [in Russian].

Krajnov 1964 - Krajnov D.A. Volosovo-Danilovskij mogil'nik fat'yanovskoj kul'tury [Volosovo-Danilovsky burial ground of the Fatyanovo culture], in: Sovetskaya arheologiya [Soviet Archaeology], 1964, № 1 [in Russian].

Krajnov 1972 - Krajnov D.A. Drevnejshaya istoriya Volgo-Okskogo mezhdurech'ya [The ancient history of the Volga-Oka interfluve], Moscow, Nauka Publ., 1972 [in Russian].

Kuz'min 2003 - Kuz'min A.G. Nachalo Rusi [The Beginning of Russia], Moscow, 2003 [in Russian].

Kulemzin 2000 - Kulemzin V.M. Kul't medvedya i shamanizm u obskih ugrov [The cult of the bear and shamanism among the Ob Ugrians], in: Medved' v drevnih i v sovremennyh kul'turah Sibiri [The bear in ancient and modern cultures of Siberia], Novosibirsk, Izdatel'stvo Instituta arheologii i etnografii SO RAN Publ., 2000 [in Russian].

Lamanskij 1859 - Lamanskij V.I. O slavyanah v Maloj Azii, Afrike i Ispanii [About the Slavs in Asia Minor, Africa and Spain], Saint-Petersburg, Tipografiya Akademii nauk Publ., 1859 [in Russian].

Lebedev 1877 - Lebedev A. Hramy Vlas'evskogo prihoda [Temples of the Vlasyevsky parish], YAroslavl, 1877 [in Russian].

Lelekov 1992 - Lelekov L.A. Avesta v sovremennoj nauke [Avesta in modern Science], Moscow, Gosudarstvennoe NII restavracii MKiT RF Publ., 1992 [in Russian].

Lenivcev 1827 - Lenivcev M. Opisanie postroeniya goroda YAroslavlya [Description of the construction of the city of Yaroslavl], in: Otechestvennye zapiski [Domestic notes], 1827, Vol. 84 [in Russian].

Lesnoj 1957 - Lesnoj S. Istoriya russov v neizvrashchennom vide [The history of the Russians in an uncorrected form], Vol. 6, Paris, 1957 [in Russian].

Lyucidarskaya 2000 - Lyucidarskaya A.A. Medvezh'i pesni kak fenomen kul'tury sibirskih ugrov [Bear songs as a cultural phenomenon of the Siberian Ugrians], in: Medved' v drevnih i v sovremennyh kul'turah Sibiri [The bear in ancient and modern cultures of Siberia], Novosibirsk, Izdatel'stvo Instituta arheologii i etnografii SO RAN Publ., 2000 [in Russian].

Majnicheva 2000 - Majnicheva A.YU. Obraz medvedya v russkom prikladnom iskusstve [The image of a bear in Russian applied art], in: Medved' v drevnih i v sovremennyh kul'turah Sibiri [The bear in ancient and modern cultures of Siberia], Novosibirsk, Izdatel'stvo Instituta arheologii i etnografii SO RAN Publ., 2000 [in Russian].

Mifologicheskij slovar' 1965 - Mifologicheskij slovar' [The Mythological Dictionary], Moscow, Prosveshchenie Publ., 1965 [in Russian].

Molodin 2000 - Molodin V.I., Oktyabr'skaya I.V., CHemyakina M.A. Obraz medvedya v plastike zapadnosibirskih aborigenov epohi neolita i bronzy [The image of a bear in the plastic of the West Siberian aborigines of the Neolithic and Bronze Age], in: Medved' v drevnih i v sovremennyh kul'turah Sibiri [The bear in ancient and modern cultures of Siberia], Novosibirsk, Izdatel'stvo Instituta arheologii i etnografii SO RAN Publ., 2000 [in Russian].

Novosel'cev 2000 - Novosel'cev A.P. Vostochnye istochniki o vostochnyh slavyanah i Rusi VI-IX vv. [Oriental sources about the Eastern Slavs and Russia of the VI-IX centuries], in: Drevnejshie gosudarstva Vostochnoj Evropy [The oldest states of Eastern Europe], 1998, Moscow, Vostochnaya literatura Publ., 2000 [in Russian].

Polnyj cerkovnoslavyanskij slovar' 1899 - Polnyj cerkovnoslavyanskij slovar' prot. G. D'yachenko [The Complete Church Slavonic Dictionary of Archpriest G. Dyachenko], Moscow, 1899 [in Russian].

Predmetno-ponyatijnyj slovar' 1986 - Predmetno-ponyatijnyj slovar' grecheskogo yazyka. Mikenskij period [A subject-conceptual dictionary of the Greek language. Mycenaean Period], Leningrad, Nauka Publ., 1986 [in Russian].

PVL 2007 - Povest' vremennyh let / Podgotovka teksta, perevod, stat'i i kommentarii D.S. Lihacheva; Pod redakciej V.P. Adrianovoj-Perec. Tret'e izdanie [The Tale of Bygone Years / Text preparation, translation, articles and comments by D.S. Likhachev; Edited by V.P. Adrianova-Peretz. Third edition], Saint-Petersburg, Nauka Publ., 2007 [in Russian].

Rachinskij, Fedorov 2016 - Rachinskij A.V., Fyodorov A.E. Slavyano-arijskie istoki russkoj arhitektury [The Slavic-Aryan Origins of Russian architecture], Moscow, Veche Publ., 2016 [in Russian].

Rigveda 1989 - Rigveda. Mandaly I-IV / Izdanie podgotovila T.YA. Elizarenkova [Mandalas I-IV / The edition was prepared by T.Y. Elizarenkova], Moscow, Nauka Publ., 1989 [in Russian].

Rigveda 1999 - Rigveda. Mandaly IX-X / Izdanie podgotovila T.YA. Elizarenkova [Mandalas IX-X / The edition was prepared by T.Ya. Elizarenkova], Moscow, Nauka Publ., 1999 [in Russian].

Rybakov 1993 - Rybakov B.A. Kievskaya Rus' i russkie knyazhestva XII-XIII vv. [Kievan Rus and the Russian principalities of the XII-XIII centuries], Moscow, Nauka Publ., 1993 [in Russian].

Rybakov 1997 - Rybakov B.A. YAzychestvo drevnih slavyan [Paganism of the ancient Slavs], Moscow, Russkoe slovo Publ., 1997 [in Russian].

Seryakov 2001 - Seryakov M.L. «Golubinaya kniga». Svyashchennoe skazanie russkogo naroda [The Pigeon Book. The Sacred legend of the Russian people], Moscow, Aleteja Publ., 2001 [in Russian].

Skrynnikova 1997 - Skrynnikova T.D. Harizma i vlast' v epohu CHingis-hana [Charisma and power in the era of Genghis Khan], Moscow, Vostochnaya literatura Publ., 1997 [in Russian].

Skrynnikova 2000 - Skrynnikova T.D. Solnce i Zemlya v panteone narodov Central'noj i Vostochnoj Azii [The Sun and the Earth in the pantheon of the peoples of Central and East Asia], in: Altaica, 2000, Vol. VI [in Russian].

Sobolevskij 1929 - Sobolevskij A.I. «Tret'e» russkoe plemya [The "third" Russian tribe], in: Doklady AN SSSR [Reports of the USSR Academy of Sciences], 1929, № 4 [in Russian].

Sreznevskij 1912 - Sreznevskij I.I. Materialy dlya slovarya drevne-russkogo yazyka po pis'mennym pamyatnikam [Materials for the dictionary of the ancient Russian language on written monuments], Vol. III, Saint-Petersburg, 1912 [in Russian].

Talis 1974 - Talis D.L. Rosy v Krymu [Rosy in the Crimea], in: Sovetskaya arheologiya [Soviet Archaeology], 1974, № 3 [in Russian].

Trubachev 2005 - Trubachev O.N. V poiskah edinstva: vzglyad filologa na problemu istokov Rusi. Tret'e izdanie, dopolnennoe [In search of unity: a philologist's view on the problem of the origins of Russia. Third edition, expanded], Moscow, Nauka Publ., 2005 [in Russian].

Vasil'evskij 1883 - Vasil'evskij V.G. ZHitie sv. Stefana Surozhskogo [The Life of St. Stephen of Sourozh], in: Russko-vizantijskie issledovaniya [Russian-Byzantine studies], Vol. II, Saint-Petersburg, 1893 [in Russian].

Vernadskij 1996 - Vernadskij G.V. Drevnyaya Rus' [Ancient Russia], Tver, LEAN Publ.; Moscow, AGRAF Publ., 1996 [in Russian].

Voronin 1960 - Voronin N.N. Medvezhij kul't v Verhnem Povolzh'e v XI v. [Bear cult in the Upper Volga region in the XI century], in: Kraevedcheskie zapiski YAroslavsko-Rostovskogo istoriko-arhitekturnogo zapovednika [Local history notes of the Yaroslavl-Rostov Historical and Architectural Reserve], Vol. IV, YAroslavl, 1960 [in Russian].

Vostochnye istochniki 2009 - Drevnyaya Rus' v svete zarubezhnyh istochnikov. Hrestomatiya. T. III. Vostochnye istochniki / Pod red. T.N. Dzhakson, I.G. Konovalovoj, A.V. Podosinova [Ancient Russia in the light of foreign sources. Anthology. Vol. III. Eastern sources / Edited by T.N. Dzhakson, I.G. Konovalova, A.V. Podosinov], Moscow, Russkij fond sodejstviya obrazovaniyu i nauke Publ., 2009 [in Russian].

Грот Лидия Павловна
– Кандидат исторических наук, заместитель председателя общества «Русский салон», историограф общества (Лулео, Швеция).

Lidia Groth
– Candidate of historical sciences, Vice-chairman of Society «Russian Salon», Historiographer of Society (Luleå, Sweden).

mail@histformat.com

ПРАСЛАВЯНЕ ВО ВРЕМЕНИ И ПРОСТРАНСТВЕ: ПРЕДКИ СЛАВЯН ПО СВЕДЕНИЯМ ЯЗЫКОЗНАНИЯ, ГЕНЕТИКИ И АРХЕОЛОГИИ

С.В. Назин
Московский государственный институт культуры
Россия, 141406, Московская обл., г. Химки, ул. Библиотечная, 7
e-mail: sergnasin@yandex.ru
SPIN-код: 9960-7570

АВТОРСКОЕ РЕЗЮМЕ
В статье сделана попытка синтеза данных археологии, генетики и лингвистики по вопросу о начале славянского этногенеза. Проведенное исследование показало, что праславяне, как самостоятельная ветвь индоевропейцев возникли в результате взаимодействия населения культур шнуровых керамик и боевых топоров, проникших на рубеже энеолита и бронзового века на Среднедунайскую низменность с местным «поствучедольским» населением. Образовавшаяся «западносатемная» общность, характерной особенностью которой стал погребальный обряд трупосожжения, включала языковых предков будущих албанцев, балтов и славян и граничила с греками на юге и финнами на севере. Вследствие позднейших взаимодействий с соседями от «западносатемной» общности отделились балты на севере и албанцы на юге, а оставшееся «ядро» превратилось в славян. Историческими предками славян были античные паннонцы в Среднем Подунавье и венеды к северо-востоку от Карпат, ставшие предками первых упомянутых в источниках славянских этносов: склавинов и антов.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: праславяне, Y-гаплогруппы R1a и R1b, албанцы, иллирийцы, паннонцы, родословное древо индоевропейских языков.

PROTO-SLAVS IN TIME AND SPACE: THE ANCESTORS OF THE SLAVS ACCORDING TO LINGUISTICS, GENETICS AND ARCHAEOLOGY

Sergey Nazin
Moscow State Art and Cultural University
Russia, 141406, Moscow Oblast, Khimki, Bibliotechnaya Street, 7
e-mail: sergnasin@yandex.ru

ABSTRACT
The author attempts to integrate data from archaeology, genetics and linguistics on the question of the beginning of Slavic ethnogenesis. The study showed that the Proto-Slavs, as an independent branch of the Indo-Europeans, emerged as a result of fusion of the people of the Corded Ware and Battle Axes cultures, who infiltrated the Middle Danube lowlands at the turn of the Chalcolithic and Bronze Ages, with the local «post-Vučedol» people. The resulting «western-satem» group, a characteristic feature of which was the funeral rite of cremation, included linguistic ancestors of the future Albanians, Balts and Slavs and bordered the Greeks in the south and the Finns in the north. Due to the later interactions with neighbors, the Balts in the north and the Albanians in the south separated from the «western-satem» group, and the remaining «core» turned into the Slavs. The ancient Pannonians in the Middle Danube and Venedi to the northeast of the Carpathians became the historical ancestors of the first Slavic ethnic groups mentioned in the sources as Sclavene and Antes.

KEYWORDS: Proto-Slavs, Y-haplogroups R1a and R1b, Albanians, Illyrians, Pannonians, family tree of Indo-European languages.

Вопрос происхождения славян нужно рассматривать двояко: происхождение славян как носителей соответствующего самоназвания и вопрос происхождения славян как носителей соответствующего языка. Как свидетельствуют самые первые письменные известия VI века, все говорящие по-славянски в то время делились на две особые ветви, одна из которых, называла себя славянами («склавинами» в византийской передаче), а другая – нет. Каковым бы ни было происхождение этнического имени «антов», очевидно, что они не могли быть славя-

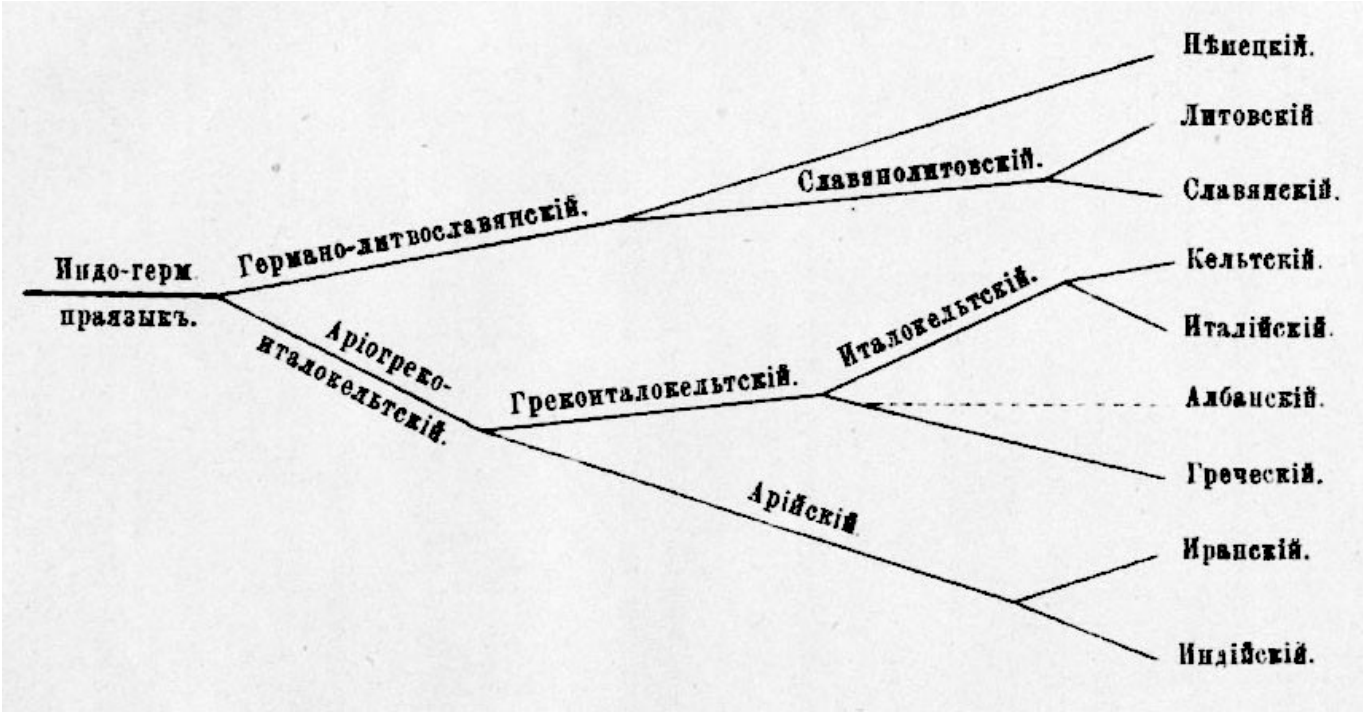


Рис. 1. Родословное древо «индогерманских» языков Августа Шлейхера

нами по самоназванию. В вышедшей в своё время статье (Назин 2018: 160-180), я предположил, что имя славян в смысле «говорящих на своём собственном языке» возникло среди той части славянского по языку населения, которая попала под власть Римского государства и была известна в древних источниках как паннонцы. Основанием этому служит смысловое совпадение самоназваний албанцев, басков и, добавим, чего не было в статье, и немцев, которые в сущности означают то же самое что и «славяне». Подобного рода самосознание могло возникнуть только в условиях противостояния бесписьменного «народного языка» (sermo vulgaris = lingua theodisca: Черняк 2015: 45) нероманского населения письменной латинской речи в рамках государства, в которой романский языковой элемент имел господствующее культурное и политическое значение, а именно – римской империи в случае с албанцами, басками и частью славян и франкской, а затем «римской» империи (германской нации) в случае с немцами.

Предлагаемая вашему вниманию работа является своего рода дополнением упомянутой статьи и предметом её будет изучение не столько этногенеза, сколько глоттогенеза славян, но не в смысле происхождения самого славянского языка – не будучи языковедом по образованию нельзя браться за эту задачу, – а в смысле происхождения людей (народа, населения, популяции и т.д.), которая говорила на этом языке в независимости от имени каковое они к себе прилагали. Автор видит свою задачу в привлечении сведений в первую очередь лингвистики и генетики в качестве не иллюстраций к теориям основанным главным образом на материале вещественных и письменных памятников, а именно в качестве полноценных исторических источников, доступных для любого желающего использовать их в собственных разысканиях, но не обладающего соответствующей лингвистической подготовкой.

Объем сведений языкознания обычно привлекаемый для этих целей весьма небогат и ограничивается тремя положениями: буковым аргументом Ростафиньского, близким родством славянского прежде всего с балтскими языками и болотно-лесным характером исконно славянской лексики на основании чего делается вывод о восточноевропейской (полесской, висло-одерской, днепровской и т.п.) и весьма ограниченной по размеру прародине славян распространившихся оттуда по территории своего нынешнего проживания не ранее эпохи великого переселения народов (Филин 1962: 143-151).

Попытки профессиональных лингвистов, в первую очередь, Олега Николаевича Трубачёва, оспорить это мнение не умели успеха не в последнюю очередь потому, что в связи с особенностями своей науки, языковеду трудно «приземлить» свои выводы и связать их с показаниями истории и археологии без чего они повисают в воздухе как например серия карт расселения праславян с III тыс. до н.э. до исторического времени, приведённая в обобщающей работе (Трубачёв 1982: 260-261; 2003: 28-30). Выявленные О.Н. Трубачёвым сведения языка, которые привели его к выводу о необходимости возродить дунайскую теорию происхождения славян привлекли всеобщее внимание, получили признание, но тем не менее остались невостребованными в силу того, что ни он сам, ни даже сочувствующие его взглядам археологи, например В.В. Седов, не смогли обратить их в полноценный исторический источник. Настоящая статья есть ни что иное как попытка решить задачу перевода лингвистического материала на понятный историку язык.

Рис. 2. «Волновая» схема Иоганна Шмидта

Рис. 2. «Волновая» схема Иоганна Шмидта

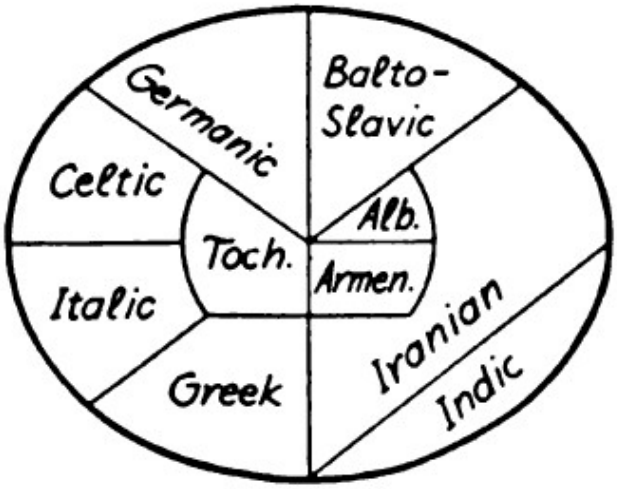


Рис. 3. Схема Антуана Мейе

ЛИНГВИСТИКА, ГЕНЕТИКА И АРХЕОЛОГИЯ О ВНУТРЕННЕМ ЧЛЕНЕИИИ ИНДОЕВРОПЕЙСКОЙ ОБЩНОСТИ

В настоящее время известна ровно дюжина, из них десять живых и два мёртвых, индоевропейских языков. К первым относятся албанский, армянский, балтский, германский, греческий, индийский, иранский, кельтский, романский (италийский) и славянский, ко вторым – тохарский и хеттский. От последних осталось достаточно языкового материала, чтобы мы могли считать их самостоятельными членами индоевропейской языковой семьи. Языковые остатки известные нам по скудным надписям или даже только по личным именам и географическим названиям и известные как «венетский», «фригийский», не говоря уже о «скифском», «иллирийском» или «фракийском» языках ни в коем случае не могут использоваться в качестве самостоятельных таксонометрических единиц в языковой классификации. В лучшем случае эти «руины» можно приписать к одной из двенадцати канонических индоевропейских языковых ветвей, что и делается, например, по отношению к «скифскому» языку, который принято относить к иранским.

Первые попытки установить связи между индоевропейским языками которые были сделаны уже в XIX веке могут быть сведены к теории родословного древа Шлейхера и к волновой теории Шмидта. Согласно первой из них современные индоевропейские языки возникли в ходе распада праязыка, согласно второй индоевропейская семья языков представляет собой цепь каждое из звеньев которой связано со своими соседями. Схему Шмидта дополнил Антуан Мейе. Схематически эти схемы можно представить следующим образом (Рис. 1-3).

На каких основаниях производятся подобного рода классификации? Если не погружаться в дебри, любой язык можно упрощенно представить как совокупность набора слов (лексики), словообразовательных средств (морфологии) и набора характерных для языка звуков (фонетики). Генетическое родство индоевропейских языков было определено лексически, первые попытки построения родословного древа языков делались на морфологическом и фонетическом материале. Современные исследования используют для этой цели машинные методы обработки словаря (лексикостатистику), но пока полученные результаты напоминают ответы оракула, каковым выступает компьютерная программа, и которые невозможно ни подтвердить, ни опровергнуть и которые представляют собой скорее разновидность научной магии, чем рациональное исследование.

В дальнейшем мы будем привлекать в первую очередь сведения фонетики, затем морфологи и в последнюю очередь лексики, поскольку именно в этой последовательности падает устойчивость перечисленных элементов языка. Очевидно, что легче всего усваивается лексика – зная слова можно с успехом объясняться и на ломанном языке. Труднее, но возможно освоить морфологию и в совершенстве овладеть письменным языком: в качестве примера можно привести авторов «Сердца тьмы» и «Лолиты» написавших классические произведения на неродном для них английском языке. Избавится же от акцента невозможно в принципе. Именно поэтому мы начнем с фонетики, как самой важной составной части языка.

Количество фонетических изоглосс рассекающих индоевропейские языки примерно пополам весьма ограничено. В качестве примера можно взять список мэтра индоевропейского языкознания Антуана Мейе (Antoine Meillet) из классической работы «Введение в сравнительное изучение индоевропейских языков». Он выделяет пять таковых изоглосс (Мейе 1938: 419-420).

Первой является изоглосса отражения заднеязычных СОГЛАСНЫХ разделяющая индоевропейские языки на широко известные ветви КЕНТУМ (CENTUM): германский, греческий, италийский, кельтский, тохарский, хеттский и САТЭМ (SATƏM): албанский, армянский, балтийский, индийский, иранский, славянский.

Второй является изоглосса отражения кратких ГЛАСНЫХ *А и *О. В зависимости от того смешиваются

ГРУППЫ / ИЗОГЛОССЫ	«кентумные», «окающие», «сохранившие ШВА», «не изменяющиеся и. – е. *S по правилу RUKI», «SS-языки»	«сатемные», «акающие», «утратившие ШВА», «изменяющие и. – е. *S по правилу RUKI», «TS-языки»
1. CENTUM / SATƏM	германский, греческий, италийский, кельтский, тохарский, хеттский	албанский, армянский, балтийский, индийский, иранский, славянский
2. Различение / смешение O и A	армянский, греческий, италийский, кельтский, тохарский, (хеттский?)	албанский, балтийский, германский, индийский, иранский, славянский, (хеттский?)
3. SS / ST	германский, италийский, кельтский	балтийский, греческий, иранский, славянский
4. SCHWA / –	греческий, индийский, италийский, кельтский, тохарский	армянский, балтийский, германский, иранский, славянский
5. – / RUKI	греческий, италийский, кельтский, тохарский, хеттский	албанский, армянский, балтийский, германский, индийский, иранский, славянский

Рис. 4. Основные индоевропейские фонетические изоглоссы

ли они в один звук или нет индоевропейские языки делятся на «акающую» (по определению О.В. Широкова): албанский, балтийский, германский, индийский, иранский и славянский и «окающую»: армянский, греческий, италийский, кельтский и тохарский, ветви. Положение хеттского неясно, потому что шумеро-аккадская клинопись на которой написаны хеттские тексты не различает A и O и непонятно не различались ли они в самом языке или их не позволяют различить особенности письма.

Две этих главных фонетических изоглоссы в которых участвуют все индоевропейские ветви можно дополнить менее представительными.

Третьей изоглоссой отражения индоевропейского сочетания *TST. В германском, италийском и кельтском оно отражается как SS, в балтийском, греческом, иранском и славянском как TS (в индийском – TT), для остальных языков надёжных примеров нет.

Четвёртой изоглоссой отражения индоевропейского звука «шва» или *Ə (этот звук в английском слове MAN «человек»). В середине слова между согласными этот звук исчез в армянском, балтийском, германском, иранском и славянском, но сохранился в греческом, индийском, италийском, кельтском, а также в тохарском (албанских и хеттских примеров нет).

И наконец пятой изоглоссой является так называемый «закон РУКИ» или переход индоевропейского свистящего *S в шипящий звук Š (Ш) после *R, *U, *K, *I в индийском и иранском, после *U и *I в албанском (Orel 2000: 62) и балтийском или же в H (X) после *R, *U, *K, *I в славянском и *K в армянском. Изменения отдаленно напоминающие действия закона RUKI отмечаются также в германском (Prescott 2009).

Нетрудно заметить, что эти пять изоглосс делят индоевропейские языки на две ветви. Одна из них в целом объединяет «сатемные», «акающие», «утратившие ШВА», «изменяющие по правилу RUKI», «TS-языки», то есть в первую очередь албанцев, балтов, иранцев и славян, другая – «кентумные», «окающие», «сохранившие ШВА», «не изменяющиеся по правилу RUKI», «SS-языки»: италийский, кельтский, тохарский, хеттский. Армянский, германский, греческий, в меньшей степени индийский занимают промежуточное положение, примыкая то к одной, то другой группе. В сущности, мы видим характерный для любого живого языка пучок взаимно несовпадающих фонетических изоглосс делящих индоевропейскую языковую семью на две диалектных группы (Рис. 4).

Изначальное разделение индоевропейцев на две ветви было предложено задолго до нас в некогда нашумевшей работе Т.В. Гамкрелидзе и В.В. Иванова «Индоевропейский язык и индоевропейцы». Исследователи принципиально отказались от использования фонетических изоглосс, и построили свою схему распада общеиндоевропейского единства на основании пятнадцати морфологических признаков (Гамкрелидзе, Иванов1984: 415).

Тем не менее они пришли примерно к тем же выводам: группы A и B их схемы примерно соответствует предложенными выше «кентумно-окающей» и «сатемно-акающей» ветви соответственно. Расхождения в «начинке» каждой группы не имеют принципиального значения, важно именно наличие самого бинарного деления индоевропейского языка которое обнаруживается и при фонетическом и при морфологическом подходе.

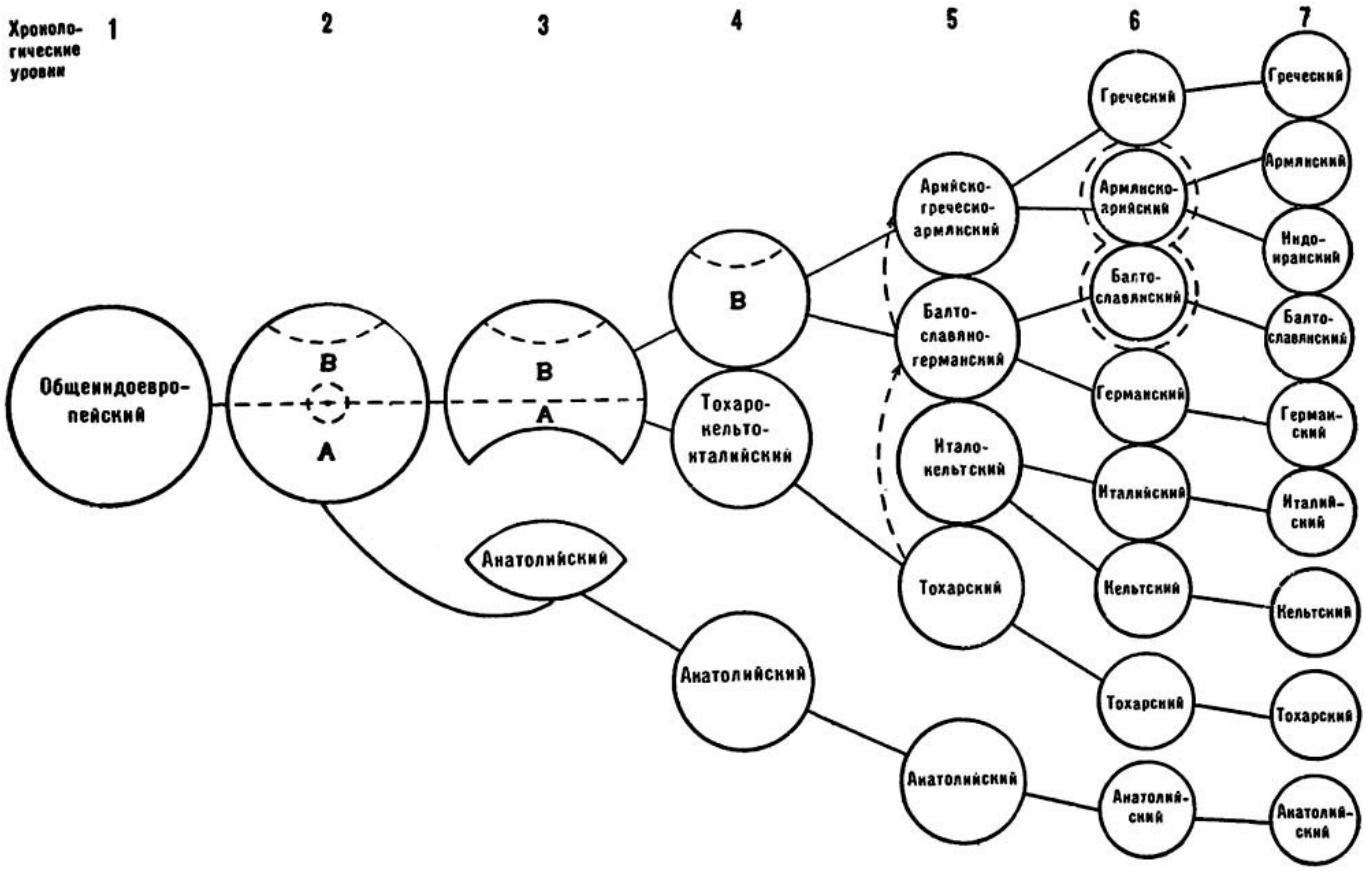


Рис. 5. Схема членения индоевропейских языков Гамкрелидзе – Иванова

Эти два идеальных индоевропейских диалекта общеиндоевропейского языка находят вполне реальное отражение в генофонде современных индоевропейских народов для которых характерно наличие отцовской Y-хромосомной гаплогруппы R1 как характерного признака, при этом ветвь R1a отмечена преимущественно у носителей языков САТЭМ (балтов, иранцев, индийцев, славян), а ветвь R1b у носителей языков КЕНТУМ (германцев, греков, кельтов, романцев). При этом ряд народов занимают промежуточное положение между двумя генетическими ветвями: в генофонде албанцев, армян, германцев и греков представлены обе Y-гаплогруппы.

На основании этого можно сделать вывод, что предки индоевропейцев в древности делились на две отличавшихся друг от друга генетически и лингвистически популяции носителей сатемно-акающего диалекта (группы B Гамкрелидзе-Иванова) с Y-хромосомной гаплогруппой R1a и кентумно-окающего диалекта (группы A Гамкрелидзе-Иванова) с Y-хромосомной гаплогруппой R1b (ср.: Жих 2020: 8-35). Генетические исследования последних лет показали, что массовое заселение Европы носителями Y-гаплогруппы R1 произошло в III тыс. до н.э. Сложность однако заключается в том, что носителями Y-хромосом R1a и R1b были носители не двух, а трёх крупных археологических культур (или культурных общностей): ямной, культуры шнуровой керамики и боевых топоров и культуры колоколовидных кубков. Племена культуры шнуровой керамики и боевых топоров были носителями Y-гаплогруппы R1a, а ямной и колоколовидных кубков – сестринских ветвей гаплогруппы R1b-L23: R1b-Z2103 и R1b-L51 соответственно.

Троичное деление индоевропейских языков проявляется в случае, когда в дополнение к фонетическим изоглоссам будут привлечены изоглоссы морфологические. Антуан Мейе называет две важнейшие: 1. наличие аугмента (приращения) при образовании прошедшего времени (объединяет армянский, греческий, индийский и иранский); 2. использование наречных по происхождению падежных окончаний на M (*M) в балтийском, германском и славянском (огняМъ «огням») и на Б (*BH) в армянском, архаическом греческом (языке «Илиады» и «Одиссеи»), италийском (латинское igniBus «огнями»), кельтском, индийском, иранском. Эти две изоглоссы объединяют все живые индоевропейские языки (за исключением албанского и греческого; в последнем формы на -ФІ (из и.-е. *BHIS) были утрачены уже в классическое время), но полностью отсутствуют в тохарском и хеттском.

Морфологическая изоглосса сопровождается и характерной лексической изоглоссой: в M-языках название серебра (английское silver, литовское sudrabs и пр.) заимствовано из неиндоевропейского источника (аккадское «шурпум» «серебро»), в Б-языках – исконно индоевропейское (греческое ἄργυρος, латинское argentum и т.д.). Языкам с аугментом (армянскому, греческому, индийскому и иранскому) противостоят языки с так называемым «северо-западным словарём» (vocabulaire du Nord-Ouest) – в него входят слова, которые встречаются в италийском, кельтском, германском,

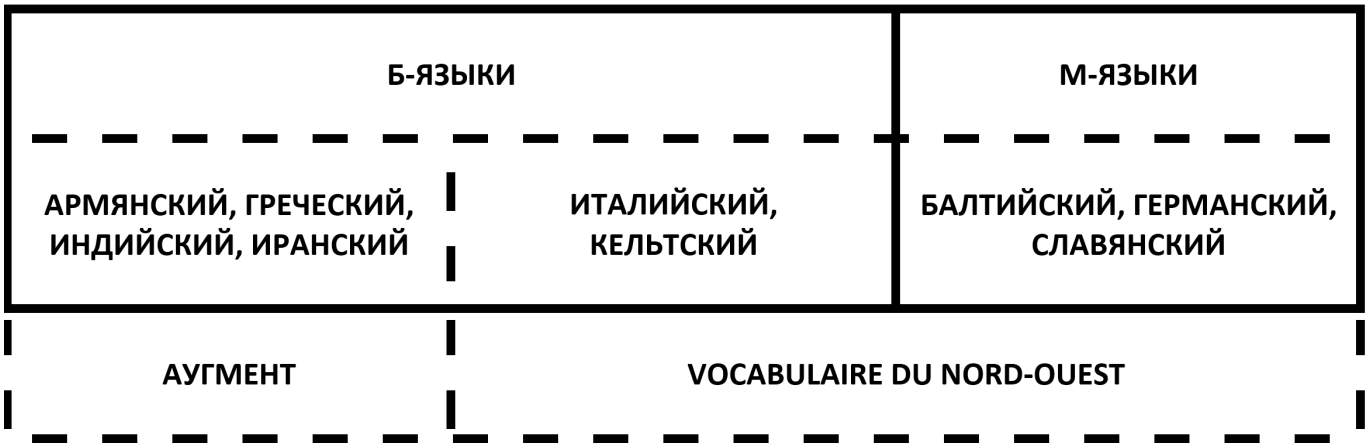


Рис. 6. Важнейшие индоевропейские морфологические и лексические изоглоссы

балтийском и славянском языках, но отсутствуют в греческом, армянском и арийском (Порциг 2003: 58).

Три указанных в таблице (рис. 6) группы можно увидеть на пятом хронологическом уровне схемы представленной в книге Гамкрелидзе-Иванова, согласно которой на этой ступени развития индоевропейские языки составляли пять отдельных ветвей: анатолийскую, тохарскую, «итало-кельтскую» (Б-языки без аугмента), «балто-славяно-германскую» (М-языки) и «арийско-греческо-армянскую» (Б-языки с аугментом) (Рис. 5). Единственное, что вызывает недоумение в этой схеме, так это объединение в одной группе А «балто-славяно-германцев» и «арио-греко-армян». Авторы допускают очевидный анахронизм объединяя в одну группу будущих носителей сатемных языков: армян, арийцев (индийцев и иранцев), балтов и славян. Очевидно, что распад происходил иначе: сначала от Б-языков отделились М языки («балто-германо-славяне»), а только потом Б языки распались на западную («итало-кельты») и восточную или «аугментную» группу («арийско-греческо-армянскую»).

Временные и пространственные характеристики пятого уровня распада индоевропейской области можно установить с совершенной точностью – речь идет о III тыс. до н.э., времени существования культур ямной (Pit-Grave Kurgans), шнуровой керамики (Corded Ware), колоколовидных кубков (Bell Beakers) и троянских кубков (Depas and Tankards) обозначенных на прилагаемой карте (Tagungen 2015: 17; Рис. 7).

Если мы добавим к ним находящуюся за пределами карты родственную ямной афанасьевскую археологическую культуру Минусинской котловины, мы увидим, что лингвистические, археологические и генетические сведения можно соотнести между собой следующим образом (рис. 8).

Поиск корней славянства следует начинать именно с этого времени поскольку предки носителей славянского языка совершенно точно находились тогда в составе носителей культуры шнуровых керамик и боевых топоров, говорили на индоевропейском М-диалекте, использовали в качестве названия серебра слово восходящее к аккадскому «шурпум» и в генетическом отношении представляли собой мужскую популяцию с Y-хромосомной гаплогруппой R1a. Для того чтобы показать каким образом происходил процесс превращения части описанного выше индоевропейского народа III тыс. до н.э. в исторических славян I тыс. н.э. следует обратиться к генетическому составу индоевропейских народов.

МЕСТО СЛАВЯН СРЕДИ ПРОЧИХ ИНДОЕВРОЕЙСКИХ ЯЗЫКОВ

Достижения генетики позволяют построить не реконструированное, а реальное родословное древо индоевропейских языков. Как было сказано выше, индоевропейская общность в глубокой древности делилась на две ветви, которые генетически соотносятся с популяциями, среди которых преобладают Y-хромосомные гаплогруппы R1a и R1b. Распределение обеих генетических меток среди носителей живых индоевропейских языков хорошо известно и выглядит следующим образом.

Подавляющее большинство современных индоевропейцев-носителей Y-хромосомной гаплогруппы R1 относятся к ветвям R1a-Z645 и R1b-L23. Каждая из них в свою очередь на дочерние ветви, распространенные среди определённых индоевропейских народов. Например R1a-Z645 делится на «индо-иранскую (арийскую)» гаплогруппу R1a-Z93 и «балто-германо-славянскую» R1a-Z283 (главной ветвью которой является R1a-Z282). R1b-L23 делится на «германо-кельто-романскую» (западноевропейскую) R1-L51 и албано-армяно-греческую R1b-Z2103. Родословное древо живых индоевропейских языков построенное на основании генетических и лингвистических сведений можно представить следующим образом (Рис. 9).

Историческое развитие индоевропейских языков представится нам как сложный процесс взаимодействия двух «популяций», когда усугубляющее языковое расщепление в духе теории «родословного древа» Шлейхера сопровождалось вторичным схождением в духе «теории волн» Шмидта. На схеме видно, что помимо, так сказать, «чистокровных» представителей своей ветви, таких как балты и славяне в группе «R1a-сатем-А-языки» и италики и кельты в группе «R1b-кентум-О-языки» прочие живые индоевропейские языки являются плодом вторичного смешения двух индоевропейских «прадиалектов». Например, германцы возникли в ходе слияния

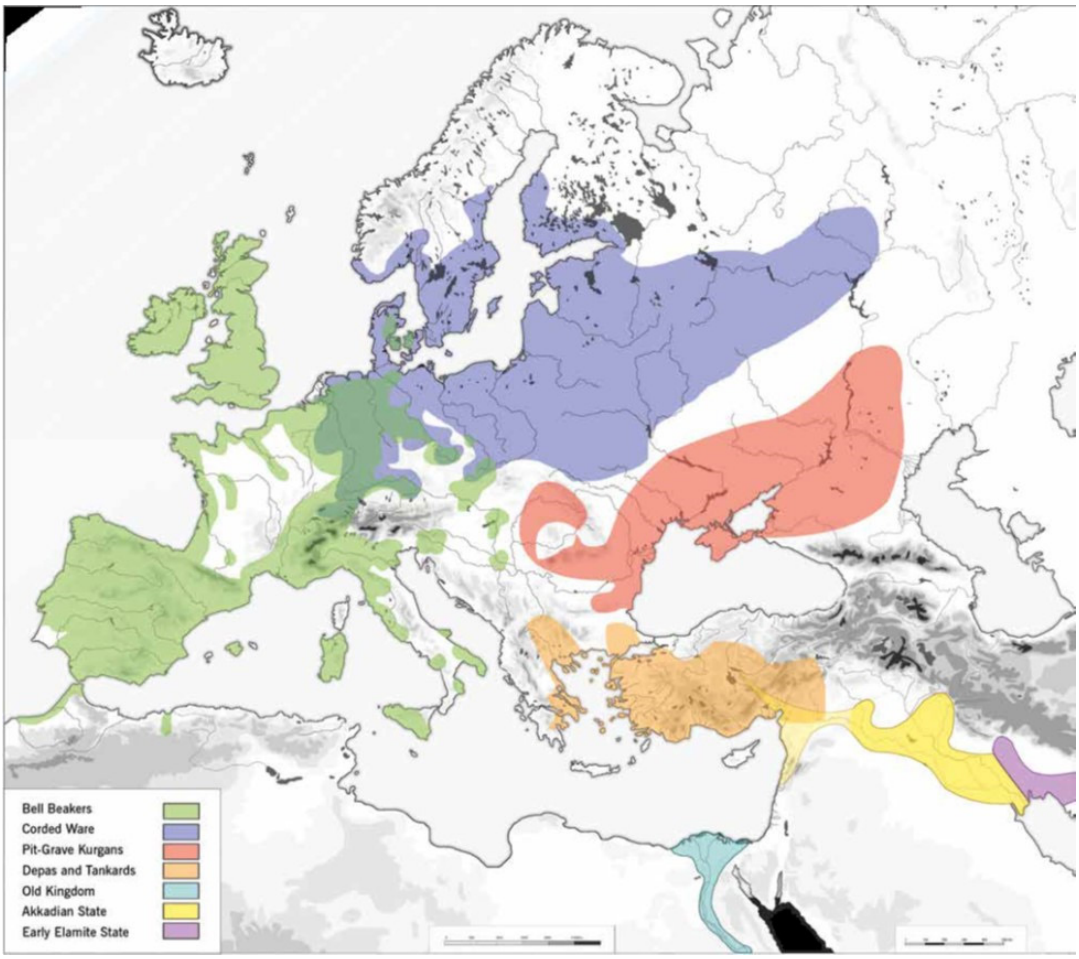


Рис. 7. Важнейшие индоевропейские археологические культуры III тыс. до н.э.: колоколовидных кубков (Bell Beakers), шнуровой керамики (Corded Ware), ямная (Pit-Grave Kurgans), троянских кубков (Depas and Tankards)

двух групп населения: популяции носителей Y-гаплогруппы R1a-Z284 и А-языка с одной стороны и носителей Y-гаплогруппы R1b-U106 и кентумного языка – с другой. Очевидно, что образование (пра)германцев произошло в зоне пересечения ареала культр шнуровой керамики (их носители имели Y-гаплогруппу R1a) с ареалом культуры колоколовидных кубков (её носители имели Y-гаплогруппу R1b-P312, дочерней веткой которой является «германская» R1b-U106).

Арийский язык (индоиранцев) образовался в ходе взаимодействия популяции носителей Y-гаплогруппы R1a-Z93 и сатемного А-языка и населения с Y-гаплогруппой R1b-Z1203 с Б-языком вследствие чего арийцы оторвались от изначально родственной им ветви М-языков. Археологически этот процесс можно сопоставить с заменой носителей ямной, афанасьевской, катокомбной и полтавкинской культуры III тыс. до н.э. с «армяно-греческой» Y-гаплогруппой R1b-Z1203 племенами абашевской, синташтинской, срубной и андроновской культур II тыс. до н.э. с «арийской» Y-гаплогруппой R1a-Z93 происходивших из круга культур шнуровых керамик и боевых топоров. Начало этого процесса можно проследить по первым итогам изучения генофонда абашевской культуры (Энговатова и др. 2023: 207-228). Смешение этих двух популяций привело к образованию общности так называемых «языков с аугментом», которая позднее распалась на кентумный греческий и сатемные армянский, индийский и иранский языки.

Иными словами, сначала часть «R1a-сатем-А-языки», предков будущих арийцев, оторвалась от своих генетических родственников (носителей М-языков, предков балтов, славян и части германцев) и вошла в состав общности носителей Б-языков (все за исключением арийцев – «R1b-кентум-О-языки»). Внедрение в состав группы «R1b-кентум-О-языки» инородной (арийской) популяции привело к распаду Б-языков на западную (итало-кельтскую) и восточную (арио-армяно-греческую) «аугментную» ветви. В дальнейшем носители армянского языка были оторваны арийцами от своих генетических родственников (носителей Y-гаплогруппы R1b и «О-языков») и включены в состав изначально чуждой им сатемной популяции (все за исключением армян – носители «А-языка» и за исключением армян и албанцев – носители Y-гаплогруппы R1a).

Сатемные языки можно разделить на две ветви – восточную (азиатскую), в которую входят арийские и армянский языки и западную (европейскую) состоящую из албанского, балтийских и славянских языков. Азиатские сатемные языки относятся к аугментным Б-языкам и в целом представляют собой плод смешения двух изначальных праиндоевропейских диалектов: армяне отличаются от арийцев и генетически (R-1b-Z1203 и R1a-Z93) и лингвистически (армянский «О-язык «и

Лингвистика	Б-язык без аугмента	М-язык	Хеттский (анатолийский)	Б-язык с аугментом	Тохарский
Археология	Культура колоколовидных кубков	Культура шнуровой керамики и боевых топоров	Культура троянских кубков (δέπας ἀμφικύπελλον)	Ямная (и катакомбная) культура	Афанасьевская культура
Генетика	R1b-L51	R1a	R1b - ?	R1a-Z2103	R1-L23

Рис. 8. Членение индоевропейской области в III тыс. до н.э. по сведениям языкознания, археологии и генетики

«А-язык» арийцев). Западная ветвь лингвистически однородна: все три языка сатемные и смешивают индоевропейские краткие *А и *О в одном звуке (то есть относятся к группе «А-языков»). Утрата изначальной системы склонения не позволяет определить принадлежал ли албанский к Б или М-языком, но по фундаментальным лингвистическим признакам (сатемный «А-язык») он примыкает к последним (балты, германцы и славяне).

Будучи лингвистически близкородственными балтам и славянам албанцы не имеют с ними ничего общего в плане генетики. Если первые принадлежат к носителям Y-гаплогруппы Z-282, то албанцы генетически схожи с греками, для обеих народов характерно специфическое сочетание Y-гаплогрупп R1b-Z2103 и «африканской» по происхождению E-V13. В целом албанцы и греки представляют собой единую генетическую популяцию, резко отличающуюся от своих северных соседей по Балканскому полуострову – южных славян (Балановский 2015: 192. Рис. 5.41). Проще говоря, албанцы суть ни что иное как «греки» некогда усвоившие «балто-славянский» язык. Обстоятельства при которых это произошло требуют особого рассмотрения.

Что же касается места славян среди индоевропейских языков, то мы видим, что вместе с балтами они являются наиболее характерными представителями одной из двух изначальных индоевропейских популяций, а именно носителей Y-гаплогруппы R1a и сатемных «А-языков». Антиподами славян и балтов можно считать италиков (романцев) и кельтов, как наиболее чистых представителей другой индоевропейской ветви – носителей Y-гаплогруппы R1b и кентумных «О-языков». Учитывая малочисленность балтов и кельтов эти две основных индоевропейских популяции (и диалектов на которых они говорили), можно условно именовать «макрославянами» и «макророманцами». Все прочие индоевропейские ветви являются плодом конвергентного взаимодействия этих двух главных стволов родословного древа индоевропейских языков (Рис. 10).

АЛБАНЦЫ, БАЛТЫ, СЛАВЯНЕ

Классик индоевропейского языкознания Вальтер Порциг определял место албанского языка следующим образом: «Большое число новшеств и других диалектных особенностей объединяет албанский язык с восточной группой индоевропейских языков… В пределах восточной группы албанский наиболее близок к западным её представителям, к греческому, славянскому и балтийскому языкам, а из последних наиболее тесные отношения связывают албанский с балто-славянской областью» (Порциг 2003: 268).

О том, насколько далеко на юг простиралась «балто-славянская» область позволяют судить общие названия города и пастуха в греческом и балтийских языках: греч. πόλις – лит. pilis, латыш. pils и греч. ποιμήν – лит. piemuo – фин. paimen (древнее заимствовано из балтийских). На всем пространстве между греками на юге и финнами на севере индоевропейское население некогда говорило на близкородственных западно-сатемных диалектаах, обособленных от прочих индоевропейских языков помимо прочего тем, что только в албанском, балтийском и славянском древний индоевропейский корень со значением «бить, убивать» (лат. *fendō (dē-fendō «отбивать» of-fendō «бить»), греч. θείνω «(у)бить» и пр.) приобрел значение «преследовать, гнать (скот)» (Порциг 2003: 258; Широков 2017: 29): лит. ganyti «пасти», латыш. gans «пастух», русс. «выгон» и пр.

Несмотря на то, что по фундаментальным лингвистическим признакам албанский, балтийский и славянский являются в сущности тремя диалектными ветвями одной «западносатемной» языковой общности с точки зрения генетики они резко отличаются друг от друга. В целом Y-хромосомный набор албанской популяции представляет собой сочетание «индоевропейской» гаплогруппы R1b-Z1203 (12-14%), «североафриканской» E-V13 (27-35%) и «ближневосточной» J2-Z600 (15%). Генетически албанцы мало отличаются от греков, что хорошо видно на карте генетических расстояний составленной на основе сопоставления сочетаний Y-хромосомных гаплогрупп в разных европейских популяциях (Балановский 2015: 192. Рис. 5.41). В сущности, албанцы, как и греки являются индоевропеизированными средиземноморцами, только в отличие от предков греков, которые меняли язык один раз, албанцы делали это дважды – сменив первый индоевропейский язык «греко-армянского облика», принесенный на Балканы популяций носителей гаплогруппы R1b и кентумного О-языка, на «балто-славянскую» речь, принесенную на юг переселенцами с севера, носителями гапогруппы R1a и сатемного А-языка.

Генофонд славян и балтов тоже резко отличается, хотя пропасть разделяющие обе популяции не такая глубокая, по сравнению с той, которая отделяет их от албанцев. Славян и балтов объединяет Y-гаплогруп-

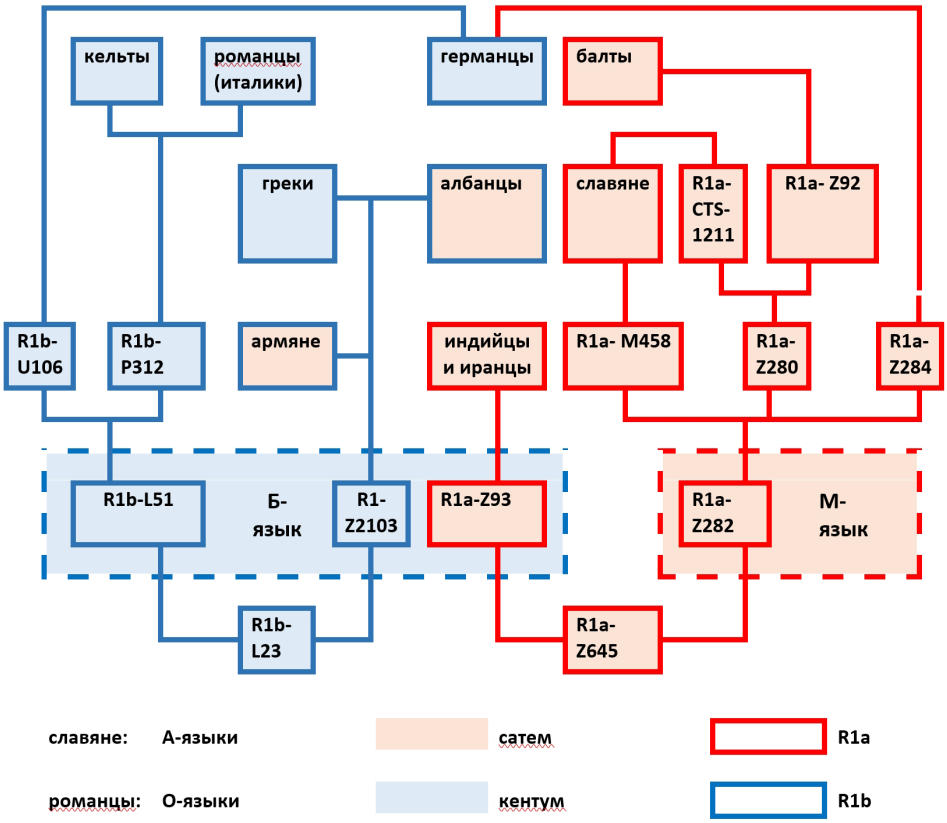


Рис. 9. Родословное древо живых индоевропейских языков по сведениям генетики и языкознания

па R1a-Z282 составляющая примерно половину в их популяциях, но вторая по распространенности Y-хромосомная гаплогруппа славян – это западнобалканская («динарская») I2a-Y3120, а у балтов – «сибирская» N-CTS2929 (Рис. 11). Балтские народы по составу Y-хромосом представляют собой одну популяцию с прибалтийскими и волжскими финнами, что хорошо видно по картам генетических расстояний (Балановский 2015: 161-167. Рис. 5.1-5.10; Рис. 12).

Таким образом разделение славян и балтов довольно точно датируется появлением Y-хромосомной гаплогруппы N в Прибалтике при переходе от бронзового к железному веку, что археологически увязывается с распространением культуры текстильной керамики, носителями которой были прибалтийские финны. Балты образовались в ходе смешения «балто-славян», носителей Y-гаплогруппы R1a-Z282 (и в первую очередь её специфической балтийской ветви R1-Z92, нехарактерной для славян в целом) с пришлым «уралоидным» населением. При этом произошло изменение не только генофонда, но также антропологического типа – монголоидные признаки, хотя и в сильно ослабленном виде все же выражены у балтов гораздо ярче по сравнению с восточными славянами (Алексеев 1972: 220-230). Финское влияние выразилось в появлении в балтийском спряжении разнообразных местных падежей: инессива, иллатива, адессива и аллатива в литовском (устранены из современного литературного языка в результате целенаправленной пурификации), а также в полном разрушении индоевропейского глагольного спряжения, которое заменено в балтийских (в частности литовском) системой с двумя простыми прошедшими временам, напоминающим таковую в финских и тюркских языках Поволжья.

Распад «балто-славянской» общности при переходе от бронзового к железному веку подтверждается и названиями соответствующих металлов в обоих языках. Общее для славян и балтов название железа в конечном счёте восходит к греческому названию меди и бронзы χαλκός (Иванов 1983: 104) и первоначально имело то же значение. После освоения железа, название старого делового металла меди было перенесено на новый (то же самое произошло с древним названием меди в арийских языках), а утратившая свое значение медь получила в славянских и балтийских языках разные названия (мѣдь и varis / vars), что говорит о раздельном существовании славян и балтов в железном веке.

Область расселения балтов в железном веке четко очерчивается ареалом балтийской гидронимии. Балтийские по происхождению названия рек занимают сплошную территорию к востоку от Вислы и к северу от Припяти. Полесские болота служили непроходимой естественной границей, разделявшей славян и балтов. Археологическим свидетельством выделения балтов из «балто-славянской» общности бронзового века следует считать так называемые городищенские культуры раннего железного века лесной полосы Восточной Европы: штрихованной керамики, днепро-двинскую, верхнеокскую, юхновскую и примыкающие к ним с юга и запада милоградскую и культуру западнобалтских курганов, находившиеся под сильным влиянием степного (скифская культура) и центральноевропейского (лу-

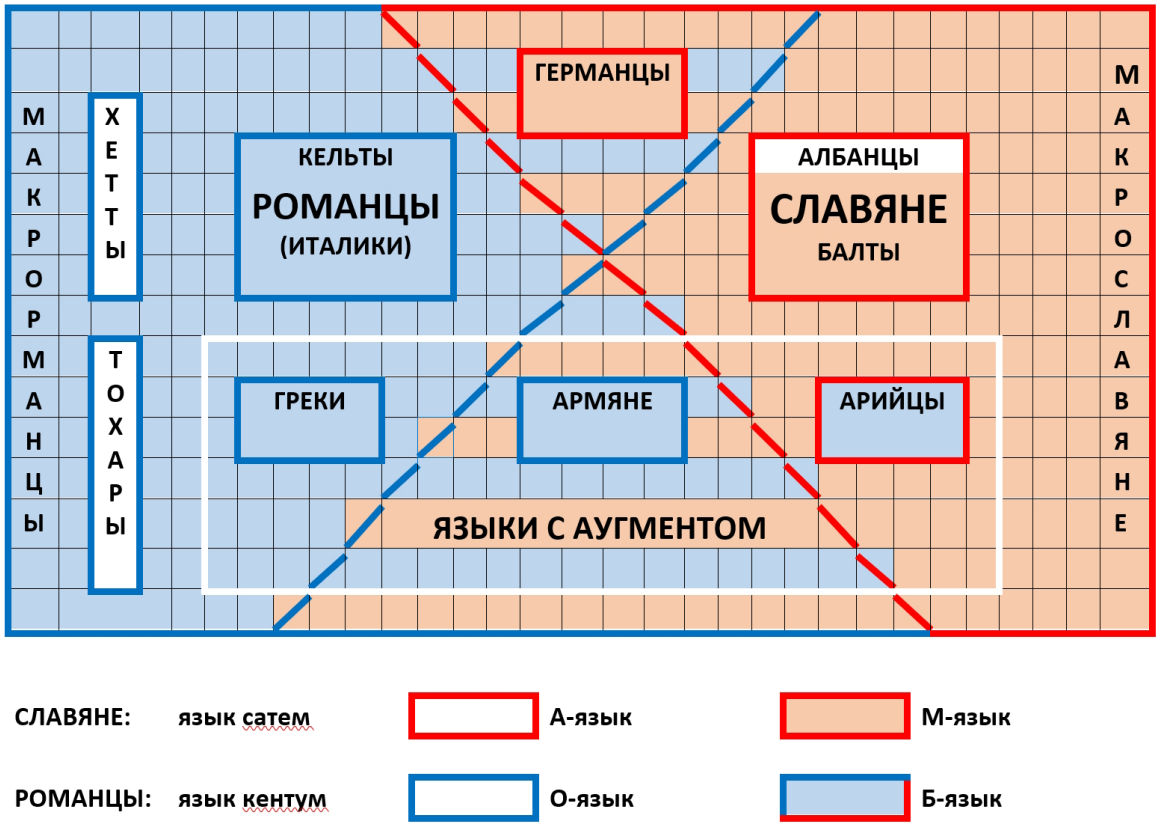


Рис. 10. Пространственная схема членения индоевропейских языков по сведениям языкознания

жицкая культура) миров (Третьяков 1966: 156-189; Седов 1970: 8-38. Рис. 1, 2, 3, 8, 10).

Относительная географическая изоляция балтов привела к тому, что по своим фундаментальным языковым чертам славянский язык оказался значительно ближе к албанскому, нежели к балтийскому. Важнейшей изоглоссой, отделяющей «албано-славян» от балтов является противопоставление сочетаний *ks и sk в начале слова. В албанском и славянском оно закономерно превратилось в x(h): подобного рода фонетическое чередование можно проиллюстрировать на примере русских названий страны Мексики (исп. México) и её столицы Мехико (Ciudad de México), последнее из которых отражает испанское, а первое – английское произношение буквы X, которое в классическом латинском языке обозначало сочетание ks и в свою очередь отражала букву греческого алфавита χ, которая в классическом греческом означала звук x (h). Классическим примером является название мужского полового органа, славянское *hujь и албанское hu при латышском и литовском skuja «хвоя» (ЭССЯ 1981: 114; Orel 1998: 150).

Нельзя не отметить полного совпадения в славянском и албанском названий половых органов, соответственно *hujь / *pizda и hu / pidh (Orel 1998: 325). В балтийских языках эти слова отсутствуют, за исключением прусского peisda «задница» (Hamp 1968: 25). Балтийцы сохранили в качестве названия зубов древнее индоевропейское слово – лит. dantis «зуб» (лат. dēns – dentis, др.-греч. ὀδούς – ὀδόντος и пр.), славяне и албанцы заменили его словом, которое в большинстве индоевропейских языков означает «деревянный шип, колышек» (греч. γόμφος), «гребень» (англ. comb): слав. ЗУБЪ (*zǫbъ < *zombu), алб. dhëmb (Orel 1998: 325). Латышское zobs «зуб» не является исконным, поскольку на почве внутреннего развития невозможно объяснить утрату звука m, сохранившегося в родственном литовском слове žambas.

Эти лексические изоглссы, которые вместе с фонетическая изоглоссой X – SK противопоставляет албанцев и славян балтам свидетельствует о том, что славяно-албанские языковые связи в отличие от балто-славянских никогда не прерывались, а ареалы расселения предков славян и албанцев в древности должны были соприкасаться.

АЛБАНЦЫ, ФРАКИЙЦЫ, ИЛЛИРИЙЦЫ

Албанцы представляют собой потомков древнего населения Балканского полуострова. В античную эпоху жителей его восточной части именовали фракийцами (Θρᾷκες), а западной – иллирийцами (Ἰλλυριοί). Скудные остатки их языков: личные имена и местные названия сохранившиеся в древней письменности позволяют сделать вывод, что в них не было противопоставления заднеязычных (то есть звуков наподобие русских К и Г) по огубленности (лабиализации) – неогубленности, характерных для языков кентум, а количество гласных звуков сократилось с пяти до четырёх за счет слияния О и А в один звук. Первая из указанных изоглосс отделяет их от германцев, греков, италиков и других кентумных индоевропейских языков, а вторая от языков сохранивших пятичленный вокализм за счёт сохранения различия А и О таких как армяне и все кентумные языки за ис-

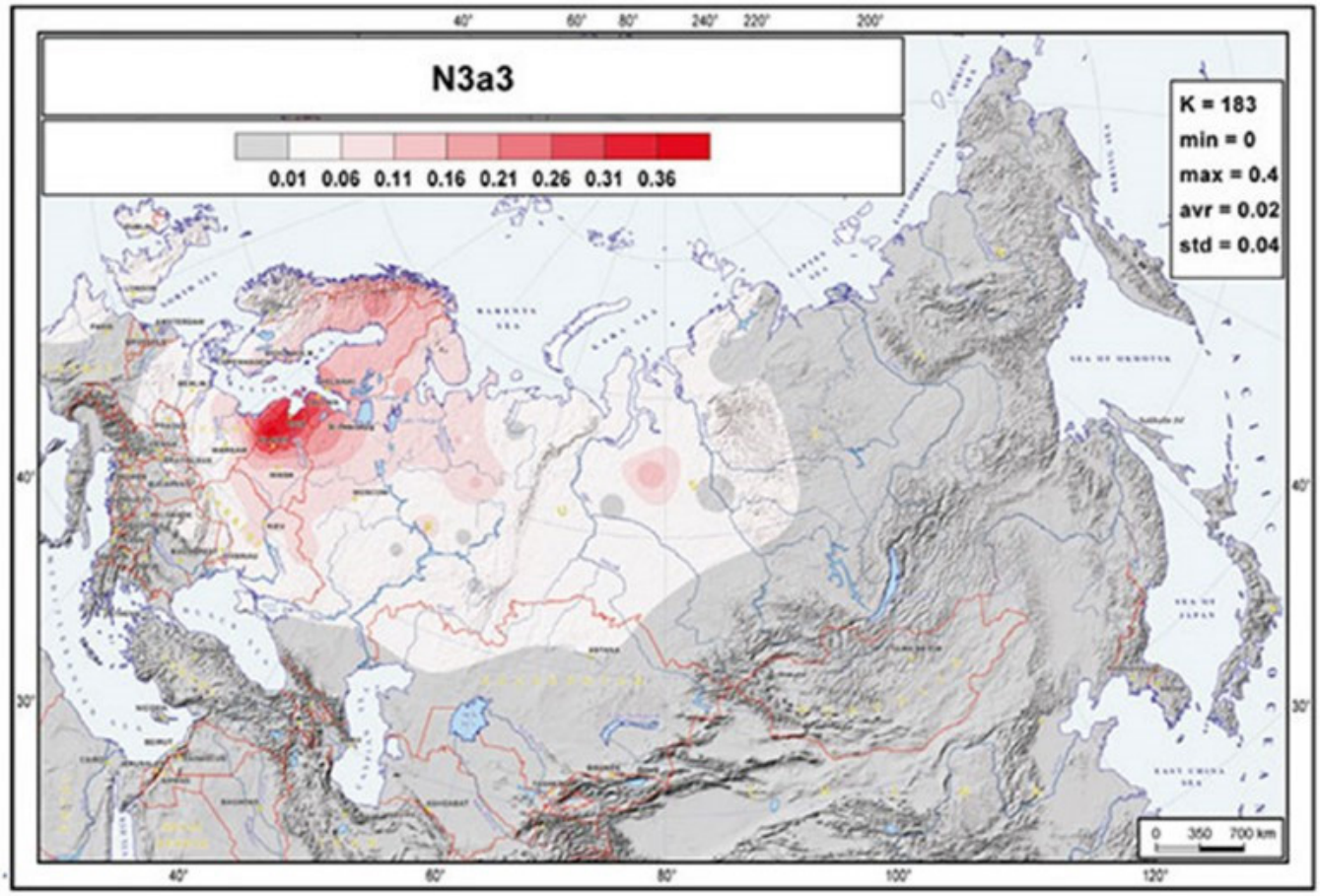


Рис. 11. Пространственное распространение «славянской» Y-хромосомной гаплогруппы I2a-Y3120 и «балтийской» Y-хромосомной гаплогруппы N-CTS2929

ключением германского с одной стороны и от арийских языков, где количество гласных сократилось до трёх за счёт слияния в один звук A, O и E с другой (Широков 2017: 26-27).

Таким образом «палеобалканские» языки иллирийцев и фракийцев относятся к той же самой западносатемной языковой ветви, что и албанцы, балты и славяне. Последняя отличается от азиатских сатемных языков, арийских и армянского непоследовательным проведением сатемной палатализации (например, «кентумное» отсутствие перехода K > C (S) в славянском КАМЫ «камень», литовском akmenys «камни» при санскритском áśman («камень»)), что привело к неправомерному утверждению о кентумной принадлежности иллирийского языка.

В связи с этим встает вопрос каким образом следует классифицировать фракийский и иллирийский языки? Есть только две возможности: первая – признать из самостоятельными членами индоевропейской языковой семьи такими как канонические 12 включая 10 живых и два мертвых (хеттский и тохарский), либо отождествить их с одним из существующих ныне западносатемных языков.

Первый путь следует решительно отвергнуть, по той причине, что в этом случае число потенциальных индоевропейских языков можно будет увеличивать до бесконечности, кроме того было странно ставить в один ряд с живыми или по крайней мере оставившими обширное письменное наследие языками (хеттским и тохарским) «топонимические» языки от которых собственно ничего не осталось.

Кроме того, в практической деятельности лингвисты выбирают именно второй путь причисления древних языков к какой-либо из уже известных ветвей. От языков кельтов или скифов осталось не многим более, чем от языка их современников – фракийцев или иллирийцев, между тем как первый из них уверенно зачисляется в одну группу с языками гэлов (ирландцев и шотландцев), валлийцев и бретонцев, второй – в восточную группу иранских языков. Поэтому мы будем мерять иллирийцев и фракийцев той же самой мерой, что скифов и кельтов – то есть попытаемся причислить их к одному из европейских сатемных A-языков: албанскому или славянскому. Балты исключаются в силу их крайней удаленности от Балкан и особенности своего этногенеза: как было сказано, они образовались вследствие смешения аборигенного «балто-славянского» населения Восточной Европы с восточными пришельцами, говорившими на уральских языках.

Современные албанцы живут на западе Балкан, то есть в иллирийской части полуострова. Однако имеются веские основания считать их пришельцами на этой территории. Главным является отсутствие упомянутого албано-славянского фонетического перехода sk > h при передаче античных названий на территории современной Албании. Например название города Шкодера (античная Σκόδρα / Scodra) на севере современной Албании по фонетическим законам развития албанского языка должно было бы превратиться в *Hadër (*sk > h, краткое *o>a) и скорее всего попало в албанский через славянское посредничество: Скадар > Shkodër (Matzinger 2000: 8).

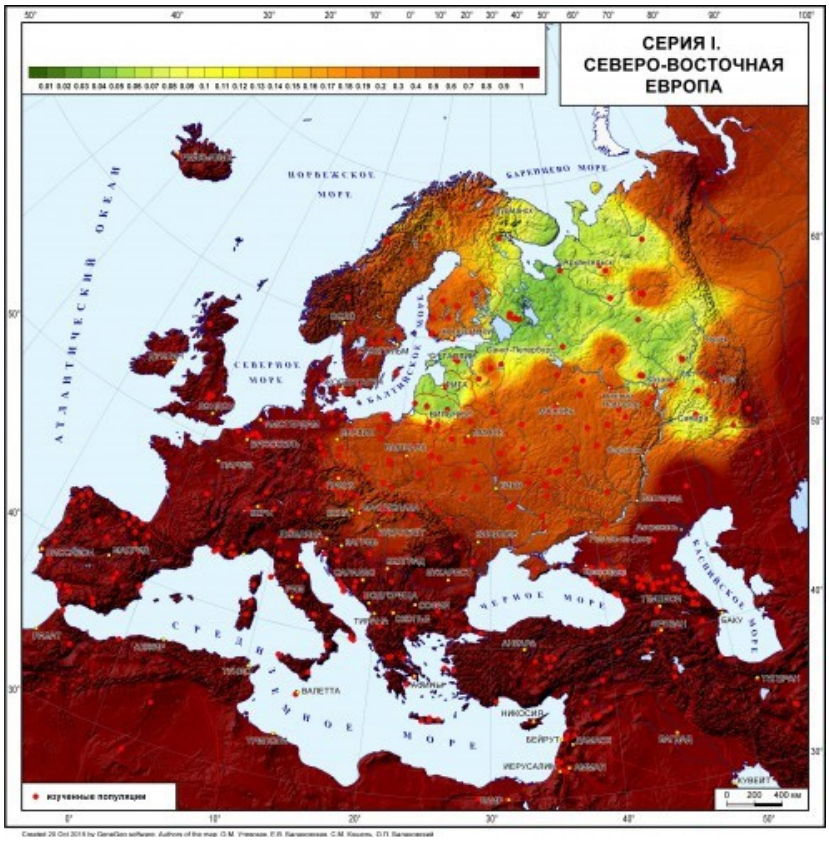
Главным все же нужно считать более общие соображения. Во-первых, балканский языковой союз, объединяющий албанский, болгарский (с македонским и торлакскими диалектами сербского языка), греческий и румынский (с аромунским) языки и обязанный своим возникновением общему албанскому субстрату занимает восточную, фракийскую часть Балкан (Рис. 15). Во-вторых, близкий к албанскому генофонд занимает ту же самую территорию и полностью отсутствует в западной, иллирийской части полуострова (Балановский 2015: 192. Рис. 5.40). В-третьих, характерная для албанцев Y-хромосомная гаплогруппа E-V13 распространялась с юго-западной части Балкан и скорее всего является генетической меткой фракийцев (Davranoglou 2023: 19-20). Полагаю, что этого достаточно, чтобы считать языковыми предками албанцев древних фракийцев.

Отождествление исторических фракийцев с лингвистическими праалбанцами влечёт за собой логический вывод о праславянской природе языка древних иллирийцев занимавших западную часть Балкан. Это умозрительное заключение можно обосновать не столько сравнением скудных остатков языка иллирийцев, со славянским первые тексты были написаны спустя тысячу лет после появления иллирийцев на страницах античных источников, а исследованием внутреннего строения славянства.

ДВОИЧНОЕ ДЕЛЕНИЕ СЛАВЯНСКОГО ЯЗЫКА И ГЕНОФОНДА

Современное славянство принято делить на три ветви: западную, восточную и южную. Оно не особенно древнее, что подтверждается общеизвестным фактом невозможности реконструировать соответствующие праязыки и тем самым подтвердить разделение единого праславянского языка на три части. Изначальное деление славян было двоичным. В самых ранних источниках VI века славяне выступают как двуединая общность «склавинов и антов» (Σκλαβηνοί καί Ἄνται). Первая классификация славянских языков (Institutiones linguae slavicae dialecti veteris 1822) предложенная отцом славянской филологии Йозефом Домбровским делила славян на две ветви по 10 изоглоссам (Дуличенко 2014: 288). Позднейшие классификации в конечном счете свелись к банальным попыткам соединить двучленную и трехчленную схему по принципу противопоставления двух ветвей третьей, чаще всего восточных и южных славян западным.

Если подняться над частностями, то нетрудно увидеть несколько фундаментальных фонетических изоглосс рассекающих славянский мир примерно пополам, не считаясь с границами трёх традиционных групп славянства. Главной из них является корреляция согласных по твердости мягкости подобная русскому противопоставлению твёрдых звуков: быт – быть, быть – бить и т.п. Это явление объединяет восточнославянские языки с польским, вымершим полабским, литературным болгарским (и восточноболгарскими говорами, которые легли в его основу), а также румынским языком – един-



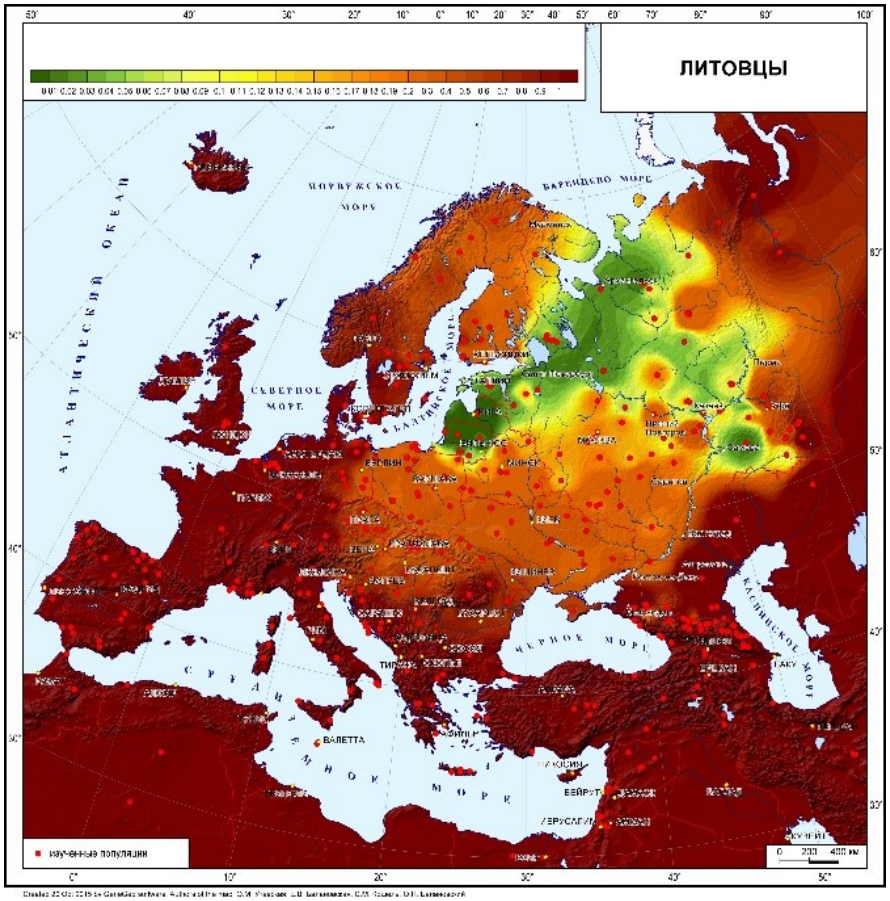


Рис. 12. Карта обобщённого генетического ландшафта Северо-Восточной Европы по гаплогруппам Y-хромосомы и карта генетических расстояний от литовцев

полам: лехитские языки объединяются с восточнославянскимс, чешский и словацкий с южнославянскими, а сербо-лужицкие занимают как бы промежуточное положение. Речь идет в частности о явлениях метатезы плавных в начале и середине слова, когда «южнославянские» формы с начальным РА- / ЛА- проникают далеко на северо-запад, например чешское название реки Эльбы – Labe «Лаба» (вместо правильной западнославянской формы «Лоба» – Lobje, Ljbjo в серболужицком) и наоборот, западно-восточнославянское название реки Лом в Болгарии вместо «правильного» южнославянского *Лам (Шустер-Шевц 2003: 79, 80). Метатеза плавных с удлинением гласного как чешское и словацкое hrad «замок, кремль», сербский и болгарский град «город» противопоставляет чешско-словацкую группу и южных славян славянам северным, где метатеза происходила без образование долгого гласного как в русском город или польском gród «замок».

Иными словами, мы наблюдаем уже знакомое на примере индоевропейской семьи в целом деление славян на два диалектных ствола, «северных» и «южных», разделенных Карпатами, на границах которых происходили взаимодействия приводившие к проникновению на юг северных черт (известные польско-болгарские изоглоссные явления, такие как широкое произношение славянского звука ѣ «ять»: болгарское бял и польское biały «белый», отсутствие в болгарском «эпитентического л», как в западнославянских языках: болгарское земя и польское ziemia «земля») и наоборот – упомянутых южных черт на север.

Двоичное членение славянства: историческое – склавины и анты, языковое – «северные» и «южные» славяне, подтверждается генетикой. Все славянские народы характеризуются сочетанием двух Y-хромосомных гаплогрупп: «северной» R1a (ветви M458 и CTS1211) распространённой преимущественно к северу от Карпат и «южной» I2a-Y3120, распространённой к югу от Карпат, но с наивысшей плотностью в западной, «иллирийской» части Балкан. Карты обобщенных генетических расстояний показали, что славяне делятся из две родственные ветви, которые при заметном отличии друг от друга стоят друг к другу заметно ближе чем к окружающему неславянскому населению (Балановский 2015: 177. Рис. 5.21 и 189. Рис. 5.35; Рис. 13).

На этих картах мы видим ни что иное как генетические портреты антов и склавинов, построенные на основе анализа Y-хромосом. Собственно, различие между ними заключается в сочетании двух основных славянских гаплогрупп: у «северных» славян R1a преобладает над I2a, у «южных» наоборот. Но в целом речь идет об одной генетической популяции отличительной особенностью которой является набор двух ведущих Y-хромосомных гаплогрупп: R1a и I2a. Генетический портрет их индоевропейских соседей выглядит совершенно иначе, например, в германской популяции преобладает сочетание Y-хромосомных гаплогрупп R1b и I1, балты – R1a и N, албанцы и греки – R1b и E.

Как уже было сказано, албанский генофонд прослеживается в восточной, «фракийской» части Балканского полуострова, в то время как «южная» составляющая славянского занимает его западную, «иллирийскую» часть (Балановский 2015: 178. Рис. 5.35, 192. Рис. 5.41; Рис. 14).

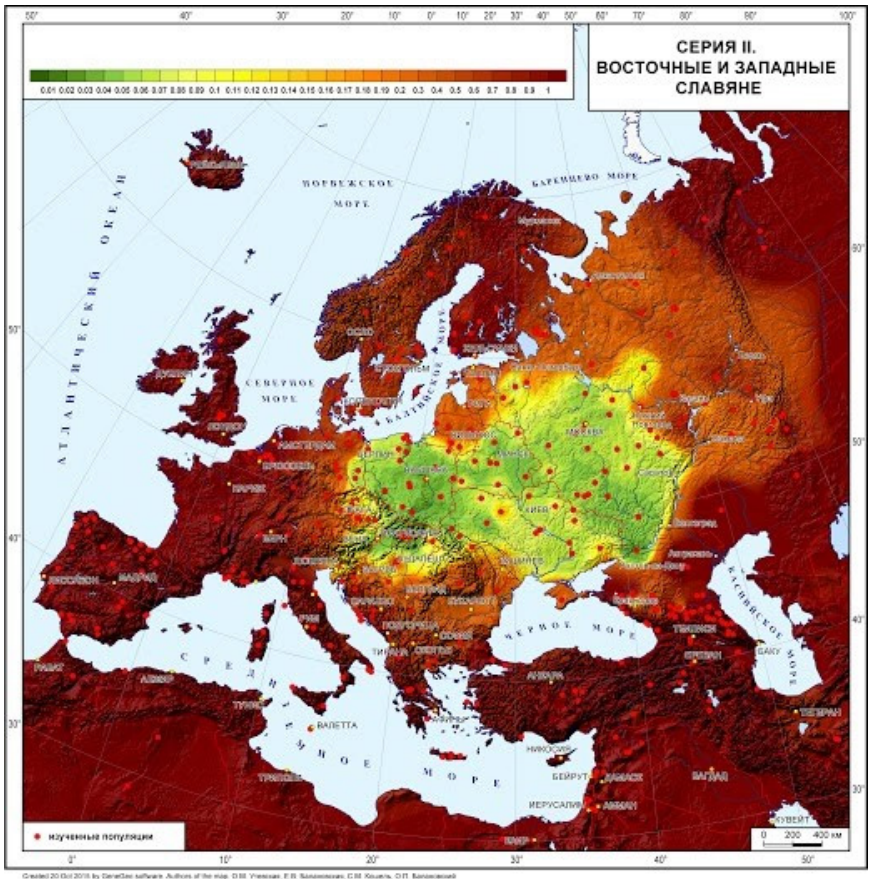
Из этого следует заключить, что албанцы являются потомками античных фракийцев, а южные славян – потомками иллирийцев.

Самое раннее упоминание славянских слов (μέδος и strava) отмечены в сочинении Приска Паннийского, участника византийского посольства ко двору Аттилы в середине V в. н.э., за сто лет до первого упоминания имени славян (Σκλαβηνοί) в сочинениях Иордана и Прокопия Кесарийского (Гиндин 1981: 52-95). «Мёд» упоминается как напиток, которым угощали послов жители селений, мимо которых они проезжали. Приск не называет этнической принадлежности этих «варваров», но её можно установить по другому напитку, который они подавали вместе с медом: «камоном» (κάμον). Христианскиий автор начала III в. Юлий Африкан упоминает его среди алкогольных напитков употребляемых разными народами: «ведь пьют египтяне зифон (ζύθον), пеоны – камон (κάμον), кельты – кервисию (κερβησίαν)» (Свод 1994: 94). Пеоны здесь греческое название паннонцев, впервые используемое в этом значении Аппианом. Таким образом, покорённое гуннами местное земледельческое население Среднего Подунавья, описанное Приском Панийскоим было паннонским по этнической принадлежности, поскольку пило «камон» и славянским по языку, поскольку название «медос» имеет славянскую огласовку (Гиндин 1981: 82-83; Свод 1994: 93). Таким образом Pannonica lingua о которой говорит Тацит, отличая его и от кельтской и от германской речи Cotinos Gallica, Osos coarguit non esse Germanos (Германия, 43) является славянским языком.

Это обстоятельство позволяет решить вопрос с разделением славян VI века на две ветви: «склавинов» и «антов». Греческие этнонимы представляют собой передачу самоназваний этих славянских народов: СЛОВЂНЕ и *ВĘТОВЕ (Грацианский 2012: 27-39; Назин 2019: 119-122). Последнее из них восходит к имени венедов (Venedi) упомянутых Тацитом (Германия, 46) в качестве восточных соседей германцев. Венедов / антов следует отождествить с «северной» ветвью славян. В таком случае предками «южной» ветви славян окажутся паннонцы / склавины (Назин 2018: 160-180).

АРХЕОЛОГИЧЕСКАЯ МОДЕЛЬ СЛАВЯНСКОГО ЭТНОГЕНЕЗА

Археологические исследования происхождения славян используют ретроспективный метод: как правило речь идет о поисках корней пражской археологической культуры V-VII вв. самой ранней, которую можно связать со славянами, то есть уходят вглубь веков. Мы попытаемся применить прямо противоположный подход – подойти к славянам из глубины веков, взяв за основу культуру шнуровой керамики, первую, которую можно достоверно связать с группой индоевропейцев, в чьем генофонде преобладала Y-хромосомная гаплогруппа R1a и которая говорила на так называемом М-языке, предке балтийского, славянского и частично германского языков.



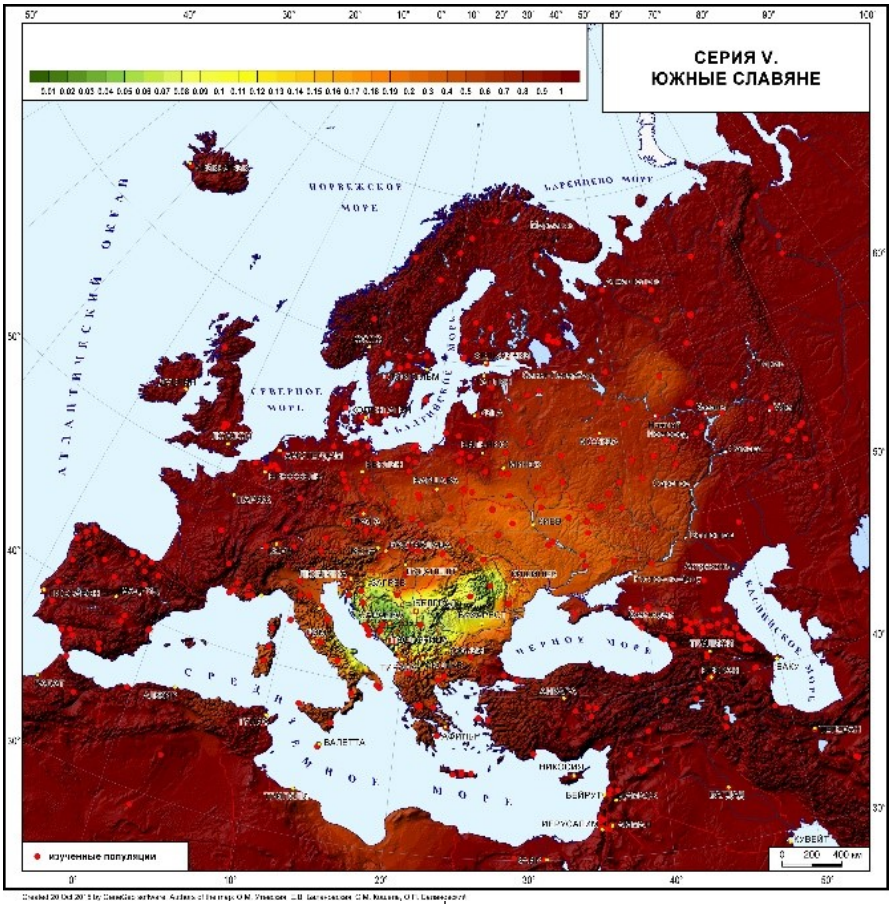


Рис. 13. Карта обобщённого генетического ландшафта «северных» и «южных» славян по гаплогруппам Y-хромосомы

прародину славян нужно искать внутри ареала распространения этого обряда. Носителям культуры шнуровой керамики и боевых топоров, из чьей среды вышли языковые предки славянства трупосожжение было чуждо. Не знали его и носители так называемых эпишнуровых культур (хлопицко-весельской, межановицко-нитрянской, стрижевской и пр.) сменивших шнуровой горизонт в раннем бронзовом веке. Он появляется к северу от Карапат только во времена тщинецко-комаровской культурной общности, чей ареал в общем совпадает с областью первоначального расселения славян предложенной Любором Нидерле (Славяне 1993: 7. Карта 1).

Распространиться этот обряд мог только с юга из Среднего Подунавья, где он собственно и появился во времена энеолитической баденской культуры, которая хронологически относилась к горизонту предшествующему распространению культур шнуровой керамики и боевых топоров. Современником последних в Среднем Подунавье была культура Вучедол, которая впоследствии распалась на ряд поствучедольских групп, Мако-Косихи-Чака, Шомодьвар-Винковцы и пр., которые были примерно синхронны эпишнуровой общности к северу от Карпат.

До начала бронзового века эти два мира: шнуровых и постшнуровых культур с трупоположением и дунайских баденско-вучедольских и поствуедольских культур с трупосожением существовали сами по себе. Однако при переходе от медного века (энеолита) к бронзовому население со шнуровой керамикой стало расселяться на юг следствием чего стало появление смешанных памятников, известных в Венгрии под названием культуры Кишапоштаг, в Австрии, Словении и Хорватии – культуры Litzenkeramik (посуды с особым шнуровым узором). На их основе образовалась паннонская культура инкрустированной керамики и ряд других групп в западной части Среднего Подунавья, в которых господствовал обряд трупосожжения.

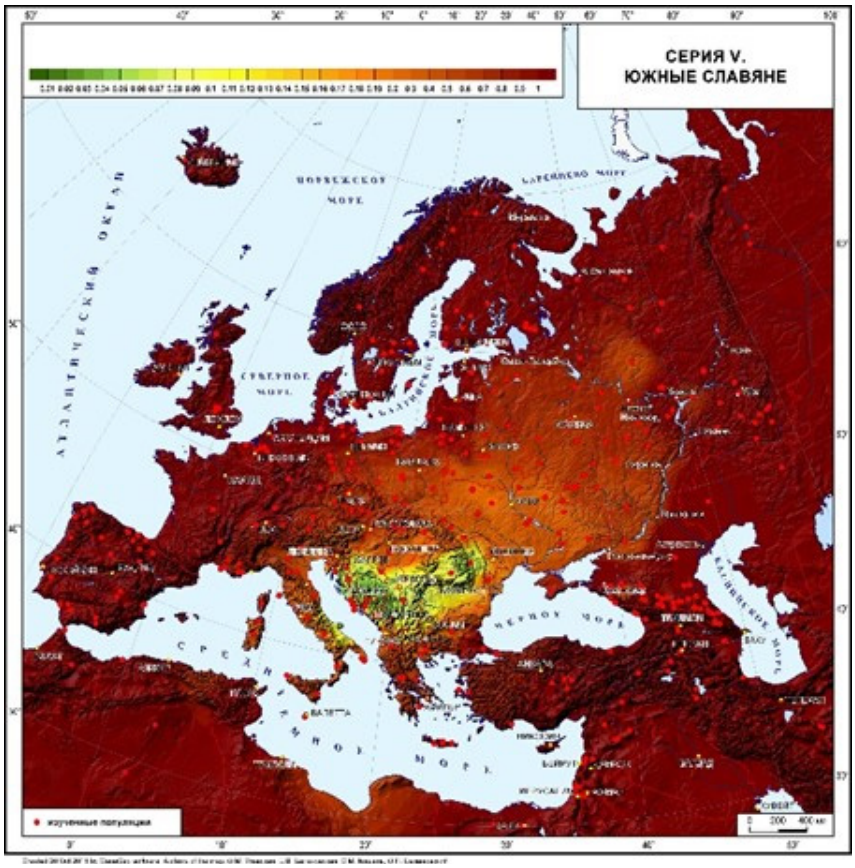
Две эти общности разделенных Карпатами, – круг культур инкрустированой керамики на юге и тшинецко-комаровская общность на севере, – представляли собой в бронзовом веке одинокой «кремационный» остров в море европейских «ингумационных» археологических культур. Трупосожжения в это время были известны только далеко на востоке – среди андроновских племён в современном Казахстане, вероятно прямых предков индоариев (Кузьмина 1994) и в Малой Азии среди хеттов, в которых некоторые археологи видят потомков носителей трупосжигающей баденской культуры (Клейн 2010: 84-91). Восточноевропейскую общность культур с обрядом трупосожжения среднего бронзового века вероятно и следует связывать с языковыми предками албанцев, балтийцев и славян – представителей западной группы сатемных А-языков.

В позднем бронзовом веке трупосожжение резко расширяет свой ареал: практически по всей Европе за исключением её западной «кельтской» и северной «германской» части распространяются культуры полей погребальных урн. Первые поля погребений появляются в том же Среднем Подунавье, занимают Центральную Европу и Италию, в итоге образуется четыре больших группы: среднедунайская, лужицкая, центральноевропейская и итальянская (культура протовилланова) (Монгайт 1974: 65). Слово означавшее первоначально пламя погребального костра (Трубачев 2003: 209-212) сохранилось в качестве названия огня только у индийцев (агни), италиков (латин. ignis), славян (ОГНЬ), балтов (лит. ugnis, латыш. uguns) и возможно албанцев у которых это слово осталось в названии четверга enjte «четверг», дня посвященного Юпитеру, богу небесного огня (Orel 1998: 88-89), то есть у народов, в большинстве своем исторически приверженных обряду кремации. Древнейшие итало-славянские лингвистические контакты, выявленные О.Н. Трубачёвым (Трубачёв 1966) при анализе ремесленной терминологии, а В.В. Мартыновым (Мартынов 2004) при анализе праславянских синонимов могли осуществляться только в пределах «кремационной» культуры полей погребений бронзового века. Вероятно, германское обозначение славян, совпадающее с именем античных венетов, говоривших на языке италийской лингвистической группы, близким к латыни, восходит к этнониму носителей этой культуры.

В начале железного века ареал трупосожжений сжимается. Он исчезает в Италии и Центральной Европе, зато распространяется на севере, среди населения прагерманской ясторфской культуры. В гальштаттской культуре, сменившей культуру полей погребений он сохраняется только в её восточной среднедунайской группе, в местах где и зародилось трупосожжение. В это время трупосожжение исчезает в Восточной Европе, по всей области распространения балтийской гидронимии и лесных городищенских культур раннего железного века, зато появляется в восточной и южной части Балканского Полуострова где до этого не было известно. Как говорилось выше, ранний железный век – это время разделения предков славян и балтов, когда последние под влиянием смешения с уральскими монголоидами с хромосомной Y-гаплогруппой N переняли от них археологически неуловимые обряды погребения (подвешивание на деревьях, домики мертвых) возникшие в связи с невозможностью погребения трупа во время лютых морозов на урало-сибирской прародине финноязычных народов.

С другой стороны распространение в восточной части Среднего Подунавья и Балкан культур фракийского гальштатта с полями погребений, каннелированной и инкрустированной керамикой (Дубовац-Кырна-Жуто Брдо, Гава, Босут, Басараби и др.) привело к смешению западносатемного населения «балто-славянского» облика с местным «греко-армянским» населением наподобие фригийцев, которое привело к образованию праалбанцев (исторических фракийцев) – народа с северным языком родственным балтийскому и славянскому, но с южной генетикой родственной грекам и армянам.

Кельтские завоевания, связанные с распространением латенской культуры, привели к стиранию культурных границ внутри её ареала и созданию пояса латенизированных культур на её периферии. В Среднем Подунавье этноразличающим признаком оставался погребальный обряд: кельты погребали покойников,



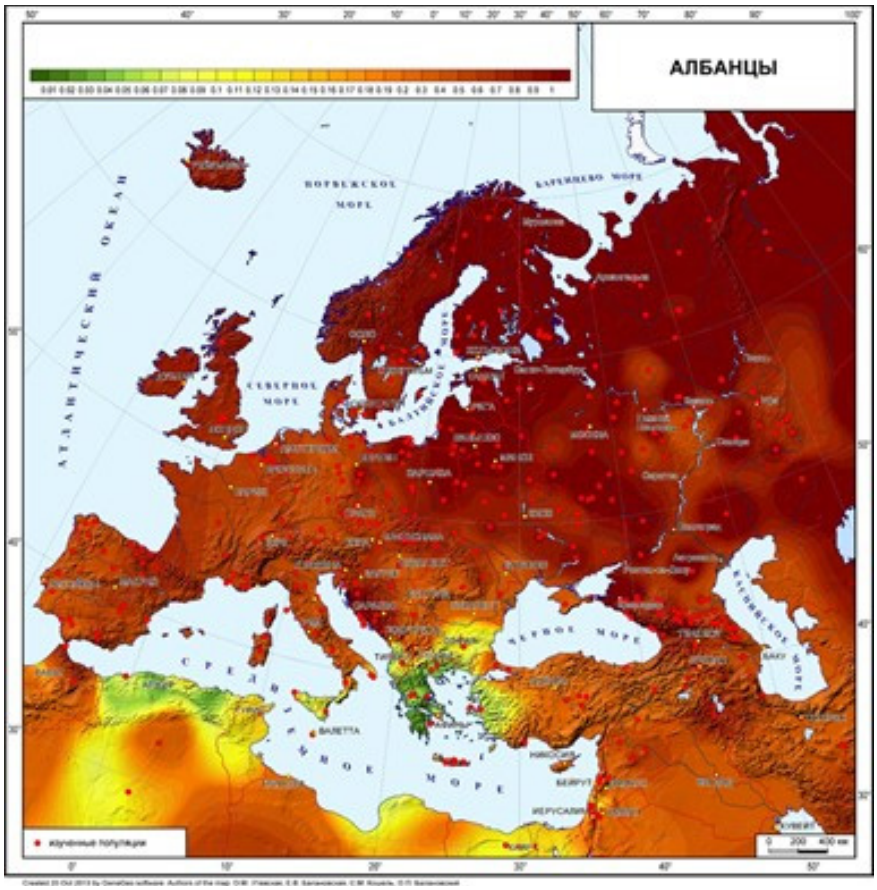
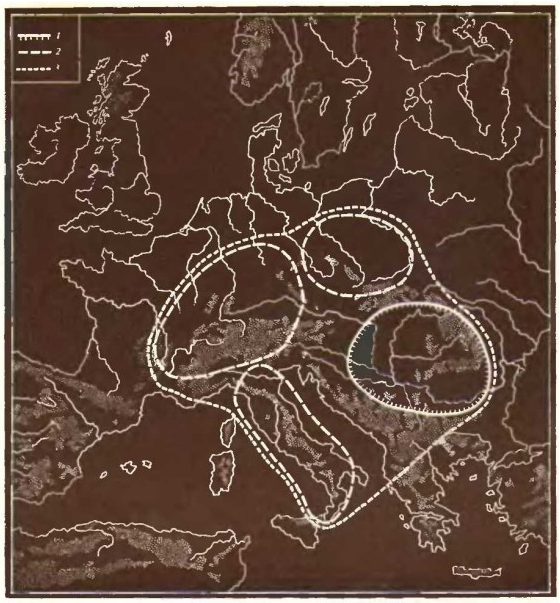


Рис. 14. Карта обобщённого генетического ландшафта южных славян по гаплогруппам Y-хромосомы и карта генетических расстояний от албанцев

Рис. 15. Балканский языковой союз



Распространение культуры полей погребальных урн (по Питтоту)
1 — XIII в. до н. э.; 2 — XII в. до н. э.; 3 — XI в. до н. э.

Рис. 16. Культуры полей погребальных урн

паннонцы (предки «южных славян») продолжали их сжигать. К северу от Карпат границу между славянским и германским населением провести было сложнее, поскольку среди последнего в железном веке также распространилось трупосожжение. На бывшей территории тщинецко-комаровской культуры в это время складываются две латенизированные культуры: пшеворская в бассейне Вислы и зарубинецкая в Среднем Поднепровье.

Вопрос об их этнической принадлежности вызывал ожесточённые споры (Седов 1979: 53-78; 2002: 97-141; Щукин 1997: 110-147). Не вдаваясь особо в эту тему, хотелось бы отметить следующее. Имя германского племени вандалов, в которых принято видеть носителей пшеворской культуры, скорее всего означает не жителей «чудесной (Wunder) долины (Tal)», и не тех кто склонен «бродить» (wundern), а прилагательное, образованное от германского имени славян Wend при помощи суффикса l, подобно английскому brothely (brither + ly) «боатский». Иными словами, вандалы – «славянские» германцы или, точнее, германцы, поселившиеся на славянских землях. Точно также немецкие ганзейские города, построенные на бывших славянских землях получили название «вендских».

Славянскую принадлежность зарубинецкой культуры можно доказать характерными чертами заимствованных славянами балтийских гидронимов Верхнего Поднепровья. Судя по их облику, славянская колонизация этой территории происходила в то время, когда в славянском языке происходила так называемая первая палатализация, то есть переход К и Г в Ч и Ж (рука – ручка, нога – ножка): Laukesa – Лучёса, Merkys – Морочь и пр. (Stieber 2005: 67). С другой стороны, античные названия на Балканах и в Греции изменились в славянском языке уже по следующей, второй палатализации (К > Ц, Г > З: каяться – цена, княгиня – князь): Centōna – Цетина, Genta – Зета и пр. (Shevelov 1964: 302). То же относится и ранним германским заимствованиям в славянский: ЦЬРКЫ «церковь» – нем. Kirche, ПѢНЯЗЬ – нем. Pfenni(n)g и пр. Это значит, что славянское заселение Верхнего Поднепровья произошло до эпохи великого переселения народов.

Единственным этническим передвижением на этой территории в это время было расселение носителей поздней зарубинецкой культуры (кремационной) в ареал балтийской гидронимии и городищенских культур с неуловимым обрядом погребения. К выводу о славянской принадлежности «постзарубинецкой» культуры приводят и современные археологические исследования (Лопатин, Фурасьев 2007: 104-105). Исследование славянской гидронимии показало, что в Верхнем Поднепровье древние славянские названия рек на -ля, распределяются таким образом, что «примерно 5/6 названий приходится на территорию к востоку от течения Днепра, в то время как на приблизительно равной ей по площади территории к западу от Днепра этот тип названий представлен лишь несколькими изолированными примерами» (Трубачев, Топоров 1962: 20) и в целом современная Белоруссия заселялась славянами «по южной дуге с запада на восток, вокруг лесов и не менее труднодоступных болот Припятского Полесья», а «важнейшие импульсы формирования белорусского языка и этноса шли с востока» (Трубачёв 1997: 104, 109).

Точно таким же образом шло расселение поздних зарубинецких племён. Таким образом, славянизация Верхнего Поднепровья осуществлялась носителями зарубинецкой культуры на позднем этапе её развития.

Зарубинецкая культура является пришлой на своей территории. По поводу её происхождения высказываются разные мнения, стоит лишь отметить, что прототипом характернейших для этой культуры фибул «зарубинецкого типа», являются западнобалканские копьевидные фибулы, а сама культура описывается как «насыщенная кельто-иллирийскими элементами» (Каспарова 1981: 62,

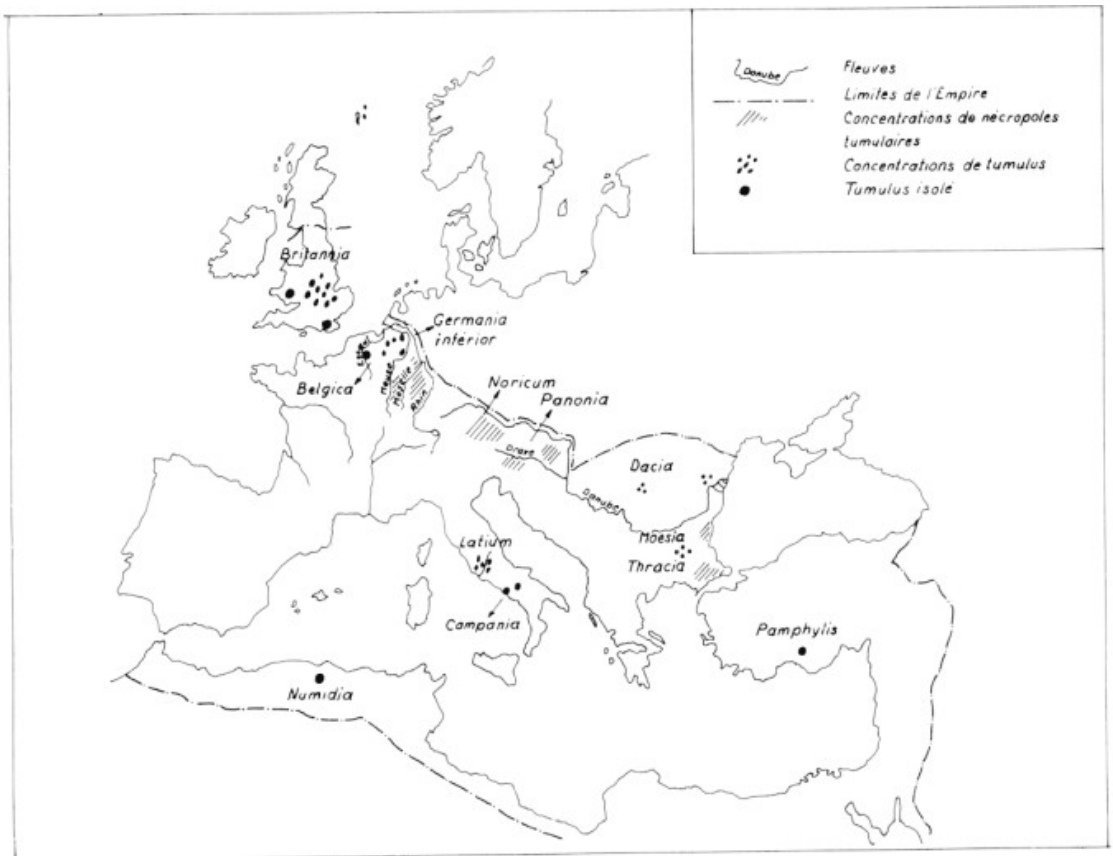


Рис. 17. Курганные погребения в Римской империи

65, 76). Тесные связи со Средним Подунавьем поддерживало и позднезарубинецкое население. Характерные для него геометрические украшения с выемчатыми эмалями имеют провинциальноримские корни (Румянцева 2021: 7-20).

Одновременно с позднезарубинецкими украшениями с выемчатыми эмалями в Восточной Европе на юге, в Среднем Подунавье появляется погребальный обряд, ставший накануне принятия христианства визитной карточкой большей части славянского мира к северу от Карпат – подкурганные трупосожжения. Этот обряд, известный в раннежелезное время в восточной (среднедунайской) части гальштаттской культуры исчез в латенское время. Возможно это связано с влиянием кельтов хоронивших своих покойников в плоских погребениях. С начала I тыс. обряд трупосожжения под курганами возрождается среди коренного населения в северных приграничных провинциях Римской империи вообще (Amand 1987), в особенности в Норике и Паннонии (Рис. 17). О норико-паннонских курганах (Norisch-Pannonischen Hügelgräber) существует громадная литература начиная со статьи Освальда Менгина (Menghin 1928; Eibl 2014). После римского завоевания Дакии он широко распространяется в новой римской провинции вместе с переселенцами из западной части Среднего Подунавья (Ferencz-Mátéfi 2013: 67. Fig. 2; Поп, Болован 2005: 53-34, 75; Фёдоров, Полевой 1973: 199-200; Рис. 18). Потомки паннонских переселенцев появляются даже за пределами римской Дакии – их памятники в верхнем течении Прута известны в литературе под названием культуры карпатских курганов (Этнокультурная карта 1985: 67, Славяне 1993: 172, 180; Рис. 18). Именно на поселениях культуры карпатских курганов обнаружены первые полуземлянки с печами-каменками в правом углу, которые считаются этнографическим признаком ранних славян.

В эпоху переселения народов славянские памятники, в первую очередь керамика, становятся очень заметны археологически. К северу от Карпат распространяется пражская культура (V-VII вв.) с керамикой пражско-корчакского типа названной так по характерной неорнаментированной лепной посуде с расширением в верхней части тулова. В Среднем Подунавье и на Балканах эта посуда, характерная для «северных славян», неизвестна, зато там получает распространение другая керамика известная по находкам в славяно-аварских могильниках VII-VIII вв. – так называемая дунайская или среднедунайская посуда – горшки, изготовленные на медленном гончарном круге с расширением в средней части тулова и обильно украшенные волнистым узором. Как указал ещё Любор Нидерле, «этот славянский тип был в сущности ничем иным, как украшенной волнистым орнаментом римской посудой, широко распространённой в северных римских провинциях от нижнего Дуная до Рейна» (Нидерле 2013: 483). Дунайская посуда принадлежала «южным славянам», прямым потомкам коренного населения Паннонии и Норика продолжавшего говорить на своем варварском языке упоминания о котором встречаются у св. Иеронима (vulgo in Dalmatiae Pannoniaeque provinciis gentili barbaroque sermone appellatur sabaium: Hieronymus. Commentarium in Isaiam. 7.19), Аммиана Марцеллина (genuino…

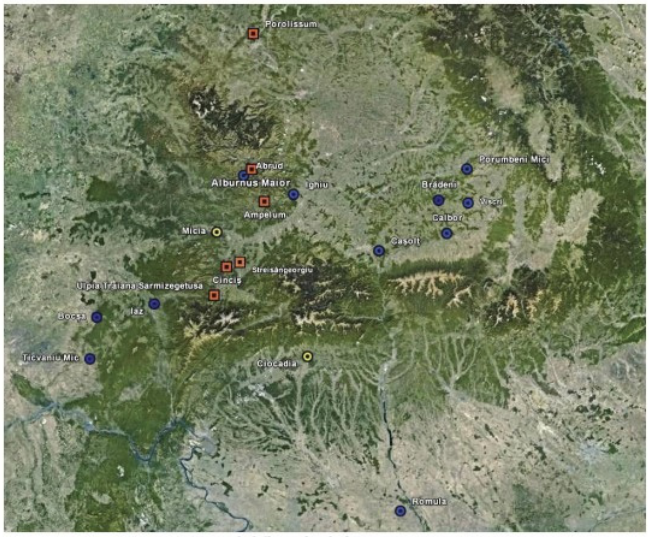


Fig. 2. Sites with different family funerary monument types.
(orange: mixed cemeteries; blue: tumular cemeteries; yellow: graves with rings)

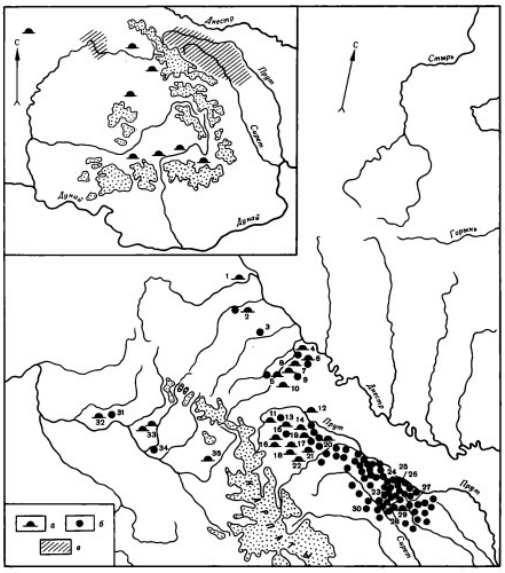


Рис. 18. Распространение норико-паннонских курганов в римской Дакии и сопредельных областях

sermone quos noscitabat: Ammianus Marcellinus. 30.5.8-10) и Приска (τῇ σφετέρᾳ βαρβάρῳ γλώσσῃ: Priscus. III. 46. 5-10) прежде всего в связи с названиями местного пива: sabaia, sabaium и κάμον (Dzino 2005: 58, comm. 15; Colombo 2007; 2014; Свод 1994: 86-87).

Короткое время пражская и среднедунайская посуда сосуществуют, но затем последняя занимает весь западный ареал пражской керамики, а пережиточная пражская культура продолжает свое существование на правобережной Украине под названием культуры луки-райковецкой (IX-X вв.) пока и там не сменяется древнерусской культурой со стандартной общеславянской гончарной посудой покрытой волнистым узором. В это же время на севере широко распространяется подунайский обряд подкурганных трупосожжений, первоначально чуждый пражской культуре. Распространение этих двух ярких этнографических признаков позднего славянства, чьи корни уходят в культуру населения среднедунайских провинций Римской империи, может служить указанием на усвоение славянского самосознания изначально характерного только для «южных»/«славянских» славян (Σκλαβηνοί) Подунавья на «северных», «вятских» (Ἄνται) по этническому самосознанию славян Восточной Европы к северо-востоку от Карпат.

Подводя итог сказанному, этногенез славян можно кратко представить, как процесс смешения северной ветви ранних индоевропейцев (носителей культуры шнуровой керамики и Y-хромосомной гаплогруппы R1a) с индоевропеизированным коренным земледельческим населением Центральной Европы (носителей Y-хромосомной гаплогруппы I2a и поствучедольских культур, говоривших вероятно на языке близком к хеттскому) случившийся в Среднем Подунавье на рубеже медного (энеолита) и бронзового века. В лингвистическом смысле славяне представляют собой наиболее полно сохранившееся ядро одной из двух ветвей древнейших индоевропейцев, от которого первоначально откололись предки германцев на западе и арийцев на востоке, а затем (от оставшейся западносатемной языковой общности) балтов на севере и албанцев на юге. О выделении праславян как особой ветви индоевропейских языков можно говорить с рубежа бронзового и железного века (рубеж II-I тыс. до н.э.), о славянском языке как таковом можно говорить только с позднеримского времени. Во всяком случае оно синхронно становлению романского языка, поскольку обе новоиндоевропейские ветви, романскую (наследника италийской) и славянскую (наследницу «праславянской») объединяет два редких языковых явления: закон открытого слога (Иванов 1989: 26) и вторичная палатализация заднеязычных согласных.

ЛИТЕРАТУРА

Алексеев 1972 - Алексеев В.П. В поисках предков: антропология и история. М., 1972.

Балановский 2015 - Балановский О.П. Генофонд Европы. М., 2015.

Гамкрелидзе, Иванов 1984 - Гамкрелидзе Т.В., Иванов В.В. Индоевропейский язык и индоевропейцы. Тбилиси, 1984.

Гиндин 1981 - Гиндин Л.А. К характеру славянизации карпато-балканского пространства // Формирование раннефеодальных славянских народностей. М., 1981. С. 52-95.

Грацианский 2012 - Грацианский М.В. О происхождении этнонима «анты» // Византийский временник. 2012. Т. 71 (96). С. 27-39.

Дуличенко 2014 - Дуличенко А.Д. Введение в славянскую филологию. М., 2014.

Жих 2020 - Жих М.И. Начальные этапы истории славян // Исторический формат. 2020. № 4. С. 8-35.

Иванов 1983 - Иванов В.В. История славянских и балканских названий металлов. М.: Наука, 1983.

Иванов 1989 - Иванов В.В. Латынь и славянские языки: проблемы взаимодействия // Развитие этнического самосознания славянских народов в эпоху зрелого феодализма. М., 1989. С. 25-33.

Каспарова 1981 - Каспарова К.В. Роль юго-западных связей в процессе формирования зарубинецкой культуры // Советская археология. 1981. № 2. С. 57-79.

Клейн 2010 - Клейн Л.С. Время кентавров: степная прародина греков и ариев. СПб., 2010.

Кузьмина 1994 - Кузьмина Е.Е. Откуда пришли индоарии? Материальная культура племён андроновской общности и происхождение индоиранцев. М., 1994.

Лопатин, Фурасьев 2007 - Лопатин Н.В., Фурасьев А.Г. Северные рубежи раннеславянского мира в III-V вв. М., 2007.

Мартынов 2004 - Мартынов В.В. Язык в пространстве и времени: к проблеме глоттогенеза славян. М., 2004.

Мейе 1938 - Мейе А. Введение в сравнительное изучение индоевропейских языков. М.; Л., 1938.

Монгайт 1974 - Монгайт А.Л. Археология Западной Европы. Бронзовый и железный века. М., 1974.

Назин 2018 - Назин С.В. Об обстоятельствах возникновения этнонима «славяне» // Исторический формат. 2018. № 1-2. С. 160-180.

Назин 2019 - Назин С.В. Ещё раз о склавенах и антах, Мурсианском озере и городе Новиетуне // Византийский временник. Т. 103. 2019. С. 115-130.

Нидерле 2013 - Нидерле Л. Славянские древности. М., 2013.

Поп, Балован 2005 - Поп И.-А., Балован И. История Румынии. М., 2005.

Порциг 2003 - Порциг В. Членение индоевропейской языковой области. М., 2003.

Репина 1996 - Репина Т.А., Зайончковский Ю.П., Николеску Т. Учебник румынского языка. СПб., 1996.

Румянцева 2021 - Румянцева О.С. Восточноевропейские выемчатые эмали: независимое развитие или связь с провинциально-римским эмалированием? // Восточноевропейские выемчатые эмали: историко-технологические очерки. М., 2021. С. 7-20.

Свод 1994 - Свод древнейших письменных известий о славянах. Т. I (I-VI вв.). М., 1994.

Седов 1970 - Седов В.В. Славяне Верхнего Поднепровья и Подвинья. М., 1970.

Седов 1979 - Седов В.В. Происхождение и ранняя история славян. М., 1979.

Седов 2002 - Седов В.В. Славяне. Историко-археологическое исследование. М., 2002.

Славяне 1993 - Славяне и их соседи в конце первого тысячелетия до н.э. – первой половине первого тысячелетия н.э. М., 1993.

Третьяков 1966 - Третьяков П.Н. Финно-угры, балты и славяне на Днепре и Волге. М.; Л., 1966.

Трубачёв 1966 - Трубачёв О.Н. Ремесленная терминология в славянских языках. Этимология и опыт групповой реконструкции. М., 1966.

Трубачёв 1982 - Трубачёв О.Н. Языкознание и этногенез славян. Древние славяне по данным этимологии и ономастики // Вопросы языкознания. 1982. № 4. С.10-26.

Трубачёв 1997 - Трубачёв О.Н. В поисках единства. М., 1997.

Трубачёв 2003 - Трубачёв О.Н. Этногенез и культура древнейших славян. Лингвистические исследования. М., 2003.

Трубачёв, Топоров 1962 - Трубачёв О.Н., Топоров В.Н. Лингвистический анализ гидронимов Верхнего Поднепровья. М., 1962.

Фёдоров, Полевой 1973 - Фёдоров Г.Б., Полевой Л.Л. Археология Румынии. М., 1973.

Филин 1962 - Филин Ф.П. Происхождение языка восточных славян. М., 1962.

Черняк 2015 - Черняк А.Б. Языковая ситуация в Римской империи: свидетельства древних авторов и раннероманских глоттонимов. СПб., 2015.

Широков 2017 - Проблемы ближней и дальней реконструкции. Материалы конференции, посвященной 90-летию со дня рождения профессора Олега Сергеевича Широкова. М., 2017.

Шустер-Шевц 2003 - Шустер-Шевц Х. Славянская метатеза плавных и процесс дезинтеграции праславянского // Вопросы языкознания. 2003. № 1. С. 78-91.

Щукин 1997 - Щукин М.Б. Рождение славян // Стратум: структуры и катастрофы. Сборник символической индоевропейской истории. СПб., 1997. С. 110-147.

Энговатова и др. 2023 - Энговатова А.В., Альборова И.Э., Мустафин Х.Х., Луньков В.Ю., Лунькова Ю.В., Канапин А.А., Самсонова А.А., Медникова М.Б. Древняя ДНК носителей фатьяновской и абашевской культур (к вопросу о миграциях населения эпохи бронзы в лесной полосе на Русской равнине) // Stratum Plus. 2023. С. 207-228.

ЭССЯ 1981 - Этимологический словарь славянских языков. Праславянский лексический фонд. Вып. 8 (*xa – *jьvъlga). М., 1981.

Этнокультурная карта 1985 - Этнокультурная карта территории Украинской СССР в I тыс. н.э. Киев, 1985.

Amand 1987 - Amand M. La réapparition de la sépulture sous tumulus dans l'Empire romain // L'Antiquité Classique. T. 56. 1987. S. 162-182.

Colombo 2007 - Colombo M. Il Bilinguismo di Valentiniano I // Rheinisches Museum für PhilologieNeue Folge. Bd. 150. H. 3/4. 2007. S. 396-406.

Colombo 2014 - Colombo M. Il genuinus sermo di Valentiniano I: la Pannonica lingua e le altre lingue di sostrato nell'Europa continentale della Tarda Antichità // Museum Helveticum. Vol. 71. No. 2 (Dezember). 2014. S. 172-188.

Davranoglou 2023 - Davranoglou L.-R., Aristodemou A., Wesolowski D., Heraclides A. Ancient DNA reveals the origins of the Albanians (preprint) / Электронный ресурс: https://www.biorxiv.org/content/10.1101/2023.06.05.543790v1.full.pdf (Дата обращения - 20.12.2023).

Dzino 2005 - Dzino D. Sabaiarius: Beer, wine and Ammianus Marcellinus // Feast, Fast and Famine: Food and Drink in Byzantium. Brisbane, 2005. S. 57-68.

Eibl 2014 - Eibl Magdalena M. Untersuchungen zu den norisch-pannonischen Hügelgräbern. AV Akademikerverlag, 2014.

Ferencz-Mátéfi 2013 - Ferencz-Mátéfi Á. Family Funerary Monuments in Roman Dacia // Marisia. Vol. XXXIII. Târgu Mureş, 2013. S. 65-74.

Hamp 1968 - Hamp E.P. Albanian pidh : Slavic *peizd'ā) // International Journal of Slavic Linguistics and Poetics. Vol. XI. The Hague, 1968. S. 25-26.

Matzinger 2016 - Matzinger J. Die albanische Autochthoniehypothese aus der Sicht der Sprachwissenschaft (Überarbeitete Fassung eines Thesenpapiers vom Runden Tisch in Regensburg (Südosteuropa-Institut) am 24.04.2009) / Электронный ресурс: https://www.albanologie.uni-muenchen.de/downloads/meldungen/gastvortrag_matzinger_nov_2016/muenchen_2_ethnogenese.pdf (Дата обращения - 20.12.2023).

Menghin 1928 - Menghin O. Zur Kenntnis der frühkaiserzeitlichen Hügelgräber im norisch-panno- nischen Grenzgebiet // Jahrbuch für Landeskunde von Niederösterreich. 21. 1928. S. 30-48.

Orel 1998 - Orel V.E. Albanian Etymological Dictionary. Leiden, 1998.

Orel 2000 - Orel V.E. A Concise historical grammar of the Albanian language: Reconstruction of Proto-Albanian. Leiden, 2000.

Prescott 2009 - Prescott C. Germanic and the RUKI dialects // The Sound of the Indo-European. Copenhagen, 2009.

Shevelov 1964 - Shevelov G.Y. A Prehistory of Slavic. Heidelberg, 1964.

Stieber 2005 - Stieber Z. Zarys gramatyki porównawczej języków słowiańskich. Warszawa, 2005.

Tagungen 2015 - Tagungen des Landesmuseums für Vorgeschichte (2200 BC – Ein Klimasturz als Ursache für den Zerfall der Alten Welt?). Band 12/I. Halle, 2015.

REFERENCES

Alekseyev 1972 - Alekseyev V.P. V poiskakh predkov: antropologiya i istoriya [In search of ancestors: anthropology and history], Moscow, 1972 [in Russian].

Amand 1987 - Amand M. La réapparition de la sépulture sous tumulus dans l'Empire romain [The reappearance of the burial under tumulus in the Roman Empire], in: L'Antiquité Classique [Classical Antiquity], Vol. 56, 1987, pp. 162-182 [in French].

Balanovskiy 2015 - Balanovskiy O.P. Genofond Yevropy [Gene pool of Europe], Moscow, 2015 [in Russian].

Chernyak 2015 - Chernyak A.B. YAzykovaya situatsiya v Rimskoy imperii: svidetel'stva drevnikh avtorov i ranneromanskikh glottonimov [The linguistic situation in the Roman Empire: evidence of ancient authors and early Roman glottonyms], Saint-Petersburg, 2015 [in Russian].

Colombo 2007 - Colombo M. Il Bilinguismo di Valentiniano I [The Bilingualism of Valentinian I], in: Rheinisches Museum für Philologie Neue Folge [Rheinisches Museum f Phil], Bd. 150. H. 3/4, 2007, pp. 396-406 [in Italian].

Colombo 2014 - Colombo M. Il genuinus sermo di Valentiniano I: la Pannonica lingua e le altre lingue di sostrato nell'Europa continentale della Tarda Antichità [The genuinus sermo of Valentinian I: the Pannonian language and the other languages of substratum in continental Europe of Late Antiquity], in: Museum Helveticum, Vol. 71, No. 2 (Dezember), 2014, pp. 172-188 [in Italian].

Davranoglou 2023 - Davranoglou L.-R., Aristodemou A., Wesolowski D., Heraclides A. Ancient DNA reveals the origins of the Albanians (preprint), 2023, Electronic resource: https://www.biorxiv.org/content/10.1101/2023.06.05.543790v1.full.pdf (Date of access - 20.12.2023) [in English].

Dulichenko 2014 - Dulichenko A.D. Vvedeniye v slavyanskuyu filologiyu [Introduction to Slavic philology], Moscow, 2014 [in Russian].

Dzino 2005 - Dzino D. Sabaiarius: Beer, wine and Ammianus Marcellinus, in: Feast, Fast and Famine: Food and Drink in Byzantium, Brisbane, 2005, pp. 57-68 [in English].

Eibl 2014 - Eibl M. Untersuchungen zu den norisch-pannonischen Hügelgräbern [Investigations on the Noric-Pannonian burial mounds], AV Akademikerverlag, 2014 [in German].

Engovatova 2023 - Engovatova A.V., Al'borova I.E., Mustafin KH.KH., Lun'kov V.YU., Lun'kova YU.V., Kanapin A.A., Samsonova A.A., Mednikova M.B. Drevnyaya DNK nositeley fat'yanovskoy i abashevskoy kul'tur (k voprosu o migratsiyakh naseleniya epokhi bronzy v lesnoy polose na Russkoy ravnine) [Ancient DNA of the carriers of the Fatyanovo and Abashevo cultures (on the issue of migrations of the Bronze Age population in the forest belt on the Russian Plain)], in: STRATUM plus, 2023, № 4, pp. 207-228 [in Russian].

ESSYA 1981 - Etimologicheskiy slovar' slavyanskikh yazykov. Praslavyanskiy leksicheskiy fond. Vypusk 8 (*kha - *jivulga) [Etymological dictionary of Slavic languages. Proto-Slavic lexical fund. Vol. 8 (*ha - *jьvъlga)], Moscow, 1981 [in Russian].

Etnokul'turnaya karta 1985 - Etnokul'turnaya karta territorii Ukrainskoy SSSR v I tys. n.e. [Ethnocultural map of the territory of the Ukrainian USSR in the 1st millennium AD], Kiev, 1985 [in Russian].

Ferencz-Mátéfi 2013 - Ferencz-Mátéfi Á. Family Funerary Monuments in Roman Dacia, in: Marisia, Vol. XXXIII, Târgu Mureş, 2013, pp. 65-74 [in English].

Filin 1962 - Filin F.P. Proiskhozhdeniye yazyka vostochnykh slavyan [The origin of the language of the Eastern Slavs], Moscow, 1962 [in Russian].

Fodorov, Polevoy 1973 - Fodorov G.B., Polevoy L.L. Arkheologiya Rumynii [Archeology of Romania], Moscow, 1973 [in Russian].

Gamkrelidze, Ivanov 1984 - Gamkrelidze T.V., Ivanov V.V. Indoyevropeyskiy yazyk i indoyevropeytsy [Indo-European language and Indo-Europeans], Tbilisi, 1984 [in Russian].

Gindin 1981 - Gindin L.A. K kharakteru slavyanizatsii karpato-balkanskogo prostranstva [On the nature of Slavicization of the Carpatho-Balkan space], in: Formirovaniye rannefeodal'nykh slavyanskikh narodnostey [Formation of early feudal Slavic peoples], Moscow, 1981. pp. 52-95 [in Russian].

Gratsianskiy 2012 - Gratsianskiy M.V. O proiskhozhdenii etnonima «anty» [On the origin of the ethnonym "Antes"], in: Vizantiyskiy vremennik [Byzantine temporary book], 2012, Vol. 71 (96), pp. 27-39 [in Russian].

Hamp 1968 - Hamp E.P. Albanian pidh : Slavic *peizd'ā), in: International Journal of Slavic Linguistics and Poetics, Vol. XI, The Hague, 1968, pp. 25-26 [in English].

Ivanov 1983 - Ivanov V.V. Istoriya slavyanskikh i balkanskikh nazvaniy metallov [History of Slavic and Balkan names of metals], Moscow, 1983 [in Russian].

Ivanov 1989 - Ivanov V.V. Latyn' i slavyanskiye yazyki: problemy vzaimodeystviya [Latin and Slavic languages: problems of interaction], in: Razvitiye etnicheskogo samosoznaniya slavyanskikh narodov v epokhu zrelogo feodalizma [Development of ethnic self-awareness of Slavic peoples in the era of mature feudalism], Moscow, 1989, pp. 25-33 [in Russian].

Kasparova 1981 - Kasparova K.V. Rol' yugo-zapadnykh svyazey v protsesse formirovaniya zarubinetskoy kul'tury [The role of southwestern connections in the process of formation of the Zarubintsy culture], in: Sovetskaya arkheologiya [Soviet Archaeology], 1981, № 2, pp. 57-79 [in Russian].

Kleyn 2010 - Kleyn L.S. Vremya kentavrov: stepnaya prarodina grekov i ariyev [Time of the Centaurs: the steppe ancestral home of the Greeks and Aryans], Saint-Petersburg, 2010 [in Russian].

Kuz'mina 1994 - Kuz'mina Ye.Ye. Otkuda prishli indoarii? Material'naya kul'tura plemon andronovskoy obshchnosti i proiskhozhdeniye indoirantsev [Where did the Indo-Aryans come from? Material culture of the Andronovo tribes and the origin of the Indo-Iranians], Moscow, 1994 [in Russian].

Lopatin, Furas'yev 2007 - Lopatin N.V., Furas'yev A.G. Severnyye rubezhi ranneslavyanskogo mira v III-V vv. [Northern borders of the early Slavic world in the III-V centuries], Moscow, 2007 [in Russian].

Martynov 2004 - Martynov V.V. YAzyk v prostranstve i vremeni: k probleme glottogeneza slavyan [Language in space and time: to the problem of glottogenesis of the Slavs], Moscow, 2004 [in Russian].

Matzinger 2016 - Matzinger J. Die albanische Autochthoniehypothese aus der Sicht der Sprachwissenschaft (Überarbeitete Fassung eines Thesenpapiers vom Runden Tisch in Regensburg (Südosteuropa-Institut) am 24.04.2009) [The Albanian autochthony hypothesis from the point of view of linguistics (Revised version of a thesis paper from the Round Table in Regensburg (South East Europe Institute) on 24.04.2009)], Electronic resource: https://www.albanologie.uni-muenchen.de/downloads/meldungen/gastvortrag_matzinger_nov_2016/muenchen_2_ethnogenese.pdf (Date of access - 20.12.2023) [in German].

Meillet 1938 - Meillet A. Vvedeniye v sravnitel'noye izucheniye indoyevropeyskikh yazykov [Introduction to the comparative study of Indo-European languages], Moscow; Leningrad, 1938 [in Russian].

Menghin 1928 - Menghin O. Zur Kenntnis der frühkaiserzeitlichen Hügelgräber im norisch-panno- nischen Grenzgebiet [For the knowledge of the Early Imperial period burial mounds in the Norish-Pannonian border area], in: Jahrbuch für Landeskunde von Niederösterreich [Yearbook for Regional Studies of Lower Austria], Vol. 21, 1928, pp. 30-48 [in German].

Mongayt 1974 - Mongayt A.L. Arkheologiya Zapadnoy Yevropy. Bronzovyy i zheleznyy veka [Archeology of Western Europe. Bronze and Iron Ages], Moscow, 1974 [in Russian].

Nazin 2018 - Nazin S.V. Ob obstoyatel'stvakh vozniknoveniya etnonima «slavyane» [On the circumstances of the emergence of the ethnonym "Slavs"], in: Istoricheskiy format [Historical format], 2018, № 1-2, pp. 160-180 [in Russian].

Nazin 2019 - Nazin S.V. Yeshcho raz o sklavenakh i antakh, Mursianskom ozere i gorode Noviyetune [Once again about the Sklavens and Ants, Lake Mursia and the civitas Novietunensis], in: Vizantiyskiy vremennik [Byzantine temporary book], Vol. 103, 2019, pp. 115-130 [in Russian].

Niderle 2013 - Niderle L. Slavyanskiye drevnosti [Slavic antiquities], Moscow, 2013 [in Russian].

Orel 1998 - Orel V.E. Albanian Etymological Dictionary, Leiden, 1998 [in English].

Orel 2000 - Orel V.E. A Concise historical grammar of the Albanian language: Reconstruction of Proto-Albanian, Leiden, 2000 [in English].

Pop, Balovan 2005 - Pop I.-A., Balovan I. Istoriya Rumynii [History of Romania], Moscow, 2005 [in Russian].

Portsig 2003 - Portsig W. Chleneniye indoyevropeyskoy yazykovoy oblasti [Division of the Indo-European linguistic area], Moscow, 2003 [in Russian].

Prescott 2009 - Prescott Ch. Germanic and the RUKI dialects, in: The Sound of the Indo-European, Copenhagen, 2009 [in English].

Repina 1996 - Repina T.A., Zayonchkovskiy Y.P., Nikolesku T. Uchebnik rumynskogo yazyka [Textbook of the Romanian language], Saint-Petersburg, 1996 [in Russian].

Rumyantseva 2021 - Rumyantseva O.S. Vostochnoyevropeyskiye vyyemchatyye emali: nezavisimoye razvitiye ili svyaz' s provintsial'no-rimskim emalirovaniyem? [Eastern European champlevé enamels: independent development or connection with provincial Roman enameling], in: Vostochnoyevropeyskiye vyyemchatyye emali: istoriko-tekhnologicheskiye ocherki [Eastern European champlevé enamels: historical and technological essays], Moscow, 2021, pp. 7-20 [in Russian].

Sedov 1970 - Sedov V.V. Slavyane Verkhnego Podneprov'ya i Podvin'ya [Slavs of the Upper Dnieper and Podvinia], Moscow, 1970 [in Russian].

Sedov 1979 - Sedov V.V. Proiskhozhdeniye i rannyaya istoriya slavyan [Origin and early history of the Slavs], Moscow, 1979 [in Russian].

Sedov 2002 - Sedov V.V. Slavyane. Istoriko-arheologicheskoe issledovanie [Slavs. Historical and archaeological research], Moscow, YAzyki russkoj kul'tury Publ., 2002, 622 p. [in Russian].

Shchukin 1997 - Shchukin M.B. Rozhdeniye slavyan [Birth of the Slavs], in: STRATUM plus, 2023, № 4, pp. 110-147 [in Russian].

Shevelov 1964 - Shevelov G.Y. A Prehistory of Slavic, Heidelberg, 1964 [in English].

Shirokov 2017 - Problemy blizhney i dal'ney rekonstruktsii. Materialy konferentsii, posvyashchennoy 90-letiyu so dnya rozhdeniya prof. Olega Sergeyevicha Shirokova [Problems of near and long-range reconstruction. Proceedings of the conference dedicated to the 90th anniversary of the birth of prof. Oleg Sergeevich Shirokov], Moscow, 2017 [in Russian].

Shuster-Shevts 2003 - Shuster-Shevts H. Slavyanskaya metateza plavnykh i protsess dezintegratsii praslavyanskogo [Slavic metathesis of smooth ones and the process of disintegration of the Proto-Slavic], in: Voprosy yazykoznaniya [Questions of linguistics], 2003. № 1, pp. 78-91 [in Russian].

Slavyane 1993 - Slavyane i ikh sosedi v kontse pervogo tysyacheletiya do n.e. – pervoy polovine pervogo tysyacheletiya n.e. [Slavs and their neighbors at the end of the first millennium BC – first half of the first millennium AD], Moscow, 1993 [in Russian].

Stieber 2005 - Stieber Z. Zarys gramatyki porównawczej języków słowiańskich [Comparative grammar of Slavic languages], Warszawa, 2005 [in Polish].

Svod 1994 - Svod drevneyshikh pis'mennykh izvestiy o slavyanakh. T. I (I-VI vv.) [Code of the most ancient written news about the Slavs. Vol. I (I-VI centuries)], Moscow, 1994 [in Russian].

Tret'yakov 1966 - Tret'yakov P.N. Finno-ugry, balty i slavyane na Dnepre i Volge [Finno-Ugrians, Balts and Slavs on the Dnieper and Volga], Moscow; Leningrad, 1966 [in Russian].

Trubachev 1966 - Trubachev O.N. Remeslennaya terminologiya v slavyanskikh yazykakh. Etimologiya i opyt gruppovoy rekonstruktsii [Craft terminology in Slavic languages. Etymology and experience of group reconstruction], Moscow, 1966 [in Russian].

Trubachev 2003 - Trubachev O.N. Etnogenez i kul'tura drevneyshikh slavyan. Lingvisticheskiye issledovaniya [Ethnogenesis and culture of the ancient Slavs. Linguistic research], Moscow, 2003 [in Russian].

Trubachov 1982 - Trubachov O.N. Yazykoznaniye i etnogenez slavyan. Drevniye slavyane po dannym etimologii i onomastiki [Linguistics and ethnogenesis of the Slavs. Ancient Slavs according to etymology and onomastics], in: Voprosy yazykoznaniya [Questions of linguistics], 1982, № 4, pp. 78-91 [in Russian].

Trubachov 1997 - Trubachov O.N. V poiskakh yedinstva [In search of unity], Moscow, 1997, pp. 78-129 [in Russian].

Trubachov, Toporov 1962 - Trubachov O.N., Toporov V.N. Lingvisticheskiy analiz gidronimov Verkhnego Podneprov'ya [Linguistic analysis of hydronyms of the Upper Dnieper region], Moscow, 1962 [in Russian].

ZHih 2020 - ZHih M.I. Nachal'nye etapy istorii slavyan [The early history of the Slavs], in: Istoricheskij format [Historical format], 2020, № 4, pp. 8-35 [in Russian].

Tagungen 2015 - Tagungen des Landesmuseums für Vorgeschichte (2200 BC – Ein Klimasturz als Ursache für den Zerfall der Alten Welt?) [Conferences of the National Museum of Prehistory (2200 BC - A climate collapse as the cause of the disintegration of the Old World?)], Band 12/I, Halle, 2015 [in German].

Назин Сергей Владимирович
– Кандидат исторических наук, доцент кафедры истории и философии Московского государственного института культуры (Москва, Россия).

Sergey Nazin
– Candidate of Historical Sciences, Associate Professor of the Department of History and Philosophy of the Moscow State Institute of Culture (Moscow, Russia).

sergnasin@yandex.ru

ПОЛИТИЧЕСКИЕ СВЯЗИ ВОЛЖСКОЙ БУЛГАРИИ И ЗЕМЛИ ВЯТИЧЕЙ (X-XI ВВ.)

И.А. Гагин
Рязанский государственный медицинский университет
Россия, 390026, Рязань, ул. Высоковольтная, д. 9
e-mail: igagin@mail.ru
SPIN-код: 6046-8148

АВТОРСКОЕ РЕЗЮМЕ
В статье рассмотрен слабо изученный в российской историографии вопрос о политическом взаимодействии Волго-Камской Булгарии и Земли вятичей. Плодами побед киевского князя Святослава после устранения протектората Хазарского каганата над территорией Волго-Окского междуречья воспользовалась не Киевская Русь, увязшая в борьбе с Византией на Балканах, а именно Волжская Булгария. Она сумела укрепить своё влияние на финские племена, а также вятичей, с которыми, по предположению историков, сложились тесные политические контакты.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: булгары, Волго-Камская Булгария, вятичи, Волго-Окское междуречье, Земля вятичей, Киевская Русь, хазары, Хазарский каганат.

POLITICAL RELATIONS OF VOLGA BULGARIA AND THE LAND OF THE VYATICHI (10th -11th CENTURIES)

Igor Gagin
Ryazan State Medical University
Russia, 390026, Ryazan, The Vysokovoltnaya Street, 9
e-mail: igagin@mail.ru

ABSTRACT
The article considers political interactions between Volga-Kama Bulgaria and the land of the Vyatichi, which have been rather poorly studied in Russian historiography. Prince Svyatoslav of Kiev liquidated protectorate of the Khazar Khaganate over the territory of the Volga-Oka Interfluve, but it was Volga Bulgaria, not Kievan Rus bogged down in the struggle against Byzantium in the Balkans, that took advantage of the Svyatoslav's victories. Volga-Bulgaria managed to strengthen its influence on the Finnish tribes, as well as on the Vyatichi, with whom, according to historians, close political contacts were established.

KEYWORDS: Bulgars, Volga-Kama Bulgaria, Vyatichi, Volga-Oka Interfluve, the land of the Vyatichi, Kievan Rus, Khazars, Khazar khaganate.

История политических связей Волжской Булгарии и Земли вятичей довольно слабо изучена российской и зарубежной историографией. В то же время многочисленные археологические, нумизматические и летописные источники дают основание полагать, что эти связи, существовавшие над регионом Волго-Окского междуречья ещё в период гегемонии Хазарского каганата, существенно окрепли после походов на хазар киевского князя Святослава Игоревича. Дело в том, что плодами побед русов над хазарами воспользовался не Киев, увязший в войнах на Балканах, а именно Волго-Камская Булгария, распространившая свое политическое и экономическое влияние на финские племена мурому, частично меря, мордву, а также славянский племенной союз вятичей.

Вятичи – союз племен, живший в бассейне реки Оки и ее верхних притоков (Угры и Москвы), а также в верховьях Дона (Никольская 1981; Майоров 2018: 16-59). Наиболее подробную и аргументированную картину вятического расселения дают археологические материалы: вятические курганы с трупоположением и инвентарем – семилопастными височными кольцами, которые, как считают археологи, являются этнически определяющими для вятичей. На основе их распространения пределы вятического племенного региона обрисовываются следующим образом.

На западе вятичи соседили с северянами, радимичами и кривичами по водоразделу Оки и Десны. В бассейнах Жиздры и Угры выделяется пограничная полоса шириной 10-30 километров, где вятические курганы соседствовали с кривичскими. Далее вятическая гра-

ница поднималась на север до верховьев Москвы-реки, а потом поворачивала на восток по направлению к верховьям Клязьмы. Правобережье Москвы-реки целиком принадлежало вятичам. Примерно около впадения Учи в Клязьму вятическая граница поворачивала на юго-восток и шла сначала по левобережью Москвы-реки, а потом Оки. Наиболее восточным пунктом с вятическими височными кольцами является Переяславль-Рязанский. Отсюда юго-восточная граница вятичей шла к верховьям Оки, захватывая бассейн Прони, но не достигала бассейна Дона. Бассейн верхнего течения Оки целиком был вятическим (Никольская 1981: 23).

Русские летописи так же связывают ареал вятичей с Окой. ПВЛ отмечает: «Радимичи бо и вятичи от ляхов. Бяста бо 2 брата в лясех, – Радим, а другий Вятко, – и пришедъша седоста Радимъ на Съжю, и прозвашася радимичи, а Вятъко седе съ родомъ своимъ по Оце, от него же прозвашася вятичи» (ПДР 1983: 173). Исследователями давно замечено, что летописное «от ляхов» следует понимать не в этническом, а в географическом смысле. По-видимому, летопись имеет в виду, что в древности предки вятичей жили где-то в западных областях, там, где в средневековье расселились ляшские (польские) племена (обзор историографии см.: Жих 2017: 36-47).

Время, когда вятичи попали под влияние Хазарского государства, определить сложно. Хазарский царь Иосиф в письме чиновнику Кордовского халифата Хасдаю ибн-Шафруту упоминает в числе своих данников, наряду с булгарами, буртасами, черемисами так же и славян (Коковцев 1932: 102). Мы знаем из ПВЛ, что перед походами Святослава на хазар (965 г.) вятичи оставались данниками Хазарского каганата. В 966 г. Святослав подчиняет вятичей, но они вскоре выходят из повиновения Киеву. Каковы же причины упорного нежелания вятичей подчиниться воле киевских князей? Ведь только после нескольких походов в земли вятичей и заключения мира с Волжской Булгарией в 985 г., Владимиру Святославичу удается, наконец, подчинить непокорные племена.

В 70-80-ые гг. VIII в., как считает В.Л. Янин (Янин 1955: 144) или в первой трети IX в., по предположению В.В. Кропоткина (Кропоткин 1970: 115), начинается оформление связей Восточной Европы со странами Халифата. Складывается торговый путь по Волге в Восточную и Северную Европу. По мере ослабления Хазарского каганата главную роль в развитии торговли между Востоком и Европой начинает играть Волжская Булгария. В X веке столица Волжской Булгарии, город Булгар, превращается в главный складочный пункт на северо-востоке Европы (Никольская 1981: 12).

В.Л. Янин и А.Л. Монгайт, на основании находок восточных монет, приходят к выводу, что Ока, являясь частью Великого Волжского торгового пути, имела существенное значение в становлении связей между странами Европы и Халифата (Янин 1955: 105; Монгайт 1955: 90). Находки куфических монет известны на всем протяжении Оки в пределах территории занятой вятичами, от ее верховьев до Старой Рязани. Например, из найденного в 1952 г. у села Борки (ныне в черте г. Рязани) клада в Рязанский музей поступило 219 дирхемов и обломков, в том числе одна булгарская монета Мумина ибн ал-Хасана (Кропоткин 1970: 147).

Владеть Землей вятичей – значит владеть важной частью торговой магистрали. Кроме этого, Земля вятичей изобиловала пушным зверем. Пушнина являлась одной из важнейших частей доходов булгарских купцов (Никольская 1981: 237). О том, что булгары и вятичи контактировали, как торговые партнеры, убедительно говорят археологические материалы. В частности, это находки керамики и бронзовых замочков в виде льва и коня в Старой Рязани. В обмен на ремесленные изделия и арабские дирхемы, булгарские купцы получали пушнину и все, что имело цену на Востоке.

Движение булгар в пределы Вятической земли вполне оправдано и понятно. Скорее всего, булгарское влияние на это славянское племя было довольно сильным. Иначе как можно объяснить факт, что вятичи упорно сопротивлялись объединительной политике киевских князей и практически последними из восточнославянских племен были включены в сферу их влияния (Гагин 2004: 168).

А.Х. Халиков и А.М. Членов сходятся во мнении, что в 80-х гг. X в. булгары пытались склонить вятичей против Киева, и попытка эта была вполне успешной. По данным летописца, вятичи неоднократно расторгали договоры с Киевом. Похоже, именно это вынудило Владимира Святославовича в 985 году совершить поход против Волжской Булгарии (Халиков 1986: 26).

Включение вятичей в 966 г. в сферу влияния Киевской Руси не ослабило булгаро-вятических контактов. Булгары, воспользовавшись начавшейся после гибели Святослава Игоревича гражданской войной в Киевском государстве, подбивают вятичей не давать дань Киеву. А.М. Членов делает особое предположение о заключении между булгарами и вятичами союзнического соглашения, подкрепленного браком между представителями правящих семей. По своей сути это многое объясняет, если учесть, что на протяжении четырех лет, начиная с 980 года, когда после войны с Ярополком на киевский стол садится Владимир Святославич, вятичи восставали дважды и дважды киевский князь вынужден был ходить на усмирение непокорных.

Фактически перед нами не восстание против Киева, а упорный отказ вятичей признавать его власть. А.М. Членов делает совершенно верный вывод, что Вятическая земля могла вести борьбу только при поддержке извне, именно от Волжской Булгарии, заинтересованной в вятичах экономически. Но кроме экономических интересов, А.М. Членов усматривает и политические интересы булгар, в основе которых лежит брачный союз, что было совершенно реально для раннего средневековья при заключении политических договоров (Членов 1981: 89). Исследователь делает предположение, будто булгарский князь женится по династическим соображениям на не просто знатной вятичанке, а на дочери князя Ярополка, которого лет на шестнадцать ранее женит на вятической княжне Святослав, ознаменовав тем самым включение вятичей в состав киевских данников в 966 году. Подобное действие в средневековой Европе было закреплено обычным правом. Вспомним хотя

бы хазарского кагана, который брал в жены дочерей предводителей тех племен, которые находились от хазар в вассальной зависимости.

Вероятнее всего, предположение А.М. Членова все-таки не совсем верно. Союз булгар с вятичами и подкрепление его династическим браком, возможно, имел место, но только дочь Ярополка – скорее вымысел, поскольку старший сын Святослава в 966 г. был ещё малолетним. Брачная комбинация создавала для Волжской Булгарии в плане династического права реальные интересы в Земле вятичей и давала веские мотивы для ее защиты от посягательств Киева.

Но Владимир также был заинтересован в Вятической земле. Как уже было упомянуто, он дважды с момента вокняжения в 980 г. в Киеве ходил в земли вятичей, и они дважды восставали, что является упорным отказом признать власть Киева. Владимир отчетливо понимал, что до тех пор, пока вятичи будут ощущать булгарскую поддержку, подчинить их будет очень и очень сложно. Киев от вятических земель значительно дальше Булгарии, которая связана с вятичами прямым торговым путем через Волгу в Оку. Это и явилось основной причиной для похода Руси против Волжской Булгарии в 985 году. Булгары были вынуждены заключить с Киевской Русью «вечный мир», и сопротивление вятичей было подорвано. Однако контакты вятичей с булгарами не прекращаются. «Прислали болгары (волские) послов с дары многими, дабы Владимир позволил им в городах по Волге и Оке торговать без опасения, на что им Владимир охотно соизволил» (Татищев 1964: 69).

По мере становления Муромо-Рязанского княжества отношения с булгарами не всегда носили дружественный характер. В 1088 г. булгары захватили и разграбили Муром. Согласно сообщению В.Н. Татищева это был поход в защиту свободы торговли по Оке и Волге: «В те же времена были на Волге и Оке разбои и многих болгар, торгующих пограбили и побили. Болгары же прислали ко князю Олегу и брату его Ярославу просить на разбойников, но не получа управы, пошел с войски. Муром взяли и пограбили, а села пожгли» (Татищев 1964: 65). Великий князь киевский Олег Святославич и его брат, владетель муромо-рязанских земель Ярослав, не стали наказывать ушкуйников, грабивших купеческие караваны на Оке. Вероятно, булгары удовлетворились разгромом Мурома и там не остались. Торговые контакты, несмотря ни на что, сохраняются еще долго. Политика рязанских князей в отношении Волжской Булгарии активизировалась по мере включения Рязани в сферу влияния Владимиро-Суздальской земли.

Так, зимой 1171/72 гг. русские князья предприняли один из походов на булгар. В нем приняли участие сын Андрея Боголюбского Мстислав, а также сыновья рязанского и муромского князей. Скорее всего, в походе принимали участие старшие сыновья Глеба Ростиславича Рязанского Роман и Игорь.

В 1183 г. Всеволод Большое Гнездо организовывает новый грандиозный поход на булгар, в котором так же принимали участие сыновья тогда уже покойного Глеба Ростиславича: Роман, Игорь, Всеволод и Владимир. Кроме них в походе участвовали племянник Всеволода Большое Гнездо Изяслав Глебович, князь Мстислав Давыдович, сын смоленского князя Давыда Ростиславича; муромский князь Владимир Юрьевич, а также сын киевского великого князя Святослава Ольговича Владимир Святославич. По всему видно, что одному Всеволоду было трудно бороться с Волжской Булгарией, хотя булгарская держава в то время изрядно пострадала от внутренних междоусобиц (Кучкин 1975: 35). Не зря летописец упоминает о примкнувших в воинству Всеволода половцах и неизвестного булгарского князя (Гагин 2023: 209).

Таким образом, можно сказать, что, оказавшись в фарватере усилившегося Владимирского-Суздальско княжества, Рязанская земля вынуждена была, возможно, в ущерб собственным политическим и торговым интересам, посылать дружины в походы на Булгарское государство.

ЛИТЕРАТУРА

Гагин 2004 - Гагин И.А. Волжская Булгария: очерки истории средневековой дипломатии / Под редакцией профессора Р.Х. Бариева. Рязань: РИРО, 2004. 236 с.

Гагин 2023 - Гагин И.А. Волжская Булгария – предтеча российского ислама: анализ арабо-персидских и русских письменных источников (к 1100-летию ислама в России) / Под редакций д.и.н., профессора П.В. Акульшина. Владимир: ТРАНЗИТ-ИКС, 2023. 360 с.

Жих 2017 - Жих М.И. Радимичи (локализация, происхождение, социально-политическая история) // Исторический формат. 2017. № 1-2. С. 12-63.

Коковцев 1932 - Коковцов П.К. Еврейско-хазарская переписка в X веке. Л.: Издательство АН СССР, 1932. 134 с.

Кропоткин 1970 - Кропоткин В.В. Торговые связи Волжской Булгарии по нумизматическим данным // Материалы и исследования по археологии СССР. Т. 176. Древние славяне и их соседи / Ответственный редактор Ю.В. Кухаренко. М.: Наука, 1970. С. 146-149.

Кучкин 1975 - Кучкин В.А. О маршрутах походов древнерусских князей на государство волжских булгар в XII – первой трети XIII в. // Историческая география России XII – начала XX в. М., 1975. С. 31-45.

Майоров 2018 - Майоров А.А. Вятичи: вопросы расселения, этногенеза, периодизации и политической истории // Исторический формат. 2018. № 1-2. С. 16-59.

Монгайт 1955 - Монгайт А.Л. Старая Рязань / Материалы и исследования по археологии СССР. Т. 49. М.: Издательство АН СССР, 1955. 200 с.

Никольская 1981 - Никольская Т.Н. Земля вятичей. К истории населения бассейна Верхней и Средней Оки в IX-XIII вв. / Ответственный редактор В.В. Седов. М.: Наука, 1981. 295 с.

ПДР 1983 - Повести Древней Руси XI-XII вв. / Составитель Н.В. Понырко; Вступительная статья Д.С. Лихачева. Л.: Лениздат, 1983. 574 с.

Татищев 1964 - Татищев В.Н. История Российская. В семи томах. Т. III. М.; Л.: Наука, 1964. 340 с.

Халиков 1986 - Халиков А.Х. Волжская Булгария и Русь // Волжская Булгария и Русь: К 1000-летию русско-булгарского договора / Ответственный редактор А.Х. Халиков. Казань: ИЯЛИ, 1986. С. 6-19.

Членов 1981 - Членов А.М. Из истории ранних русско-булгарских политических связей // Из истории ранних булгар / Ответственный редактор А.Х. Халиков. Казань: ИЯЛИ КФАН СССР, 1981. С. 69-82.

Янин 1955 - Янин В.Л. Нумизматика и проблемы товарно-денежного обращения в Древней Руси // Вопросы истории. 1955. № 8. С. 135-149.

REFERENCES

CHlenov 1981 - CHlenov A.M. Iz istorii rannih russko-bulgarskih politicheskih svyazej [From the history of early Russian-Bulgarian political relations], in: Iz istorii rannih bulgar / Otvetstvennyj redaktor A.H. Halikov [From the history of the early Bulgars / Responsible editor A.H. Khalikov], Kazan, IYALI KFAN SSSR Publ., 1981, pp. 69-82 [in Russian].

Gagin 2004 - Gagin I.A. Volzhskaya Bulgariya: ocherki istorii srednevekovoj diplomatii / Pod redakciej professora R.H. Barieva [Volga Bulgaria: Essays on the History of Medieval Diplomacy / Edited by Professor R.H. Bariev], Ryazan, RIRO Publ., 2004, 236 p. [in Russian].

Gagin 2023 - Gagin I.A. Volzhskaya Bulgariya – predtecha rossijskogo islama: analiz arabo-persidskih i russkih pis'mennyh istochnikov (k 1100-letiyu islama v Rossii) / Pod redakcij d.i.n., professora P.V. Akul'shina [Volga Bulgaria – the forerunner of Russian Islam: an analysis of Arab-Persian and Russian written sources (to the 1100th anniversary of Islam in Russia) / Edited by Doctor of Historical Sciences, Professor P.V. Akulshin], Vladimir, TRANZIT-IKS Publ., 2023, 360 p. [in Russian].

Halikov 1986 - Halikov A.H. Volzhskaya Bulgariya i Rus' [Volga Bulgaria and Russia], in: Volzhskaya Bulgariya i Rus': K 1000-letiyu russko-bulgarskogo dogovora / Otvetstvennyj redaktor A.H. Halikov [Volga Bulgaria and Russia: On the 1000th anniversary of the Russian-Bulgarian Treaty / Responsible editor A.H. Khalikov], Kazan, IYALI Publ., 1986, pp. 6-19 [in Russian].

Kokovcev 1932 - Kokovcov P.K. Evrejsko-hazarskaya perepiska v X veke [Jewish-Khazar correspondence in the 10th century], Leningrad, Izdatel'stvo AN SSSR Publ., 1932, 134 p. [in Russian].

Kropotkin 1970 - Kropotkin V.V. Torgovye svyazi Volzhskoj Bulgarii po numizmaticheskim dannym [Trade relations of Volga Bulgaria according to numismatic data], in: Materialy i issledovaniya po arheologii SSSR. T. 176. Drevnie slavyane i ih sosedi / Otvetstvennyj redaktor YU.V. Kuharenko [Materials and research on the archaeology of the USSR. Volume 176. The ancient Slavs and their neighbors / Executive editor Yu.V. Kukharenko], Moscow, Nauka Publ., 1970, pp. 146-149 [in Russian].

Kuchkin 1975 - Kuchkin V.A. O marshrutah pohodov drevnerusskih knyazej na gosudarstvo volzhskih bulgar v XII – pervoj treti XIII v. [On the routes of the campaigns of the ancient Russian princes against the state of the Volga Bulgars in the XII – first third of the XIII century], in: Istoricheskaya geografiya Rossii XII – nachala XX v. [Historical geography of Russia of the XII – early XX century], Moscow, 1975, pp. 31-45 [in Russian].

Majorov 2018 - Majorov A.A. Vyatichi: voprosy rasseleniya, etnogeneza, periodizacii i politicheskoj istorii [Vyatichi: some aspects of their settlement, ethnogenesis, periodization, and political history], in: Istoricheskij format [Historical format], 2018, № 1-2, pp. 16-59 [in Russian].

Mongajt 1955 - Mongajt A.L. Staraya Ryazan' / Materialy i issledovaniya po arheologii SSSR [Staraya Ryazan / Materials and research on the archaeology of the USSR], Vol. 49, Moscow, Izdatel'stvo AN SSSR Publ., 1955, 200 p. [in Russian].

Nikol'skaya 1981 - Nikol'skaya T.N. Zemlya vyatichej. K istorii naseleniya bassejna Verhnej i Srednej Oki v IX-XIII vv. / Otvetstvennyj redaktor V.V. Sedov [The land of Vyatichi. On the history of the population of the Upper and Middle Oka basin in the IX-XIII centuries. / Executive Editor V.V. Sedov], Moscow, Nauka Publ., 1981, 295 p. [in Russian].

PDR 1983 - Povesti Drevnej Rusi XI-XII vv. / Sostavitel' N.V. Ponyrko; Vstupitel'naya stat'ya D.S. Lihacheva [The stories of Ancient Russia of the XI-XII century / Compiled by N.V. Ponyrko; Introductory article by D.S. Likhachev], Leningrad, Lenizdat Publ., 1983, 574 p. [in Russian].

Tatishchev 1964 - Tatishchev V.N. Istoriya Rossijskaya. V semi tomah [Russian history. In seven volumes], Vol. III, Moscow; Leningrad, Nauka Publ., 1964, 340 p. [in Russian].

YAnin 1955 - YAnin V.L. Numizmatika i problemy tovarno-denezhnogo obrashcheniya v Drevnej Rusi [Numismatics and problems of commodity and money circulation in Ancient Russia], in: Voprosy istorii [History issues], 1955, № 8, pp. 135-149 [in Russian].

ZHih 2017 - ZHih M.I. Radimichi (lokalizaciya, proiskhozhdenie, social'no-politicheskaya istoriya) [The Radimichi: their habitat, origin, and socio-political history], in: Istoricheskij format [Historical format], 2017, № 1-2, pp. 12-63 [in Russian].

Гагин Игорь Анатольевич
– Кандидат исторических наук, доцент кафедры философии и истории Рязанского государственного медицинского университета (Рязань, Россия).

Igor Gagin
– Candidate of historical sciences, associate professor of Departments of philosophy and history Ryazan state medical university (Ryazan, Russia).

igagin@mail.ru

МЕТАМОРФОЗЫ ТУШИНСКОГО ВОРА: ОТ ЦАРЕВИЧА ДМИТРИЯ ДМИТРОВСКОГО, «АРЦЫКАЛУСА» И «ТАЛМУДА» ДО «АРИЯ» ИЗ УГРЕШСКОГО МОНАСТЫРЯ

Л.Ю. Таймасова
Волонтер-интерн Европейского отдела библиотеки Конгресса США
(Вашингтон, США)
e-mail: taimassova@hotmail.com

АВТОРСКОЕ РЕЗЮМЕ
Исследование посвящено вопросу идентификации одного из ключевых персонажей эпохи Смуты – Лжедмитрия II. Согласно наблюдениям автора, «воскресший» царь Дмитрий Иванович внес изменение в титулатуру своего предшественника. Новый Самозванец позиционировал себя как «царевич Дмитрий Дмитровский», а не «царевич Дмитрий Угличский». Привлекая малоизученные источники, автор приходит к выводу, что новый Самозванец на протяжении нескольких лет целенаправленно искал свидетелей или материальные доказательства своих прирожденных прав на московский престол в качестве «иного» отпрыска дома Рюриковичей. Одержимость Тушинского вора ставила его в уязвимое положение, позволяла московским боярам, и в первую очередь – представителям клана Романовых, манипулировать им. Романовы и их сторонники укрепляли в Самозванце веру в скором достижении цели, тем самым способствуя обострению конкурентной борьбы между Лжедмитрием II и Сигизмундом III за трон и сокровища кремлевской казны. Поиски доказательств происхождения от царского рода завершились для Тушинского вора в стенах Угрешского монастыря полным разочарованием. Автор выдвигает гипотезу, что Самозванец являлся сыном царя Ивана Грозного от наложницы Василисы Мелентьевой. В статье также рассматриваются причины и обстоятельства появления мифа о «семитских корнях» Тушинского вора.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: Смута, Лжедмитрий II, Сигизмунд III, Романовы, Василиса Мелентьева, Московское царство, Речь Посполитая, «иная» ветвь дома Рюриковичей, борьба за московский престол, Угрешский монастырь, царская наложница.

METAMORPHOSIS OF THE TUSHINSKY THIEF: FROM TSAREVICH DMITRY DMITROVSKY, ARTSYKALUS AND TALMUD TO ARIUS FROM THE UGRESH MONASTERY

Liudmila Taimasova
Intern, European Division, Library of Congress (Washington DC, USA)
e-mail: taimassova@hotmail.com

ABSTRACT
The study investigates identity of one of the key characters of the Time of Troubles – False Dmitry II (Tushinsky Thief). According to some documents, the «resurrected» Tsar Dmitry Ivanovich changed the titulature of his predecessor and positioned himself as «Tsarevich Dmitry Dmitrovsky» rather than «Tsarevich Dmitry of Uglich». Involving little-studied sources, the author comes to the conclusion that over several years the new imposter purposefully searched for witnesses or material evidence of his innate rights to the Moscow throne as «another» scion of the House of Rurikovich. Obsession of the Tushinsky Thief put him in a vulnerable position and allowed the Moscow boyars, and first of all, the Romanov clan, to manipulate him. Romanovs and their supporters strengthened the impostor's belief in the rapid achievement of the goal, thereby contributing to the aggravation of the competitive struggle between the False Dmitry II and Sigismund III for the Moscow throne and Kremlin treasury. His search for evidence of his royal origin ended for the impostor in the Ugresh Monastery with complete disappointment. The monks refused to recognize him as the legitimate heir to the throne. The author hypothesizes that the impostor was a son of the Tsar Ivan the Terrible from his concubine Vasilisa Melentyeva. The article also considers the reasons and circumstances of the appearance of the myth about «Semitic roots» of the False Dmitry II.

KEYWORDS: Time of Troubles, False Dmitry II, Sigismund III, Romanovs, Vasilisa Melentyeva, Muscovy, Rzeczpospolita, «another» branch of the House of Rurikovich, struggle for the Moscow throne, Ugresh monastery, tsar's concubine.

Кто скрывался под маской Лжедмитрия II? Вопрос идентификации второго Самозванца вызывал жгучий интерес у современников событий, породив не менее десятка версий: служивший у Лжедмитрия I «для чернокнижья» Михалко Молчанов, «ближний писарь расстриги Богдашко», «попов сын Митька», сын князя Андрея Курбского от литовской жены, сын боярина из Стародуба, крещеный еврей, дьяк, учитель из городка Сокол и т.д. Над той же загадкой безуспешно бились несколько поколений историков – профессионалов и любителей. В итоге исследователи были вынуждены согласиться с пессимистичным выводом Казимира Валишевского: тайна происхождения Тушинского вора навсегда останется неразрешенной (Валишевский. 1989. 243).

Но так ли все безнадежно?

Исследуя биографию Лжедмитрия II, ученые опирались на сообщения его врагов или сомнительных соратников, и полностью игнорировали сведения, исходившие от самого Тушинского вора. Выдавая себя за счастливо избежавшего смерти царя Дмитрия Ивановича, новый Самозванец в то же время не упускал случая подчеркнуть через титулатуру, что является «иным» наследником престола, чем сильно озадачивал лиц из близкого окружения.

Как это не парадоксально, тайна происхождения представляла собой загадку для самого Тушинского вора. На протяжении четырех лет (с 1606 г. по 1610 г.) он с поразительной настойчивостью искал свидетелей или вещественные доказательства своего «иного» происхождения по линии Рюриковичей.

Последуем же по стопам Тушинского вора в поисках разгадки его происхождения.

СМЕРТЬ И «ВОСКРЕШЕНИЕ» ЦАРЯ ДМИТРИЯ ИВАНОВИЧА

В январе 1606 г. в Краков прибыл царский гонец Иван Безобразов, который объявил о скором приезде большого посольства для заключения мирного договора. Помимо официального поручения, гонец имел тайный наказ от князя Василия Шуйского, братьев Голицыных и других бояр. Безобразов передал через канцлера Льва Сапегу жалобу королю, что тот прислал в Москву человека низкого происхождения и легкомысленного. Бояре думают свергнуть Лжедмитрия I, ищут помощи поляков и готовы предложить московский трон королевичу Владиславу. Выслушав посланника, Сигизмунд III уклонился от прямого ответа. Он предоставил «все дело Божию промыслу» (Муханов 1871: 10).

«Божий промысел» не заставил себя долго ждать. Царь Дмитрий Иванович погиб в Москве от рук заговорщиков 17 (27) мая 1606 г. Царский посох принял Василий Шуйский.

Казалось, истинный царь сел на московский трон, и Смуте настал конец. Предав огню не столько останки Самозванца, сколько – в символическом смысле – его долговые расписки, и выстрелив пеплом в сторону Речи Посполитой, царь Василий дал понять «назойливому кредитору», что отныне ни о каких выплатах по векселям («письмам») царя Дмитрия, выданным им ранее в Польше (СГГД 1819: № 102, 104; Валишевский 1989: 184), не может быть и речи. Едва водрузив на голову шапку Мономаха, новый государь опечатал кремлевскую казну собственноручно (Забелин 1901: 590).

Однако в Кракове придерживались иного мнения. Сигизмунд III помнил о предложении князей Шуйских и Голицыных в благодарность за избавление от Лжедмитрия I передать царский трон королевичу Владиславу, и тем самым открыть доступ к кремлевской казне. В окружении польского короля полагали, что бояре должны сдержать слово, если не добровольно, то по принуждению.

Уже 1 (10) июня 1606 г. в Москве появились слухи, что царь Дмитрий Иванович не убит, что «он смог уйти от той опасности». 20 июля (1 августа) в Кремль были подброшены грамоты, подписанные именем царя Дмитрия Ивановича. Понимая, что грамоты поддельные, бояре искали виновника среди дьяков, сличали почерк, но такого не нашли (Дневник 1995: 71). А в первых числах августа 1606 г., «воскресший» царь Дмитрий объявился в имении Юрия Мнишека, в Сандомире «у воеводины жены: она ему и платье и людей подавала» (РИО 1912: 301). По бородавке на лице многие его признали настоящим царем Димитрием Ивановичем.

Царские послы, посланные к польскому королю с объявлением о вступлении на престол Василия Шуйского, пытались убедить поляков, что то вовсе не царь Дмитрий, а московский беглец «безделник» Михалко Молчанов, который служил у первого Самозванца «в хоромах для чернокнижья». Как ни стыдили послы поляков и литовцев, как ни уговаривали, что нового самозванца «в великое Росийское государство государю вашему насылать и сажать непригоже, хотя б и прямой прирожденой государь царевич Дмитрей» (РИО 1912: 302-303), но повлиять на ход дальнейших событий уже не могли. Весной 1607 г. «воскресший» царь Дмитрий Иванович прибыл в Стародуб в окружении многих соратников и объявил сбор войска для похода на Москву.

В Кремле испугались не на шутку и попытались устыдить поляков сомнительностью происхождения «прирожденного государя» Дмитрия Ивановича, имя которого присвоил себе новый Самозванец. В мае 1607 г. в письме к архиепископу Рагузскому Мацею (брату императора Рудольфа II) царь Василий, повествуя о недавних событиях, назвал Лжедмитрия I «иноземным князьком», который выдавал себя за царского сына (Тимощук 1899: 202). Государь довольно прозрачно намекал на обстоятельства заговора против царя Дмитрия Ивановича, который был организован в июле 1605 г. самим князем Василием Шуйским и его братьями.

Тогда, два года назад, заговорщики обвинили царя Дмитрия Ивановича, что тот «не истинный Царь, но Польский Королевич, он-де хочет нашу веру уничтожить, а установить Люторскую» (Александренко 1911: 539-540). Лжедмитрий I крайне болезненно воспринял выпад братьев Шуйских, так как обвинение в покровительстве вере протестантской приоткрывало завесу тайны его тесной связи с Ливонией. Той связи, которую нечаянно обнародовал Юрий Петровский, когда в феврале 1604 г. выступил свидетелем перед польским королем. Свидетель признал в Претенденте «брата покойно-

го царя Федора», которого он «видел в Ливонии» и которому служил (Pierling 1878: 176; Тимощук 1899: 201-202).

Тайна оказалась столь опасной, что эпизод с пребыванием «царевича Дмитрия» в детские годы в Ливонии был изъят из биографии Претендента и заменен на Польшу. 26 января 1605 г. французский посол передавал из Кракова члену Государственного и Тайного совета маркизу де Вильруа версию, которую поощряли иезуиты, желая «воспользоваться этим молодым Князем, чтобы приобрести эту великую Империю для Римской церкви». Посол писал: «Я думаю, что вы слышали об одном Московском Князе, именем Димитрий, который маленьким ребенком был отправлен в Польшу и, когда ему минуло 17 или 18 лет, его мать сообщила ему, что он – сын последнего Московского Великого князя...» (Александренко 1914: 103).

Таким образом, в своем послании к архиепископу Рагузскому царь Василий Шуйский дал понять, что Лжедмитрий II, присвоив имя покойного царя Дмитрия Ивановича, унаследовал также биографию «иноземного князька» из Ливонии. И Сигизмунд III оказывает покровительство приверженцу протестантской веры.

Реакции от представителя Рима на провокационное послание царя Василия Шуйского не последовало. В окружении польского короля также проигнорировали выпад русского правителя. Более того, при молчаливом одобрении Сигизмунда к осени 1607 г. в Стародубе было сформировано добровольческое войско «царя Дмитрия Ивановича».

Пытаясь противостоять новому витку Смуты, царское правительство предприняло вторую попытку остановить Сигизмунда III, припугнув притязаниями Лжедмитрия II на польский трон в качестве «польского королевича», то есть внебрачного сына Стефана Батория, и связями того с рокошанами. Агенты Москвы, задействовав агентуру в Ливонии, распускали слухи о намерении нового «царя Дмитрия» добиваться не русской, но польской короны. Так, в январе 1608 г. англичанин Джон Мур сообщал из Данцига своему другу в Лондон, что рокошане готовы изгнать Сигизмунда и возвести на польский престол «молодого Стефана Батория» (Calendar 1968: 9).

Однако подходящий момент для провокации уже был упущен. Москве не удалось раздуть угли рокоша. Основные силы рокошан потерпели поражение в июле 1607 г. в сражении под Гузовым, после чего предводители мятежников вернулись к «войне чернильниц». Запоздалое и неумелое интриганство бояр лишь приблизило дату выхода сил Лжедмитрия II на Москву.

К весне 1608 г. нерегулярное войско Самозванца было усилено отборными польскими частями. С ведома и при одобрении польского короля к Лжедмитрию II под Волхов явились Самуил Тышкевич и Александр Лисовский, каждый привел с собой по 700 конных копейщиков. Затем к нему присоединились князья Адам Вишневецкий и Роман Рожинский с крупными силами. Вскоре подошли отряды Заруцкого, Рудницкого и другие. Укрепив свою армию профессиональными польскими наемниками и казаками, весной того же года «воскресший» царь Димитрий Иванович изготовился идти на Москву.

Накануне решающего сражения под Болховом Лжедмитрий II озаботился тем, чтобы утвердиться в глазах московитов как царь Дмитрий Иванович, а также отмести обвинения царя Василия Шуйского в том, что он «иноземный князек». Кроме того, требовалось дать разъяснения подданным об обстоятельствах «воскрешения» царя Дмитрия.

В грамоте к жителям Смоленска от 14 (24) апреля 1608 г., посланной из Орла, Самозванец величал себя прирожденным Царем и Великим князем Дмитрием Ивановичем Всея Руси, обладателем «многих стран Восточных и Северных, Южных и Полуденных», царем Казанским и Астраханским и Царем иным многим царям. В преамбуле Самозванец велеречиво выводил свою родословную от Августа Кесаря и равнялся храбростью с Александром Македонским.

Свое избавление от смерти Лжедмитрий II объяснял следующим образом: заговор Василия Шуйского и его приспешников не удался, так как в Москве вместо него был убит «немчин именем Арцыкалус». Префикс «арцы-» указывает на княжеское происхождение жертвы – загадочного «немчина» по имени Калус. Таким образом, Самозванец обесценил ранее предпринимавшиеся попытки царя Василия Шуйского отождествить его с «иноземным князьком», указав, что тот погиб во время московского мятежа.

Лжедмитрий II также заверил жителей Смоленска, что напрасны возводимые на него обвинения в том, что он «Грышко Атрепьев». Он не схож с тем вором ни возрастом, ни лицом, ни волосами, ни бородой. Далее Самозванец коротко упомянул о своем хождении в Литву после счастливого избавления от смерти. Он опустил подробности пребывания в Самборе, указал лишь, что перебрался из Литвы в Стародуб, где скрывался в течение 12 недель под именем Андрея Нагого, затем некоторые люди признали в нем прирожденного государя Дмитрия Ивановича. Лжедмитрий предостерегал смольнян от прелести иных самозванных царевичей: Августа, Лаврентия, Петра, Федора, Клементия, Савелия, Семиона, Василия, Ерошки, Гаврилки и Мартинки. Один выдавал себя за сына царя Ивана Васильевича от Анны Колтовской, другой – за сына царевича Ивана Ивановича от Елены Шереметевой, остальные – за сыновей царя Федора Ивановича (Бутурлин 1841: 46-50. Приложение).

Обращение Лжедмитрия к смольнянам укрепило его позиции. 1 (11) мая 1608 г. силы Самозванца одержали блестящую победу над царскими отрядами под Болховом. Остатки войска Шуйского вернулись в Москву в таком ужасе, что, по мнению очевидца, Лжедмитрий II мог легко взять столицу (Буссов 1961: 149). Вопреки ожиданиям, Самозванец не последовал за отступающим в панике врагом, а неспешно подошел под стены Москвы и несколько дней придирчиво выбирал место для бивуака.

СЫН ЦАРИЦЫ ИНОКИ МАРФЫ НАГОЙ ИЛИ МУЖ МАРИНЫ МНИШЕК

Первоначально для бивуака было выбрано село Тайнинское, в 16 верстах от Москвы, сюда силы Самозванца подошли 24 июня (ст. стиля) 1608 г. На то, несомненно, имелись особые соображения. Три года назад, в 1605 г., в Тайнинском состоялась прилюдная встреча Лжедмитрия I с мнимой матерью, царицей инокой Марфой Федоровной Нагой. Во время этой трогательной встречи она признала Претендента своим сыном. Логично предположить, что Лжедмитрий II стремился повторить спектакль и доказать свою идентичность с царевичем Дмитрием Угличским, а ныне – царем Дмитрием. Царица инока Марфа Федоровна находилась в то время в кремлевском Вознесенском монастыре.

Однако, по странному стечению обстоятельств, через четыре дня после того, как войско Самозванца расположилось в Тайнинском, 28 июня (ст. стиля) 1608 г., царица инока Марфа Федоровна скоропостижно скончалась (Панова 2003: 36)[1].

Как только стало известно о смерти царицы иноки Марфы Федоровны, село Тайнинское было признано «тесным местом». Войско Лжедмитрия угрожающе приблизилось к Москве и расположилось лагерем в селе Тушино (РИБ 1872: 135).

Смерть царицы иноки Марфы Федоровны не остановила Самозванца, так как в Москве в то время находился иной свидетель, который мог подтвердить личность «царя Дмитрия Ивановича» – Марина Мнишек. Бывшая царица, ее отец Юрий Мнишек и сопровождавшая их свита после смерти Лжедмитрия I были отправлены в ссылку в Ярославль, но, по распоряжению бояр, вернулись в Москву 24 мая (н. стиля) 1608 г. (Дневник 1995: 113), накануне прибытия королевских послов. В ходе предстоящих переговоров должна была решиться участь Марины Мнишек и ее окружения.

Войско Самозванца, расположившись лагерем в селе Тушино, с нетерпением ожидало результатов переговоров в Кремле. Положение русских было настолько плачевным, что «бояре Московские, и между прочим сам князь Дмитрий, родной брат Василия Шуйского, … упоминали, что хотят до того довести, что Василий добровольно откажется [От престола – Л.Т.], если бы только король вступился в это дело и дал им на царство сына своего Владислава, ибо они полагали, что таким образом скорее бы прекратилось кровопролитие и водворилось бы в царстве Московском тишина и веселье». Сигизмунд, посовещавшись с сенаторами, принял решение «не упускать сего случая, для умножения славы и распространения владений Речи Посполитой» (Муханов 1871: 16-18).

Только подтвердив обещание передать московский трон королевичу Владиславу, царским переговорщикам удалось заключить с поляками перемирие сроком на четыре года, до 1612 г. Во время перемирия сторонам предстояло вести переговоры о заключении «вечного мира». Под давлением королевских послов русские согласились отпустить заложников – Марину Мнишек и ее свиту. Затем был составлен отдельный документ, который оговаривал условия для особой встречи уполномоченных представителей сторон на реке Ивате, «меж Оршей и Смоленском», через год, 25 июля (5 августа) 1609 г. В ходе этой встречи им следовало уладить все денежные разногласия и претензии сторон (Бантыш-Каменский (b) 1862: 88-90).

Итак, царю Василию предстояло по истечении года либо откупиться от польского короля и избавиться от Лжедмитрия II, либо отречься от престола и уступить шапку Мономаха королевичу Владиславу. Ни тот, ни другой способ «утишения» Смуты не рассматривался в Кремле как приемлемый. Используя передышку, советники царя Шуйского намеревались лишить Самозванца поддержки со стороны поляков и тех москвичей, которые поверили в счастливое «избавление» царя Дмитрия Ивановича от смерти и гибели вместо него загадочного «немчина Арцыкалуса».

Отпуск Марины Мнишек из плена являлся частью этого хитроумного плана. Попытку Лжедмитрия II доказать свое «воскрешение», опираясь на свидетельство мнимой жены, ожидал неминуемый провал, так как внешне он мало походил на покойного царя Дмитрия Ивановича. Действительно, по словам Николая Мархоцкого, «царица и другие персоны, знавшие Дмитрия в столице, увидев нашего, не захотели его признавать, и скрыть это было невозможно. А москвитяне воспользовались этим, чтобы отвратить от Дмитрия своих людей» (Мархоцкий 2000: 46).

После недельных уговоров Марина Мнишек все же согласилась признать нового Самозванца своим прежним мужем, но ее слова уже ничего не значили. Ей не удалось обмануть тех, кто знал предыдущего царя Дмитрия Ивановича. Конрад Буссов отметил в своих записках, что многие русские, перешедшие из Москвы в Тушинский стан «царя Дмитрия», «хорошо видели, что он не Димитрий первый, а кто-то иной» (Буссов 1961: 149, 153).

«КТО-ТО ИНОЙ» ИЛИ ЦАРЕВИЧ ДМИТРИЙ ДМИТРОВСКИЙ

К немалому разочарованию бояр, рассчет на то, что им удастся обличить Тушинского вора и избавиться от него, отпустив Марину Мнишек и ее свиту из плена, не оправдал себя. Самозванец, вопреки ожиданиям кремлевских властей, не стал настаивать на своей идентичности с предыдущим «царем Дмитрием Ивановичем». Он разрушил планы царя Шуйского и его окружения тем, что предъявил права на шапку Мономаха как царевич Дмитрий Дмитровский. В пользу такого предположения свидетельствует изменение, внесенное Лжедмитрием II в титулатуру своего предшественника.

До вступления на московский престол, Лжедмитрий I доказывал свое тождество с царевичем Дмитрием Угличским, перечисляя в титулатуре владетельные земли в следующем порядке: «Дмитрий Иванович, Божиею милостию царевич великой России, Углицкий, Дмитровский, Городецкий и проч. и проч.» (СГГД 1819: № 76; Муханов 1871: 14-22. Приложение). Тем самым Претендент

1 Согласно надписи на надгробной плите, «Лета 7116 (1608 г. от Рождества Христова – Л.Т.) месяца июня в 28 преставися раба божия инока царица Марфа Феодоровна всея Русии царя Ивана». В книге ошибочно указан 1611 г.

подчеркивал свою связь с Угличским уделом, переданным его матери вдовствующей царице Марии Федоровне Нагой.

Лжедмитрий II уже на первых порах своих похождений, еще до личной встречи в Тушинском лагере с Мариной Мнишек, ее отцом и другими поляками, предпринял попытку утвердиться как «иной» царь Дмитрий через внесение принципиально важного изменения в титулатуру царя Дмитрия Ивановича. Так, 27 января (н. стиля) 1608 г., находясь в Орле, Лжедмитрий II отправил грамоту к мнимому тестю Юрию Мнишеку, пребывавшему тогда вместе с дочерью и другими поляками в ссылке в Ярославле. В послании Самозванец сообщал о своем намерении скоро освободить «всех приятелей», и что король польский готов оказать ему помощь в получении «наследственных владений». В титулатуре Лжедмитрий II указал свои наследственные владения в следующем порядке: «Божиею милостью Царь всея Руси, Великий князь Московский, Дмитровский, Углицкий, Городецкий и проч. и проч.» (СГГД 1819; № 156).

Грамота была доставлена в Ярославль и передана адресату лишь два с лишним месяца спустя. 12 марта (н. стиля) 1608 г. один из охранников, улучив момент, шепнул Юрию Мнишеку, что «приближается ваша радость». А на следующий день в близком окружении воеводы озаботились вопросом «о титуле царя и князя российского», о чем сделал запись автор так называемого «Дневника Марины Мнишек». Однако листы с рассуждениями на эту тему, как следует из ремарки, сделанной в 1774 г. переписчиком рукописи, были кем-то «выдраны» (Дневник 1995: 14, 109).

Понятно, что в утерянном отрывке «Дневника» речь шла о титуле «воскресшего» царя Дмитрия Ивановича, о том изменении, которое он внес в порядок перечисления владений, сделав акцент на Дмитровском уделе. Такая перемена указывала на иную идентификацию «царя и князя российского». Не удивительно, что автор «Дневника», разделявший сомнения своих товарищей в подлинности «воскресшего» царя Дмитрия, посвятил несколько страниц рассуждениям на эту тему, а впоследствии, возможно, из предосторожности удалил их.

Итак, порядок перечисления владетельных земель, который указывал на «иную» идентификацию «царя Дмитрия», вызвал недоумение у Юрия Мнишека и его товарищей. В самом деле, тут было, чему удивиться.

Дмитровский удел, по традиции, передавался младшим сыновьям великих князей – прямым наследникам московского престола. Эти земли на протяжении долгого времени являлись предметом юридического спора между Иваном Грозным и его двоюродным братом князем Владимиром Старицким. В 1565 г. разногласия чуть было не перешли в вооруженное противостояние сторон. Однако в январе 1566 г., весьма неожиданно, Иван Васильевич усмирил свой гнев и уступил двоюродному брату спорный удел в обход собственного младшего сына царевича Федора. Государь передал князю Владимиру Дмитровскую «отчину» со всеми станами и дворцовыми селами в обмен на город Старицу. В феврале того же года князь получил Боровск и некоторые села в Московском уезде, вернув царю Алексин из Дмитровского уезда. В марте Иван IV отдал двоюродному брату, его жене «княгине Овдотье, и его сыну, князю Василью и их детем» Звенигородский уезд со всеми волостями, селами и доходами в обмен на небогатый город Верею с прилегающими землями (Веселовский 1963: 164-165; Таймасова (b) 2010: 116-137). Сделка носила неравноценный характер, государева казна понесла убытки.

Князь Владимир Старицкий владел Дмитровским уделом всего три года. 6 сентября 1569 г. скоропостижно скончалась царица Мария Темрюковна. А два месяца спустя вскрылся заговор Старицких, будто бы готовивших покушение на государя и его детей с целью завладеть троном. Поспешное судебное разбирательство закончилось изуверскими казнями. Князь Владимир и его жена умерли от яда, в живых остались малолетние дети – дочери Евфимия и Мария и сын Василий. Уделы Старицкий, Дмитровский, Звенигородский и другие меновые земли отошли в государеву казну (ДДГ 1950: 442).

Дмитровский удел все же был передан сыну покойного князя Владимира Старицкого Василию не позднее сентября 1572 г. в качестве вотчины (ПСРЛ 1978: 192; Тихомиров 1941: 92), то есть наследственной формы землевладения. Вместе с волостями Дмитровского удела князь Василий получил статус «родного сына» государя, наравне с царевичами Иваном и Федором.

Несомненно, щедрость Ивана Грозного была подчинена государственным интересам. В то время возникла опасность, что задуманный династический брак между внучатой племянницей государя княжной Марией Старицкой и братом датского короля герцогом Голштинским Магнусом (в русских источниках «Арцымагнус») может расстроиться. Весной 1572 г. Иван Васильевич посылал послов к Магнусу, выражал сожаление о разрыве и приглашал вернуться в царский стан (Jensen 1976: 68).

В своей «Апологии» Магнус сообщает, что советники царя тогда уверяли герцога, что прибыв в Московию «в качестве князя», он вернется «в королевском звании» (Бессуднова 2013: 128). Видимо, символическое включение князя Василия Старицкого (и его сестры Марии) в состав великоняжеской семьи через передачу Дмитровского удела должно было польстить самолюбию герцога. Иван IV дал понять будущему зятю, что отдает ему в жены «прямую наследницу» московского престола.

Магнус дал себя уговорить, и 12 апреля 1573 г. состоялось его бракосочетание с царской племянницей. Свадебный обряд проходил в Новгороде, в церкви св. Дмитрия Солунского. Выбор церкви был не случаен. Имя святого покровителя, осенявшего молодоженов, должно было подчеркнуть близкое родство невесты с государевой семьей. Князь Василий Старицкий, счастливый обладатель Дмитровской вотчины, на свадьбе исполнял роль посаженого отца со стороны невесты.

Венчание молодых совершилось по межконфессиональному обряду: невесту венчал «дмитровский поп» «по христианскому закону», а для жениха таинство было совершено «по его вере» (Разрядная книга 1982: 330-335). Таким образом, согласно особенностям межконфессионального свадебного обряда, рождение детей

в этом браке не предусматривалось. Однако не позднее декабря 1573 г. Мария Владимировна, в угоду супругу, перешила платье на немецкий образец и в таких одеждах посещала протестантскую церковь в ливонском замке Каркус, чем вызвала большое неудовольствие у своих соотечественников. (Busse 1871: 78).

Узнав о самоуправстве Магнуса, царь прислал зятю «крупный выговор за растрату вверенного имущества и за перекрой платья на немецкий лад» (Цветаев 1878: 70). Гнев Ивана Грозного был вызван тем, что перекроив платье и переменив веру, Мария Владимировна освободилась от запрета на рождение детей. После смерти бездетного и вдового князя Василия (ок. 1574 г.) Дмитровский удел, как вотчина, должен был перейти во владение его сестре Марии Владимировне королеве Ливонии, а затем – ее будущим детям, но вернулся в число дворцовых земель.

И вдруг в январе 1608 г. в Орле объявился Претендент, позиционирующий себя как законный наследник Дмитровского удела. Несомненно, иной порядок перечисления «отчих и дедчих» земель в титулатуре Лжедмитрия II в послании к Юрию Мнишеку должен был указывать на легитимность его происхождения от Рюриковичей через ветвь Старицких. Но до поры до времени это признание должно было держаться в секрете. Вероятно, по этой причине, опасные строки с рассуждением о титуле «царя и великого князя» были «выдраны» из дневника, который вел секретарь Юрия Мнишека в Ярославле.

Самозванец демонстративно вернулся к «иной» версии титулатуры полгода спустя, находясь в Тушинском стане. 3 сентября (н. стиля) 1608 г., Лжедмитрий II отправил грамоту к Яну Петру Сапеге с просьбой выделить особый отряд «наияснейшей супруге нашей» Марине Мнишек и сопровождавших ее лиц, и всему войску двигаться в Тушино. (В соответствии с договоренностью, достигнутой во время переговоров с королевскими послами в Кремле, бывшая царица и другие пленники были отпущены из Москвы царем Шуйским и направлялись в Смоленск, но 30 августа присоединились к войску Сапеги в Царево-Займище и повернули обратно (Дневник Сапеги 2012: 50)). Титул «государя и дедича» в грамоте Лжедмитрия II к Сапеге выглядел следующим образом: «Дмитрий Иванович, Божей милостью царь Московский и всея России, князь Дмитровский, Углицкий, Городецкий и пр. и пр.». В дальнейшем Лжедмитрий II неизменно придерживается такого же порядка перечисления владетельных земель в титулатуре, по крайней мере, – до осени 1609 г. (Муханов 1871: 25, 31, 33, 37 Приложение).

Таким образом, осенью 1608 г. Самозанец публично объявил себя «дедичем» Дмитровского удела, то есть отпрыском дома Старицких. Однако после смерти бездетного князя Василия Владимировича наследников по мужской линии Старицких не осталось.

Или, все же, такой претендент имелся?

Исходя из дальнейших событий, можно выдвинуть предположение, что через внесение изменения в титулатуру своего предшественника Лжедмитрий II объявил себя «иным» наследником московского престола, то есть сыном Марии Владимировны, рожденного ею в браке с «Арцымагнусом».

ЗАГАДОЧНЫЙ «МЛАДЕНЕЦ»

На долю Марии Владимировны Старицкой, в замужестве королевы Ливонии, выпала богатая событиями судьба. После свадьбы в Новгороде царь приказал молодым жить в замке Каркус. Магнус не имел права распоряжаться своими доходами, его передвижения были ограничены двумя замками – Каркус и Оберпален. Государь не доверял иноземному «князьку» и заставил того подписать долговую расписку на 40 000 гульденов. Не удивительно, что царский вассал искал возможность перейти в услужение к польскому королю. В 1578 г. Магнус «отложился» от своего кредитора и перешел в услужение к польскому королю. Мария Владимировна сбежала в польские земли вместе с супругом. Два года спустя, в 1580 г., Магнус и его русская жена оказались втянуты в заговор с целью убийства Стефана Батория. Виновным в покушении на короля был признан рядовой член «русской партии» пан Григорий Остик, его прилюдно казнили. Несостоявшийся король Ливонии поплатился свободой, Он получил разрешение жить уединенно в замке Пильтен. Более суровое наказание постигло его супругу. Ее сослали сначала в королевский замок Донданген, а затем в Ригу. Плен королевы Ливонии разделили несколько детей.

Пребывая в браке с Магнусом, Мария Владимировна родила, предположительно, двух девочек и мальчика.

Русские и некоторые иностранные источники упоминают только одну законнорожденную дочь Марии Владимировны – Евдокию (1580-1589). Ее крещение по протестантскому обряду совершилось в Пильтене 12 февраля 1581 г., когда ребенку исполнилось около девяти месяцев («более тридцати недель отроду»). Таинство крещения проходило в присутствии 80 крестных отцов. После этого Мария Владимировна с дочерью была отправлена в замок Донданген под строгий надзор, как пленница (Chronicle 1992: 112, 153; Таймасова 2022: 88-93).

Сведения о двух других детях Марии Владимировны находим в записках иностранцев, принимавших непосредственное участие в судьбе королевы Ливонии.

О существовании старшей «родной дочери» Марии Владимировны известно из мемуаров английского купца и дипломата Джерома Горсея. Он познакомился с девочкой в 1585 г. в Риге, когда навестил вдовствующую королеву Ливонии по просьбе царского шурина Бориса Годунова. Англичанин не назвал имени ребенка, но указал год ее рождения. По словам Горсея, прощаясь с узницей рижского замка, он удостоился чести пожать руку «девятилетней девочки, очень хорошенькой» (Горсей 1991: 95). Следовательно, старшая дочь Марии Владимировны родилась около 1576 г. в замке Каркус.

По какой причине Иван IV отказался признать ребенка членом великокняжеской семьи, не известно. Возможно, государь таким образом наказал зятя за перекрой платья и «растрату вверенного имущества». Однако Магнус успел к тому времени сообщить о девочке своим близким родственникам. Два века спустя сведе-

ния о ней оказались в распоряжении немецкого историка Иоганна Гюбнера, автора фундаментального труда по генеалогии мекленбургских и голштинских князей, его труд был опубликован в 1712 г. (Hübner 1712: Tabl. 86). В дальнейшем на исследования Гюбнера опирались авторы справочников по генеалогии датского королевского дома, указывая имя «единственной дочери» Магнуса и Марии Владимировны – Мария (Lackmann 1730: 681; Königsfeldt 1856: 53).

Еще более туманны сведения о внебрачном сыне королевы Ливонии, которого она родила, предположительно, от короля Стефана Батория в 1579 г. Намек на существование этого мальчика содержится в донесении наместника Ливонии епископа Юрия Радзивилла к Баторию от 13 августа 1583 г. (Mitteilungen 1845: 347-352).

Появлению этого донесения предшествовали чрезвычайные события.

Магнус умер в Пильтене 18 марта 1583 г. Узнав об этом, Мария Владимировна сбежала из замка Донданген. В Пильтене она узнала, что польский король требует от пильтенцев присяги на верность. На протяжении нескольких месяцев наместник польского короля в Ливонии епископ Юрий Радзивилл неоднократно предлагал пильтенцам присягнуть Баторию или герцогу Курляндии Герхарду Кетлеру, но те не верили его «льстивым речам» и отказывались подчиниться. Пильтенцы, очевидно, при участии Марии Владимировны, отправили гонца к Фредерику II с просьбой принять жителей замка в подданство Датской короны. Встревоженный событиями, 25 мая 1583 г. польский король направил в Пильтен обер-гофмейстера Станислава Костку с особым письмом для Марии Владимировны. В своем послании Баторий советовал вдове Магнуса хорошенько поразмыслить над доводами, которые Костка уполномочен сообщить ей, и принять наиболее правильное решение (Mitteilungen 1845: 346-347). Какие именно доводы привел королевский посланец, не известно, но после его отъезда среди жителей Пильтена начались раздоры.

Тем временем вернулся гонец из Дании. Фредерик II не возражал против того, чтобы взять Пильтен в подданство. Он выслал пильтенцам партию оружия. Военный груз сопровождал королевский советник Матиас Будд, которому следовало уладить конфликт с Баторием. Будд передал жителям Пильтена оружие, а затем отправился в резиденцию польского короля в Варшаве. Уладив дела с Баторием, он вернулся в Пильтен. О последующих событиях известно из упомянутого выше донесения наместника Ливонии от 13 августа 1583 г. По сведениям епископа Радзивилла, представитель Фредерика II Матиас Будд специально вернулся в Пильтен «для организации обряда крещения младенца». Однако крестный отец был убит 8 августа на ступенях церкви в ходе короткого боя (Mitteilungen 1845: 347-352).

Высокий ранг крестного отца указывает, что готовились крестины ребенка, имевшего родственные узы с датским королевским домом. При этом судьба «младенца» играла какую-то важную роль в переговорах Будда с Баторием. Судя по всему, разрешение на крещение мальчика было согласовано во время визита Будда ко двору польского короля. Вероятно, пастор должен был задним числом признать таинственного «младенца» родным сыном покойного Магнуса. Однако из-за гибели официального представителя датского короля статус ребенка остался под вопросом, и его права наследника датской и русской корон, к немалому облегчению правителей этих стран, не получили подтверждения. Убийство крестного отца оказалось на руку также герцогу Курляндскому Герхарду Кетлеру, старшего сына которого – Фридриха – Магнус накануне своей кончины обещал в присутствии многих свидетелей усыновить и объявить наследником (Chronicle 1992: 148. Appendix).

Несмотря на смерть крестного отца, ребенка все же окрестили. Не исключено, что «младенец» получил имя Калус.

После убийства Будда у Марии Владимировны не осталось иного выхода, как сдаться на волю победителя. Вдову Магнуса отправили в Ригу, где поместили в королевский замок под строгий надзор. Согласно изысканиям рижского историка и собирателя древностей Августа Дебнера, при ней находились двое «приемных» детей, которых она взяла на воспитание в Каркусе. Сирот – брата и сестру – звали Анна и Петер Пален (Anna & Peter Pahlen) (Döbner 1868: 1-10). Скорее всего, страх за жизнь старших детей, не получивших статуса законнорожденных, заставил Марию Владимировну объявить их «приемными» и спрятать под вымышленными именами.

Царь Федор Иванович и Борис Годунов предпринимали меры по позвращению королевы Ливонии из плена. Однако Мария Владимировна опасалась ехать на родину, полагая, что запрут в «адов монастырь». Посланцу Годунова английскому купцу Джерому Горсею удалось уговорить ее, заверив, что в Московском государстве «времена переменились», и оказавшихся в ее положении женщин «с ребенком или детьми» теперь не отсылают в монастырь, они остаются растить и обучать их (Горсей 1991: 95-97).

Королева Ливонии поверила словам англичанина. Ее освобождение из рижского замка совершилось летом 1586 г. Согласно русским летописным источникам, Мария Владимировна прибыла на родину вместе с дочерью Евдокией, которую она «прижила с королем» (ПСРЛ 1978: 191). По сведениям Геннинга, королеву Ливонии сопровождала небольшая свита: «несколько лиц из немцев» (Chronicle 1992: 154). В их числе, согласно сообщению Дебнера, находились «приемные» дети (Döbner 1868: 58).

На родине Мария Владимировна вновь перекроила платья и вернулась в лоно Православной церкви, а ее дети были повторно крещены. Обряд Крещения Евдокии состоялся в Новодевичьем монастыре. Крестной матерью девочки стала «царица Леонида царевича Ивана Ивановича [Елена Шереметева, вдова царевича Ивана Ивановича, в постриге Леонида – Л.Т.]» (ПСРЛ 1978: 191).

Повторное крещение «приемных» детей Марии Владимировны, несомненно, совершилось тогда же. Мария, очевидно, сохранила свое имя, а ее «брат» вместо не-

мецкого имени (Калус?) получил новое православное, предположительно, – Дмитрий. Крестные родители, имена которых остались неизвестны, согласно традиции, одарили своих крестников парными крестами-мощевиками (об этих крестах будет рассказано ниже).

На первых порах, как и обещал Горсей, королева Ливонии получила на родине почет и уважение. Но два года спустя ее заточили «в адов монастырь» под именем королевы иноки Марфы Владимировны. Ее поселили в кельях захудалого Подсосенского монастыря, что стоял рядом с Троице-Сергиевской обителью. Евдокия разделила участь матери, жила при ней в кельях девичьего монастыря. Очевидно, «приемная» дочь также находилась при королеве иноке. Судьба, постигшая «приемного» сына королевы Ливонии, не ясна. Скорее всего, мальчика отослали в Углич ко двору царевича Дмитрия (Таймасова 2022: 88-93).

Евдокия скончалась 18 (28) марта 1589 г. Ходили упорные слухи, что девочка умерла насильственной смертью, от яда (Флетчер 2002: 35). Впрочем, есть основания полагать, что в Успенском соборе Троице-Сергиевского монастыря был замурован пустой гроб, а спасенную девочку, с согласия троицких властей, спрятали под платком послушницы Подсосенского монастыря. Такую гипотезу можно выдвинуть на основании записи во Вкладной книге Троицкого монастыря. Через пять дней после смерти дочери «безутешная» мать, вместо поминального вклада, внесла в казну Троицкого монастыря деньги за новую послушницу: «7097 марта в 23 день за старицу Ефросинию дала вкладу королева старица Марфа Володимировна денег 20 рублев» (Рыбаков 1987: 212). Дальнейшая судьба старицы Ефросиньи неизвестна.

Королева инока Марфа Владимировна скончалась 13 июня 1597 г., и была похоронена в Успенском соборе Троице-Сергиева монастыря. Ее «приемная» дочь, скорее всего, «унаследовала» иноческое имя и королевский титул матери, чтобы сохранить в секрете факт своего существования. Монастырские власти пошли навстречу осиротевшей девушке. В благодарность она сделала щедрый вклад в казну Троицы: бархатные ризы и атласная патрахель, богато украшенные жемчугом, золотыми и серебряными дробницами (Рыбаков 1987: 30).

Таким образом, проживавшая с 1597 г. в Подсосенском монастыре «королева инока Марфа» на самом деле являлась «приемной» дочерью королевы Ливонии. Лжедмитрий II через внесение изменения в титулатуру своего предшественника дал понять Марине Мнишек и ее отцу, что претендует на шапку Мономаха как «иной» наследник престола по линии

Старицких – царевич Дмитрий Дмитровский. Публично объявив «немчина Арцыкалуса» погибшим в ходе московского переворота в грамоте к смольянам, Самозванец стремился сохранить свое инкогнито. При этом в тайну «приемных» детей Марии Владимировны был посвящен достаточно широкий круг людей.

КРУГ ПОСВЯЩЕННЫХ

Несомненно, Лжедмитрий I знал тайну насельницы Подсосенского монастыря, которая с 1597 г. выдавала себя за вдову Магнуса. Такое предположение позволяет логично объяснить пренебрежительное отношение царя Дмитрия Ивановича к королеве иноке Марфе Владимировне.

В самом деле, взойдя на московский престол, царь Дмитрий возвратил из ссылки всех тех, кого царь Борис Федорович «много завистныа злобы ради изгна и заточи», и даровал им «боярство и вотчины великие, и дворы Годуновых и з животы» (Белокуров 1907: 6). Самозванец торжественно встретил мнимую «мать» иноку Марфу Федоровну Нагую, прибывшую в столицу из монастыря на Выксе. Он смиренно шел возле ее повозки, провожая в кремлевский Вознесенский монастырь. Здесь вдовствующую царицу иноку окружили почетом и роскошью. Не остались в обиде другие представители Нагих. Все они получили крупные земельные «дачи» из годуновских вотчин. Столь же внимателен царь был к дальней родне по линии Романовых. Филарет Никитич был возведен в сан митрополита ростовского, а его младший брат Иван Никитич – стал владельцем обширных угодий в Лебедянском уезде. Царь не жалел денег из казны, назначая высокие оклады ближним боярам: князю Ф.И. Мстиславскому, князьям Василию и Дмитрию Шуйским, троим братьям Голицыным и иным (Ульяновский 1993: 54-59).

Но лишь одна особа, с которой истинный сын Ивана Грозного состоял в кровном родстве по отцовской линии, не удостоилась царской милости. За весь год, что Самозванец находился у власти, о представительнице великокняжеских кровей, томившейся в захудалом монастыре, ни разу не вспомнили в Кремле. Царь Дмитрий не позаботился о том, чтобы ее перевели в кельи столичной обители. Королева инока Марфа Владимировна не получила от государя ни единого земельного пожалования к тем пашням, которыми владела в дворцовом селе Лежнево на основании грамоты царя Федора Ивановича от 7 августа 1588 г. (ААЭ (а) 1836: 412-413). Более того, остались без подтверждения выданные царем Борисом Годуновым грамоты о даровании насельницам Подсосенского монастыря денежной и хлебной руги из царской казны, а также о передаче монастырю сел Кузьминское и Федулово с деревнями и починками. Эти грамоты подтвердил по своем вступлении на престол Василий Шуйский, а затем – Михаил Романов (Смирнов 1854: 100-101).

Царь Дмитрий Иванович, казалось, всеми силами стремился забыть о родственных узах, которые связывали его с королевой инокой Марфой Владимировной.

Иное дело – Тушинский вор, который готовился подтвердить свои права на московский престол как наследник Дмитровского удела с помощью «иной» матери. Несомненно, он намеревался устроить трогательную встречу с королевой инокой Марфой Владимировной. Во время этой церемонии предусматривалась передача из ее рук особого креста-мощевика.

Хорошо известно, что в подтверждении личности первого «царя Дмитрия Ивановича» важную роль играл золотой крест-мощевик. По сообщению Пискаревского летописца, при встрече Лжедмитрия I с мнимой матерью, состоявшейся в Николаевском монастыре

на Выксе в 1601 г., царица инока Марфа Федоровна Нагая передала ему «крест злат с мощами и каменьями дорогими сына своего благоверного царевича Дмитрия» Угличского (ПСРЛ 1978: 205-206). Этот крест, по некоторым сведениям, Претендент позднее предъявил князю Адаму Вишневецкому в качестве доказательства своего царского происхождения (Древности 1849: 40-41).

Несомненно, такая же важная роль при доказательстве прирожденных прав Тушинского вора на московский престол по линии Старицкцих отводилась парным крестам-мощевикам литого золота, которые находились в распоряжении насельницы Подсосенского монастыря. Эти кресты-мощевики с рельефным Распятием, синими сапфирами и двойной жемчужной обнизью сохранились до наших дней (Пуцко 2006: 86-87). Парность крестов, схожих по оформлению, но отличных по размеру указывает на то, что они принадлежали двум близким родственникам.

Итак, внесенное в титулатуру царя Дмитрия Ивановича изменение свидетельствует, что Тушинский вор намеревался доказать свои права на московский престол в качестве царевича Дмитрия Дмитровского, того «иноземного князька» или «Арцыкалуса», которого он объявил погибшим в грамоте к жителям Смоленска. Для доказательства тождества требовалось предъявить показания авторитетных свидетелей, так как некоторые лица выказывали «иному» царю Дмитрию недоверие, и в первую очередь – Марина Мнишек и гетман Ян Петр Сапега.

Марина Мнишек и ее свита в сопровождении войска гетмана Сапеги вернулись под Москву 1 (11) сентября 1608 г. и остановились в миле от Тушинского стана. Царица отказалась ехать дальше. Да и сам Дмитрий, сказавшись больным, не вышел встречать «дражайшую супругу». Через два дня Сапега был приглашен в шатер царя Дмитрия. Во время пира Тушинский вор позволил себе «богохульствовать». Он пил «за здоровье короля, своего брата, и всего рыцарства». На следующий день гетман еще раз посетил Самозванца, уже протрезвевшего, с единственной целью, выяснить «действительно ли это тот или не тот» (Дневник Сапеги 2012: 57).

Тушинский вор, судя по всему, сумел убедить Сапегу в том, что он «тот», и доверил гетману важное дело: доставить в Тушинский стан независимого и авторитетного свидетеля для подтверждения его прирожденных прав на московский престол – ростовского митрополита Филарета Никитича Романова. Не вызывает сомнений, что тот был посвящен в тайну «приемных» детей покойной королевы иноки Марфы Владимировны.

Известно, что весной 1606 г. Филарет Никитич подвизался в Троице-Сергиевом монастыре, прежде чем был поставлен при Лжедмитрии I в ростовские митрополиты. В монастырской иерархии он занимал второе место после архимандрита Иоасафа (Дьяконов 1897: 36; Успенский 1997: 412). В силу своего высокого положения, Филарет Никитич, несомненно, знал секрет насельницы Подсосенского монастыря и ее «приемного» брата.

По распоряжению Тушинского вора, Сапега послал специальный отряд немцев, поляков и казаков в Ростов. 2 (12) октября 1608 г. город был взят и разграблен, а Филарет Романов с большим бережением доставлен в лагерь Самозванца. Лжедмитрий II принял митрополита милостиво и нарек его патриархом. Филарет Никитич, в свою очередь, подарил Самозванцу посох, увенчанный восточным рубином «ценою в бочку золота» (Буссов 1961: 155-156).

Такая символическая передача царского посоха Лжедмитрию II из рук «нареченного» патриарха свидетельствует, что Филарет Романов признал его легитимным «иным» наследником московского престола. Видимо, тогда же, как сообщил в своем донесении французский агент из Москвы, по инициативе поляков состоялось «венчание» Тушинского вора и Марины Мнишек, но с условием для Самозванца «не вступать в права супруга до тех пор, пока он не достигнет престола» (Муханов 1871: 51. Приложение). Иноземец ошибся, то было не венчание, а обряд обручения молодых.

В Кремле также не сидели сложа руки. Сторонники царя Шуйского предприняли ряд шагов, чтобы не допустить публичной встречи Тушинского вора с королевой инокой Марфой. Как видно из последующих событий, Самозванец «увяз» в переписке с «сестрой» на 10 месяцев. Царскому правительству этого времени оказалось достаточно, чтобы очернить насельницу Подсосенского монастыря. Под угрозой разоблачения постыдной тайны ее заставили отречься от «брата» и передать кресты-мощевики в ризницу Троицкого монастыря.

СЕСТРИЦА В ТЕМНИЦЕ

19 (29) сентября 1608 г. польско-литовское войско, в котором насчитывалось до 6 000 человек, под командованием гетмана Яна Петра Сапеги в полном боевом порядке торжественно вышло в поход по Троицкой дороге «к Сергиевской крепости и другим крепостям [Подсосенскому монастырю? – Л.Т.]». Сапеженцы не имели в обозе осадной артиллерии, располагали лишь полевыми пушками (Дневник Сапеги 2012: 61, 340). Очевидно, предполагалось, что освобождение королевы иноки из плохо укрепленного Подсосенского монастыря произойдет быстро и без кровопролития. Однако не успело войско продвинуться на 2 мили, как с тыла на них ударил небольшой отряд русских и отвлек на себя внимание неприятеля. Такой же тактики «комариных укусов» «московит» придерживался в последующие несколько дней, замедляя продвижение войска Сапеги по Троицкой дороге.

Царское правительство использовало это время для того, чтобы отправить в Троице-Сергиев монастырь верные государю стрелецкие и казачьи отряды под предводительством князя Г.Б. Долгорукова и дворянина А.И. Голохвастова. Туда же спешным порядком были переведены насельницы Хотьковского и Подсосенского девичьих монастырей. Защитники крепости сожгли окружающие постройки, но оставили в целости мельницу, к которой вел подземный ход из Троицкого монастыря.

3 октября (н. стиля) 1608 г. польско-литовское войско стало лагерем у стен Троице-Сергиева монастыря. Идти к «другим крепостям» уже не имело смысла. Сапега

дважды посылал гонцов в монастырь, предлагая сдаться, но ответа не получил. Затем литовцы хотели захватить мельницу и через потайной ход проникнуть в крепость, но ничего не вышло. А вскоре, воспользовавшись тем лазом, в литовский лагерь «перебежал один слуга монастырский с ценными сведениями, некий Осип Секавин [«Оська Селевин» в русских источниках – Л.Т.]» (Дневник Сапеги 2012: 71).

«Ценные сведения» настолько воодушевили Сапегу, что он ожидал в самое ближайшее время капитуляции защитников Троицкого монастыря и триумфального воссоединения «царя Димитрия» со свидетелем, который признает в нем прямого наследника московского престола. 23 октября (н. стиля) в лагере под Троицей литовцы праздновали предстоящую победу. Сапега хвастливо заявил, сидя за столом в компании офицеров: «Мы, поляки, три года тому назад посадили на московский трон государя, который должен был называться Димитрием, сыном тирана, несмотря на то, что он им не был. Теперь мы второй раз привели сюда государя и завоевали почти половину страны, и он должен будет называться Димитрием, даже если русские от этого сойдут с ума…» (Буссов 1961: 133).

Однако Сапега недооценил защитников крепости.

Отписка троицких старцев к царю Василию Шуйскому от 3 июля (ст. стиля) 1609 г. уточняет некоторые детали переписки королевы иноки Марфы и Тушинского вора в первые месяцы осады: «А как воры пришли сперва под монастырь, и на первой вылазке казначей [Иосиф Девочкин – Л.Т.] отпустил к вору монастырского детину Оську Селевина, с своими воровскими грамотами, что он монастырем промышляет, хочет сдати, а та Королева, с тем же детиною, свои воровские грамоты, что промышляет с казначеем за один; и писала к вору «братом», а литовским паном, Сапеге с товарыщи, с челобитьем: спасибо де вам, что вы вступились за брата моего, за московского государя за царя (Димитрия) Ивановича; а в большие воровские таборы, к Ружинскому пану с товарищи, также писала» (АИ 1841: 286).

В своем послании монастырские старцы называют Иосифа Девочкина «Олексеевым советником». То есть казначей действовал с Алексеем Голохвастовым «за один». Несомненно, содержание его писем к Сапеге о намерении сдать монастырь было согласовано с воеводой и отвечало интересам правительства царя Василия Шуйского.

Одновременно усилия московских властей были направлены на то, чтобы очернить «брата» королевы иноки Марфы Владимировны в глазах его соратников. В Кремле изменили тактику, отказавшись от версии «иноземного» происхождения «князька» и представив его сыном русского князя-изменника или выходцем из низкого сословия. Эти сведения распространялись, в первую очередь, среди тушинских казаков и литовцев.

Так, в декабре 1608 г. в Тотьме был взят в плен сын боярский Андрей Палицын, служивший в тушинском лагере Самозванца под началом Ивана Заруцкого. В расспросе он сказал, что «вор Дмитрий взят из Стародуба, а взяли его Литва». Его товарищ Андрей Цыплетев уточнил происхождение Самозванца, сославшись на людскую молву: «Царевича Дмитрия называют Литвином, князя Ондрея Курбского сыном». (Речь шла о Дмитрии Курбском, сыне беглого князя Андрея Курбского от литовской жены, ровеснике царевича Дмитрия Угличского) (ААЭ (b) 1836: 186).

Тогда же, в декабре 1608 г., воевода Тушинского вора князь Дмитрий Клубков-Мосальский-Горбаткин, взятый в допрос в Костроме, под пыткой оговорил своего родственника, якобы «породившего» Лжедмитрия II. Согласно его показаниям, царем Дмитрием назвался «с Москвы от Знаменья с Арбата из-за Конюшень попов сын Митька», и что «умышлял и отпускал» его с Москвы князь Василий Рубец-Мосальский, «за пять ден до Ростригина убийства». Усилия бояр дали положительный результат. В умах тушинцев появилась шатость. По сведениям пленных, «украйные люди» стали расходиться «от вора из полков» (ААЭ (b) 1836: 191-192).

Активная агитация велась в таборах литовцев. Николай Мархоцкий, служивший в полку князя Романа Ружинского, в своих записках приводит версию происхождения Тушинского вора, которая перекликается со сведениями сына боярского Андрея Палицына и послания самого Самозванца к жителям Смоленска из Орла от 14 (24) апреля 1608 г., о котором говорилось выше.

По словам Мархоцкого, Самозванец был сыном боярина из Стародуба. Он объявился в Литве в дни рокоша, в местечке Пропойске. Его поймали, заподозрив в шпионаже, и держали в тюрьме неделю. Затем вор назвал себя Андреем Андреевичем Нагим, свояком убитого в Москве царя Дмитрия, сказал, что скрывается от людей Шуйского, и просил отослать его в Стародуб. Его отправили в Стародуб в сопровождении двух знатных горожан. Здесь у Самозванца появились последователи, которые разнесли по городам весть, что царь Дмитрий жив и находится в Стародубе (Мархоцкий 2000: 28).

В Москве среди духовенства и простых горожан также активно распространялись слухи о низком происхождении Лжедмитрия. По словам келаря Троицкого монастыря Авраамия Палицына, находившегося во время осады в Москве, царским именем назвался «от Северских градов» попов сын Матюшка Веревкин, а пришел от «заводчика всей беды» князя А.А. Телятевского, ранее уличенного в подстрекательстве своего холопа Ивана Болотникова в антиправительственных выступлениях. Палицын причислял к «начальствующим злодеям» также свияжского воеводу Григория Елагина, холоп которого объявил себя царевичем Петрушей, сыном царя Федора Ивановича. По словам келаря, Елагин и Телятевский призвали на Русскую землю поляков и литовцев и «прежним обычаем нарекоша» самозваного царя Дмитрия (Авраамий 1822: 36).

Многочисленные и противоречивые версии «подлого» происхождения Тушинского «царика» подрывали доверие к Самозванцу среди его сторонников, но этого было недостаточно, чтобы убедить Сапегу снять осаду. Гетман твердо верил, что не сегодня-завтра защитники Троицкого монастыря сложат оружие, и состоится торжественная встреча царя Дмитрия с королевой инокой Марфой. Однако сам Тушинский вор уже сомневался в целесообразности дальнейшей осады и прилюдной

встречи с «сестрой». Видимо, в это время у Самозванца зародились первые подозрения, что он вовсе не «брат» узницы Подсосенского монастыря, не «Арцыкалус» и не «иной» наследник Дмитровского удела, а «прямой» сын покойного царя Ивана Грозного. Кроме того, Лжедмитрий заподозрил предательство со стороны соратников.

ПЕРВАЯ ПОПЫТКА БЕГСТВА ТУШИНСКОГО ВОРА

Упорство сапеженцев было на руку московским боярам, так как осада Троицкого монастыря связывала значительные силы Самозванца. Воеводе Голохвастову и его единомышленникам приходилось идти на различные ухищрения, чтобы укреплять веру Сапеги в скорую победу и удерживать литовцев под стенами крепости.

Так, в руки неприятеля часто попадали письма от сидельцев к родственникам в Москву, донесения воевод царю Василию Шуйскому, челобитные троицких старцев келарю Авраамию Палицыну, в которых говорилось о бедственном положении в монастыре, о тесноте, голоде и болезнях, о шатости в умах и унынии. Такие письма-обманки предназначались для дезинформации врага. Они создавали впечатление, что защитники Троицы вот-вот потеряют надежду на спасение и сдадутся на волю победителя.

Частые вылазки защитников монастыря, количество которых резко возрастает с января 1609 г., держали врага в постоянном напряжении и изматывали солдат. Физическая и психологическая усталость от длительного пребывания на боевых постах, перебои с подвозом провианта и выплатой жалования морально разлагали войско Сапеги изнутри, снижали боеспособность наемников. Сведения, поступавшие от лазутчиков об успехах русских в переговорах со шведами о предоставлении военной помощи также оказывали деморализующее действие на литовских солдат.

Известие о подписании князем Михаилом Скопиным-Шуйским договора со шведами и скором приходе наемников на помощь Москве сильно встревожило Сапегу. Он решился пойти на служебное преступление, чтобы ускорить падение Троицкого монастыря. В начале февраля 1609 г. Сапега тайно передал казначею Девочкину крупную сумму денег.

Факт подкупа монастырского казначея подтверждает одно из посланий сидельцев, сохранившееся в архиве Яна Петра Сапеги. В марте 1609 г переславские дворяне и дети боярские, присланные к Троице в самом начале осады, отправили к царю Василию челобитную. Они били челом государю, что за семь месяцев службы получили из троицкой казны лишь по рублю денег «взаймы в кабалы» и терпят большую нужду. Сидельцы просили выдать им денежное жалование из «изменничьих денег троецкого казначея старца Иосифа Девочкина, или бе с троицкие казны» (Хилков 1879: 121).

Челобитная переславцев была отправлена к царю с сопроводительной грамотой от имени воевод Долгорукова и Голохвастова. Следовательно, помимо переславцев, оба воеводы знали об «изменничьих деньгах» казначея, но не спешили брать его под стражу. Такое попустительство говорит в пользу того, что Иосиф Девочкин действовал по указанию воевод. Казначей получил взятку, но троицкие сидельцы не открыли врагу ворот.

Растрата Сапегой казенных денег неожиданным образом подорвала авторитет Тушинского вора. Как оказалось, гетман тайно передал казначею Девочкину деньги, собранные с тех городов, которые присягнули Лжедмитрию II, и предназначенные для выплаты жалования солдатам, стоявшим в Тушинском лагере. Однако, по распоряжению «царя Дмитрия» от 9 января (ст. стиля) 1609 г., эти средства были доставлены в лагерь под Троицким монастырем и переданы полковому казначею гетмана Сапеги (АИ 1841: 155).

11 февраля (н. стиля) 1609 г. тушинское войско ожидало выплаты жалования за два квартала, но солдаты денег не получили. В присвоении денег заподозрили самого «царя Дмитрия». Жолнеры «поставили условие, что дослужат до конца квартала 3 недели, а дальше служить не хотят». Они выбрали из своей среды «десять мужей», без разрешения которых Тушинский вор отныне не мог распоряжаться казной. Свое решение они передали Лжедмитрию II, «после чего царь сильно опечалился». Он заявил, что денег на выплату жалования у него нет, и в ту же ночь попытался сбежать. «Кони были одни навьючены, другие оседланы». Узнав о том, Сапега просил пана Зборовского и его стражу быть начеку (Дневник Сапеги 2012: 91, 93, 350).

Таким образом, исчезновение денежных средств, переданных гетманом казначею Девочкину, подорвало доверие литовских солдат к «царю Дмитрию». Уразумев, в какой ловушке он оказался, Самозванец задумал побег, что еще более навредило ему. Отныне Тушинский вор находился под неусыпным надзором людей пана Зборовского – скорее пленник, чем царь. И надежда на воссоединение с «сестрой» таяла с каждым днем.

ГРЕХ КОРОЛЕВЫ ИНОКИ МАРФЫ

Подкуп монастырских предателей не дал ожидаемых результатов, но Сапега не сдавался, так как в лагерь поступали также обнадеживающие вести. Письма от троицких сидельцев к царю Шуйскому, до 500 штук которых удалось взять у монастырского гонца только 11 апреля (н. стиля) 1609 г., единодушно свидетельствовали, что силы защитников на исходе, люди умирают от цинги, ямы не успевают копать для захоронений (Дневник Сапеги 2012: 112).

Решение Сапеги продолжать осаду укрепила новость, которую сообщили перебежчики из Москвы в середине мая: в Кремле готовился новый заговор с целью свержения царя Василия. В Тушинском стане узнали, что предыдущее покушение на Шуйского, назначенное на Вербное воскресенье 9 (19) апреля 1609 г. не состоялось. Заговор И.Ф. Колычева был раскрыт, но его казнили одного, так как тот подельников своих не выдал. Оставшиеся в живых заговорщики хотят «убить царя из самопала» в праздник Вознесения (25 мая (5 июня)) (АИ 1841: 249-250).

Назначенное на праздник Вознесения покушение также провалилось. Царь Василий остался жив и здоров, а отчаяние защитников Троицкого монастыря пе-

ородилось не в покорность судьбе, как рассчитывали осаждающие, а в решимость стоять до конца. Неделю спустя отрок из монастыря подтвердил худшие опасения Сапеги: сидельцы не желают сдаваться, так как их все равно перебьют, «поскольку очень литовцам досадили» (Дневник Сапеги 2012: 121, 127).

Тогда же поступили сообщения, что князь Скопин-Шуйский с войском шведских наемников находится в Торжке и хочет идти к Троице. 13 июня (н. стиля) состоялся общий круг, на котором литовцы обсуждали вопрос об отходе от монастыря. Сапега разрешения не дал, велел остаться на позициях (Дневник Сапеги 2012: 129). Гетман пребывал в полной уверенности, что со дня на день голод заставит защитников крепости сдаться.

Однако вскоре поступило совсем уж неожиданное известие, что в монастыре голод закончился, и хлебные запасы у осажденных велики. Сиделец Гришка Рязанов писал к отцу в Москву после 28 июня (ст. стиля) 1609 г.: «У нас, Божией милостью, хлеба много» (Хилков 1879: 111). Запасы хлеба пополнились, скорее всего, после того, как припрятанные излишки муки были изъяты у «хлебника» королевы иноки Марфы. 11 июня (ст. стиля) во искупление своей вины «старец Иосиф королевин хлебник» сделал вклад в монастырскую казну «денег 3 рубли» (Рыбаков 1987: 199).

Раскаявшись в сокрытии запасов муки, «хлебник» не стал утаивать от троицких властей причину своего проступка. Немедленно вскрылись подробности предосудительного поведения королевы иноки Марфы. В те дни монастырские старцы неоднократно писали к царю Василию о ее преступлениях. Некоторые из писем были перехвачены литовцами. Старцы жаловались, что в монастыре «смута великая от королевы старицы Марфы», что царя Василия она «поносит празными словесы, и вора называет прямым царем, а собе братом; вмещает давно то смутное дело в черные люди». Монахи доносили, что королева инока Марфа честь и достоинство утеряла, что пустилась она во все тяжкие с казначеем Девочкиным. «Посылает к нему по вся дни, с пирогами, с блинами и иными розными приспехами и с оловениками... а люди, государь, королевины живут у него безотступно и топят на него бани еженедельно, по ночем» (АИ 1841: 286).

Вскоре в литовском лагере узнали об аресте «приспешника» королевы иноки Марфы – казначея Девочкина. Воевода Долгорукий писал в Москву келарю Авраамию Палицыну, что «изменник», по его приказу, пойман и брошен в тюрьму. В вину ему вменялась переписка с литовцами и намерение сдать крепость. Два его соумышленника «за приставы померли», но казначея пытать не стали, так как тот «добре болен». Старец Гурий Шишкин обратился к царю Василию и келарю Авраамию с челобитьем о проверке монастырской казны, которую расхитил казначей (АИ 1841: 286-289).

Преступник раскаялся в содеянном. 11 июля (ст. стиля) 1609 г. «бывший казначей» Девочкин сделал вклад в монастырскую казну: 130 руб. 16 алтын 4 деньги (Рыбаков 1987: 186). То, видимо, были остатки «изменнических денег», переданных ему Сапегой. Получив такие неутешительные вести, царь Дмитрий признал полную безнадежность дальнейшей осады. 14 (24) июля Самозванец уже в третьем по счету послании просил Сапегу «оставить все те предприятия (т.е. осаду Троицкого монастыря)» и вернуться в Тушинский стан (Муханов 1871: 35-36 Приложение). 19 (29) июля 1609 г. Сапега подчинился приказу и выдвинулся с основными силами в Дмитров, оставив под монастырем лишь небольшой отряд (Дневник Сапеги 2012: 143).

В посланиях воеводы Долгорукова и старца Шишкина ничего не говорится об участи, которая постигла сообщницу казначея-казнокрада – королеву старицу Марфу. Ее «празные словеса», «измена» и блуд в святом монастыре не могли остаться безнаказанными. Опозоренная монахиня вымолила прощение у архимандрита Иоасафа, сделав щедрый вклад (не позднее 1 сентября (ст. стиля) 1609 г.) в монастырскую ризницу – два парных креста-мощевика литого золота. Один «крест золот с мощьми, а на нем распятие Христово литое, а во кресте и во главе и по ручкам 5 камней розных на закрепках под главою 2 жемчуга, окола креста и камения низано жемчугом». Другой «крест золот на нем распятие Христово литое, под главою на крепках 2 жемчуга, во кресте 4 камений, во главе образ Спасов нерукотворенной» (Рыбаков 1987: 30).

Таким образом, к осени 1609 г. Тушинский вор лишился главной свидетельницы. Отказавшись от родства с «братом» и передав в монастырскую казну парные кресты-мощевики, иноке Марфе удалось сохранить инкогнито и королевский титул, а также замолить грех прелюбодеяния в святом месте. План Сапеги по возведению «иного царя Димитрия» на русский престол провалился. Очевидно, признав поражение как «царевич Дмитрий Дмитровский», Лжедмитрий II был вынужден отказаться от развернутой титулатуры. Отныне в документах он подписывался скромно: «царь Дмитрий».

ПРЕВРАЩЕНИЕ «ЦАРЯ ДМИТРИЯ» В «ТАЛМУД»

Польский король был немедленно поставлен в известность о бесперспективности дальшейней поддержки Тушинского вора. 2 (12) ноября 1609 г. Сигизмунд III отправил к боярам и духовенству в Тушинский лагерь и к царю Василию своих «комиссаров» (Мархоцкий 2000: 57).

Прибыв 17 ноября (н. стиля) в Тушинский лагерь, «комиссары» предложили войску «идти на войну на имя королевского величества» (РИБ 1872: 164-165). Кроме того, они доставили послания от короля к московскому патриарху и духовенству, к боярам, дворянам и прочему люду. Послы получили наказ говорить с «московитом» о желании короля выступить миротворцем и взять под свою руку Московское государство, гарантируя свободу исповедания православной веры.

К царю Василию Шуйскому было направлено отдельное послание с укоризнами и обвинениями в дружбе со шведским королем, вопреки перемирной грамоте (РИО 1913: 48-52). Король требовал передать Речи Посполитой земли Смоленщины, Северскую землю, Великие Луки и Опочку, возместить ущерб, нанесенный русскими полякам и выплатить крупную сумму денег поль-

ско-литовскому войску в Тушине за его согласие покинуть московские земли.

Жесткое послание к царю Василию и более мягкое обращение к московским боярам и духовенству ясно продемонстрировали, с кем Сигизмунд предпочел бы вести дальнейшие переговоры. При этом «комиссары» никаких посланий к «царю Димитрию» не везли. Польский король демонстративно игнорировал своего ставленника. По сведениям гетмана Жолкевского, в окружении Сигизмунда тогда рассматривался вопрос о физическом устранении «царя Димитрия», но «по некоторым причинам не заблагорассудилось королю убить его» (Муханов 1871: 37). Сигизмунд не дал согласия на убийство «царика», но не возражал против того, чтобы погубить «постороннего человека» иным способом, то есть хитростью (Стадницкий 1906: 186).

Участь Лжедмитрия II была решена в Тушинском лагере не позднее 4 (14) декабря 1609 г. Все стороны отказались от поддержки «царика». Выборные люди от тушинского войска заявили посланцам короля, что отказываются служить делу царя Дмитрия Ивановича, ибо «недостойно государя сажать на престол человека, который не может иметь на это ни малейшего права» (РИБ 1872: 508). Новый летописец сообщает, что тушинские бояре, Михаил Салтыков с товарищами, в сговоре с Ружинским собирались пленить «вора» и отвезти под Смоленск к королю (ПСРЛ 1910:94). Но тот, «по его собственным словам», опасаясь быть «изрубленным на куски», совершил побег (Муханов 1871: 49. Приложение).

27 декабря (ст. стиля) 1609 г. вместе с шутом Петром Кошелевым он ночью тайно бежал в Калугу, переодевшись в крестьянское платье (Ханыков 1878: 46). Согласно сведениям Николая Мархоцкого, Тушинский вор заранее готовил пути отступления. Он «уже давно на всякий случай приготовился, приказав всем находившимся при нем боярам заранее отослать туда [в Калугу – Л.Т.] жен и детей» (Мархоцкий 2000: 59-60). Сразу после бегства «царика» «в происшедшем тогда замешательстве почти все царское имущество было разграблено; кто что схватил, то и уносил» (Бутурлин 1846: 169. Приложение).

Через два дня после бегства Самозванца, 29 декабря (ст. стиля), московские бояре, «поговоря с светлейшим патриархом Филаретом Московским и всея Руси, и его милости с паном с гетманом Романом Кириловичем Ружинским», уговорились «против Шуйского с братиею и его советником стояти», а «кто учнет вперед называтца царем Дмитрием, тому не верить» (РИО 1913: 56-58).

Королевские «комиссары» задержались в Тушинском лагере до середины января 1610 г. и стали свидетелями превращения «царя Дмитрия» в «жидовина». В шатре «царика» был найден «ящик», в котором лежали «Еврейский Талмуд, множество еврейских книг, писем и бумаг, написанных по-еврейски» (Стадницкий 1906: 204). Поскольку вещи Лжедмитрия разграбили в первый же день после его бегства в Калугу, то нетронутый ящик с бумагами, скорее всего, оказался в шатре Самозванца позднее. Талмуд был подброшен с определенной целью. Такая деталь добавляла комичности образу «обманщика», по сведениям некоторых его бывших соратников, человека «ничтожного, необразованного, без чести и совести, страшного хульника, пьяницы и развратника», который «не бывает ни на каком богослужении» (РИБ (b) 1872: 514, 527).

Не удивительно, что в окружении польского короля Тушинского вора немедленно наградили уничижительным прозвищем – «Талмуд». Так, в частном послании дворянина Станислава Домарайтовского к ксендзу Иерониму Телецкому, влиятельному канцлеру двора польской королевы Констанции Австрийской (второй супруги Сигизмунда III), упоминается эпизод бегства Марины Мнишек из Тушинского лагеря в Калугу к Лжедмитрию II в феврале 1610 г. Домарайтовский с изрядной долей сарказма сообщает: «Его королевскому величеству принесли новость, что «пресветлая царица» воротилась к своему «талмуду»: одевшись по-казацки, с двумя [слугами], она уехала к наимилейшему супругу» (Эйльбарт 2012: 4).

Однако ни в Тушинском лагере, ни в Москве такая версия происхождения «царика» не получила широкого распространения, так как выглядела откровенной ложью. Те «московиты», кто знал Лжедмитрия II, легко поверили в его низкое происхождение, но при всем желании не смогли обвинить в «жидовстве» и попрании Православной веры. Даже автор «Нового летописца» был вынужден признать, что многие люди принимали его за поповского сына или дьячка, «потому что круг весь церковный знал» (ПСРЛ 1910: 89).

Обвинения в подлости, пьянстве и трусости в адрес Самозванца также продержались недолго. В апреле 1610 г. анонимный агент французского двора, хорошо знакомый с делами в Тушинском лагере и в Москве, так охарактеризовал Вора в своем донесении: «Дмитрий – простой солдат, родом сын кузнеца или кучера, но лично храбр, как меч его, неустрашим, приветлив и хитер, как ни один из его дружины» (Муханов 1871: 51. Приложение).

Самозванец, несоменнно, своевременно узнал о коварном замысле врагов представить его «жидовином». Такую весть он получил, находясь уже на пути из Тушинского лагеря в Калугу. Ему пришлось предпринять ряд шагов, чтобы отвести от себя подозрения в «жидовстве», доказать приверженность православию и готовность искоренить другие «поганые веры».

«БОЖЬЕ ЗАСТУПЛЕНИЕ»

Итак, потерпев поражение как «царевич Дмитрий Дмитровский из рода Старицких», в последних числах декабря 1609 г. Самозванец совершил вторую попытку побега из Тушинского лагеря, на этот раз удачную. Он торопился под защиту крепких стен калужской крепости, однако ему пришлось прервать путешествие и остановиться в Лаврентьевом монастыре, что стоял в нескольких верстах от Калуги на высоком берегу реки Яченки.

Прежде чем самому явиться в город, Самозванец отправил к калужанам нескольких монахов с наказом говорить о предательстве польского короля, о намерении отомстить не только Василию Шуйскому, но и «всем клятвопреступным полякам», и о том, что «он готов

умереть вместе с народом за христианскую московитскую веру и все остальные поганые веры искоренит» (Буссов 1961: 162). Очевидно Тушинский вор полагал, что в Калуге получили весть о находке талмуда в его шатре и о возводимых на него обвинениях в «жидовстве». Делегируя от своего имени монахов, Самозванец намеревался отвести подобные обвинения и укрепить свои позиции в глазах калужан.

Оказалось, что опасения Лжедмитрия были напрасны. Жители Калуги явились в монастырь с хлебом и солью. Они с почетом проводили Тушинского вора в город, дали ему дом воеводы Скотницкого, снабдили всем необходимым – одеждой, конями, винами и съестными припасами. Укрепившись здесь, Самозванец принялся рассылать по городам грамоты с призывом истреблять поляков, где только можно. Тушинский вор также ополчился на купцов, торговавших бархатом, шелком, ружьями, вином и пряностями. Казаки их безжалостно убивали, а товар отбирали на имя царя Дмитрия (Буссов 1961: 162-163). Видимо, в погромах пострадали, в первую очередь, купцы-евреи, традиционно державшие торговлю дорогим иноземным товаром.

Одновременно Лжедмитрий отправил людей в Тушинский лагерь. Самозванец призывал войско идти в Калугу и обещал выплатить на конного всадника по 30 злотых, если рыцарство приведет к нему Марину Мнишек в добром здравии (РИБ 1872: 180). Как видно, подозрения в «жидовстве» все еще тревожили покой Тушинского вора. Самозванцу требовался свидетель, чтобы отвести обвинения в том, будто он крещеный еврей, то есть в младенчестве подвергся обряду обрезания, согласно иудейской традиции.

Марина Мнишек, переодевшись в мужское платье, прибыла в Калугу в последних числах февраля 1610 г. в сопровождении небольшого отряда казаков. Два месяца спустя (не позднее 26 апреля н. стиля) в польском лагере под Смоленском получили сообщение, что в Калуге состоялось «во второй раз» публичное венчание царя Дмитрия и Марины Мнишек. Запрет для Самозванца на вступление «в права супруга», который он соблюдал после обручения в ноябре 1608 г., был снят, и вскоре царица забеременела. В польском лагере узнали также, что «царик» не доверяет московитам, и лишь «одно Божье заступление может упрочить его безопасность и благоденствие» (Бутурлин 1846: 191. Приложение).

Всю весну Самозванец провел в Калуге, укрепляя свое войско и ожидая «Божьего заступления». По оценке гетмана Жолкевского, русских воинов вместе с донцами едва ли набралось 3 000. «Царику» удалось привлечь на свою сторону Яна Петра Сапегу и значительную часть польско-литовского войска, покинувшего Тушинский лагерь и зимовавшего на реке Угре (Муханов 1871: 90. Приложение). Этих сил вряд ли хватило бы для завоевания Москвы и противостояния войску гетмана Жолкевского, представлявшего интересы Сигизмунда и королевича Владислава. Тем не менее, в начале лета Тушинский вор собрался в поход. Войско стояло в полной боевой готовности, но царь Дмитрий медлил, ожидая каких-то важных вестей.

Сигналом к выступлению послужили некие послания «от патриарха и других бояр» о расположении к Самозванцу москвичей, полученные им 9 июля (н. стиля) 1610 г. На следующий день – 10 июля (н. стиля) – его войско вышло в поход (Дневник Сапеги 2012: 197). Конечной целью похода войска Лжедмитрия являлась Москва, но опорным пунктом был выбран Николо-Угрешский монастырь.

По мнению Б.Н. Флори, эти послания, которые повлияли на решение Самозванца вернуться к столице, исходили от «тушинского патриарха» Филарета Романова и его единомышленников. Однако ученый не смог найти объяснение тому, что, порвав ранее с Лжедмитрием II, они вновь обратились к нему и позвали к Москве (Флоря 2005: 181, 197).

В самом деле, действия «нареченного патриарха» Филарета Романова и московских бояр выглядят, на первый взгляд, нелогично. Несмотря на достигнутое ранее соглашение с гетманом Ружинским впредь не верить тому, кто назовется «царем Дмитрием», они вновь призвали Тушинского вора к Москве. Поразительно, что сам Самозванец, ранее полностью разочаровавшись в «московитах», вдруг доверился им.

Вероятно, Лжедмитрий решился покинуть надежную крепость и вновь отправиться к Москве, приняв послание Филарета за знак Свыше, так как в нем содержались веские доказательства его прав на царский трон. Скорее всего, эти доказательства относились к самому раннему и самому темному периоду самозванческой авантюры, когда «покойный» царевич Дмитрий Угличский объявился во плоти, находясь на территории Московии, еще до исхода в Великое княжество Литовское.

Это случилось в январе-феврале 1601 г. в Николо-Угрешском монастыре, куда явился, сбежав из Чудова монастыря, опасный преступник – чародей и еретик – Гришка Отрепьев. Появление «царевича Дмитрия» в Угрешском монастыре нельзя считать случайным событием, так как произошло в разгар судебного процесса над Романовыми по обвинению в тех же преступлениях – чародействе и колдовстве. Суд над Романовыми положил конец открытому противостоянию братьев Никитичей и Бориса Годунова.

Соперничество представителей двух могущественных кланов за влияние на царя Федора Ивановича прослеживается на протяжении многих лет. То разгораясь, то затихая, конфронтация достигла своей кульминации в начале 1598 г., сразу после смерти государя. Именно в этот момент на исторической авансцене появился «нулевой» царевич Дмитрий, предтеча всех последующих самозванных сыновей царя Ивана Грозного.

БОРИС ГОДУНОВ, БРАТЬЯ РОМАНОВЫ И «НУЛЕВОЙ» ЦАРЕВИЧ ДМИТРИЙ

Портретную галерею самозваных царевичей Дмитриев открывает загадочная личность – «друг» Бориса Годунова. Русские документы хранят полное молчание об этой интриге царского шурина. Отрывочные сведения о «нулевом» самозваном царевиче Дмитрии содержатся в иностранных источниках.

События разворачивались в течение короткого времени, в период междуцарствия. Бездетный царь Федор Иванович скончался 7 (17) января 1598 г. Выборы нового государя должны были состояться три месяца спустя, в Соборное воскресенье 6 (16) марта. На шапку Мономаха претендовали четыре кандидата. Во-первых, царский шурин Борис Годунов, затем – князь Ф.И. Мстиславский, занимавший одно из первых мест в Думе. Третьим кандидатом называли боярина Ф.Н. Романова, двоюродного брата покойного царя по материнской линии. Завершал список боярин Б.Я. Бельский, любимец Ивана Грозного. Ни один из кандидатов не являлся родственником покойного государя по отцовской линии, то есть «прямым» наследником престола.

Согласно донесениям польских шпионов, в столице «больше всего сторонников» имел Федор Никитич Романов. За него выступали думные бояре и воеводы. Бориса Годунова поддерживали стрельцы и чернь за то, что хорошо платил им. Но не следовало сбрасывать со счетов также Бельского, который намеревался силой оружия взойти на трон. В Москве ожидалось «жестокое кровопролитие», так как тот призвал в столицу большое количество людей из своих вотчин (Буссов 1961: 81; Титов 1910: 339-343).

Однако вместо военного переворота в Кремле развернулось театральное действо, во время которого объявился «прямой» наследник дома Рюриковичей. Первым весть о появлении в Москве таинственного претендента получил староста оршанский князь Андрей Сапега от своих шпионов из Смоленска и немедленно передал «горячую» новость князю Радзивиллу. Из его донесения от 5 (15) февраля 1598 г. известно, что история с самозванным царевичем Дмитрием получила огласку, когда Годунов написал письмо от имени этого Дмитрия в Смоленск, будто тот уже стал великим князем. Этот юноша поразительным образом был похож на покойного царевича Дмитрия, но родился от «Пятигорки, которой давно нет в живых» (Титов 1910: 341), то есть был сыном царицы Марии Темрюковны (ум. 6 сентября 1569 г.).

Последняя ремарка крайне любопытна. Из нее следует, что в 1598 г. в Москве, Смоленске, а также в Речи Посполитой и хорошо знали, что ставленник Бориса Годунова не был тем царевичем Дмитрием, который погиб в Угличе 15 мая 1591 г. в возрасте девяти лет.

Из материалов следственного дела об обстоятельствах гибели младшего сына Ивана Грозного известно, что смерть царевича Дмитрия сопровождалась мятежом и беспорядками в городе, в результате которых был убит государев дьяк Михаил Битяговский. Следствие вел князь В.И. Шуйский с «товарищи». Согласно выводам дознавателей, царевич накололся ножом сам. Виновными в небрежении были признаны Нагие. Царицу-мать Марию Федоровну постригли в монахини под именем Марфы, ее братьев разослали по ссыльным местам (СГГД 1819: №60). Несмотря на вердикт следствия, подтвержденного Освященным собором, ходили упорные слухи, что царевич Дмитрий был убит повелением конюшего Бориса Годунова.

«Нулевой» самозванный царевич Дмитрий – мнимый сын Марии Темрюковны – был, по меньшей мере, на 12 лет старше своего прототипа. Очевидно, нарочитая разница в возрасте играла важную роль в мистификации Бориса Годунова.

Провокация Годунова и появление в Кремле в январе или феврале 1598 г. великовозрастного царевича Дмитрия, якобы сына «Пятигорки», вызвала сильное замешательство среди знати. Бояре провели собственное расследование, допросив в застенке «астраханского тиуна» Михаила Битяговского (?). Под пытками тот признался, что убил царевича по приказу Годунова, а ныне правитель хочет выдать своего «друга» за покойного царевича, чтобы возвести того на престол, а самому править от его имени. Говорили, что «в придирках» Федор Никитич Романов «подбежал к Годунову с ножом, желая его убить, но остальные удержали его» (Титов 1910: 341).

Обстановка в столице оставалась напряженной. Резкий выпад боярина Романова, которому, видимо, и предназначалось это лицедейство, напугал Годунова. Он заперся на своем дворе, стоявшем в Кремле, и не появлялся в Думе. Князь Д.И. Шуйский, который приходился свояком Борису Годунову, старался примирить стороны, не допустить «раздора и крамолы», но разделял взгляды своих братьев, которые «не хотяху» избрания Бориса (ПСРЛ 1910: 50).

Опасаясь покушения, Годунов вскоре покинул столицу и «дирижировал» событиями, находясь вне «царствующего града». В первую очередь, он заручился поддержкой влиятельных церковных деятелей. Затем Годунов прельстил неких «вдов и сирот» из дворянства, решив земельные тяжбы в их пользу. Он также обещал дать денежную ссуду некоторым боярам, если они выступят за его кандидатуру. Борису Федоровичу во всем помогала сестра. Вдовствующая царица-инока Александра (Ирина Годунова), призвав «тайно» сотников и пятидесятников города, обещала тем щедрое вознаграждение, если они убедят москвичей голосовать за брата, когда позовут на выборы царя (Буссов 1961: 81).

Так, сначала напугав думных бояр появлением тени «прямого» наследника Рюриковичей, затем подкупив зажиточных москвичей, влиятельных представителей дворянства, духовенства и некоторых бояр, Борис Годунов достиг своей цели: его главный конкурент в борьбе за престол – Федор Никитич Романов – потерпел поражение. Годунов был всенародно избран в цари. Торжественная коронация в Успенском соборе Кремля состоялась 1 (11) сентября 1598 г.

К сожалению, никаких сведений о дальнейшей судьбе «предтечи» Самозванцев – креатуры Бориса Годунова, сыгравшего ключевую роль в предвыборной борьбе за шапку Мономаха, мы не имеем. Скорее всего, «нулевой» Лжедмитрий вскоре умер «нужной смертью», а обстоятельства его появления при особе Годунова держались в строгом секрете.

Однако полностью сохранить тайну «сына Пятигорки» не удалось. За границей хорошо помнили о скандальных событиях в дни московского междуцарствия. Позднее сведения о великовозрастном «нулевом царевиче» в значительной степени осложнили позиции Лжедмитрия I. Претенденту пришлось, по крайней мере, дважды уточнить свой возраст.

Первый раз – с помощью надписи на акварельном портрете.Портрет был доставлен польским королевским посланником в германский город Гейдельберг в октябре 1605 г. и предназначался для демонстрации императору Священной римской империи, курфюстам и другим знатнейшим князьям германской нации. От имени Сигизмунда III посланник пригласил курфюстов на вторичную свадьбу короля. Помимо приглашения на свадьбу, он, несомненно, имел другие поручения, которые касались протеже Сигизмунда – «царевича Дмитрия Ивановича».

На акварельном портрете Претендент был изображен в польском кафтане, без бороды и усов, с двумя бородавками на лице. Надпись, в которой перемешаны латинские и польские слова, исполнена золотой краской: «Demetrius Iwanowice Macnus Dux Moschoviae 1604. Aetatis suae 23» («Дмитрий Иванович, Великий Князь Московии, 1604 г. В возрасте своем 23») (Геннади 1876: 874). Дата на портрете и указанный возраст Претендента входят в противоречие, так как в 1604 г. истинному царевичу Дмитрию исполнилось бы 22 года: он родился 19 (29) октября 1582 г.

Вероятно, из-за досадной оплошности художника царю Дмитрию Ивановичу пришлось повторно удостоверить свой возраст во время торжественного венчания с Марией Мнишек в Успенском соборе Кремля (8 мая (н. стиля) 1606 г.). При выходе молодых из церкви, ближний дьяк Афанасий Власьев бросил через голову царя Дмитрия две горсти золотых «португалов». С одной стороны монеты было выбито поясное изображение государя с мечом и с надписью: «Aetatis suae 24» («В возрасте своем 24»), с другой – двуглавый орел, в груди у которого единорог, а кругом по русски императорский титул (Титов 1907: 60). Надпись на латыни указывает, что уточнение возраста царя Дмитрия было адресовано тем гостям из свиты Марины Мнишек, кто хорошо знал древний язык, в первую очередь, – иезуиту Каспару Савицкому, духовнику царицы. Так царь Дмитрий отвел от себя подозрения в самозванстве, дал понять осведомленным лицам из поляков, что не имеет ничего общего с «сыном Пятигорки».

Но вернемся к событиям, последовавшим за восшествием на московский престол Бориса Годунова.

Опасаясь заговоров, царь Борис Федорович приветствовал доносительство и щедро вознаграждал «доводчиков». Государь не жалел денег на подкуп дворовых людей Федора Никитича Романова (ПСРЛ 1910: 52), справедливо полагая, что боярин и его братья не отступятся, умыслят тайное зло. И Годунов не ошибся. Тайный заговор Романовых был раскрыт два года спустя. Особая роль в том заговоре отводилась новому «царевичу Дмитрию», который имел крепкие связи с Угрешским монастырем.

ДЕЛО РОМАНОВЫХ И ЦАРЕВИЧ ДМИТРИЙ («АРИЙ») ИЗ УГРЕШСКОГО МОНАСТЫРЯ

Согласно донесению имперского посла Луки Паоли, в ночь с 22 на 23 октября (ст. стиля) 1600 г. подворье Романовых в Москве было взято штурмом. Братья Никитичи укрепились на своем дворе, но верные Борису Годунову стрельцы подожгли дом, убили слуг, остальных пленили и отвели к царю (Шереметев 1902: 35). Изменники были преданы публичному суду. Боярам Романовым вменялось в вину намерение «извести» Бориса Годунова и «царство достать ведовством и кореньем» (АИ 1841: 41).

Автор «Нового летописца», желая обелить Романовых, утверждал, что то была провокация со стороны Годуновых. Мешки с кореньями, найденные на подворье Алекскандра Никитича, были подброшены подкупленным слугой. Суд был скор и несправедлив. Романовым не дали сказать ни слова в свою защиту, они стояли перед хулителями, как «агнцы непорочни к заколению» (ПСРЛ 1910: 52).

В злодействе обвинили всех братьев Никитичей и их родственников, но «душой заговора» полагали жену Федора Никитича – Ксению Ивановну Шестову-Романову. Исаак Масса передает, что покушение на царя Бориса готовилось давно. По некоторым сведениям, вскоре после воцарения Годунова Ксения Романова «советовалась с братьями своего мужа, Иваном и Александром, и их родственниками о том, как бы извести царя и весь дом его» (Масса 1936: 51). Масса, симпатизировавший Романовым, считал это известие наветом, пущенным по наущению Годуновых. Однако доля правды в том, несомненно, имелась.

Из всех братьев Никитичей, членов их семей, родственников и единомышленников особо жестокой опале подверглись Федор Никитич, его жена, теща и братья. Все они были насильно пострижены и разосланы по дальним монастырям в июле 1601 г. Преступники содержались в строгой изоляции. Приставам предписывалось не допускать сношения Романовых с внешним миром, будь то письмо или «ходок». А если кто будет искать встречи с ними, то такого человека арестовать и посадить в тюрьму до государева указа. Обо всех происшествиях следовало доносить в Москву. Сами Романовы полагали, что «погибли… в наносе от своей братии бояр» (АИ 1841: 36-41), обвиняя в доносах не слуг, а бояр из близкого окружения царя Бориса Годунова.

Заговор Романовых и их сторонников, направленный на физическое устранение государя, провалился, но породил нового самозваного «царевича Дмитрия». На этот раз – ровесника покойного отрока. Из официальных документов времен царей Бориса Годунова и Василия Шуйского известно, что зимой 1600/1601 г. одновременно с делом об «измене» Романовых, обвиненных в попытке «извести» государя с помощью «ведовских корений», проходил еще один судебный процесс о колдовстве и чародействе. Церковники рассматривали дело келейника патриарха Иова – Григория (в миру Юрий, сын Борислава-Богдана из Углича) Отрепьева.

Между двумя судебными процессами просматривается не только временная, но и событийная связь. Прежде чем принять монашеский сан, Юрий Отрепьев «был в холопех у бояр у Никитиных детей Романовича и у князя Бориса Черкасского [Женат на Марфе Никитичне Романовой – Л.Т.]» (СГГД 1819: №152). Смышленый отрок, у которого рано обнаружилась склонность к божественному писанию, около 1595 г. в четырнадцатилетнем воз-

расте принял постриг под именем Григория в Москве. Постригал его игумен Вятского монастыря Трифон, находившийся тогда по делам монастырским в столице. (РИО (а) 1912: 247; Верещагин 1902: VII-IX, 19).

Несколько лет молодой монах подвизался в Суздальском Спасо-Евфимьевском монастыре, а затем, благодаря протекции протопопа кремлевского Успенского собора, был взят в Чудов монастырь. Чернеца приметил патриарх Иов и взял в свои покои «для книжного письма». Вскоре Гришка привлек внимание старцев неосторожными расспросами об обстоятельствах убиения царевича Дмитрия Угличского и самонадеянными заявлениями, что он будет на Москве царем. Старцы же «ему плеваху и на смех претворяху». Ростовский митрополит Варлаам проявил бдительность и донес царю о зреющей крамоле в патриарших палатах (Щербаков 1771: 76-78). Донос немедленно получил силу, так как крамола исходила от юноши, имевшего покровителей в доме Романовых.

За свои дерзкие речи, за то, что изучил «премудрости богомерзких книг и впаде в прелютую ересь», келейник патриарха был осужден церковным судом на вечное заточение на Соловках. После суда «волхв и чародей лютый» был отправлен в Чудов монастырь «в соблюдение до сыску», но сбежал с помощью родственника — дьяка Семейки Ефимьева. Беглеца хватились не сразу. Он благополучно покинул столицу и добрался до Николо-Угрешского монастыря, что стоял в 15 верстах от Москвы у царского потешного села Острова. Здесь беглый монах вновь впал «в прелютую ересь». Он вздумал «возноситься» и объявил себя царевичем Дмитрием. Автор «Иного сказания» уподобил самозванца основоположнику арианства Арию, который сеял раскол в церкви, но в итоге сам был «свержен с высоты» (РИБ 1892: 18, 933).

Не случайно после дерзкого побега из Чудова монастыря Гришка направился в Угрешский монастырь, где и объявил себя царевичем Дмитрием. Несомненно, он рассчитывал обрести поддержку среди тех насельников, кто сочувствовал Романовым и одобрял заговор против Годунова, «душой» которого являлась Ксения Ивановна Шестова-Романова. Ксения Ивановна была дочерью богатого костромского дворянина Ивана Васильевича Шестова, происходившего из старомосковского боярского рода Морозовых-Филимоновых (Пашков 2014: 114). Род дворян Шестовых упомянут в монастырском синодике Угрешского монастыря (Благово 1872: 121).

«Душа заговора» и ее единомышленники, очевидно, намеревались нанести удар Годунову тем же «оружием», которое тот использовал двумя годами ранее, расчищая дорогу к престолу, а именно – с помощью мнимого царевича Дмитрия. Скорее всего, насельники Угрешского монастыря, согласно замыслу, должны были первыми публично признать «воскресшего царевича Дмитрия», посеять в народе сомнение в легитимности воцарения царя Бориса и спровоцировать «крамолу» внутри страны.

Однако план Романовых провалился, Годунов опередил заговорщиков. Партия Никитичей была разгромлена, явление «царевича Дмитрия» в Угрешском монастыре провалилось. Доморощенному «Арию» не удалось посеять раскол среди братии. Сторонники Романовых оказались в меньшинстве. «По мале времени» самозванному царевичу пришлось поспешно уйти из Угреши.

Летописные источники сообщают, что, покинув Угрешский монастырь в январе-феврале 1601 г., Гришка обрел убежище в кельях Железноборовского монастыря, стоявшего «в пределах града Костромы», под защитой игумена Якова (РИБ 1892: 155; ПСРЛ 1910: 59). В отличие от Угрешского монастыря, Железноборовский был совсем скромным. В его собственности находилось всего шесть деревень и семь пустошей Амвросий (Орнатский) 1807: 158). Однако и в этом случае просматривается связь монастыря с «душой» заговора Романовых против Годунова. Земли обители граничили с владениями дворян Шестовых. В нескольких верстах от монастыря находилось село Домнино, которое получила в приданое жена Филарета Никитича, Ксения Ивановна Шестова-Романова (Хрущев 1876: 322).

Несомненно, царские сыщики, разыскивая беглого «Ария», посетили монастырь на Железном Борку в первую очередь, но нашли там лишь родственника и тезку Гришки Отрепьева. В Железноборовском монастыре подвизался чернец Герман (в миру Григорий, сын Богдана-Тихона) Отрепьев, родом из Галича (Выписка 1899: 357).

Не обнаружив «угрешского Ария» в Железноборовской обители, сыщики царя Бориса расширили границы поиска и отправили дозорщика к Трифону Вятскому. Во исполнение царской грамоты от 29 марта 1601 г. в Вятский монастырь был послан с внеочередным дозором хлыновский городовой приказчик Федор Рязанцев. Не дожидаясь окончания ревизии, преподобный Трифон сбежал, прихватив с собой монастырские деньги, церковное облачение, икону и несколько книг (Верещагин 1902: I-XVIII) Рязанцев обнаружил в монастырской казне недостачу, но не нашел следов пребывания здесь постриженика Трифона Вятского. Гришку искали сыщики, пущенные по его следу «царским и святительским повелением», и «не обретоша его во всей России». Тот как сквозь землю провалился.

Сведения о преступнике появились два года спустя, в 1603 г., когда Гришка скинул монашескую рясу и «обретеся у черкас запорожских белен, а не чернец» (РИБ 1892: 933). В годы царствования царя Василия Шуйского выяснилось, что прежде, чем уйти за рубеж, в феврале 1602 г. беглый «Арий» вернулся в Москву, хотя был известен многим «от мирских человек, такоже от властей и от многих инок» (РИБ 1892: 18). Он безбоязненно разгуливал на Варварском крестце рядом с подворьем опальных Романовых. Гришка не скрывал своего имени, разыскивая попутчиков для хождения в Великое княжество Литовское. Не боясь быть узнанным, он назначил встречу старцам Мисаилу и Варлааму у иконной лавки в торговых рядах (РИБ 1892: 19-20).

Бравада «Гришки Отрепьева», очевидно, была вызвана тем, что в феврале 1602 г. в Москву явился вовсе не бывший келейник патриарха Иова, а иной чернец. Этот юноша даже внешне не походил на Гришку. Посольские документы времен Бориса Годунова объясняли

произошедшие с «Гришкой Отрепьевым» метаморфозы волшебством и «колдовскими чарами». Так, в послании к императору Рудольфу II (ноябрь 1604 г.) говорилось, что беглый чернец Григорий Отрепьев, появившись в имении князя Вишневецкого, «открыто совершал свои мошенничества и упражнялся в безбожном чернокнижии..., принял иной вид и наружность, сбросил монашеское одеяние и, по дьявольскому навождению, стал вызывать нечистых духов и заниматься всяческой чертовщиной» (Болдаков 1896: 61-68).

Итак, к осени 1604 г. в Кремле, в Речи Посполитой и в Австрии прекрасно знали, что беглый «еретик и чернокнижник» Григорий Отрепьев и Претендент, объявившийся в ВКЛ, – это два разных человека. Возникает закономерный вопрос: когда именно произошла подмена и была ли она единственной на пути Самозванца от Чудова монастыря до имения князя Вишневецкого? Кто объявил себя в Угрешском монастыре царевичем Дмитрием – Гришка Отрепьев или кто-то другой?

Есть веские основания полагать, что из Чудова монастыря сбежал келейник патриарха, но в Угрешский монастырь явился иной мнимый царевич Дмитрий. Скорее всего, истинный Григорий Отрепьев был к тому времени уже мертв. Любопытно, что во время археологических раскопок в 2007-2009 г. на территории Нижнего Тайницкого сада московского Кремля в слоях, датируемых XVI в., были обнаружены «криминальные» останки молодого человека 18-20 лет. Состояние скелета свидетельствовало, что юноша не испытывал голода при жизни и, вероятно, происходил из сословия детей боярских. Он погиб от удара ножом, тело засыпано землей в подполе небольшого сруба (Меркачева 2010). Эти останки, вполне, могли принадлежать Гришке Отрепьеву, беглому келейнику патриарха. В Угрешу же явился новый Самозванец.

Подробности короткого пребывания мнимого царевича Дмитрия в Угрешском монастыре в январе-феврале 1601 г. были известны лишь насельникам монастыря и узкому кругу участников заговора Шестовых-Романовых. Скорее всего, этим обстоятельством воспользовались «патриарх и бояре», чтобы девять лет спустя выманить Тушинского вора из хорошо укрепленной Калуги в московский пригород.

Таким образом, напрашивается вывод, что целенаправленный поход Лжедмитрия II к Угрешскому монастырю летом 1610 г. имел непосредственное отношение к событиям девятилетней давности, когда в стенах обители объявился царевич Дмитрий или «Арий». Приняв послание от «патриарха и бояр» за «Божье заступление», Тушинский вор предпринял вторую попытку доказать свое тождество с истинным наследником престола, на этот раз – с помощью свидетелей из Угрешского монастыря.

Вероятно, в своем послании к Лжедмитрию II «патриарх и бояре» упомянули также Железноборовский монастырь, недолгое пребывание в котором беглого «Ария» завершилось изгнанием. При этом, предположительно, они ввели Тушинского вора в заблуждение, указав лишь краткое название «недружественного» монастыря – Боровский. Самозванец, не заметив подвоха, отправился к Угрешскому монастырю, разорив по дороге Пафнутиев-Боровский монастырь.

«ЦАРЕВИЧ ДМИТРИЙ» ИЗ УГРЕШСКОГО МОНАСТЫРЯ

Итак, Самозванец получил важные новости от «патриарха и бояр» 9 июля (н. стиля) 1610 г., а утром следующего дня – 10 июля (н. стиля) – его войско вышло в поход и скорым маршем направилось к Москве, но не по калужскому тракту на северо-восток, как следовало бы ожидать, а взяв строго на север – в сторону Боровска.

15 (н. стиля) июля, не заходя в Боровск, войско Самозванца с легкостью одолело немногочисленных защитников Пафнутиев-Боровского монастыря. Из монастырской братии, числом 80, в живых осталось только девять человек (Дневник Сапеги 2012: 201). Жестоко расправившись с монахами, Тушинский вор отправился к Угрешскому монастырю. Его войско двигалось скорым маршем, обходя южные пригороды Москвы по широкй дуге, при этом не разорив по дороге ни одного монастыря.

Под Серпуховым движение войска замедлилось, так как пришлось отбить атаку 3 000 татар, призванных царем Василием Шуйским. Сапега предлагал сначала разгромить татар, чтобы не оставлять их у себя в тылу, но Самозванец настаивал на скорейшем продвижении. В противном случае грозил, «что в Калугу может уехать», оставив войско без обещанной платы из кремлевской казны, согласно ранее подписанной им «ассекурации» (Дневник Сапеги 2012: 201, 203).

Тушинский вор торопился к Угрешскому монастырю, чтобы поспеть к началу важных событий, согласно договоренности с «патриархом и другими боярами». Условия этой договоренности передает Кондрат Буссов: как только в столице начнется мятеж, и «меньшие люди перейдут на его (Лжедмитрия) сторону, он придет им на помощь и благодаря этому достигнет победы над всем городом» (Буссов 1961: 177). Под «мятежом» подразумевалось свержение с престола царя Василия. Дата переворота, несомненно, была согласована с «патриархом и боярами», задержка могла обернуться поражением.

Лжедмитрий и Сапега пришли к компромиссному решению. Войско осталось на позициях на случай появления татар, а Тушинский вор выдвинулся вперед и 24 (н. стиля) июля расположился бивуаком на берегу реки Пахры. Его сопровождали только часть «возов» под охраной особого отряда (Дневник Сапеги 2012: 205). В этих «возах», скорее всего, ехали Марина Мнишек и сопровождавшие ее женщины.

Сведения о приближении татар не подтвердились. 26 (н. стиля) июля войско Сапеги подошло к Москве и встало лагерем в двух милях от Угрешской обители. В богато убранных покоях монастыря, где останавливались прежние государи, поселилась Марина Мнишек и ее небольшая свита. Полное доверие Тушинского вора к старцам свидетельствует, что монахи приняли его радушно, возможно, даже узнали в нем того «царевича Дмитрия», который посетил обитель в 1601 г. Очевидно,

согласно договоренности с «патриархом и боярами», предполагалось, что после свержения Шуйского угрешские старцы публично признают его легитимным наследником престола.

Едва войско Лжедмитрия расположилось под стенами Угрешского монастыря, как на следующий день, 17 (27) июля 1610 г., литовцы услышали большой шум в столице. От перебежчиков они узнали о свержении царя Шуйского и постриге того в чернецы. Новонареченного монаха Варлаама заточили в келье Чудова монастыря. Вслед за ним насильно одели в монашеское платье его жену царицу Марию Петровну Буйносову-Ростовскую. Постриг бывшей царицы состоялся без согласия патриарха Гермогена, и владыка «вельми о том оскорбися» (ПСРЛ 1910: 100). Автор «Летописи о многих мятежах» называет братьев Захария и Прокопия Ляпуновых и их человека «Алешку Пешкова» организаторами мятежа, но подчеркивает, что действовали они в сговоре с московскими боярами (Щербаков 1771: 195).

После свержения царя Василия в Москве было образовано временное правительство во главе с князем Ф.И. Мстиславским. В его состав вошли: князья И.М. Воротынский, А.В. Трубецкой, А.В. Голицын, Б.М. Лыков-Оболенский, бояре И.Н. Романов и Ф.И. Шереметев, а также – поверенный от польского короля сродник «патриарха всея Руси» Филарета Романова – Михаил Глебович Салтыков-Кривой (Муханов 1871: 74-75). На повестке дня стоял важнейший вопрос выборов нового царя.

На царский трон претендовали несколько кандидатов. Влиятельное духовенство поддерживало князя Василия Голицына. Богатое купечество выступало за сына «патриарха всея Руси» Филарета – юного Михаила Романова. Патриарх Гермоген вел двойственную политику. Он склонялся на сторону Михаила Романова, но был готов поддержать кандидатуру Василия Голицына. «Московская чернь» во главе с Захарием Ляпуновым была расположена к Тушинскому вору (Муханов 1871: 75). За четвертого кандидата – королевича Владислава – выступали князь В. Голицын и М. Салтыков (Татищев 2005: 785), а также князь Ф. Мстиславский (Муханов 1871: 70).

Тушинский вор ожидал, что уже на следующий день москвичи выйдут к нему с иконами, даже сам с небольшой свитой выехал из лагеря на встречу, но этого не произошло. Из Москвы к нему вышли думные бояре Масальский и Салтыков и сообщили, что «весь мир» поручил им помышлять «о добром устройстве того государства» (Дневник Сапеги 2012: 207). Как видно, события не вполне согласовывались с тем планом, который «патриарх и другие бояре» предложили Самозванцу накануне его выступления из Калуги.

Нерешительность «меньших людей» в столице была вызвана, скорее всего, присутствием войска гетмана Жолкевского, стоявшего лагерем с противоположной стороны Москвы на Хорошевских полях. Жолкевский действовал в согласии с теми московскими боярами, кто присягнул королевичу Владиславу. И его войско значительно превосходило по численности и вооружению силы сапеженцев, изрядно потрепанных схваткой с татарами.

Угрешские старцы также не торопились публично признать Тушинского вора наследником престола. Видимо, за прошедшие девять лет в монастыре произошли важные перемены. Те немногие монахи, кто поддержал явившегося в 1601 г. «Ария» и пытались посеять «раскол» среди братии, были вынуждены покинуть стены обители. Предположительно, они нашли приют в Богоявленском Голутвином монастыре в Коломне. Во всяком случае, в Синодике монастыря сохранилась запись о «роде старца Варлама Бабина Угрешского», упомянутого в окружении известных лиц, живших на рубеже XVI и XVII веков (Мазурова 2007: 84).

Не получив от угрешских старцев той поддержки, на которую рассчитывал, Тушинский вор послал своих людей к жителям Коломны и Каширы, а также в Зарайск к причту собора Николы Зарайского, который всегда был «государева строения». Те целовали крест «царю Дмитрию Ивановичу» (Щербаков 1771: 194).

Заручившись помощью этих важных духовных и географических центров, Лжедмитрий получил контроль над подступами к южной и юго-восточной окраинами Москвы. По Коломенской и Каширской дорогам в столицу подвозили съестные припасы. Таким образом, Тушинский вор перекрыл стратегически важные артерии. В столице немедленно почувствовали утеснение и голод. В лагере гетмана Жолкевского также начались перебои с поставками продовольствия, из-за чего возникли трения с сапеженцами (Дневник Сапеги 2012: 213).

К гетману Жолкевскому прибыли московские «бояре, с просьбою от имени старших бояр, дозволить торговцам приезжать в наш лагерь с товарами и съесными припасами» (Устрялов 1859: 44). По распоряжению гетмана, также были отрыты «дороги от Вологды, Ярославля и с других сторон; от Коломны вверх по реке Москве приплыли суда с хлебом и с различными потребностями» (Муханов 1871: 90).

Так московское купечество, которое поддерживало Филарета и его сына, подтвердило свою готовность сотрудничать с королевскими посланцами, чтобы избавить город от угрозы продовольственной блокады. После этого «московская чернь» полностью охладела к Тушинскому вору.

Гетман Жолкевский отправил к Сапеге и его солдатам послание с предложением не затруднять дел и отмежеваться от Лжедмитрия (Муханов 1871: 79-80). Узнав о сношениях Жолкевского и Сапеги, Тушинский вор заподозрил предательство. Он оставил лагерь и перебрался в Угрешский монастырь. Самозванец доверял игумену Ионе и монахам в большей степени, чем своим соратникам. Он все еще верил в «Божье заступление» и свое скорое воцарение на Москве.

Самозванец полагал, что его главным конкурентом за шапку Мономаха являлся королевич Владислав. Лжедмитрий предпринял попытку откупиться от польского короля и его сына. 18 (28) июля 1610 г. Самозванец, находясь в Угреше, отправил в лагерь к Сапеге послание, которое предназначалось гетману Жолкевскому и Сигизмунду. Тушинский вор обещал, «тотчас же по восшествии на престол», передать польскому королю 300 000 злотых; в течение 10 лет ежегодно платить в казну поль-

скую по 300 000 злотых и по 100 000 королевичу Владиславу; выделить деньги на завоевание Ливонии с передачей ее территорий короне польской; финансировать войну Речи Посполитой против Швеции; выделить войско до 15 000 воинов; продолжить переговоры о правах польской короны на Северские земли после воцарения при согласии на то думных бояр. Под посланием стояла подпись: «Дмитрий царь» (Бутурлин 1846: 42-44. Приложение; Муханов 1871: 99-102. Приложение). Как видим, даже в послании к польскому королю Тушинский вор постарался избежать перечисления наследственных земель в титулатуре. И на то имелись веские основания.

«СРАМНАЯ» ТАЙНА «АРИЯ» ИЗ УГРЕШСКОГО МОНАСТЫРЯ

Обещая королю и королевичу деньги из кремлевской казны, Лжедмитрий не принял в расчет коварство московских бояр. После свержения царя Василия Шуйского все ценности из сокровищницы, включая царские регалии, пропали. А без коронационных венцов никакой речи о воцарении – будь то «царь Дмитрий» или королевич Владислав – быть не могло. Бояре не упустили возможности известить польского короля о столь досадном происшествии. Сигизмунд отправил в Москву «в казначеях» «торгового мужика гостиной сотни Федку Андронова» для инспекции кремлевской казны. Тот прибыл в ставку Жолкевского 9 (19) августа 1610 г. (Щербаков 1771: 207; Муханов 1871: 78).

Бояре утверждали, что кремлевскую казну разворовали «похлебцы» царя Василия. Королевский «аудитор» подтвердил эту малоутешительную весть в своем донесении канцлеру Льву Сапеге. Он обещал провести расследование по всей строгости закона с приложением «рук» (подписей) поручителей, а затем взыскать с них недостачу (АИ 1841: 356).

О пропаже царских сокровищ узнали и в лагере Яна Петра Сапеги. Обещание «царика» выплатить жалование солдатам из кремлевской казны оказалось несостоятельным. Среди солдат и офицеров поднялся ропот недовольства. В середине августа «царь Дмитрий» окончательно «утратил доверие к своему войску» и, «по наущению людей недоброжелательных», «опасался злых замыслов против него» (Дневник Сапеги 2012: 213).

Самозванцу также пришлось признать, что напрасно он уповал на помощь старцев Угрешского и Голутвина монастырей и притча собора Николы Зарайского. Судя по всему, Тушинский вор, наконец, получил разъяснения о причине, из-за которой в 1601 г. в Угрешском монастыре произошел «раскол», и почему «Арию» и его сторонникам тогда пришлось поспешно покинуть стены обители.

Не будет большой натяжкой предположить, что тайна «Ария» носила «срамной» характер. В самом деле, права царевича Дмитрия Угличского на московский престол изначально были весьма сомнительны. Младший сын царя Ивана Грозного родился в седьмом неканоническом браке с Марией Нагой. Наследственные права Лжедмитрия I («Арцыкалуса» (?), предположительно, внебрачного сына польского короля Стефана Батория) по линии матери – урожденной княжны Старицкой – остались без подтверждения из-за смерти крестного отца на ступенях пильтенской церкви. Царь Дмитрий Иванович, понимая шаткость своих позиций, избегал любых контактов с узницей Подсосенского монастыря. Попытка Лжедмитрия II утвердиться в качестве царевича Дмитрия Дмитровского провалилась из-за уязвимости положения его «сестры», которую в свое время отказался признать членом великокняжеской семьи венценосный дядя. Очевидно, столь же «непригожую» тайну появления на свет «Ария» хранили насельники Угрешского монастыря. Скорее всего, Тушинский вор был сыном Ивана Грозного, рожденным от наложницы. Что, впрочем, не удивительно. Иван IV вел разгульный образ жизни.

Из близкого окружения государя только князь Андрей Курбский в своем первом послании из Вольмера в мае 1564 г. отважился обвинить царя в распутстве. Однако виновными в том князь называл ближних людей. Князь упрекал царских «товарищей… пиров бесовских», которые потакали преступным наклонностям государя. Они губили «душу и тело» царя, принося в жертву своих детей: «Иже детьми своими паче Кроновых жерцов действуют» (Кронос, согласно греческой мифологии, кровожадный тиран, пожиравший своих детей) (Лурье 1979: 8, 379. Комментарий 14).

Подробности разгульной жизни русского царя обсуждались при дворе польского короля благодаря сочинению Альберта Шлихтинга «Краткое сказание о характере и жестоком правлении московского тирана Васильевича», созданном около 1571 г. по инициативе Сигизмунда Августа (Малеин 1934: 4). Позднее в адрес Ивана IV весьма нелицеприятно высказался Стефан Баторий. Оскорбительный выпад содержался в «ругательной» грамоте польского короля к царю от 2 августа 1581 г. Баторий требовал передачи всей Ливонии, выплаты огромного «военного наклада» и при этом насмехался над грозным царем. Баторий обвинял «фараона Московского» во многих грехах, и в доказательство своих слов посылал книгу, изданную при короле Сигизмунде Августе, с описанием мерзостей, творимых тираном. (Очевидно, речь шла о сочинении Шлихтинга «Краткое сказание»). Кроме того, Баторий предлагал Ивану Васильевичу перечитать Псалом 50 и в том «узнать себя» (Имеется в виду Псалом Давида, когда пришел к нему Нафан пророк, после того, как тот вошел к Вирсавии, жене Урии) Бантыш-Каменский (а) 1862: 168, 170).

Последняя ремарка интересна тем, что Баторий, практически, прямо обвинил Ивана Грозного в убийстве подданного, красавицей-женой которого он затем овладел. Отсылка к Псалму Давида говорит в пользу того, что о таком преступлении не упоминалось в присланной Баторием книге, так как было совершено уже после ее публикации. Очевидно, в королевском послании речь шла о шестой жене (или наложнице) Ивана Грозного – Василисе Мелентьевой.

Согласно некоторым поздним источникам, 23 января 1577 г. царь «обрачися со вдовою Василисою Мелентьевой, сиречь женищем», которая была «зело урядна и красна, таковы не бысть в девах, киих возяще на зрение царю». Василиса Радилова жена Мелентьева овдо-

вела, когда опричник ее мужа «закла». «Женище» находилась в царской опочивальне около шести месяцев. В мае того же года царь уличил наложницу в неверности, «зрящу яро на оружничего Ивана Девтелева князя». Оружничий был предан казни, а изменницу государь отправил в заточение, где она и скончалась (Рыбалка 2017: 160-180).

Сообщение о казни царского оружничего князя Ивана Тевекелева, как отметил А.А. Зимин, подтверждается сведениями из Шереметевского списка боярских чинов. В документе сказано, что князь «выбыл» в 1577/1578 г. (7086) (Зимин 1986: 85-86). А год спустя, в 1578/1579 г. (7087), согласно наблюдениям В.Б. Павлова-Сильванского, по распоряжению Ивана IV, были сделано необычно крупное земельное пожалование. Поместье в Вяземском уезде, принадлежавшее ранее Г.В. Хитрово, досталось «в вотчину» Федору и Марии, детям Мелентьева Иванова (Павлов-Сильванский 1960: 93) Согласно наблюдениям Р.Г. Скрынникова, то было неслыханно щедрое пожалование. Дети дьяка получили в наследственное владение полторы тысячи десятин поместной пашни вместе с обширными лугами и лесами. Не многие из знатнейших бояр награждались столь щедрым подарком за особые заслуги (Скрынников 1983: 212). Мать Федора и Марии не упоминается при передаче вотчины. Очевидно, к 1578/1579 г. Василиса была уже мертва, а Иван Грозный таким способом замаливал грех перед сиротами.

Вместе с тем, известие об обстоятельствах смерти первого супруга Василисы Мелентьевой, так же как и о любовном треугольнике в царских палатах в историографии принято считать «своеобразной интерпретацией» недошедшего до нас источника в изложении А.И. Сулакадзева, известного поддельщика рукописей (Кобрин 1960: 75). Однако, если в дополнение к упомянутым документам принять во внимание «ругательную» грамоту Стефана Батория и его прозрачный намек на «Вирсавию» при дворе русского царя, то есть основания полагать, что Сулакадзев все же опирался на достоверный источник, и в своих «выдумках» был недалек от истины: царь взял в наложницы женщину, пожелав смерти ее супругу, подобно ветхозаветному правителю.

Согласно библейскому преданию, Вирсавия родила от Давида сына Соломона, впоследствии правителя Израильского царства. Мы не располагаем какими-либо сведениями, прижила ли Василиса ребенка от Ивана Грозного. Но если такой младенец появился на свет, когда мать находилась в заточении, то судьба его была незавидна.

Сюжет «Кроновых детей», пожираемых отцом, присутствует в записках еще одного современника событий – Джерома Горсея. Однако англичанин, в отличие от князя Курбского, уподобляет Кроносу не бояр, а самого царя. По словам Горсея, незадолго до своей кончины, когда Иван Васильевич совсем разнемогся, его половые органы распухли, и он не мог передвигаться самостоятельно, царь «сам хвастал тем, что растлил тысячу дев, и тем, что тысячи его детей были лишены им жизни» (Горсей 1991: 86).

Горсей в свойственной ему манере уподоблять Ивана IV «египетскому царю» или фараону и изображать его деяния в гипертрофированном виде, вероятно, лишь приукрасил сведения, полученные им от английского лекаря Роберта Якоба – придворного доктора Ивана Грозного. Горсей и доктор Якоб совершили совместное морское путешествие в Московию летом 1581 г. и, несомненно, в дальнейшем поддерживали тесное общение на чужбине. Якоб находился при особе государя с ноября 1581 г. и до смерти венценосного пациента в 1584 г. (Hamel 1854: 234-236; Таймасова (а) 2010: 333-352).

Таким образом, можно высказать осторожное предположение, что в биографии Ивана Васильевича присутствовал эпизод, аналогию которому современники находили в тексте Псалма 50. Если такая гипотеза верна, и в «ругательной» грамоте Батория речь идет о Василисе Мелентьевой, то не исключена вероятность, что «женище» родила от Ивана Грозного мальчика около 1578 г. Этому ребенку была уготовлена судьба «Кроновых детей», он должен был погибнуть повелением отца, но был спасен. Возможно, тайна, связанная с обстоятельствами появления на свет сына Василисы Мелентьевой – почти ровесника царевича Дмитрия Угличского, позволила «душе заговора» Ксении Шестовой-Романовой и ее сообщникам использовать этого незаконнорожденного отпрыска дома Рюриковичей в борьбе против Бориса Годунова. Скорее всего, именно он объявил себя наследником московского престола в Угрешском монастыре в разгар судебного процесса над Романовыми.

Итак, явление «царевича Дмитрия» в Угрешском монастыре в 1601 г. привело к расколу среди монахов. Некоторые из них были готовы признать «Ария» наследником престола, другие полагали его бастардом, рожденным от наложницы. Сторонники Романовых оказались в меньшинстве, и «Арию» пришлось покинуть монастырь. Нет сведений, где он скрывался на протяжении пяти лет. После гибели «Арцыкалуса» позиция на роль царевича Дмитрия освободилась, и Лжедмитрий II заявил о своих правах на трон как «иной» наследник из дома Рюриковичей. Его метания в поисках доказательств царского происхождения говорят в пользу того, что Тушинский вор не был посвящен в тайну своего рождения. Этим обстоятельством воспользовались московские бояре, чтобы выманить его из Калуги к Москве. Второе явление «царя Дмитрия» в Угрешском монастыре в 1610 г. завершилось для Самозванца полным провалом и разочарованием. Несмотря на договоренность с «патриархом и другими боярами», угрешские старцы отказались объявить вернувшегося в обитель «Ария» легитимным наследником престола.

Вероломство монахов неприятно поразило Тушинского вора. Он утратил доверие к черному духовенству и отныне подозревал всех в предательстве и заговоре с целью убить его. Так, 18 (28) августа 1610 г. представители братии Симонова монастыря, не хотевшие подчиняться решению московских бояр об избрании на русский престол королевича Владислава, обратились к Тушинскому вору с челобитием, но тот принять челобитчиков не пожелал (Дневник Сапеги 2012: 221).

В ставке гетмана Жолкевского своевременно получили известие о полном провале планов Тушинского вора и плачевности его положения. 25 августа (5 сентября) гетман Жолкевский при поддержки «московитов» выступил против Сапеги и предложил еще раз обдумать его доводы. Он советовал уговорить Лжедмитрия отказаться от претензий на московский трон, обещая похлопотать перед королем, чтобы дал ему в кормление Гродно или Самбор, а если тот не согласится на условия, то пленить его или отложиться от него (Дневник Сапеги 2012: 229; Муханов 1871: 99-102. Приложение).

Самозванец не знал ничего о переговорах Жолкевского и Сапеги, он находился в то время у своей жены в Угрешском монастыре. Ему доложили на следующий день. В ответ Самозванец промолчал, а Марина Мнишек резко отвергла предложение в том, чтобы отказаться от московского престола в пользу королевича Владислава. В ставке Жолкевского было принято решение пленить Самозванца, но предупрежденный неким московитом, он успел в тот же день (6 сентября н. стиля) скрыться из монастыря вместе с женой. «Арий» распустил слух, что отправится в Коломну, а сам по Серпуховской дороге вернулся в Калугу (Муханов 1871: 82-84).

Кондрат Буссов сообщает, что «царик» пришел в Калугу «с большим позором и срамом», но с малым войском – лишь в несколько сотен казаков и романовских татар (Буссов 1961: 177). Как видно, сведения о срамном происхождении Тушинского вора от наложницы из царского гарема распространились с невероятной скоростью. Тушинский вор был вынужден окружить себя мусульманами, для которых многоженство являлось признаком доблести правителя. Согласно сведениям Николая Мархоцкого, Лжедмитрий держал возле себя «несколько десятков конных татар, вверив им свою жизнь» (Мархоцкий 2000: 86).

Итак, бегство Тушинского вора из Угрешского монастыря в Калугу разочаровало его сторонников. Многие отвернулись от «бастарда». Однако, пребывая в живых, Самозванец все еще представлял опасность для соискателей на шапку Мономаха из боярской среды как ставленник Сигизмунда III. Московские бояре выразили готовность обменять его голову на сокровища кремлевской казны. Впрочем, ценности еще предстояло найти.

В ПОИСКАХ ЦАРСКОЙ КАЗНЫ

11 (21) сентября 1610 г., из Москвы под Смоленск в королевский стан выехало посольство от московских бояр. В состав посольства вошло около тысячи человек. Собственно самих послов было десять: пятеро духовного чина и пятеро светских. Во главе первых стоял келарь Троице-Сергиевского монастыря Авраамий Палицын, вторых возглавлял князь Василий Голицын. В составе посольства находился игумен Николо-Угрешского монастыря Иона (СГГД 1819: №207 ; Благово 1872: 5).

Первоначально планировалось, что вместе с послами будет отослан сын ростовского митрополита Филарета Никитича Романова – Михаил Романов в качестве заложника, до тех пор, пока в столице не найдут царскую казну. Однако, как сообщает Жолкевский, Михаил был слишком молод, поэтому был отправлен его отец, «дабы иметь как бы залог» (Муханов 1871: 87).

Одновременно в Москве бояре приступили к поискам царских регалий и других ценностей у «приспешников» свергнутого государя, в первую очередь, – у бывшей царицы Марии Петровны Буйносовой-Ростовской и ее близких родственников. Для соблюдения формальностей была создана специальная комиссия, в ее состав вошли митрополит Пафнотий, архимандрит Ферапонт, князья И.С. Куракин, В.М. Мосальский и А.А. Телятевский «с товарищи».

Следователи вызывали на допрос девушек-рукодельниц, ближних боярынь и двух казначей. Под угрозой пыток дознаватели требовали у женщин признания, «сколько княж Васильева княгиня Шуйского государевой казны покрала» и кому раздавала добро. Те признались, что пороли с царских одежд жемчуг и продавали, а вырученные деньги отдавали царице. Следователи опросили саму царицу-иноку Марфу Петровну. Бывшая царица подтвердила, что вырученные от продажи «рухла» деньги она отдавала мужу, а если что и взяла, то – для своей дочери. В ходе следствия выяснилось, что близкие родственники царицы иноки Марфы также ничего не прятали, и никаких ценностей из кремлевской сокровищницы у себя не хранили (Забелин 1901: 576-590; Таймасова 2012: 90-133).

Розыски царской казны грозили затянуться на неопределенное время. Это обстоятельство было на руку московским боярам в переговорах с Сигизмундом. Пустая казна – таким был главный аргумент русских послов, когда 10 (20) октября 1610 г. в ставке короля был поднят вопрос о возмещении польской короне военных расходов, которые Речь Посполитая несла ради «успокоения» Московского государства (Голиков 1790: 53-54).

Тогда Сигизмунд III выразил готовность взять в личное пользование Смоленские вотчины Шуйских, если бояре не желают выплачивать «наклад» золотом и другими ценностями из кремлевской казны. Король отправил к боярам послание: «По договору вашему с гетманом Жолкевским, велели мы князей Василия, Дмитрия и Ивана Ивановичей Шуйских отослать в Литву, чтобы тут в государстве Московском смут они не делали; поэтому приказываем вам, чтобы вы отчины и поместья их отобрали на нас, государя» (Цветаев 1905: 45).

Гетман Жолкевский, в свою очередь, пригрозил московским боярам возвращением Тушинского вора. Он послал в Калугу Валентина Валявского, бывшего «первым и почти главным наперсником» Лжедмитрия. Тот обещал Самозванцу от имени гетмана покровительство короля, увещевал его добровольно сдаться и «поддаться его милости». Однако Самозванец и его жена отказались от почетного плена, желая добиваться московского трона.

Тогда же обнаружилась измена среди самих бояр в пользу Самозванца. В Москве был взят в расспрос поп Харитон, явившийся из Калуги с возмутительными грамотами. Как выяснилось, он неоднократно ездил из столицы в Калугу и обратно, возил письма к Лжедмитрию от князей А.В. Голицына, И.М. Воротынского и А.Ф. Засекина. На пытке 15 (25) октября поп всячески выгора-

живал князя Андрея Голицына и обвинял в измене Воротынского и Засекина. Всех троих взяли «за приставы». Подозрения в заговоре также пали на князя Василия Голицына, но тот, находясь под Смоленском с посольством, всячески отвергал обвинения попа Харитона (Муханов 1871: 109-110; Платонов 1901: 360-361).

Московские бояре были вынуждены уступить польскому королю. «В то время, когда гетман (Жолкевский) должен был выезжать из Москвы, пришел к нему Мстиславский, и с ним около ста знатнейших бояр, и, запершись с гетманом, просили», чтобы он ускорил начало переговоров короля с русскими послами. Они желали, чтобы Сигизмунд как можно скорее прибыл в Москву вместе с королевичем Владиславом и до совершеннолетия его сам король управлял бы русским государством (Муханов 1871: 98).

Как видим, бояре предложили компромиссный вариант: королевич Владислав получит царскую корону, а Сигизмунд будет править страной на правах регента до совершеннолетия сына.

В последних числах октября, вскоре после тайного разговора с Мстиславским и другими боярами, Жолкевский уехал из Москвы в лагерь короля под Смоленском, по сведениям летописи, взяв «с собою многую казну» (Щербатов 1771: 207). Вопреки словам летописца, гетман покинул столицу налегке. Путь его лежал на северо-запад, к Иосифо-Волоцкому монастырю, где находился под надзором бывший царь Василий Шуйский, а ныне инок Варлаам. Гетман намеревался отвезти его в ставку Сигизмунда и передать королю в качестве почетного пленника, в залог выплаты суммы, эквивалентной стоимости смоленской вотчины братьев Шуйских.

Едва гетман Жолкевский и его пленник покинули столицу, как в Москве были возобновлены поиски кремлевских сокровищ. Комиссия в новом составе приступила к расследованию под наблюдением коменданта Александра Гонсевского. Допросы царицы иноки Марфы Петровны Буйносовой-Ростовской, ее близких родственников, боярынь и казначей пошли по второму кругу. Дознаватели угрожали пытками, но свидетели твердо стояли на своем: они ничего не прятали и ничего не знают о пропавших ценностях, «да про то сказывали наперед… боярину князю Андрею Андреевичу Телятевскому» (Забелин 1901: 589-590).

Чем завершилось следствие, неизвестно, так как окончание дела утеряно, но можно с уверенностью сказать, что расследование зашло в тупик. Дознавателям не удалось найти следов пропавших из казны ценностей. Бояре, несомненно, доложили о том коменданту Гонсевскому и гетману Жолкевскому и предложили новые условия для «утишения» Смуты.

«ХУДОЕ» ЗОЛОТО ЗА ГОЛОВУ «АРИЯ»

Жолкевский прибыл в стан короля под Смоленском 8 ноября (н. стиля) 1610 г., а 12 ноября присутствовал на очередном заседании русских послов и королевских сенаторов. Переговоры проходили трудно. Польская сторона выставила жесткие условия, отвергнув формат регентства: присяга должна относиться не только к королевичу Владиславу, но и к Сигизмунду. Кроме того, сенаторы настаивали, чтобы «военный наклад» был возмещен полностью, включая немедленную передачу Смоленска. Гетман Жолкевский использовал все свое красноречие, чтобы уговорить короля пойти на уступки «московитам», упирая, помимо всего прочего, на то, что войску обещано, по прежнему уговору, заплатить жалование сполна из казны московской, а без этого солдаты могут взбунтоваться и потребовать денег от польской короны. (Муханов 1871: 109).

К последнему аргументу королю стоило прислушаться.

Сигизмунд, не желая публично идти на уступки русским послам («уши его были закрыты» для доводов Жолкевского), все же дал знать, что торг уместен. На этот раз король не стал возражать против физического устранения Тушинского вора. О своих планах он сообщил в послании от 12 декабря (н. стиля) 1610 г. к канцлеру Лаврентию Гембицкому: «Нам прежде всего придется подумать о нем [Лжедмитрии II – Л.Т.], чтобы его или взять в плен или в самом деле убить» (Эйльбарт 2012: 7).

Король раздумывал недолго. Девять дней спустя, 11 (21) декабря 1610 г. под Калугой от руки ногайского мурзы Петра Урусова погиб Лжедмитрий II. Урусов давно искал случая, чтобы отомстить Самозванцу за убийство соплеменника – касимовского царя Ураз-Мухаммеда. В тот день Вор с небольшой свитой отправился к реке стрелять зайцев. Улучив момент, когда «царик» и его приспешники подопьют, татарин выстрелил в Лжедмитрия и ранил, а затем отрубил ему голову и руку. Совершив убийство, Урусов беспрепятственно ушел в Крым. Останки Самозванца привезли в Калугу и, как сообщает автор «Нового летописца», «погребоша честно в соборной церкве у Троицы» (ПСРЛ 1910: 105). Марина Мнишек сильно горевала по мужу и скоро родила сына – царевича Ивана. По сведениям Кондрата Буссова, Марина Мнишек добровольно отдала новорожденного сына «русским вельможам», которые обещали воспитать его в тайне и уберечь от преследователей, а по достижении возраста возвести на престол (Буссов 1961: 180).

17 (27) декабря поляки сообщили русским послам о гибели Самозванца. Им дали понять, что эту миссию Урусов выполнил по заданию Жолкевского: «Некоторые думали, что на сие навел Урусова гетман [Жолкевский – Л.Т.]; подозревали же в сем вероятно потому, что гетман, после бегства Самозванца из-под Москвы, обращался с Урусовым обходительно и ласково» (РИБ 1872: 121-122; ПСРЛ 1910: 105; Муханов 1871: 113).

Итак, Сигизмунд III выполнил свою часть уговора, избавив Москву от Тушинского вора с помощью наемного убийцы. Настала очередь бояр сдержать слово. Не удивительно, что вслед за смертью Самозванца в Москве чудесным образом нашлись сокровища кремлевской казны. Однако вскоре выяснилось, что бояре вновь сплутовали.

Как оказалось, львиную долю обретенных «сокровищ» составили изделия из «худого», то есть низкопробного золота «в запоне, и в плащах, и в чепях, и в пуговицах ломаных, что спарывали с платьев» для «продажи». А ценности, изготовленные из высокопробного

«угорского» и «корунного» золота, не имели отношения к кремлевской казне. Бояре выдали за содержимое царской сокровищницы изделия из золота, жемчуга, драгоценных камней и прочую «рухлядь», которые были конфискованы «в продажу» на подворьях князей Дмитрия и Ивана Шуйских. Королевские «депутаты» отказались принимать ценности по высокой цене, из-за чего возникли разногласия с московскими боярами (РИБ 1875: 227-229).

Всего по «московской» оценке изделия из золота тянули на 87 310 руб., но депутаты взяли по низкой цене – за 49 806 руб. (с уценкой в 45%). Такую же переоценку в сторону понижения стоимости товара королевские депутаты проводили при приемке изделий из серебра, жемчуга, драгоценных камней. Собольи шубы, меха в связках и «конские наряды» ушли по низкой цене. В общей сложности, по оценке московских торговых людей, польской стороне было передано ценностей на сумму 160 159 руб. Депутаты приняли товар по своей цене: на сумму 120 050 руб., уменьшив его стоимость на четверть (РИБ 1875: 229).

Так, в бесславии закатилась звезда Тушинского вора. Бояре заплатили за его голову «худым золотом». Он умер страшной смертью, как сам и предсказывал, изрубленный на куски. Однако его кончина не принесла ожидаемого успокоения Московскому государству, так как в живых остались Мария Мнишек и ее сын.

В феврале 1611 г. вдову Тушинского вора с новорожденным сыном привезли из Калуги в Коломну воевода Дмитрий Трубецкой, Иван Заруцкий и Прокопий Ляпунов, «по казчьему воровскому умышленью». Согласно наблюдениям В.Н. Козлякова, Коломна стала неким удельным центром бывшей царицы. Здесь был создан царицын двор, куда входили различные чины: бояре, дворяне, дети боярские, стольники, чашники, ключники и т.д. В боярынях у Марины Мнишек была мать князя Дмитрия Трубецкого (Козляков 2005: 286-301).

«Казачье умышление» состояло в том, чтобы посадить на московский трон малолетнего Воренка при регенстве его матери. И шансы царевича Ивана занять кремлевские палаты были выше, чем у королевича Владислава или иных иноземных кандидатов. Главными аргументами сторонников Воренка были его родство с Рюриковичами по отцовской линии и православное вероисповедание.

Как и следовало ожидать, немедленно «воскрес» третий по счету царь Дмитрий Иванович, якобы, счастливо избежавший смерти в Калуге. Лжедмитрий объявился в Новгороде накануне праздника Пасхи (выпала на 24 марта ст. стиля) 1611 г. На центральной площади города при большом скоплении народа Самозванец объявил себя царем Дмитрием Ивановичем. Новгородцы подняли его на смех, признав в нем бродячего торговца ножами, «недавно просившего там милостыню» (Видекинд 2000: 165-166).

Как видим, торжественное явление «царя Дмитрия» в Новгороде обернулось фарсом. Но буквально на следующий день «краснобай, продувной, хитрый и отчаянный малый» обрел доброго коня и собрал под свое знамя сотню «конных товарищей по беспутству». Казачий отряд «царя Дмитрия» выдвинулся в Ивангород, где его появление было встречено всеобщим ликованием и трехдневной пальбой из пушек (Лихачев 1997: 606).

В Ивангороде Самозванец развил кипучую деятельность. Он отправил послание в Нарву для шведского наместника Филипа Шединга с просьбой немедленно известить короля Карла IX о счастливом избавлении истинного царя Дмитрия Ивановича от смерти, о предательстве его подданных, старавшихся лишить его благосостояния и жизни. Царь Дмитрий испрашивал у короля помощи в возвращении отнятых у него земель и обещал по достижении престола выполнить все обещания царя Василия Шуйского (Almquist 1907: 230; Петрей 1997: 361).

Заигрывание Самозванца со шведским королем и щедрые обещания возместить долги царя Шуйского, если тот поможет ему войском в овладении трона, заставили московских бояр пойти на крайние меры. Чтобы помешать Лжедмитрию III осуществить свое намерение, им пришлось при посредничестве воеводы Бутурлина передать шведам Новгород, подписав унизительный договор, и поманить сыновей Карла IX шапкой Мономаха.

Согласно договору, новгородский воевода Одоевский, митрополит Исидор и весь освященный собор, действуя по совету бояр и по согласию всего народа Московского государства, признали шведского короля покровителем Новгородской земли и обещали взять на московское царство одного из его сыновей – королевича Густава Адольфа или Карла Филиппа. Выплата долга царя Василия Шуйского за найм «вспомогательного войска» откладывалась на неопределенное время. Королю и московским боярам предстояло обсудить этот вопрос после утешения мятежей в России и отпуска на княжение одного из королевичей. Договор предусматривал дачу на откуп шведскому королю в лице его наместника Делагарди сбор податей с населения Новгорода и Новгородских земель. Для содержания гарнизона в Новгороде горожане обязались помогать деньгами и съестными припасами, а шведы гарантировали безопасность жителям (СГГД 1819: № 264; Видекинд 2000: 179-185). 25 июля 1611 г. воевода Одоевский и митрополит Исидор «укрепили» перемирную грамоту (Шаум 1847: 25; Коваленко 1985: 31-32).

Но и эта мера не остановила Самозванца. В декабре 1611 г. Псков признал его царем Дмитрием. Лже-Тушинский вор немедленно отправил гонца в подмосковные таборы с предложением примкнуть к его силам. Казаки, усомнившись в подлинности «воскресшего» царя Дмитрия, отправили делегацию, в состав которой вошли те, кто знал Тушинского вора лично. Под нажимом псковичей посланцы были вынуждены признать Самозванца истинным «Дмитрием».

Угроза была нешуточной. Московским боярам пришлось применить «тяжелую артиллерию» для дискредитации лже-Тушинского вора, а заодно и Воренка. Летом 1612 г. в столице вспомнили о семитском происхождении Самозванца.

ПРИЗРАК ТУШИНСКОГО ВОРА

Версию семитских корней Лжедмитрия II использовали новгородские послы игумен Геннадий и князь Федор Оболенский «с товарищи», когда прибыли в Ярославль к князю Дмитрию Пожарскому в конце июня 1612 г. Послы предлагали посадить на российский трон шведского королевича Карла Филиппа, чтобы «не отлучать» Великий Новгород от Московского государства. Излагая в преамбуле свой взгляд на события смутных лет (от царствования царя Федора Ивановича до текущих дней), послы сделали акцент на семитском происхождении Тушинского вора: «...А потом прислан из Литвы от короля жидовин Богдашко и назвался царем Дмитрием, в того место, что убит на Москве». Как подчеркнули новгородцы, они действовали, «по вашей присылке и по доброму совету» (ААЭ (b)1836: 367-369).

«Добрый совет», действительно, исходил от князя Пожарского и был передан новгородским властям с посольством С.Л. Татищева «со товарищи» в апреле 1612. При этом Пожарский также действовал не самостоятельно, а в совете с другими воеводами Второго ополчения, и в первую очередь – с князем Дмитрием Мамстрюковичем Черкасским – свояком Марфы Ивановны Шестовой-Романовой (Рабинович 2010: 316-324).

Рассчет оказался верным. Акцент на «иудейских корнях» подорвал позиции псевдо-Тушинского вора. Отныне те, кто поддерживал «жидовина», превратились в предателей Православной веры. 18 мая (ст. стиля) 1612 г. Самозванец, почуяв опасность, пытался бежать из Пскова вместе с князем Хованским. Два дня спустя беглецов поймали. Лжедмитрия посадили «в полату», 1 июля его повезли в Москву. По дороге их настиг отряд Лисовского, многих побили. Самозванец чудом остался жив (Погодин 1837: 230). Со второй попытки пленника доставили в столицу и посадили на цепь у Кремлевской стены.

Марина Мнишек и ее сын оказались в столь же опасном положении. На выручку пришел только Иван Заруцкий. Иосиф Будило записал в своем «Дневнике» 28 июля (7 августа) 1612 г.: «Заруцкий, боясь бояр из войска Пожарского, которые считали его изменником, ушел от Трубецкого в Коломну и, взяв там царицу – жену Дмитрия, ушел с нею в Михайлов» (РИБ 1872: 318). Автор «Пискаревского летописца» добавляет, что Заруцкий бежал «на Коломну, к жонке, к Маринке... с невеликими людьми», и оттуда ушел в Рязанскую землю (ПСРЛ 1978: 218-219), а затем – в Астрахань. Так московские бояре отвели опасность от Москвы.

Меньше года потребовалось «душе заговора» Марфе Ивановне Шестовой-Романовой, чтобы возвести на престол собственного сына. 27 марта (6 апреля) 1613 г. в Успенском соборе московского Кремля состоялась торжественное венчание на царство Михаила Федоровича Романова.

Согласно наблюдениям И.Б. Михайловой, основная причина, которая позволила юному отроку одержать победу над влиятельными, прославленными в сражениях, искусными в интригах соперниками, четко указана в Утвержденной грамоте Земского собора 1613 г., – это кровная родственная связь с последним государем из дома Рюриковичей – царем Федором Ивановичем (Михайлова 2012: 200). При этом в документе особо подчеркивалось, что царь Федор Иванович был рожден от «законныя супруги Царицы и Великой княгини Анастасии Романовой Юрьева» (Готье 1920: 17). а Михаил Романов как «благородного корени отрасль», соответственно, являлся легитимным наследником престола. Подданные нового царя торжественно поклялись «иного Государя из иных Государств, Литовского или Немецкого Короли и Королевичев и Царей и Царевичев из иных земель, и из Руских родов никого, и Маринки и сына ея на Московское Государство не хотети» (СГГД 1822: № 5).

Марфа Ивановна Шестова-Романова отныне с гордостью носила титул Великой государыни иноки.

Версия иудейских корней Тушинского вора оказалась весьма востребованной в дипломатической переписке царя Михаила Федоровича с иноземными правителями. Извещая в посланиях о своем воцарении, государь обвинял польского короля в агрессии против Московского государства и в покровительстве «жидовину». Так, в грамотах к турецкому султану (Русский вестник 1842: 383), к французскому королю и к правителю Нидерландов (Иловайский 1894: 290), в наказах царским послам к английскому и датскому королям (РГАДА Ф. 35. Кн. 3. Л. 9; РИБ 1897: 235, 467), к персидскому шаху и дагестанскому шамхалу (Новиков 1788: 50-51; Маршаев 1958: 27-30) использовалась стандартная формулировка: «По злому умышлению и по ненависти Жигимонта короля… Жигимонт король и паны рады… выслали на Украйну Московского государства в Северскую землю иного вора, родом жидовина, называючи его прежним именем Дмитрием».

Однако трон под юным Михаилом Федоровичем был непрочен. «Душа заговора» сама опасалась заговоров. В народе Тушинского вора продолжали считать законным государем и выражали сожаление, что он умер. Власти с особым вниманием относились к «воровским словам» подобного рода, подозревая измену в пользу Воренка и его матери Марины Мнишек.

Так, в январе 1614 г. в Белгороде боярский сын Иван Забусов после драки обвинил «отставленного вожа» Сеньку Телятника в том, что он славил царя Дмитрия. Дознаватели с пристрастием допросили преступника про «умышление», с кем и как давно готовилось, не было ли «ссылки в Астрахань с Маринкою и с Ивашкой Заруцким». Сенька от всех возводимых обвинений открещивался, ссылался на то, что был пьян и мог бредить «во хмелю» (Новомбергский 1911: 1-2). Тогда же появились сведения, что Заруцкий искал помощи у персидского шаха Аббаса, обещая тому отдать низовье Волги, что он сносился с кавказкими князьями и представителями турецких властей в Азове (Есипов 1863: 26-28).

Участь Ивана Заруцкого, Марины Мнишек и младенца «царевича Ивана» была решена. На поимку изменников были брошены крупные силы во главе с воеводой князем И.Н. Одоевским. Преступники были вынуждены покинуть Астрахань, сплавиться по реке Яик и укрыться в крепости на острове Медвежьем с небольшим отрядом казаков. Здесь их настигли стрелецкие головы

Гордей Пальчиков и Севастьян Онучин. 25 июня 1614 г. после осады и короткого боя казаки сдались и приняли присягу на имя царя Михаила Федоровича, а Ивана Заруцкого, Марину Мнишек и Воренка выдали стрелецким головам. Изменников было велено доставить в Москву с особым береженьем, скованными. При попытке воровских людей отбить арестованных, воеводам было велено их убить. В Москве Заруцкого посадили на кол, Воренка повесили, а Марина Мнишек умерла «в заточении от болезни и тоски по своей воле». Царский посол Ф.Г. Желябужский, отправляясь в Варшаву в декабре 1614 г., получил наказ поставить в известность польского короля и сенаторов о судьбе дочери сендомирского воеводы и ее сына (РИО (b) 1913: 527-528).

Для тех подданных Сигизмунда III, кто лично знал покойного Тушинского вора и отказывался верить в его иудейское происхождение, вскоре нашлось объяснение удивительным познаниям Самозванца в церковном богослужении. Ксендз Ян Велевицкий на основании записок иезуита Каспара Савицкого, духовника Марины Мнишек, составил подробное описание похождений Тушинского вора, а точнее – «крещеного жида» Богданки. Ксендз утверждал, что Богдашка являлся креатурой московских бояр – противников царя Василия Шуйского (Муханов 1871: 191-196 Приложение).

Казалось, никаких сомнений в истории Тушинского вора не осталось. Его самозванство было доказано, иудейское происхождение возведено в ранг непреложной истины. Даже в Речи Посполитой согласились с такой версией. Однако какая-то недосказанность в истории происхождения Лжедмитрия II и его прав на московский престол все же осталась. И вскоре призрак Тушинского вора напомнил о себе.

В 1621 г. царь Михаил Федорович вошел в зрелые годы, государю исполнилось 25 лет, а он все еще не был женат. Великая государыня инока Марфа Ивановна категорически отвергла выбор сына – дочь коломенского дворянина Марию Хлопову. Она присматривала невесту в боярских домах и при дворах иноземных королей. И вдруг в народе пошла молва, что государю жениться нельзя, и что будет кровопролитная война, так как Тушинский вор жив и «объявился в Запорогах» (Новомбергский 1911: 11-20, 428; Кузнецов 2001: 446-448).

Эпицентр слухов, вполне ожидаемо, находился в Коломенском уезде: в Голутвином монастыре, а также в соборе Николы Зарайского. Такие «воровские слова» первым услышал крестьянин Ивашка Стригов, когда «о Сергиевы дни» (25 сентября ст. стиля 1621 г.) посетил деревню в Коломенском уезде, принадлежавшую Голутвину монастырю. По его доносу было возбуждено дело «о непригожих речах» против крестьянина Федора Приезжейки. В феврале 1622 г. был взят за приставы «черкашенин Ортюшка Олтух» за убийство жителя Коломны в пьяной драке. В надежде на более мягкий приговор он объявил «слово и дело». Олтух обвинил в крамоле и неподобающих речах о Тушинском воре кабацкого откупщика, отправлявшего вино из Коломны в Москву «на масляной неделе» (Новомбергский 1911: 11-12).

Тогда же молва о скором явлении Тушинского вора появилась среди жителей близлежащего городка Зарайска. Донос поступил от крестьянина, молившегося в церкви Николы Зарайского в Великий пост, за три недели до Пасхи (выпала на 21 апреля ст. стиля 1622 г.). Несколько месяцев спустя те же слухи ходили среди богомольцев Зарайского уезда, побывавших на богослужении в Богоявленском Голутвином монастыре в Коломне (Новомбергский 1911: 19-21).

В Москве приняли соответствующие меры для пресечения смуты. В 1622 г., по государеву указу, в Голутвин монастырь были присланы сытник Богдан Десятов и подьячий Олексий Блудов. Официальное поручение дьяков состояло в переписи в книги переписные Московского приказа Большого Дворца «образы и книги и великое церковное строение» (Добролюбов 1884: 159). Визит московских посланцев оказал благотворное влияние на насельников Голутвина монастыря, причт собора Николы Зарайского и жителей Коломны. Опасные речи были пресечены.

Однако отголоски речей «коломенских смутьянов» разошлись по другим уездам. В 1624 г., слухи о скором явлении Тушинского вора циркулировали среди казаков-богомольцев Спасского монастыря в Комарицкой волости. Одновременно поступил донос от доброхота из Новгород-Северского уезда в распространении «воровских вестей» среди казаков и литовских панов о здравствовавшем Тушинском воре и грядущей войне. В Москве всполошились и велели поднимать старое дело «коломенского черкашенина Ортюшки Олтуха», чтобы допросить того с пристрастием. Еще раз его дело пересматривалось в 1626 г. Олтуха велено было этапировать в Москву (Новомбергский 1911: 425, 592-593).

Все «фигуранты» по данным делам отрицали возводимые на них обвинения, уверяли представителей властей в своей лояльности и преданности царю Михаилу Федоровичу. С помощью пыток и репрессий властям удалось подавить инакомыслие.

Слухи затихли. Тайна происхождения «Ария», в которую, без сомнений, были посвящены жители Коломенского уезда, насельники Голутвина монастыря, а также причт собора Николы Зарайского, осталась под спудом. Однако московские власти с подозрением относились к старцам Голутвина монастыря. Обитель утратила с годами свой высокий статус монастыря «государева строения». К концу XVII в. здания настолько обветшали, что игумен Нил, приняв монастырь, был вынужден посторить кельи на собственные «келейные деньги». В 1677 г., оставляя Голутвин монастырь и отправляясь на игуменство в московский Новинский монастырь, Нил передал кельи во временное пользование новому игумену Голутвина монастыря Галактиону, о чем между ними была составлена особая «память» (Титов 1898: 317).

В отличае от Голутвина монастыря, Угрешская обитель прирастала богатством благодаря особому покровительству со стороны царя Михаила Федоровича и его матери. Государь и Великая государыня инока Марфа Ивановна почти каждый год хаживали к Угреше на богомолье, одаривали старцев щедрыми пожалованиями, умножали монастырскую библиотеку и ризницу. Той же традиции придерживались цари Алексей Михайлович

и Федор Алексеевич. При первых Романовых игумены загородного Угрешского монастыря первенствовали перед многими московскими предстоятелями (Благово 1872: 27-35, 93-94).

Угрешские старцы снискали благорасположение Романовых, несомненно, за то, что дважды не позволили «Арию» посеять раскол в монастыре и утвердиться на московском престоле, предназначенном, по мнению «души заговора», ее сыну.

ВМЕСТО ПОСЛЕСЛОВИЯ

Смутное время оставило множество загадок. Одна из них – вопрос идентификации Тушинского вора. Исследуя тот короткий промежуток времени, когда Лжедмитрий II «царствовал» на исторической авансцене, нельзя не отметить его одержимость в поисках доказательств собственных прав на шапку Мономаха по «иной» линии дома Рюриковичей. В то же время отчетливо проступает неуверенность Самозванца, его метания в поисках правды.

Если Лжедмитрий I четко придерживался одной версии: он – царевич Дмитрий Угличский, то его преемник проявил удивительную непоследовательность. На первых порах Лжедмитрий II объявил себя наследником Дмитровского удела, то есть отпрыском дома Старицких («Арцыкалусом»?) и уповал на доказательства, которыми располагала королева инока Марфа. Потерпев поражение у стен Троице-Сергиева монастыря и удостоверившись в «предательстве» «родственницы», он с поразительной доверчивостью кинулся искать свидетелей своего происхождения от царского корня в Угрешском монастыре. Провокация с «талмудом» и обвинение в семитском происхождении лишь подогревали азарт Тушинского вора.

Эта одержимость стала «ахиллесовой пятой» Лжедмитрия II. Поиски привели к полному краху надежд угрешского «Ария». Наиболее вероятно предположение, что Тушинский вор родился от связи Ивана Грозного с «русской Вирсавией» – Василисой Мелентьевой. Последняя «метаморфоза» Лжедмитрия оказалась для него роковой.

ЛИТЕРАТУРА

ААЭ (a) 1836 - Акты, собранные в библиотеках и архивах Российской империи Археографическою экспедицею императорской Академии наук. Т. I. СПб., 1836.

ААЭ (b) 1836 - Акты, собранные в библиотеках и архивах Российской империи Археографическою экспедицею императорской Академии наук. Т. II. СПб., 1836.

Авраамий 1822 - Авраамий (Палицын). Сказание о осаде Троицкого Сергиева монастыря от поляков и Литвы; и о бывших потом в России мятежах. М., 1822.

АИ 1841 - Акты исторические, собранные и изданные Археографическою комиссией. Т. II. СПб., 1841.

Александренко 1911 - Материалы по Смутному времени на Руси XVII в., собранные проф. В.Н. Александренко // Старина и новизна. Кн. 14. М., 1911.

Александренко 1914 - Дополнение к материалам по Смутному времени на Руси XVII в., собранным проф. В.Н. Александренко // Старина и новизна. Кн. 17. М., 1914.

Амвросий (Орнатский) 1807 - Амвросий (Орнатский А.А.). История Российской иерархии. Ч. I. М., 1807.

Бантыш-Каменский (a) 1862 - Бантыш-Каменский Н.Н. Переписка между Россиею и Польшей по 1700 г. Ч. I. М., 1862.

Бантыш-Каменский (b) 1862 - Бантыш-Каменский Н.Н. Переписка между Россиею и Польшею по 1700 г. Ч. II. М., 1862.

Белокуров 1907 - Белокуров С.А. Разрядные записи в Смутное время // Чтения в императорском обществе истории и древностей Российских. 1907. Кн. 2 (221).

Бессуднова 2013 - Бессуднова М.Б. «Апология» Магнуса Голштинского из Шведского Государственного архива // Studia Slavica et Balcanica Petropolitana. 2013. № 2.

Благово 1872 - Благово Д.Д. Исторический очерк Николаевского-Угрешского общежительного мужского монастыря. М., 1872.

Болдаков 1896 - Болдаков И.М. Сборник материалов по русской истории XVII в. СПб., 1896.

Буссов 1961 - Буссов Конрад. Московская хроника. 1584-1613 гг. М.; Л., 1961.

Бутурлин 1841 - Бутурлин Д.П. История Смутного времени в России в начале XVII века. Т. II. СПб., 1841.

Бутурлин 1846 - Бутурлин Д.П. История Смутного времени в России в начале XVII века. Т. III. СПб., 1846.

Валишевский 1989 - Валишевский К. Смутное время. М., 1989.

Верещагин 1902 - Верещагин А.С. Вятский Успенский монастырь при преподобном Трифоне. Вятка, 1902.

Веселовский 1963 - Веселовский С.Б. Исследования по истории опричнины. М., 1963.

Видекинд 2000 - Видекинд Юхан. История шведско-московитской войны XVII века. М., 2000.

Выписка 1899 - Выписка из записной настольной книжки Н.Н. Бантыш-Каменского // Сборник Московского Главного Архива МИД. Вып. 6. СПб., 1899.

Геннади 1876 - Геннади Г.Н. Сообщение. Портреты Лжедмитрия, 1604-1605 гг. // Русская старина. 1876. Т. XV (Апрель).

Голиков 1790 - Голиков И.И. Дополнения к деяниям Петра Великого. Т. II. М., 1790.

Горсей 1991 - Горсей Джером. Записки о России. XVI – начало XVII в. М., 1991.

Готье 1920 - Готье Ю.В. Акты, относящиеся к истории Земских соборов. М., 1920.

ДДГ 1950 - Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV-XVI вв. М.; Л., 1950.

Дневник 1995 - Дневник Марины Мнишек / Перевод В.Н. Козлякова. СПб., 1995.

Дневник Сапеги 2012 - Дневник Яна Петра Сапеги (1608-1611) // Памятники истории Восточной Европы. Т. IX. М.; Варшава, 2012.

Добролюбов 1884 - Добролюбов И. Историко-статистическое описание церквей и монастырей Рязанской епархии, ныне существующих и упраздненных. Т. 1. Зарайск, 1884.

Древности 1849 - Древности Российского государства. Отд. 1. М., 1849.

Дьяконов 1897 - Дьяконов М. Акты, относящиеся к истории тяглового населения в Московском государстве. Вып. II. Юрьев, 1897.

Есипов 1863 - Есипов Г.В. Тушинский вор (окончание) // Русские достопамятности. Вып. 10. М., 1863.

Забелин 1901 - Забелин И.Е. Разыскное дело о казне бывшей царицы Марии Петровны Шуйской // Домашний быт русского народа. Т. II. М., 1901.

Зимин 1986 - Зимин А.А. В канун грозных потрясений. М., 1986.

Иловайский 1894 - Иловайский Д.И. Смутное время Российского государства // Смутное время в России. Т. IV. Вып. 2. М., 1894.

Кобрин 1960 - Кобрин В.Б. Состав Опричного двора Ивана Грозного // Археографический ежегодник за 1959 г. М., 1960.

Коваленко 1985 - Коваленко Г.М. К вопросу о датировке договора Новгорода со Швецией 1611 г. // Актуальные проблемы исторической науки. Новгород, 1985.

Козляков 2005 - Козляков В.Н. Марина Мнишек. М., 2005.

Кузнецов 2001 - Кузнецов В.И., Кулакова И.П. Памятники Смутного времени. Тушинский вор: личность, окружение, время. М., 2001.

Лихачев 1997 - Лихачев Д.С. Псковская летописная повесть о Смутном времени // Памятники литературы Древней Руси. Т. 14. Конец XVI – начало XVII вв. СПб., 1997.

Лурье 1979 - Лурье Я.С., Рыков Ю.Д. Переписка Ивана Грозного с Андреем Курбским. Л., 1979.

Мазурова 2007 - Мазурова Н.Б., Мазуров А.Б. Синодик коломенского Старо-Голутвина монастыря начала XVIII в. как исторический источник // Вестник коломенского государственного педагогического института. Специальный выпуск. Коломна, 2007.

Малеин 1934 - Малеин А.И. Новое известие о времени Ивана Грозного. Л., 1934.

Мархоцкий 2000 - Мархоцкий Николай. История Московской войны. М., 2000.

Маршаев 1958 - Маршаев Р.Г. Русско-дагестанские отношения XVII – первой четверти XVIII вв. Документы и материалы. Махачкала, 1958.

Масса 1936 - Масса Исаак. Краткое известие о Московии в начале XVII в. М., 1936.

Меркачева 2010 - Меркачева Е. Тайные ходы российской власти // Московский комсомолец. № 25362 (28 мая 2010 г.).

Михайлова 2012 - Михайлова И.Б. «Ненастоящий» царь как проблема Смуты начала XVII века // Труды Исторического факультета Санкт-Петербургского университета. 2012. № 10.

Муханов 1871 - Муханов П.А. Записки гетмана Жолкевского о Московской войне. СПб., 1871.

Новиков 1788 - Новиков Н.И. Древняя Российская вивлиофика. Ч. V. М., 1788.

Новомбергский 1911 - Новомбергский Н.Я. Слово и дело государево. Процессы до издания Уложения Алексея Михайловича 1649 г. Т. 1. М., 1911.

Павлов-Сильванский 1960 - Павлов-Сильванский В.Б. Новые сведения о писцовых книгах Вяземского уезда конца XVI века // Археографический ежегодник за 1959 год. М., 1960.

Панова 2003 - Панова Т.Д. Некрополи Московского Кремля. М., 2003.

Пашков 2014 - Пашков А.М. Заонежская ссылка Марфы Ивановны Романовой в исторической памяти и краеведческой традиции жителей Карелии XVII – середины XIX в. // Вестник РГГУ. № 17 (139). М., 2014.

Петрей 1997 - Петрей Петр. История о Великом княжестве Московском. М., 1997.

Платонов 1901 - Платонов С.Ф. Очерки по истории Смуты в Московском государстве в XVI-XVII вв. СПб., 1901.

Погодин 1837 - Погодин М.П. Псковская летопись. М., 1837.

ПСРЛ 1910 - Полное собрание русских летописей. Т. 14. СПб., 1910.

ПСРЛ 1978 - Полное собрание русских летописей. Т. 34. М., 1978.

Пуцко 2006 - Пуцко В.Г. Кресты-мощевики и ковчеги-мощевики XIV-XVI в. в Троице-Сергиевой лавре // Древняя Русь. 2006. № 2 (24).

Рабинович 2010 - Рабинович Я.Н. Степан Лазаревич Татищев: страницы биографии // Восьмые Татищевские чтения. Доклады и сообщения. Екатеринбург, 2010.

Разрядная книга 1982 - Разрядная книга 1475-1605 гг. Т. II. Ч. II. М., 1982.

РГАДА Ф. 35 - Российский Государственный архив древних актов. Ф. 35. Сношения России с Англией. Кн. 3. Л. 9.

РИБ 1872 - Русская историческая библиотека. Т. I. СПб., 1872.

РИБ 1875 - Русская историческая библиотека. Т. II. СПб., 1875.

РИБ 1892 - Русская историческая библиотека. Т. XIII. СПб., 1892.

РИБ 1897 - Русская историческая библиотека. Т. XVI. СПб., 1897.

РИО 1912 - Сборник Русского исторического общества. Т. 137. СПб., 1912.

РИО 1913 - Сборник Русского исторического общества. Т. 142. СПб., 1913.

Русский вестник 1842 - Грамота царя Михаила Федоровича к турецкому султану, писанная в 1613 году // Русский вестник. 1842. № 3.

Рыбаков 1987 - Рыбаков Б.А. Вкладная книга Троице-Сергиева монастыря. М., 1987.

Рыбалка 2017 - Рыбалка А.А. Семь невест тирана Ивана (А.И. Сулакадзев и жены Ивана Грозного) // Историческая экспертиза. 2017. № 2 (11).

СГГД 1819 - Собрание государственных грамот и договоров. Ч. II. М., 1819.

СГГД 1822 - Собрание государственных грамот и договоров. Ч. III. М., 1822.

Скрынников 1983 - Скрынников Р.Г. Иван Грозный. М., 1983.

Смирнов 1854 - Смирнов С.К. Церковно-исторический месяцеслов Свято-Троицкой Сергиевой Лавры. М., 1854.

Стадницкий 1906 - Стадницкий Мартин. История Дмитрия царя Московского и Марины Мнишек, дочери Сандомирского воеводы, царицы // Русский архив. М., 1906. № 6.

Таймасова (a) 2010 - Таймасова Л.Ю. Зелье для государя. М., 2010.

Таймасова (b) 2010 - Таймасова Л.Ю. Князь Владимир Старицкий: в шаге от престола // Новый исторический вестник. 2010. № 23.

Таймасова 2012 - Таймасова Л.Ю. Тайный брак царя Василия Шуйского и «сын его дочери» // Новый исторический вестник. 2012. № 31.

Таймасова 2022 - Таймасова Л.Ю. Хрустальный крест королевы Ливонии: Еще раз об атрибуции портрета Марии Владимировны Старицкой // Исторический формат. 2022. № 1 (29).

Татищев 2005 - Татищев В.Н. История Российская. Т. 3. М., 2005.

Тимощук 1899 - Тимощук В.В. Новые данные о первом Самозванце // Русская старина. 1899. Т. 99 (июль).

Титов 1898 - Титов А.А. Акты Нижегородского Печерского Вознесенского монастыря. М., 1898.

Титов 1907 - Титов А.А. Записки Станислава Немоевского (1606-1608 гг.). М., 1907.

Титов 1910 - Титов А.А. Из львовского архива князя Сапеги. Письма Льва и Андрея Сапег к князю Христофору Радзивиллу // Русский архив. 1910. № 11.

Тихомиров 1941 - Тихомиров М.Н. Малоизвестные летописные памятники XVI в. // Исторические записки. Т. 10. М.; Л., 1941.

Ульяновский 1993 - Ульяновский В.И. Российские самозванцы: Лжедмитрий I. Киев, 1993.

Успенский 1997 - Успенский Б.А. Свадьба Лжедмитрия // Труды Отдела древнерусской литературы. Т. L. СПб., 1997.

Устрялов 1859 - Устрялов Н.Г. Дневник Маскевича 1594-1621 // Сказания современников о Дмитрии Самозванце. Т. 1. СПб., 1859.

Флетчер 2002 - Флетчер Джильс. О государстве русском. М., 2002.

Флоря 2005 - Флоря Б.Н. Польско-литовская интервенция в России и русское общество. М., 2005.

Ханыков 1878 - Ханыков В.В. Летопись Калужская от отдаленных времен до 1841 года. М., 1878.

Хилков 1879 - Хилков Г.Д. Сборник князя Хилкова. СПб., 1879.

Хрущев 1876 - Хрущев И.П. Ксения Ивановна Романова // Древняя и новая Россия. 1876. № 12.

Цветаев 1878 - Цветаев Д. Мария Владимировна и Магнус Датский // Журнал Министерства народного просвещения. 1878. № 4 (март).

Цветаев 1905 - Цветаев Д.В. Пленение царя Василия Шуйского с братьями // Журнал министерства народного просвещения. 1905. № 359 (май-июнь).

Шаум 1847 - Шаум Матвей. Tragoedia Demetro-Moscovitica // Чтения в императорском обществе истории и древностей Российских. М., 1847. № 2.

Шереметев 1902 - Шереметев С.Д. Царевна Феодосия Федоровна (1592-1594). СПб., 1902.

Щербаков 1771 - Щербаков М.М. Летопись о многих мятежах и о разорении Московского государства от внутренних и внешних неприятелей и от прочих тогдашних времен многих случаев. СПб., 1771.

Щербатов 1771 - Щербатов М.М. Летопись о многих мятежах и о разорении Московского государства. СПб., 1771.

Эйльбарт 2012 - Эйльбарт Н.В. Лжедмитрий II: происхождение и гибель. Свидетельства польских документов Государственного архива Швеции // Вестник Забайкальского государственного университета. 2012. № 11.

Almquist 1907 - Almquist H. Sverige och Russland 1595-1611. Uppsala, 1907.

Busse 1871 - Busse Carl Heinrich von. Herzog Magnus, Konig von Livland. Leipzig, 1871.

Calendar 1968 - Calendar of the Cecil Papers in Hatfield House. Vol. 20. London, 1968.

Chronicle 1992 - Salomon Henning's Chronicle of Courland and Livonia. Madison (Wis.), 1992.

Döbner 1868 - Döbner A. König Magnus von Livland und Zaar Iwan Wassiljewitsch II von Rußland // Rigascher Almanach für 1869. Riga, 1868.

Hamel 1854 - Hamel Joseph. England and Russia; Comprising the Voyages of John Tradescant the Elder, Sir Hugh Willoughby, Richard Chancellor, Nelson and Others, to the White Sea. London, 1854.

Hübner 1712 - Hübner Johann. Drey hundert drey und dreyßig Genealogische Tabellen. Leipzig, 1712. (Without pagination).

Jensen 1976 - Jensen F.P. Hertug Magnus af Holstens forsvarsskrift af 1579 om hans forhold til tsar Ivan den Grusomme // Danske Magazin. 1976. No. 8 (5).

Königsfeldt 1856 - Königsfeldt J.P.F. Genealogisk-historiske tabeller over de nordiske rigers kongeslægter. Kjobenhavn, 1856.

Lackmann 1730 - Lackmann A.H. Einleitung zur Schleswig-Holsteinischen Historie, und zwar zeitwährender Regierung des herrlich ausgebreiteten und noch blühenden oldenburgischen Stamms, aus beglaubten Geschichts-Schreibern, auch zum Theil ungedruckten Urkunden. Vol. 1. Hamburg, 1730.

Mitteilungen 1845 - Mitteilungen aus dem Gebiete der Geschichte Liv-, Est- und Kurlands. Vol. III. Riga, 1845.

Pierling 1878 - Pierling P. Rome et Demetrius. Paris, 1878.

REFERENCES

AAE 1836 (a) - Akty, sobrannye v bibliotekah i arhivah Rossijskoj Imperii Arheograficheskoyu ekspedicieyu imperatorskoj Akademii nauk [Acts collected in libraries and archives of the Russian Empire by the Archaeological Expedition of the Imperial Academy of Sciences], Vol. I, Saint-Petersburg, 1836 [in Russian].

AAE 1836 (b) - Akty, sobrannye v bibliotekah i arhivah Rossijskoj imperii Arheograficheskoyu ekspedicieyu imperatorskoj Akademii nauk [Acts collected in libraries and archives of the Russian Empire by the Archaeological Expedition of the Imperial Academy of Sciences], Vol. II, Saint-Petersburg, 1836 [in Russian].

AI 1841 - Akty istoricheskie, sobrannye i izdannye Arhiograficheskoj komissiej [Historical acts collected and published by the Archiographical Commission], Vol. II, Saint-Petersburg, 1841 [in Russian].

Aleksandrenko 1911 - Materialy po Smutnomu vremeni na Rusi XVII v., sobrannye professorom V.N. Aleksandrenko [Materials on the Time of Troubles in Rus' in the 17th century, collected by Professor V.N. Alexandrenko], in: Starina i novizna [Antiquity and novelty], Vol. 14, Moscow, 1911 [in Russian].

Aleksandrenko 1914 - Dopolnenie k materialam po Smutnomu vremeni na Rusi XVII v., sobrannym professorom V.N. Aleksandrenko [Addition to materials on the Time of Troubles in Rus' in the 17th century, collected by Professor V.N. Aleksandrenko], in: Starina i novizna [Antiquity and novelty], Vol. 17, Moscow, 1914 [in Russian].

Almquist 1907 - Almquist H. Sverige och Russland 1595-1611 [Sverige och Russia 1595-1611], Uppsala, 1907 [in German].

Amvrosiy (Ornatskiy) 1807 - Amvrosiy (Ornatskiy A.A.). Istoriya Rossiyskoy ierarkhii [History of the Russian hierarchy], Vol. I, Moscow, 1807 [in Russian].

Avraamiy 1822 - Avraamiy (Palitsyn). Skazanie o osade Troitskogo Sergieva monastyrya ot polyakov i Litvy; i o byvshikh potom v Rossii myatezhakh [The legend about the siege of the Trinity Sergius Monastery from the Poles and Lithuanians; and about the rebellions that later took place in Russia], Moscow, 1822 [in Russian].

Bantysh-Kamenskiy (a) 1862 - Bantysh-Kamenskiy N.N. Perepiska mezhdu Rossieyu i Pol'shey po 1700 god [Correspondence between Russia and Poland in until 1700], Vol. I, Moscow, 1862 [in Russian].

Bantysh-Kamenskiy (b) 1862 - Bantysh-Kamenskiy N.N. Perepiska mezhdu Rossieyu i Pol'shey po 1700 god [Correspondence between Russia and Poland in until 1700], Vol. I, Moscow, 1862 [in Russian].

Belokurov 1907 - Belokurov S.A. Razryadnye zapisi v Smutnoe vremya [Place records in the Time of Troubles], in: Chteniya v imperatorskom obshchestve istorii i drevnostey Rossiyskikh [Readings in the Imperial Society of Russian History and Antiquities], 1907, Book 2 (221) [in Russian].

Bessudnova 2013 - Bessudnova M.B. «Apologiya» Magnusa Golshtinskogo iz Shvedskogo Gosudarstvennogo arkhiva ["Apology" of Magnus Holstein from the Swedish State Archive], in: Studia Slavica et. Balcanica Petropolitana, 2013, № 2 [in Russian].

Blagovo 1872 - Blagovo D.D. Istoricheskiy ocherk Nikolaevskogo-Ugreshskogo obshchezhitel'nogo muzhskogo monastyrya [Historical sketch of the Nikolaevsky-Ugreshsky male monastery], Moscow, 1872 [in Russian].

Boldakov 1896 - Boldakov I.M. Sbornik materialov po russkoy istorii XVII v. [Collection of materials on Russian history of the 17th century], St. Petersburg, 1896 [in Russian].

Busse 1871 - Busse Carl Heinrich von. Herzog Magnus, Konig von Livland [Duke Magnus, King of Livonia], Leipzig, 1871 [in German].

Bussov 1961 - Bussov Konrad. Moskovskaya khronika. 1584-1613 [Moscow Chronicle. 1584-1613], Moscow; Leningrad, Publishing House of the Academy of Sciences of the USSR, 1961 [in Russian].

Buturlin 1841 - Buturlin D.P. Istoriya Smutnogo vremeni v Rossii v nachale XVII veka [History of the Time of Troubles in Russia at the beginning of the 17th century], Vol. II, St. Petersburg, 1841 [in Russian].

Buturlin 1846 - Buturlin D.P. Istoriya Smutnogo vremeni v Rossii v nachale XVII veka [History of the Time of Troubles in Russia at the beginning of the 17th century], Vol. III, St. Petersburg, 1846 [in Russian].

Calendar 1968 - Calendar of the Cecil Papers in Hatfield House, Vol. 20, London, 1968 [in English].

Chronicle - Salomon Henning's Chronicle of Courland and Livonia, Madison (Wis.), 1992 [in English].

DDG 1950 - Dukhovnye i dogovornye gramoty velikikh i udel'nykh knyazey XIV-XVI vv. [Spiritual and contractual charters of the great and appanage princes of the XIV-XVI centuries. Publishing house of the Academy of Sciences], Moscow; Leningrad, 1950 [in Russian].

Dnevnik 1995 - Dnevnik Mariny Mnishek / Per. V.N. Kozlyakova [Diary of Marina Mnishek / Translation by V.N. Kozlyakov], St. Petersburg, 1995 [in Russian].

Dnevnik Sapegi 2012 - Dnevnik Yana Petra Sapegi (1608-1611) [Diary of Jan Piotr Sapieha (1608-1611)], in: Pamyatniki istorii Vostochnoy Evropy [Monuments of the history of Eastern Europe], Vol. IX, Moscow; Warsaw, 2012 [in Russian].

Döbner 1868 - Döbner A. König Magnus von Livland und Zaar Iwan Wassiljewitsch II von Ruβland [King Magnus of Livonia and Tsar Ivan Vasilyevich II of Russia], in: Rigascher Almanach für 1869 [Riga Almanac for 1869], Riga, 1868 [in German].

Dobrolyubov 1884 - Dobrolyubov I. Istoriko-statisticheskoe opisanie tserkvey i monastyrey Ryazanskoy eparkhii, nyne sushchestvuyushchikh i uprazdnennykh [Historical and statistical description of churches and monasteries of the Ryazan diocese, currently existing and abolished], Vol. 1, Zaraysk, 1884 [in Russian].

Drevnosti 1849 - Drevnosti Rossiyskogo gosudarstva [Antiquities of the Russian State], Vol. 1, Moscow, 1849 [in Russian].

D'yakonov 1897 - D'yakonov M. Akty, otnosyashchiesya k istorii tyaglovogo naseleniya v Moskovskom gosudarstve [Acts relating to the history of the draft population in the Moscow state], Vol. II, Yuryev, 1897 [in Russian].

Esipov 1863 - Esipov G.V. Tushinskiy vor (okonchanie) [Tushinsky thief (the final part)], in: Russkie dostopamyatnosti [Russian landmarks], Vol. 10, Moscow, 1863 [in Russian].

Eyl'bart 2012 - Eyl'bart N.V. Lzhedmitriy II: proiskhozhdenie i gibel'. Svidetel'stva pol'skikh dokumentov Gosudarstvennogo arkhiva Shvetsii [False Dmitry II: origin and death. Evidence of Polish documents from the State Archives of Sweden], in: Vestnik Zabaykal'skogo gosudarstvennogo universiteta [Bulletin of the Transbaikal State University], 2012, No. 11 [in Russian].

Fletcher 2002 - Fletcher Dzhil's. O gosudarstve russkom [About the Russian state], Moscow, 2002 [in Russian].

Florya 2005 - Florya B.N. Pol'sko-litovskaya interventsiya v Rossii i russkoe obshchestvo [Polish-Lithuanian intervention in Russia and Russian society], Moscow, 2005 [in Russian].

Gennadi 1876 - Gennadi G.N. Soobshchenie. Portret Lzhedmitriya, 1604-1605 gg. [A short article. Portraits of False Dmitry, 1604-1605], in: Russkaya starina [Russian antiquity], 1876, Vol. XV (April) [in Russian].

Golikov 1790 - Golikov I.I. Dopolneniya k deyaniyam Petra Velikogo [Additions to the acts of Peter the Great], Vol. II, Moscow, 1790 [in Russian].

Gorsey 1991 - Gorsey Dzherom. Zapiski o Rossii XVI – nachalo XVII [Notes on Russia XVI – early XVII], Moscow, Moscow State University Publishing House, 1991 [in Russian].

Got'e 1920 - Got'e Yu.V. Akty, otnosyashchiesya k istorii Zemskikh soborov [Acts relating to the history of Zemsky Sobors], Moscow, 1920 [in Russian].

Hamel 1854 - Hamel Joseph. England and Russia; Comprising the Voyages of John Tradescant the Elder, Sir Hugh Willoughby, Richard Chancellor, Nelson and Others, to the White Sea, London, 1854 [in English].

Hübner 1712 - Hübner Johann. Drey hundert drey und dreyßig Genealogische Tabellen [Drey hundert drey und dreyßig Genealogical tables], Leipzig, 1712 (Without pagination) [in German].

Ilovayskiy 1894 - Ilovayskiy D.I. Smutnoe vremya Rossiyskogo gosudarstva [Time of Troubles of the Russian State], in: Smutnoe vremya v Rossii [Time of Troubles in Russia], Vol. IV, Issue 2, Moscow, 1894 [in Russian].

Jensen 1976 - Jensen F.P. Hertug Magnus af Holstens forsvarsskrift af 1579 om hans forhold til tsar Ivan den Grusomme [Duke Magnus of Holstein's defence of 1579 on his relationship with tsar Ivan the terrible], in: Danske Magazin, 1976, No. 8 (5) [in Danish].

Khanykov 1878 - Khanykov V.V. Letopis' Kaluzhskaya ot otdalennykh vremen do 1841 goda [Chronicle of Kaluga from distant times to 1841], Moscow, 1878 [in Russian].

Khilkov 1879 - Khilkov G.D. Sbornik knyazya Khilkova [Collection of Prince Khilkov], St. Petersburg, 1879 [in Russian].

Khrushchev 1876 - Khrushchev I.P. Kseniya Ivanovna Romanova [Ksenia Ivanovna Romanova], in: Drevnyaya i novaya Rossiya [Ancient and new Russia], 1876, No. 12 [in Russian].

Kobrin 1960 - Kobrin V.B. Sostav Oprichnogo dvora Ivana Groznogo [The Oprichnina Court of Ivan the Terrible], in: Arkheograficheskiy ezhegodnik za 1959 g. [Archaeographic Yearbook for 1959], Moscow, Publishing House of the Academy of Sciences of the USSR, 1960 [in Russian].

Königsfeldt 1856 - Königsfeldt J.P.F. Genealogisk-historiske tabeller over de nordiske rigers kongeslægter [Genealogical-historical tables of the royal families of the Nordic Kingdoms], Kjobenhavn, 1856 [in Danish].

Kovalenko 1985 - Kovalenko G.M. K voprosu o datirovke dogovora Novgoroda so Shvetsiey 1611 g. [On the issue of dating the treaty of Novgorod with Sweden in 1611], in: Aktual'nye problemy istoricheskoy nauki [Current problems of historical science], Novgorod, 1985 [in Russian].

Kozlyakov 2005 - Kozlyakov V.N. Marina Mnishek, Moscow, 2005 [in Russian].

Kuznetsov 2001 - Kuznetsov V.I., Kulakova I.P. Pamyatniki Smutnogo vremeni. Tushinskiy vor: lichnost', okruzhenie, vremya [Monuments of the Time of Troubles. Tushinsky thief: personality, environment, time], Moscow, Moscow State University Publishing House, 2001 [in Russian].

Lackmann 1730 - Lackmann A.H. Einleitung zur Schleswig-Holsteinischen Historie, und zwar zeitwährender Regierung des herrlich ausgebreiteten und noch blühenden oldenburgischen Stamms, aus beglaubten Geschichts-Schreibern, auch zum Theil ungedruckten Urkunden [Introduction to the history of Schleswig-Holstein, namely the time-lasting Government of the gloriously extended and still flourishing Oldenburg tribe, from authenticated historical writers, including partly unprinted documents], Vol. 1, Hamburg, 1730 [in German].

Likhachev 1997 - Likhachev D.S. Pskovskaya letopisnaya povest' o Smutnom vremeni [Pskov chronicle story about the Time of Troubles], in: Pamyatniki literatury Drevney Rusi. Konets XVI – nachalo XVII vv. [Monuments of literature of Ancient Rus'. End of the 16th – beginning of the 17th centuries], Vol. 14, St. Petersburg, 1997 [in Russian].

Lur'e 1979 - Lur'e Ya.S., Rykov Yu.D. Perepiska Ivana Groznogo s Andreem Kurbskim [Correspondence of Ivan the Terrible with Andrei Kurbsky], Leningrad, Publishing house "Science", 1979 [in Russian].

Malein 1934 - Malein A.I. Novoe izvestie o vremeni Ivana Groznogo [New information about the time of Ivan the Terrible], Leningrad, 1934 [in Russian].

Markhotskiy 2000 - Markhotskiy Nikolay. Istoriya Moskovskoy voyny [History of the Moscow War], Moscow, 2000 [in Russian].

Marshaev 1958 - Marshaev R.G. Russko-dagestanskie otnosheniya XVII – pervoy chetverti XVIII vv. Dokumenty i materialy [Russian-Dagestan relations of the 17th – first quarter of the 18th centuries. Documents and materials], Makhachkala, 1958 [in Russian].

Massa 1936 - Massa Isaak. Kratkoe izvestie o Moskovii v nachale XVII v. [Brief news about Muscovy at the beginning of the 17th century], Moscow, 1936 [in Russian].

Mazurova 2007 - Mazurova N.B., Mazurov A.B. Sinodik kolomenskogo Staro-Golutvina monastyrya nachala XVIII v. kak istoricheskiy istochnik [Synodik of the Kolomna Staro-Golutvin Monastery of the early 18th century as a historical source], in: Vestnik kolomenskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo instituta. Spetsial'nyy vypusk [Bulletin of the Kolomna State Pedagogical Institute. Special issue], Kolomna, 2007 [in Russian].

Merkacheva 2010 - Merkacheva E. Taynye khody rossiyskoy vlasti [Secret passages of the Russian government], in: Moskovskiy komsomolets [Moskovsky Komsomolets], No. 25362 (May 28, 2010) [in Russian].

Mikhaylova 2012 - Mikhaylova I.B. «Nenastoyashchiy» tsar' kak problema Smuty nachala XVII veka [The "fake" tsar as a problem of the Troubles of the early 17th century], in: Trudy Istoricheskogo fakul'teta Sankt-Peterburgskogo universiteta [Proceedings of the Faculty of History of St. Petersburg University], 2012, No. 10 [in Russian].

Mitteilungen 1845 - Mitteilungen aus dem Gebiete der Geschichte Liv-, Est- und Kurlands [News from the areas of the history of Liv-, Est- and Courland], Vol. III, Riga, 1845 [in German].

Mukhanov 1871 - Mukhanov P.A. Zapiski getmana Zholkevskogo o Moskovskoy voyne [Notes of Hetman Zholkiewski about the Moscow War], St. Petersburg, 1871 [in Russian].

Novikov 1788 - Novikov N.I. Drevnyaya Rossiyskaya vivliofika [Ancient Russian vivliophics], Part V, Moscow, 1788 [in Russian].

Novombergskiy 1911 - Novombergskiy N.Ya. Slovo i delo gosudarevo. Protsessy do izdaniya Ulozheniya Alekseya Mikhaylovicha 1649 g. [The Sovereign's Word and Deed. Trials before the publication of the Code of Alexei Mikhailovich in 1649], Vol. 1, Moscow, 1911 [in Russian].

Panova 2003 - Panova T.D. Nekropoli Moskovskogo Kremlya [Necropolises of the Moscow Kremlin], Moscow, Publishing house Federal State Institution "State Historical and Cultural Museum-Reserve Moscow Kremlin", 2003 [in Russian].

Pashkov 2014 - Pashkov A.M. Zaonezhskaya ssylka Marfy Ivanovny Romanovoy v istoricheskoy pamyati i kraevedcheskoy traditsii zhiteley Karelii XVII – serediny XIX v. [Zaonezhskaya exile of Marfa Ivanovna Romanova in the historical memory and local history tradition of the inhabitants of Karelia in the 17th – mid-19th centuries], in: Vestnik RGGU [Bulletin of the Russian State University for the Humanities], No. 17 (139), Moscow, 2014 [in Russian].

Pavlov-Sil'vanskiy 1960 - Pavlov-Sil'vanskiy V.B. Novye svedeniya o pistsovykh knigakh Vyazemskogo uezda kontsa XVI veka [New information about the scribal books of the Vyazemsky district of the late 16th century], in: Arkheograficheskiy ezhegodnik za 1959 god [Archaeographic Yearbook for 1959], Moscow, 1960 [in Russian].

Petrey 1997 - Petrey Petr. Istoriya o Velikom knyazhestve Moskovskom [The story of the Grand Duchy of Moscow], Moscow, 1997 [in Russian].

Pierling 1878 - Pierling P. Rome et Demetrius [Rome and Demetrius], Paris, 1878 [in French].

Platonov 1901 - Platonov S.F. Ocherki po istorii Smuty v Moskovskom gosudarstve v XVI-XVII vv. [Essays on the history of the Time of Troubles in the Moscow State in the 16th-17th centuries], St. Petersburg, 1901 [in Russian].

Pogodin 1837 - Pogodin M.P. Pskovskaya letopis' [Pskov Chronicle], Moscow, 1837 [in Russian].

PSRL 1910 - Polnoe sobranie russkikh letopisey [Complete collection of Russian chronicles], Vol. 14, St. Petersburg, 1910 [in Russian].

PSRL 1978 - Polnoe sobranie russkikh letopisey [Complete collection of Russian chronicles], Vol. 34, St. Petersburg, 1978 [in Russian].

Putsko 2006 - Putsko V.G. Kresty-moshcheviki i kovchegi-moshcheviki XIV-XVI v. v Troitse-Sergievoy lavre [Reliquary crosses and reliquary arks of the XIV-XVI centuries. in the Trinity-Sergius Lavra], in: Drevnyaya Rus' [Ancient Rus'], 2006, No. 24 [in Russian].

Rabinovich 2010 - Rabinovich Ya.N. Stepan Lazarevich Tatishchev: stranitsy biografii [Stepan Lazarevich Tatishchev: pages of biography], in: Vos'mye Tatishchevskie chteniya. Doklady i soobshcheniya [Eighth Tatishchev Readings. Reports and messages], Ekaterinburg, 2010 [in Russian].

Razryadnaya kniga 1982 - Razryadnaya kniga 1475-1605 gg. [Rank book 1475-1605], Vol. II, Part II, Moscow, 1982 [in Russian].

RGADA F. 35 - Rossiyskiy Gosudarstvennyy arkhiv drevnikh aktov. F. 35. Snosheniya Rossii s Angliey [Russian State Archive of Ancient Acts. F. 35. Relations between Russia and England], Book 3, S. 9 [in Russian].

RIB 1872 - Russkaya istoricheskaya biblioteka [Russian Historical Library], Vol. I, St. Petersburg, 1872 [in Russian].

RIB 1875 - Russkaya istoricheskaya biblioteka [Russian Historical Library], Vol. II, St. Petersburg, 1875 [in Russian].

RIB 1892 - Russkaya istoricheskaya biblioteka [Russian Historical Library], Vol. XIII, St. Petersburg, 1892 [in Russian].

RIB 1897 - Russkaya istoricheskaya biblioteka [Russian Historical Library], Vol. XIV, St. Petersburg, 1897 [in Russian].

RIO 1912 - Sbornik Russkogo istoricheskogo obshchestva [Collection of the Russian Historical Society], Vol. 137, St. Petersburg, 1912 [in Russian].

RIO 1913 - Sbornik Russkogo istoricheskogo obshchestva [Collection of the Russian Historical Society], Vol. 142, St. Petersburg, 1913 [in Russian].

Russkiy vestnik 1842 - Gramota tsarya Mikhaila Fedorovicha k turetskomu sultanu, pisannaya v 1613 godu [Letter from Tsar Mikhail Fedorovich to the Turkish Sultan, written in 1613], in: Russkiy vestnik [Russian Messenger], 1842, No. 3 [in Russian].

Rybakov 1987 - Rybakov B.A. Vkladnaya kniga Troitse-Sergieva monastyrya [Inset book of the Trinity-Sergius Monastery], Moscow, Publishing house “Science”, 1987 [in Russian].

Rybalka 2017 - Rybalka A.A. Sem' nevest tirana Ivana (A.I. Sulakadzev i zheny Ivana Groznogo) [Seven brides of the tyrant Ivan (A.I. Sulakadzev and the wives of Ivan the Terrible)], in: Istoricheskaya ekspertiza [Historical examination], 2017, No. 2 (11) [in Russian].

SGGD 1819 - Sobranie gosudarstvennykh gramot i dogovorov [Collection of state charters and agreements], Vol. II, Moscow, 1819 [in Russian].

SGGD 1822 - Sobranie gosudarstvennykh gramot i dogovorov [Collection of state charters and agreements], Vol. III, Moscow, 1822 [in Russian].

Shaum 1847 - Shaum Matvey. Tragoedia Demetro-Moscovitica [Demetro-Moscovitica (translated by K.M. Obolensky)], in: Chteniya v imperatorskom obshchestve istorii i drevnostey Rossiyskikh [Readings in the Imperial Society of Russian History and Antiquities], No. 2, M., 1847 [in Russian].

Shcherbakov 1771 - Shcherbakov M.M. Letopis' o mnogikh myatezhakh i o razorenii Moskovskogo gosudarstva ot vnutrennikh i vneshnikh nepriyateley i ot prochikh togdashnikh vremen mnogikh sluchaev [A chronicle of many rebellions and the ruin of the Moscow state from internal and external enemies and from other many cases of that time], St. Petersburg, 1771 [in Russian].

Shcherbatov 1771 - Shcherbatov M.M. Letopis' o mnogikh myatezhakh i o razorenii Moskovskogo gosudarstva [A chronicle of many rebellions and the ruin of the Moscow state], St. Petersburg, 1771 [in Russian].

Sheremetev 1902 - Sheremetev S.D. Tsarevna Feodosiya Fedorovna (1592-1594) [Princess Feodosia Feodorovna (1592-1594)], St. Petersburg, 1902 [in Russian].

Skrynnikov 1983 - Skrynnikov R.G. Ivan Groznyy [Ivan the Terrible], Moscow, Publishing house “Science”, 1983 [in Russian].

Smirnov 1854 - Smirnov S.K. Tserkovno-istoricheskiy mesyatseslov Svyato-Troitskoy Sergievoy Lavry [Church-historical monthly book of the Holy Trinity Sergius Lavra], Moscow, 1854 [in Russian].

Stadnitskiy 1906 - Stadnitskiy Martin. Istoriya Dmitriya tsarya Moskovskogo i Mariny Mnishek, docheri Sandomirskogo voevody, tsaritsy [The story of Dmitry, Tsar of Moscow, and Marina Mnishek, daughter of the Sandomierz voivode, Tsarina], in: Russkiy arkhiv [Russian Archive], Moscow, 1906, No. 6 [in Russian].

Tatishchev 2005 - Tatishchev V.N. Istoriya Rossiyskaya [Russian history], Vol. 3, Moscow, 2005 [in Russian].

Taymasova (a) 2010 - Taymasova L.Yu. Zel'e dlya gosudarya [Potion for the Sovereign], Moscow, 2010 [in Russian].

Taymasova (b) 2010 - Taymasova L.Yu. Knyaz' Vladimir Staritskiy: v shage ot prestola [Prince Vladimir Staritsky: one step away from the throne], in: Novyy istoricheskiy vestnik [New Historical Bulletin], 2010, No. 23 [in Russian].

Taymasova 2012 - Taymasova L.Yu. Taynyy brak tsarya Vasiliya Shuyskogo i «syn ego docheri» [The secret marriage of Tsar Vasily Shuisky and "the son of his daughter"], in: Novyy istoricheskiy vestnik [New Historical Bulletin], 2012, No. 31 [in Russian].

Taymasova 2022 - Taymasova L.Yu. Khrustal'nyy krest korolevy Livonii: Eshche raz ob atributsii portreta Marii Vladimirovny Staritskoy [Crystal cross of Queen Livonia: Once again about the attribution of the portrait of Maria Vladimirovna Staritskaya], in: Istoricheskiy format [Historical format], 2022, No. 1 (29) [in Russian].

Tikhomirov 1941 - Tikhomirov M.N. Maloizvestnye letopisnye pamyatniki XVI v. [Little-known chronicle monuments of the 16th century], in: Istoricheskie zapiski [Historical notes], Vol. 10, Moscow; Leningrad, 1941 [in Russian].

Timoshchuk 1899 - Timoshchuk V.V. Novye dannye o pervom Samozvantse [New information about the first Impostor], in: Russkaya starina [Russian antiquity], Vol. 99 (July), 1899 [in Russian].

Titov 1898 - Titov A.A. Akty Nizhegorodskogo Pecherskogo Voznesenskogo monastyrya [Acts of the Nizhny Novgorod Pechersk Ascension Monastery], Moscow, 1898 [in Russian].

Titov 1907 - Titov A.A. Zapiski Stanislava Nemoevskogo (1606-1608 gg.) [Notes of Stanislav Nemoevsky (1606-1608)], Moscow, 1907 [in Russian].

Titov 1910 - Titov A.A. Iz l'vovskogo arkhiva knyazya Sapegi. Pis'ma L'va i Andreya Sapeg k knyazyu Khristoforu Radzivillu [From the Lviv archive of Prince Sapieha. Letters from Lev and Andrei Sapega to Prince Christopher Radziwill], in: Russkiy arkhiv [Russian Archives], 1910, No. 11 [in Russian].

Tsvetaev 1878 - Tsvetaev D. Mariya Vladimirovna i Magnus Datskiy [Maria Vladimirovna and Magnus of Denmark], in: Zhurnal Ministerstva narodnogo prosveshcheniya [Journal of the Ministry of Public Education], No. 4 (March), 1878 [in Russian].

Tsvetaev 1905 - Tsvetaev D.V. Plenenie tsarya Vasiliya Shuyskogo s brat'yami [Captivity of Tsar Vasily Shuisky and his brothers], in: Zhurnal ministerstva narodnogo prosveshcheniya [Journal of the Ministry of Public Education], No. 359 (May-June), 1905 [in Russian].

Ul'yanovskiy 1993 - Ul'yanovskiy V.I. Rossiyskie samozvantsy: Lzhedmitriy I [Russian impostors: False Dmitry I], Kyiv, 1993 [in Russian].

Uspenskiy 1997 - Uspenskiy B.A. Svad'ba Lzhedmitriya [Wedding of False Dmitry], in: Trudy Otdela drevnerusskoy literatury [Proceedings of the Department of Old Russian Literature], Vol. L, St. Petersburg, 1997 [in Russian].

Ustryalov 1859 - Ustryalov N.G. Dnevnik Maskevicha 1594-1621 [Diary of Maskevich 1594-1621], in: Skazaniya sovremennikov o Dmitrii Samozvantse [Tales of contemporaries about Dmitry the Pretender], Vol. 1, St. Petersburg, 1859 [in Russian].

Valishevskiy 1989 - Valishevskiy K. Smutnoe vremya [Time of Troubles], Moscow, Publishing house IKPA, 1989 [in Russian].

Vereshchagin 1902 - Vereshchagin A.S. Vyatskiy Uspenskiy monastyr' pri prepodobnom Trifone [Vyatka Assumption Convent founded by Revent Triphon], Vyatka, 1902 [in Russian].

Veselovskiy 1963 - Veselovskiy S.B. Likvidatsiya Staritskogo udela i rasshirenie vedomstva Oprichnogo Dvora [Liquidation of the Staritsky inheritance and expansion of the Oprichnina], in: Issledovaniya po istorii oprichniny [Research on the history of the Oprichnina], Moscow, Publishing House of the Academy of Sciences of the USSR, 1963 [in Russian].

Vypiska 1899 - Vypiska iz zapisnoy nastol'noy knizhki N.N. Bantysh-Kamenskogo [Extract from N.N. Bantysh-Kamensky's notebook], in: Sbornik Moskovskogo Glavnogo Arkhiva MID [Collection of the Moscow Main Archive of the Ministry of Foreign Affairs], Vol. 6, St. Petersburg, 1899 [in Russian].

Zabelin 1901 - Zabelin I.E. Razysknoe delo o kazne byvshey tsaritsy Marii Petrovny Shuyskoy [Investigation into the treasury of the former Tsarina Maria Petrovna Shuiskaya], in: Domashniy byt russkogo naroda [Home life of the Russian people], Vol. II, Moscow, 1901 [in Russian].

Zimin 1986 - Zimin A.A. V kanun groznykh potryaseniy [On the eve of terrible upheavals], Moscow, 1986 [in Russian].

Таймасова Людмила Юлиановна
– Волонтер-интерн Европейского отдела библиотеки Конгресса США (Вашингтон, США).

Lyudmila Taymasova
– Volunteer Intern of the European Section of the Library of Congress (Washington, USA).

taimassova@hotmail.com

ЛУКА ДЖОРДАНО В МУЗЕЕ АКАДЕМИИ ХУДОЖЕСТВ

В.-И.Т. Богдан
Научно-исследовательский музей при Российской академии художеств
Россия, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., д. 17
e-mail: veronica_bogdan@mail.ru
SPIN-код: 4595-3331

АВТОРСКОЕ РЕЗЮМЕ
В статье рассказано о картинах неаполитанского художника Луки Джордано, прозванного Фа Престо, хранящихся в собрании старейшего художественного музея России. Они были долгое время неизвестны даже профессионалам-музейщикам. После 1917 и до 2008 года о западноевропейской части коллекции говорить и писать было не принято, редкие выставки из фондов начали проводиться с 1993 года. Только после принципиального изменения концепции постоянной экспозиции, названной «Академический музеум», музей смог дать представление об оставшейся исторической части художественной коллекции. Посетители получили возможность увидеть картины выдающихся западно-европейских художников Гверчино, А.Р. Менгса, А.-М. Кауфман, П.Ф. Мола, Ф. Казанова, Л. Джордано.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: **Лука Джордано, итальянская живопись эпохи барокко, Академия художеств, Музей Академии художеств.**

LUCA GIORDANO AT THE ACADEMY OF ARTS MUSEUM

V.-I.T. Bogdan
The Scientific Research Museum at the Russian Academy of Arts
Russia, 199034, Saint Petersburg, Universitetskaya Embankment, 17
e-mail: veronica_bogdan@mail.ru

ABSTRACT
The article is about paintings by the Neapolitan artist Luca Giordano, nicknamed Fa Presto, kept in the collection of the oldest art museum in Russia. For a long time, they were unknown even to museum professionals. After 1917 and until 2008, it was not customary to speak and write about the Western European part of the collection; rare exhibitions from the storages began to be held since 1993. Only after a fundamental change in the concept of the permanent exposition called the «Academic Museum», the museum was able to give an idea of the remaining historical part of its art collection. Visitors have the opportunity to see paintings by outstanding Western European artists such as Guercino, Anton Raphael Mengs, Angelica-Maria Kauffman, Pier Francesco Mola, Francesco Casanova, Luca Giordano.

KEYWORDS: **Luca Giordano, Italian Baroque painting, Academy of Arts, Museum of the Academy of Arts.**

В собрании Научно-исследовательского музея при Российской академии художеств хранится несколько первоклассных произведений живописца Луки Джордано (1632-1705). Родившись в Неаполитанском королевстве в семье художника, он учился в родном городе у Хосе Риберы, впоследствии в Риме – у Пьетро да Кортона. В «вечном городе» копировал произведения Рафаэля и Микеланджело, в Парме изучал Корреджо, в Венеции – П. Веронезе. Заметный след в его художественном развитии оставило пребывание в Болонье. После окончания росписи плафона во флорентийском палаццо Риккарди, в 1685 году приехал в Неаполь, где выполнил большое количество работ. В 1692 году, уже будучи знаменитым живописцем, едет в Испанию и становится придворным художником Карла II. В 1702 году, как будто предчувствуя скорый уход, вернулся в Неаполь, где успел выполнить росписи сокровищницы Св. Мартина.

Его творчество можно воспринимать как стихийное явление. Он принадлежал к разряду «скорописцев», успев написать огромное количество произведений как в станковой, так и монументально-декоративной живописи. «Его несла какая-то непреодолимая сила творчества и, весь во власти своего вдохновения, он покрывал стены и своды живописью, никогда не обнаруживая ни малейших признаков усталости. Творение Луки не было расчитано на вдумчивое спокойное любование, оно должно было ослеплять, поражать, внушать чувство уважения к хозяину дворца, живущего под сводами, на которых мчались на колесницах, влекомых белыми конями, боги Олимпа, возседали на тяжелых клубах облаков пышные богини и носились среди бешеных потоков света рои аллегорических фигур» – так писал о нем А.Н. Кубе в статье «Лука Джордано в Гатчине» (Кубе 1916: 79-84).

В Музее Императорской Академии художеств произведения Луки Джордано появились с первых лет его существования – с 1758 года, когда Иван Иванович Шувалов передал свою коллекцию из ста картин европейских художников основанному при его деятельном участии первому высшему художественному учебному заведению страны.

Среди первых было и сравнительно небольшое «Явление ангела царю Давиду» позднего периода творчества художника, в 1922 году попавшее в Эрмитаж после расформирования академического музея. Картина и ныне находится в Эрмитаже, наряду с большим количеством европейской живописи, поступавшей из Музея Академии художеств в несколько этапов – с 1919 до начала 1930-х годов. В собрании И.И. Шувалова была также картина «Явление ангела родителям Самсона» школы Джордано. Позднее ее стали приписывать Дж. А. Ладзарини. Сейчас ее местонахождение неизвестно.

При Екатерине II, в 1765 году в Императорскую Академию художеств из Ораниенбаума передано небольшое собрание, составленное для императора Петра III Якобом Штелиным. В числе более, чем сорока картин были и произведения Луки Джордано: «Бегство Париса и Елены», «Семирамида», «Вирсавия в купальне», «Иосиф и Пантефриева жена», «Амнон и Фамарь» (Богдан 2021: 9), «Нептун и Коронида». Три первые работы и поныне находятся в собрании академического музея.

В рукописных каталогах музейного собрания Академии мы находим сведения о еще о двух картинах Луки Джордано. Одна из них – «Минерва избивает гигантов». Точный год ее поступления не выявлен, он берется от первого упоминания в рукописном каталоге собрания А.Г. Ухтомского, составленного в 1818 году – «Каталоге всем вещам, находящимся в ведении библиотекаря». Эта картина, имеющая монограмму автора, находится в постоянной экспозиции «Академический музеум». О местонахождении второй – «Прометей» – мы ничего не знаем. Каталог сохранил лишь сведения о ее размерах, а также о том, что она находилась в одном из экспозиционных залов. (Ухтомский 1858: № 2067).

После 1917 года история академического музея сложилась довольно трагическим образом – он был закрыт и расформирован, а уникальная коллекция раздроблена. Те выдающиеся произведения, на которых учились будущие великие русские художники, переправлялись не только в различные музеи страны, но и в непрофильные организации и учреждения. Западноевропейское искусство попало в основном в Государственный Эрмитаж (откуда частично было продано за границу), произведения отечественной школы и тех иностранных мастеров, которые работали в России – в Русский музей (некоторые впоследствии пересылались в другие музеи страны). Когда в начале 1930-х годов было принято решение восстановить Музей Академии художеств, крупные ленинградские музеи не спешили возвращать ранее полученные ими картины, рисунки, скульптуры. В 1935 году из Эрмитажа начали передавать сперва некоторые копии, а затем и ряд оригиналов. Но у этого процесса была своя особенность – обратно свою историческую коллекцию Академия художеств так и не получила. В основном, Эрмитаж поделился картинами, происходившими из пригородных дворцов (прежде всего, из Гатчинского). Большинство полотен было в плохой сохранности, холсты, накатанные на вал, имели сильные повреждения, прорывы.

После окончания Великой Отечественной войны в Музее Академии художеств открыли собственную реставрационную мастерскую, куда поступили несколько картин для консервации. В их числе было большое полотно Луки Джордано «Избиение младенцев» (250х325 см). Картину дублировали на новый холст, а на лицевую сторону поставили профилактические заклейки. Эта работа проводилась в 1951 году как временная мера до того момента, когда произведение поступит на серьезную длительную реставрацию. Этого по разным объективным и субъективным причинам не случилось до 2022 года. Помимо эрмитажных номеров учета, на обороте произведения стоит номер, указывающий на то, что картина какое-то время находилась в Гатчинском дворце. Но самое интересное нас ждало впереди – когда реставраторы с трудом сняли профилактические заклейки с лицевой поверхности, обнаружился номер, указывающий на то, что это произведение из коллекции Генриха фон Брюля, всемогущего саксонского министра (1700-1763). После его кончины, интерес к собранию проявила Екатерина II и в 1768 году оно было приобретено целиком, а в 1769 году доставлено в Санкт-Петербург.

Наша картина носит явные признаки увлечения творчеством Хосе де Риберы. Это грандиозное полотно с сильно потемневшей живописью завораживает зрителя темпераментом исполнения, контрастом резких теней и света, мятежным духом. Искаженные от страданий лица матерей и злобные лица солдат служат отголоском беспокойной атмосферы, в которой жил художник, когда многие ожидали скорого конца света.

Сейчас картина находится на реставрации, с ней проведен комплекс технико-технологических исследований, подтвердивших подлинность работы и ее авторство. Это не единственное обращение Луки Джордано к теме «Избиения младенцев». Наиболее близким к произведению из академического собрания является полотно из Музея Прадо. Оно практически такое же по размерам, но с менее сложной композицией, и датируется примерно 1663 годом. Интересно, что в правой части испанского полотна художник написал группу из трех фигур – солдат с ребенком и вцепившаяся в него женщина, пытающаяся вернуть своего младенца. Такую же группу из трех человек мы видим в левой части нашей картины.

Среди других произведений, поступивших из Эрмитажа в наш музей, были еще две работы Джордано – подписное полотно «Иисус среди книжников» и «Ринальдо и Армида», включенные в постоянную экспозицию. Последнюю картину знатоки и ценители искусства по праву называли «дивной», предвосхитившей XVIII век. Сюжет взят из поэмы Тарквато Тассо «Освобожденный Иерусалим». В центре композиции чаровница Армида и сидящий у ее ног Ринальдо. Его щит и меч лежат на земле. Вокруг пары – волшебные сады Армиды. В правой части изображены фигуры крестоносцев, от-

правленных Готфридом Бульонским вызволить рыцаря из плена дочери царя Дамаска.

Картины Луки Джордано, входящие в собрание музея, дают представление о разных этапах творчества неаполитанского виртуоза. Несколько произведений войдет в состав масштабной выставки «Лука Джордано в России», запланированной на 2025 год.

Л. Джордано. Избиение младенцев. В процессе реставрации. Научно-исследовательский музей Российской академии художеств

Л. Джордано. Избиение младенцев. Фрагмент. В процессе реставрации. Научно-исследовательский музей Российской академии художеств

Л. Джордано. Минерва избивает гигантов. Научно-исследовательский музей Российской академии художеств

Л. Джордано. Ринальдо и Армида. Научно-исследовательский музей Российской академии художеств

ЛИТЕРАТУРА

Богдан 2021 - Богдан В.-И.Т. Частные коллекции и императорские дары. Музей Академии художеств. Вторая половина XVIII – начало XX века. М.: БуксМАрт, 2021. 288 с.

Кубе 1916 - Кубе А.Н. Лука Джордано в Гатчине // Старые годы: ежемесячник для любителей искусства и старины. 1916. Октябрь-декабрь. С. 79-84.

Ухтомский 1858 - Каталог всем вещам императорской Академии художеств, составленный хранителем музея и членом Академии К.А. Ухтомским. СПб., 1858.

REFERENCES

Bogdan 2021 - Bogdan V.-I.T. CHastnye kollekcii i imperatorskie dary. Muzej Akademii hudozhestv. Vtoraya polovina XVIII – nachalo XX veka [Private collections and imperial gifts. The Museum of the Academy of Arts. The second half of the XVIII – early XX century], Moscow, BuksMArt Publ., 2021, 288 p. [in Russian].

Kube 1916 - Kube A.N. Luka Dzhordano v Gatchine [Luca Giordano in Gatchina], in: Starye gody: ezhemesyachnik dlya lyubitelej iskusstva i stariny [Old Years: A monthly for art and antiquity lovers], 1916, October-December, pp. 79-84 [in Russian].

Uhtomskij 1858 - Katalog vsem veshcham imperatorskoj Akademii hudozhestv, sostavlennyj hranitelem muzeya i chlenom Akademii K.A. Uhtomskim [Catalog of all things of the Imperial Academy of Arts, compiled by the curator of the museum and a member of the Academy K.A. Ukhtomsky], Saint-Petersburg, 1858 [in Russian].

Богдан Вероника-Ирина Трояновна
– Кандидат искусствоведения, член-корреспондент Российской академии художеств, научный сотрудник-хранитель фонда живописи Научно-исследовательского музея Российской академии художеств (Санкт-Петербург, Россия).

Veronica-Irina Bogdan
– Candidate in Art History, Corresponding Member of the Russian Academy of Arts, Research Fellow-Curator of the Painting Fund of the Research Museum of the Russian Academy of Arts (St. Petersburg, Russia).

veronica_bogdan@mail.ru

РОДСТВЕННЫЕ КОЛЛЕКТИВЫ ВЫЖИВАНИЯ КУБАНСКИХ КАЗАКОВ

И.Ю. Васильев
Научно-исследовательский центр традиционной культуры
«Кубанский казачий хор» (Краснодар, Россия)
e-mail: ivasee@mail.ru
SPIN-код: 8437-3902

АВТОРСКОЕ РЕЗЮМЕ
Родственные коллективы выживания обеспечивали физическое воспроизводство кубанского казачьего социума. Также они были производственными ячейками, создававшими жизненно необходимые материальные блага (прежде всего – продукты питания). Родственные коллективы выживания транслировали культурные традиции, например, фольклор. Семейные группы также помогали своим членам выживать в трудных условиях, буквально спасали им жизнь. Поэтому крайне важна была их верность друг другу. Они также должны были обеспечивать родственникам психологический комфорт, в частности – чрез праздничный досуг. Последняя составляющая иногда входила в противоречие с необходимой для успешного ведения хозяйства чёткой иерархией и порой большим числом членов многопоколенной семьи, живущих под одной крышей. Но так или иначе эти трудности преодолевались. Например, через нормативный семейный раздел, когда молодая семья оставалась внутри сети родственных ей коллективов. По семейным коллективам выживания серьёзно ударило ослабление их хозяйственной, производственной функции во второй половине XX в.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: родственные коллективы, коллективы выживания, Кубань, кубанские казаки.

KINSHIP SURVIVAL COLLECTIVES OF KUBAN COSSACKS

Igor Vasilyev
Research Center of traditional culture
«The Kuban Cossack chorus» (Krasnodar, Russia)
e-mail: ivasee@mail.ru

ABSTRACT
Kinship survival collectives ensured physical reproduction of the Kuban Cossack society. They were also production cells that created vital material goods (primarily food). Kinship survival groups transmitted cultural traditions, such as folklore. Family groups also helped their members to survive in difficult conditions, literally saving their lives. Therefore, their loyalty to each other was extremely important. They also had to provide psychological comfort to the relatives, in particular through festive leisure. The latter component sometimes conflicted with the clear hierarchy necessary for successful farming and sometimes with a large number of members of a multigenerational family living under one roof. But one way or another these difficulties were overcome. For example, through a normative family division, when a young family remained within a network of the kinship collectives. Kinship survival collectives were seriously affected by the weakening of their economic and production functions in the second half of the 20th century.

KEYWORDS: kinship collectives, survival collectives, Kuban, Kuban Cossacks.

Основой полноценного культурного и социального воспроизводства, сохранения любого общества являются коллективы выживания. Рассмотрим их специфику на примере дореволюционной традиции одного из регионов – Кубани. В данном случае преимущественно будет уделено внимание традиции кубанских казаков (субэтнос русского народа) с привлечением материалов других о жизни других восточных славян региона.

Что такое коллектив выживания? Это – минимальная группа людей, могущих совместно обеспечить своё существование, пользуясь услугами посторонних в минимальной степени. Основная цель коллектива выживания – культурное и физическое самосохранение и воспроизводство. Коллектив выживания – частный случай контактной группы. Его члены лично взаимодействуют друг с другом.

Такова характеристика коллектива выживания как идеального типа. На деле реальные коллективы выживания чаще всего активно сотрудничают друг с другом в рамках сетей коллективов, они выполняют только часть функций, необходимых для поддержки членов коллектива.

Другая важная характеристика коллектива выживания – это посредник между семьёй (отдельным человеком) и обществом в целом (народом, государством).

Коллектив выживания амортизирует давление на человека государственных и прочих структур, помогает человеку защититься от произвола сильнейших, пережить трудные времена, экономические и социальные кризисы и пр.

Такой коллектив требует от человека соблюдения неких установленных в нём моральных норм, совместной деятельности на благо всего коллектива и других его членов.

Коллективы выживания, как правило, объединены в какие-либо более крупные структуры. Например, этносы, церкви. Эти объединения строятся, помимо всего прочего, на основе солидарности, общности интересов.

Существует масса различных традиционных видов коллективов выживания. Это группы, организованные по родственному и территориальному принципам, религиозные сообщества. Известны как традиционные, так и модерные виды коллективов выживания, такие как территориальные органы самоуправления и самоорганизации. При этом они отличаются от других видов самоорганизации стабильностью, чаще всего существуют на протяжении жизни нескольких поколений. Различные «краткосрочные» виды самоорганизации могут со временем превратиться в коллективы выживания, но не обязательно.

Достоинство дефиниции «коллектив выживания» – её гибкость, способность учитывать конкретную специфику малых коллективов, происходящие с ними изменения.

Научные исследования в рамках концепции коллективов выживания могут быть весьма разными. Например, направленными на выявление их локальной специфики (преобладания родственного либо территориального начала, роль конфессионального фактора, их взаимодействие; уровень разветвлённости сетей коллективов, специфика взаимодействия с государственными и потестарными структурами, другими видами самоорганизации). Очень важно установить степень автономности коллективов выживания и их сетей, набор выполняемых ими функций. Важно понять роли лидера и большинства членов коллектива выживания, а также принципы разделения – слияния коллективов, создания новых.

Коллективы выживания изучаются в рамках социологических и этнологических / антропологических исследований местных институтов семьи и устойчивых общинных структур, (например, комплекс концепций общинных исследований), методики изучения функционирования социальных сетей с акцентом на их гибкость и изменчивость, локальной и семейной истории. Немаловажен и психологический аспект.

При анализе функционирования коллективов выживания немалое значение имеет изучение конкретных проявлений реципрокации – взаимопомощи, взаимного обмена дарами, услугами, формирования соответствующих стереотипов поведения. А также редистрибуции – накопления части продукта, созданного в той или иной группе и последующего его распределения внутри той же самой группы[1] (Барсукова 2003: 81-122; Васильев 1980: 172-186).

Основным коллективом выживания, обеспечивавшим физическое и культурное воспроизводство социума, у кубанцев была (и есть) семья либо группа семей. Разумеется, вступление в брак считалось обязательным. Поэтому молодые люди брачного возраста, не сделавшие этого, как и во многих других традициях, подвергались осмеянию. На Масленицу им привязывали куски дерева – так называемые «колодки» (Креминская 1990: 186). Прежде всего, этот обычай распространялся на потенциальных женихов, которые и должны были проявить инициативу в деле создания семьи (ПМ КФЭЭ-2008. А/к. 4090. Ст. Некрасовская. Инф.: Бондарев Н.П., 1924 г.р. Иссл.: Васильев И.Ю.). Но также и на потенциальных невест: «-А колодки вязали? -Вязали. Кто замуж не выйдэ» (ПМ КФЭЭ-2002. А/к. 2742. Ст. Воровсколесская. Инф-ты.: Головко Н.Г., 1939 г.р., Передрий Т.Ф., 1938 г.р. Иссл.: Рыбко С.Н.).

Ведь именно семейный коллектив выполнял основные хозяйственные функции: обработку земли, уход за скотом, торгово-предпринимательскую деятельность. Именно совместные усилия семьи позволяли физически выживать её членам (большую часть продуктов питания казаки, как правило, производили в собственном хозяйстве): «Скот держали, лошадей, пахали лошадьми, быками. На самообслуживании люди жили, что приобрёл, то и кушай. Не было, как сейчас магазинов полно»; «Сами себя кормили. В общем, имели четыре пары лошадей. Или там быков. Барашек много имели. До ста штук. А у некоторых и до двести было. Обнаковенно жили. Свою живность имели»; «-А семьи раньше были большие? -Да, были по пятеро (братьев вместе) и живут… А тада было детей много, были собственные хозяева» (ПМ КФЭЭ-2008. А/к. 4090. Ст. Некрасовская. Инф.: Бондарев Н.П., 1924 г.р. Иссл.: Васильев И.Ю; ПМ КФЭЭ-2008. А/к. 3959. Ст. Суздальская. Инф.: Белобородов Г.В., 1929 г.р. Иссл.: Васильев И.Ю.; ПМ КФЭЭ-1986. А/к. 153 (I). Ст. Воронежская).

Лучше всего хозяйственную функцию могли выполнять большие многопоколенные семьи с многочисленной, уже вошедшей в силу молодёжью. В таких семьях было больше работников, они могли накапливать больше продуктов, денег и вещей, необходимых для полноценной жизни, выполнения обязанностей перед обществом, помощи другим людям. Особенно важно было количество мужчин в семье. Они были основными работниками, к тому же земельные паи для казаков полагались только мужчинам: «Было тяжко робыть. При единоличном хозяйстве. Давалы земли на мужика. Дэсять гектаров. На женщин не давалы. Шесть мужикив у нас было. Две или три невистки вси вмисте работалы. Ве-

1 Коллектив выживания / Электронный ресурс: https://traditio.wiki/Коллектив_выживания (Дата обращения - 20.11.2022); Community studies / Электронный ресурс: https://en.wikipedia.org/wiki/Community_studies (Дата обращения - 20.11.2022); Социальная сеть (социология) / Электронный ресурс: https://ru.wikipedia.org/wiki/Социальная_сеть_(социология) (Дата обращения - 20.11.2022); Теория возникновения социальной помощи / Электронный ресурс: https://studme.org/13761025/sotsiologiya/teoriya_vozniknoveniya_sotsialnoy_pomosch (Дата обращения - 20.11.2022).

лыки семьи были»; «При единоличной жизни они, 6 неженатых сыновей жили вместе. Было 3 пары быков»; «-А легче жить большими семьями, или лучше муж с женой и их дети? -Ну конечно! Та да ж отдельно, единолично жили. Поедут на поле – раз и убрали хлеб!»; «И папа женатый был, и дядя женатый был. И вси вместе жили»; «Сколько детей и невестки. И у невесток дети… И дети, и внуки вмести рожались»; «Братья женилися, были невестки, у невестках дети были. Все вместе жили. Отец ушёл из жизни в двадцать первом году, в террор. Мама осталася вдовою. Мы были маленькие, (но) все слушались друг дружку. Так и хозяйнували, жили до тридцать третьего года» (ПМ КФЭЭ-1992. А/к. 244. Ст. Березанская. Инф-ты.: Бондаренко М.С., 1915 г.р., Фисенко И.С., 1910 г.р. Исс-ли.: Горбань А.Е., Зуб Е.В.; ПМ КФЭЭ-1995. А/к. 784. Ст. Новодмитриевская. Инф.: Каменев П.И., 1912 г.р. Иссл.: Самовтор С.В.; ПМ КФЭЭ-1992. А/к. 317. Ст. Мартанская. Инф.: Спиридонова Е.М., 1917 г.р. Иссл.: Кременская В.Ю.; ПМ КФЭЭ-1992. А/к. 233. Ст. Платнировская. Инф.: Саночкина В.М., 1922 г.р.; ПМ КФЭЭ-2007. А/к. 3739. Ст. Раздольная. Инф.: Чернявская М.Т., 1914 г.р. Иссл.: Бондарь Н.И.; ПМ КФЭЭ-1993. А/к. 397. Ст. Ленинградская. Инф.: Пручай Е.И., 1918 г.р. Исс-ли.: Буланкин А.А., Бабицкий В.В.).

Маленькая семья обычно подразумевала бедность, а с увеличением её трудоспособных членов приходил достаток: «Кто как сумел, так и жил. У кого большая семья – помогали хорошо. А у кого, как мы жили, одна мать работала. Не забогатеешь»; «У мамы было десять сёстр (сестёр – И.В.). А брат один был, одиннадцатый. Фамилия Белоус у мамы была… Брат у них был один, Иван… А у Пручаи´в, бабушки с дедушкой, один сын был. А мама у мэ´нэ Белоусивна. Так шо из большой семьи (мать Е.И. Пручай) пришла в маленькую семеечку. Они одиноко жили, шо они могли держать? Земелечку отдавали (в аренду), хтось обрабатывал – привезуть (часть урожая). А когда отец на маме женывся – уже пошли детки. И уже начали (жить лучше). Сеялку, веялку, коней купили. И уже начали чуть-чуть хозяйнувать, для себя» (ПМ КФЭЭ-2008. А/к. 4055. Ст. Новолабинская. Инф.: Филипская Е.Д., 1932 г.р., Иссл.: Васильев И.Ю.; ПМ КФЭЭ-1993. А/к. 397. Ст. Ленинградская. Инф.: Пручай Е.И., 1918 г.р. Исс-ли.: Буланкин А.А., Бабицкий В.В.).

Для единства и эффективного функционирования казачьей семьи важна была организованность и дисциплина. Она обеспечивалась за счёт иерархии статусов, когда старший по возрасту был выше младшего, мужчина – женщины: «-Как относились к невесте в доме жениха? -Смотря как где. Должны относиться как к дочери. А тёща должна относиться к жениху как к сыну. И раньше так было – первым делом подняться, поздороваться. “Папа, мама” назвать»; «-(Т.П.) Все в одной хате живуть, а щас (в наше время) – нет!.. -А если несколько семей – всё равно батьке подчиняются все? – Все! -А из невесток кто была старшая, кто младшая – подчинялись? – Подчинялися! Старший сын – старша невистка, мэньший сын – младша невистка. Батьки не було – старший сын был руководитель. -А младшая невестка старшей подчинялась? -Подчинялась. Маты була стара – так та руководыла. -А ноги мыли казакам? -(Н.И.)Мыла жинка ноги человику (мужу). Цэ у богатих!»; «Рассказывала бабушка, чтоб невестка крикнула на мать, Боже упаси! Все подчинялись! “Маменька, что мне делать?”. Одной невестке одно снарядит, другой – то. Так бабушка и жила. Сказали родители, что породнимся – всё! -А бабушка с дедушкой дружно жили? -Дружно, но всё-таки как-то… В общем, мне нравится ихний закон. -А жена с мужа сапоги снимала? -А как же! Да! По-казачьи всё! И дети слушались» (ПМ КФЭЭ-2007. А/к. 3763. Ст. Раздольная. Инф-ты.: Немцов А.И., 1924 г.р.; Немцова А.Н., 1928 г.р. Иссл.: Щербатюк Р.С.; ПМ КФЭЭ-1993. А/к. 433. Ст. Крыловская. Инф-ты.: Сыч Т.П., 1930 г.р.; Конник Н.И., 1900 г.р. Исс-ли.: Бутко Е.А., Бабицкий В.В.; ПМ КФЭЭ-2008. А/к. 4030. Ст. Тенгинская. Инф.: Латынина Р.Т., 1929 г.р. Иссл.: Васильев И.Ю.).

Сложные, иерархически устроенные семьи были на Кубани отнюдь не только у казаков: «Вот они жили два сына и отец с матерью. Землю обрабатывали. Управлял отец – мать, невестки подчинялись. Она была хозяйкой и отец командовал! Жили в достатке, лучше казаков! Лучше казаков были, богаче» (ПМ КФЭЭ-2008. А/к. 4090. Ст. Некрасовская. Инф.: Бондарев Н.П., 1924 г.р. Иссл.: Васильев И.Ю.).

Старожилы не раз подчёркивали контраст семейных отношений в прежние времена с современностью: «Семьи по восемь невисток булы´! И слухалы вси! А щас одна, и то не мырятся (конфликтует со свекровью, друг с другом), а если дви, то и балакать нычо´го!.. А тоди хороша дисциплина була! Старшего (обидеть) – Боже сохрани!» (ПМ КФЭЭ-1992. А/к. 279. Ст. Старолеушковская. Инф-т.: Трощий М.Я., 1907 г.р. Иссл.: Чмырёва И.Ю.).

Но при этом огромное значение имели личный авторитет и организаторские способности. Семья с сильным, всеми признанным лидером обычно преуспевала: «Дедушка посажал всех. Три сына женатых, внуки и зятья жили вместе. Дедушка был хозяин, батько. “Митька, запрягай быков. Бери девчат, ту, ту, ту. Вот туда езжай. А ты лошадей запряжи. Вот туда, туда”» – рассказал А.М. Писарев о такой семье (ПМ КФЭЭ-1998. А/к. 1533. Ст. Сторожевая. Инф.: Писарев А.М., 1918 г.р. Иссл.: Рыбко С.Н.).

В хороших семьях жены подчинялись мужьям «не за страх, а за совесть». «Он для неё (отец для матери) воспитатель и учитель» – подчеркнула старожилка станицы Нижегородской М.Ф. Перепелица (ПМ КФЭЭ-2003. А/к. 2950. Ст. Нижегородская. Инф.: Перепелица М.Ф., 1924 г.р. Иссл.: Рыбко С.Н.). Однако в семье женщина имела достаточно большие возможности для повышения статуса. Их давали возраст, количество детей и самое главное, волевые и деловые качества (Мануйлов 1998: 44-46).

Но далеко не всегда она могла проявить их в большой семье, где она не была самостоятельной хозяйкой. Бедным родственникам, живущим в чужих семьях, жилось порой особенно трудно: «А у родни как в работниках жила. Дали тёлку на премию. Пошли, продали. Платок мне купили. Пошла в клуб. Жила-жила, на их работала. Потом другий дядька сказал: “Сколько ты так будешь жить!?”. Помоглы, ремонт сделалы. И она в свою хату перешла. А то восемь чи девять лет проробыла на их»; «Она осталась единственная одна. У своей тётки. У тёт-

ки своих детэй богато было. Когда они поедят, тарелки повылизуе. Так и жила» (ПМ КФЭЭ-2007. А/к. 3772. Хутор Верхний. Инф.: Лукина Е.Н., 1945 г.р. Исс-ли.: Скиба Д.А., Борейко А.Г.; ПМ КФЭЭ-2007. А/к. 3708. Ст. Дядьковская. Инф-ты.: Логвин М.Г., 1929 г.р.; Логвин М.Е., 1928 г.р. Иссл.: А.И. Зудин). Поэтому отдельно живущая малая семья могла быть более предпочтительной, несмотря на материальные трудности: «Есть семья самостоятельная (живущая отдельно). А есть и золовки не взлюбили, и свекруха такая попадается, такая не такая» (ПМ КФЭЭ-2008. А/к. 4057. Ст. Новолабинская. Инф.: Сопелкина М.П., 1924 г.р. Иссл.: Васильев И.Ю.).

Поэтому существовал отработанный алгоритм семейных разделов, когда малая семья отделялась от большесемейного коллектива, меняла свою локализацию, оставаясь в рамках родственного коллектива выживания либо сети коллективов (в зависимости от степени интеграции с другими родственными семьями). У отделяющейся семьи должно было быть достаточно имущества и рабочих рук: «Дядю мого дедушка отделял. Семейство было. Детворы у нас трое, у них четверо. А отца мого, и у дяди четверо. И большие хлопцы были, и мы ж уже порядочные. Раньше жили так. -А когда отделяли, что-нибудь давали с собой? -А как же! Корову давал. Пару, тада быки больше были. Пару быков, делижан (транспортное средство) – всё, всё полностью. Отделяли сына – дом сделали, всё готово. Молебен служат… Кропить, а тада уже сына провожают у дом. И сразу так. Вот новый дом. Священника покличуть, посвятять этот дом. Тада, значить сына провожають, идёть дедушка и с бабушкой. Хлебину хлеба несуть и икону, его благословение. Вот дядя мой. Выносит соль, хлеб. И благословение. И говорит: “Вот, сынок, я Господом-Богом тебе отделяю. Хай Господь хранит Вас во всех путях ваших! И дарю я тебе пару быков, волов, дилижан, корову с тел ком, пять штук барашек, свиню, кабана. И полностью отделяю Вас”. Да, сразу отделил и всё. -А скажите, отделялись только потому, что тесно было? Или бывало отделялись, потому, что отношения какие-то плохие? -Нет, таких отношений не было. Потому, что дедушка-хозяин командовал ими. Если сын отделится, то всё. Никакого спору не было тада, ничего»; «-Женывся, батько отделяет? -Да. Положено так по закону. Дэлыть всэ хозяйство. Пару конэй, пару волив. Хату купувалы или строили»; «И семьи были большие! Вот у нашего папы, у них было восемь душ, а он был самым младшим. Все жили вместе! Когда придёт черёд, мы тебя отделим, а так мы не можем тебя выкинули за ворота и всё. Семейно строили, семейно отделяли, а не так – туда-сюда разошлись, кинули» (ПМ КФЭЭ-1992. А/к. 318. Ст. Мартанская. Инф.: Панченкина Г.Т., 1911 г.р. Иссл.: Креминская В.Ю.; ПМ КФЭЭ-2007. А/к. 3774. Хутор Казачий Малёванный. Инф-ты: Диденко Г.А., 1918 г.р., Диденко В.А., 1920 г.р. Иссл.: Бондарь Н.И.; ПМ КФЭЭ-2008. А/к. 4088. Ст. Некрасовская. Инф.: Протасова Р.С., 1936 г.р. Иссл.: Васильев И.Ю.).

Иногда многочисленные родственные сети коллективов выживания становились одновременно и территориальными. Места их компактного расселения могли занимать целые проулки, улицы, даже края станицы: «И старые, и деточки вырастали, кто был. Уже они сообщались, уже как-то делали по порядку (родственники жили рядом друг с другом)»; «То семья у Кушнарёвых большая была, они все рыжие. Головы рыжие у них были. Рыжий край так и прозвали… “С Рыжего Краю пришли!”» (ПМ КФЭЭ-1993. А/к. 398. Ст. Ленинградская. Инф.: Пручай Е.А., 1918 г.р. Исс-ли: Буланкин А.А., Бабицкий В.В., Бутко Е.А.; ПМ КФЭЭ-2008. А/к. 4055. Ст. Новолабинская. Инф.: Самородова Р.Д., 1922 г.р. Иссл.: Васильев И.Ю.).

Родственников, как живущих по соседству, так и в отдалении друг от друга, объединяли праздники и связанные с ними обычаи. Особенно – традиция ношения кутьи (обрядовое блюдо из зерна) своим родным, причём не только по крови: «-На Рождество за стол сажали родственников или ещё кого? -Больше родственников. -А кому кутью носили? -Бабушке, дедушке, крёстным. Да и соседям»; «Дети несуть своим кресным. Ну, это и дети родителям тоже можут. Поженилися, и маму-папу (надо проведать). Понесём им кутью»; «Кутю варили. Носили в первую очередь крёсным. А потом уже тёткам, дядькам»; «-А кому носили вечерю (другое название кутьи)? -Крёстным. Они пирижок в ответ давали. И своей кути положут. Знакоми если есть. Тому несуть. Бабушке, дедушке. Тёте, дяде» (ПМ КФЭЭ-2010. А/к. 4200. Ст. Сергиевская. Инф.: Борисенко А.А., 1938 г.р. Иссл.: Васильев И.Ю.; ПМ КФЭЭ-2010. А/к. 4237. Ст. Мартанская. Инф.: Кацеба Е.Г., 1926 г.р., Иссл.: Васильев И.Ю.; ПМ КФЭЭ-2007. А/к. 3744. Ст. Раздольная. Инф.: Субачева Н.И., 1929 г.р. Иссл.: Зудин А.И.; ПМ КФЭЭ-2007. А/к. 3791. Ст. Журовская. Инф.: Роговская Т.Д., 1926 г.р. Иссл.: Дианова Н.Ф.).

Родственники также часто ходили друг к другу в гости по большим праздникам, например, на Рождество и Пасху: «-На Рождество своей семьёй сидели или в гости ходили? -Своя семья и родня. Дочки, зятья приезжають, разговляются. На Паску разговляются, и на Рожество. Приехали, разговелись. Потом едут кто куда. Гулять до кого-то»; «Бывало, что ходили (в гости на Пасху). Бывало, что и до тебя гости. Бывает, мы пойдём. Но только до близких, до родных. Например, до мене дочка с зятем или сын с невесткой придут» (ПМ КФЭЭ-2007. А/к. 3744. Ст. Раздольная. Инф.: Субачева Н.И., 1929 г.р. Иссл.: Зудин А.И; ПМ КФЭЭ-2008. А/к. 4059. Ст. Новолабинская. Инф.: Кравченко М.А., 1924 г.р. Иссл.: Васильев И.Ю.).

Особым праздником была свадьба – создание новой семьи. Она много значила не только для родных жениха и невесты, но и для всего локального социума. Особым обрядом, который, помимо прочего, укреплял его единство, было приглашение на свадьбу, сопровождавшееся вручением обрядового хлеба – «шишек»: «-На свадьбу со стороны невесты кого приглашали? -Соседей, родню всю»; «На свадьбу тада всех зовут. Соседей, знакомых»; «Невеста, тада пэрва идэ невеста. И с дружкою. И это с шишка´мы. Идэ, прыглашае на свадьбу. До кого в хату заходэ, приглашае. И дае шишки»; «Собирались не так, шо одни приглашонни. Всей станыцей идуть на свайбу смотреть. И танцюють все на дворе» (ПМ КФЭЭ-2007. А/к. 3733. Ст. Дядьковская. Инф-ты.: Слуцкая А.Н., 1938 г.р.; Кияшко Е.М., 1937 г.р. Иссл.: Щербатюк Р.С.; ПМ КФЭЭ-2010. А/к. 4237. Ст. Мартанская. Инф.: Горбачёв И.А., 1927 г.р. Иссл.: Васильев И.Ю.; ПМ КФЭЭ-2010. А/к. 4261. Ст. Имеретинская. Инф.: Гапченко В.А., 1930 г.р. Иссл.: Васи-

льев И.Ю.; ПМ КФЭЭ-2007. А/к. 3789. Ст. Журовская. Инф.: Серочинская З.С., 1927 г.р. Иссл.: Логвинова В.А.).

Столь высокая значимость семьи объяснялась тем, что она не только обеспечивала физическое воспроизводство социума и создавала его хозяйственную основу, но содержала тех его членов, которым было трудно обеспечить себе пропитание – стариков, детей, вдов: «Старих людэй раньше докармливалы сини и дочкы. Если нет сына – дочкы»; «-Если родители умерли, кто за детьми смотрел? -Больше усыновляли. Крёстные – они как родили. Вроде, должны быть. Попадало и так, что крёстные. И у кого нету детей – забирали. Милосердней были люди. Нельзя было деток бросить. Чтоб блукали (здесь – бродяжничали) дети, как щас есть – не было»; «-Вдова оставалась в семье мужа, или уходила? -Оставалися вроде там. Не бросали. Может, и оделяли ей чего. Домик её могли построить. Так чтоб выкинули, бросили – не было. Тогда как-то понимали, помогали. Какие-то душевные были. С чистой душой» (ПМ КФЭЭ-2010. А/к. 4260. Ст. Имеретинская. Инф.: Мирошниченко Е.Е., 1919 г.р. Иссл.: Рыбко С.Н.; ПМ КФЭЭ-2007. А/к. 3744. Ст. Раздольная. Инф.: Субачева Н.И., 1929 г.р. Иссл.: Зудин А.И.; ПМ КФЭЭ-2007. А/к. 3744. Ст. Раздольная. Инф.: Субачева Н.И., 1929 г.р. Иссл.: Зудин А.И.).

Именно поддержка родственников помогла многим кубанцам выжить в тяжелые годы первой половины XX в., когда выжить было нелегко даже взрослым дееспособным людям: «А нас уже семь душ было у мамы. Отец уже с войны пришёл. «Знаешь мать, там немножко крупы кукурузной. Передели её! И отнеси сестре. Пусть Маруська отнесёть»; «Ну, а выжилы воны за счёт моей мамы. “Дай баночку крупы, иначе диты помирают”. Так они ж маме ридны племенникы – мама давала. Кондёру наварэ – и давала. Хлебали его. Так и выжили»; «Сорок четвёртый год – тоже тяжело было. Я паёк давал на всих. За два раза съедали. Было две сестры – доярки в станице» (ПМ КФЭЭ-2008. А/к. 3967. Ст. Имеретинская. Иссл.: Щербатюк Р.С.; ПМ КФЭЭ-2007. А/к. 3797. Ст. Платнировская. Инф-ты.: Махно В.Я., 1940 г.р.; Гедзик Г.Т., 1940 г.р. Иссл.: Зудин А.И.; ПМ КФЭЭ-2010. А/к. 4208. Ст. Платнировская. Инф.: Бенедюк С.С., 1920 г.р. Иссл.: Матвеев О.В.).

Немало станичников в то время росло воспитывалось в семьях братьев и сестёр своих родителей: «Я жила у дяди у свого. У мени мамка была в тюрьми. А мени бабушка взяла, вона жила с сыном. И у их было своих двое девчат. И мени туды взялы. А тётка, ну, невистка, дядина жена, работала, амбарами заведовала в ти года. И в войну, и после войны, и всегда. И в сорок седьмом. Она в колхози кладовщиком была. А там всэ было, и мука, и перловка, и пшено и всэ-всэ. И мы жилы, дядя на войни був. И мы жилы цэ то, бабушка, их дви девчат, я и невестка бабушкина. И воно то всим обеспечала!»; «-А вы тётю слушались? -Что Вы! Я её мамой называла! Не тётя, не дядя, папаня, мать! Отец в тридцать восьмом пришёл, его два года продержали (в тюрьме)»; «А у нас мамка умерла, а тётка нас возрастала» (ПМ КФЭЭ-2010. А/к. 4245. Ст. Имеретинская. Инф.: Якуня Е.А., 1938 г.р. Иссл.: Бондарь Н.И.; ПМ КФЭЭ-2008. А/к. 4057. Ст. Новолабинская. Инф.: Сопелкина М.П., 1924 г.р. Иссл.: Васильев И.Ю.; ПМ КФЭЭ-2007. А/к. 3708. Ст. Дядьковская. Инф-ты.: Логвин М.Г., 1929 г.р.; Логвин М.Е., 1928 г.р. Иссл.: А.И. Зудин).

Но прочные родственные коллективы выживания и их сети не только обеспечивали взаимную поддержку своих членов. Повседневное общение с родителями, другими старшими родственниками, их друзьями способствовало усвоению фольклора. Причём главную роль здесь играло стремление подражать старшим, а не целенаправленное обучение: «-Вы от мамы слышали какие-то песни? -Да, и от мамы. Старые-престарые. Любимая песни моего папы. Как собирались, первую песню эту поёт. Про журавля. Старинная песня. Родители когда собирались – пели. А мы учились»; «Бывало, папа-мама сидять. Мама там вяжеть это. А отец кукурузку там мнэ. И мы з ним мнэм. И тада тоже было спивалы какие-нибудь песни. Нам вона так хорошо запомнилася “Калына-малына…”. Не, цэ провожальная. А “Калына-малынушка”»; «-А как раньше песни учили? -(С.С.) Сбираются бэ´сэды гулять. Мы, мали, сидэмо´ на пичи. Нас позагоняють на пичь. А ти сыдять, спивають! И мы, дити, сходымость и начинаем спивать. Старши нас поправлять, хто сыдять коло нас. “Ны туды тягнэтэ!”. Постэпенно сами по соби научилысь. Не то шо там ходилы мы у школу. Я ж ходыла у школу, уже ж ны вчилы тэх песнэ´й старинных! -А мама вас не учила, специально рядом с собой не усаживала? -Прядуть, спивають, а мы учимось. У нас три невистки було. И батько спивает, и сами´ спивают, и невестки´ все спивалы. Те прядут, а батько на мотовиле мотаеть, – як грякнуть, лампа тухла! Уси спивалы… Так и училися мы, за матерю за батькой, за невистка´мы. -(П.М.) Родытели в мэнэ спивалы, брат и сестра спивалы» (ПМ КФЭЭ-2007. А/к. 3727. Ст. Дядьковская. Инф.: Ермак Е.М., 1931 г.р. Иссл-ли.: Щербатюк Р.С., Логвинова В.А.; ПМ КФЭЭ-2008. А/к. 3909. Ст. Бакинская. Инф.: Захарченко Е.А., 1937 г.р. Иссл.: Жиганова С.А.; ПМ КФЭЭ-1992. А/к. 279. Ст. Старолеушковская. Инф-ты: Василенко С.С., 1917 г.р., Квантух П.М., 1910 г.р. Иссл.: Зуб Е.В.). Похожим образом происходила и передача исторической памяти: «Бывало, посадимся дочка моя и я. А мама как начнёт рассказывать! “Бабушка, ты всю историю знаешь!” -Я же прожила на этом (здесь), я всё видела!». Мама мне рассказывала» (ПМ КФЭЭ-1992. А/к. № 395. Ст. Ленинградская. Инф.: Пручай Е.И., 1918 г.р. Исс-ли.: Бондарь Н.И., Буланкин А.А., Бабицкий В.В.).

Но первичным для семьи был всё же практический результат отношений между её членами (такой как добрые отношения и отсутствие конфликтов, успешное воспитание детей, зажиточность). Тем более, что, как показала практика, без семейной основы сельскохозяйственного производства духовная культура быстро слабеет и размывается.

Поэтому при создании семьи чувства молодых людей порой не учитывалась. Решающую роль при заключении брака играли родители: «-Это когда парень с девушкой уже договорятся? -Бывало, не договаривались. Родители выбирали. Идут сватать»; «-А супруга ваша местная, имеретинская? -Да. Здеся родилась. Мать её в станице Черноморской. Отцы, когда ещё они служи-

ли, её отец и его отец. И решили, что если дети будут – поженим. У этого дочь родилась. А у этого сын. В одном году. В двенадцатом году родились. И в двадцать девятом году. Или тридцатом, я точно не помню. Поженились. В тридцатом году родилась уже дочь. Получилось так, что одного отца уже не было. У жениха. Он уже умер в 26 году. А этот завет так они и оставили. Детей своих и поженили» (ПМ КФЭЭ-2010. А/к. 4199. Ст. Сергиевская. Инф.: Борисенко А.А., 1938 г.р. Иссл.: Васильев И.Ю.; ПМ КФЭЭ-2010. А/к. 4261. Ст. Имеретинская. Инф.: Гапченко И.К., 1926 г.р. Иссл.: Васильев И.Ю.).

В таких условиях случалось, что жены, брошенные мужьями, оставались жить с их родителями: «Сын ихний ушёл, нас бросил. А дед и бабушка нас не бросили. Мы б подохли б! Спрашиваю: “Мамаша, что будем готовить?”. А та: “Бабушка даст наряд”. И мама двадцать пять лет с ними жила… Так его родителей наша мама и похоронила» (ПМ КФЭЭ-2007. А/к. 3763. Ст. Раздольная. Инф.: Карпенко Н.С., 1920 г.р. Иссл.: Щербатюк Р.С.).

Во многом по причине важности практического результата семейных отношений существует мнение, что в традиционном обществе частную жизнь семьи уважают мало (Кон 2005: 21). Для кубанского казачьего социума это не совсем верно. Представления о замкнутости и автономии семьи были предусмотрены системой ценностей. Но чтобы быть автономной и избежать воздействия извне, семья как раз и должна была соответствовать ценностным критериям. Одним из них была безусловная верность членов семьи друг другу. Особенно это было необходимо в отношениях жены к мужу. Ведь она была ценностным знаменем семьи, символизирующим её достоинство. В то время как муж занимался обеспечением средств существования семьи, руководил её жизнью, отвечал за её место в социальной системе и единство. Поэтому измены жен казакам, находящимся на службе, воспринимались очень остро. В таких случаях супруг бывал не только оскорблён как мужчина, но и чувствовал себя не справившимся со своими обязанностями защитника семейной независимости.

Н.Н. Канивецкий описал случай, когда вернувшийся со службы вахмистр потребовал выселения любовника жены из станицы. Сход согласился с требованием (Канивецкий 1993: 10). В станице Темижбекской второй половины XIX в. ревность была одним из самых распространённых поводов для конфликтов (Передельский 1983: 20-21).

Надо отметить, что на рубеже XIX-XX вв. началось размывание казачьих семейных ценностей. Наиболее ярко это выразилось в снижении авторитета высокостатусных членов семей, стремлении ставить свои интересы выше общих. В станице Темижбекской это проявилось в судебных процессах между родственниками, учащении случаев девиантного сексуального поведения (Передельский 1983: 20-21).

А в 1920-е – 1930-е гг. исследователи отмечали ослабление коллективов выживания кубанских селян, тогда увеличивается число семейных разделов. Становятся более заметными случаи насилия в семье: «-А вдовцы? -Сходылись. Свайбы не было. Детэй не различали. Вмести усэ. Жилы дружно. А потом пошло: “А мачеха, сука”. Суды стали. В Краснодаре. В тридцатых годах. Мачеха взяла хлопца, привезла на пути, привязала... Были и хорошие мачухы. Мало. -А отчимы? -Тоже разны бывалы».

А в условиях роста благосостояния колхозников, увеличения доли денежных выплат в семейном бюджете семьи становились всё более малолюдными. Увеличение возможностей для молодой семьи построить собственный дом также способствовало семейным разделам. По данным переписи 1959 г. средний размер семьи в сельской местности Краснодарского края определялся в 3,6 чел, меньше, чем в среднем по РСФСР. К середине 1960-х гг. резко выросло число повторных и незарегистрированных браков. При этом в 1950-е – 1960-е гг. ещё продолжали существовать традиционные многопоколенные семьи (Кубанские станицы 1967: 122-123, 125, 129, 130, 258, 260; ПМ КФЭЭ-2007. А/к. 3791. Ст. Журавская. Инф.: Стеблина А.Г., 1912 г.р. Иссл.: Дианова Н.Ф.).

Исчезновение традиций, норм, правил и психологических установок, необходимых для поддержания жизнеспособных коллективов выживания наглядно проявилось в динамике разводов. После 1987 г. в Краснодарском крае достаточно быстро растёт число разводов (14 649 в 1987-м и 23 732 в 1988-м). Количество зарегистрированных на Кубани браков в январе-апреле 2018 г. сократилось в сравнении с аналогичным периодом 2017 на 594 пары, или на 5,5%. Число официально оформленных разводов выросло за год на 106 пар, или на 1,3%. В целом по краю на 1000 зарегистрированных пар пришлось 802 распавшейся (в январе-апреле 2017-го – 747)[2] (Шаповалова 2015: 169).

Итак, родственные коллективы выживания обеспечивали физическое воспроизводство кубанского казачьего социума. Также они были производственными ячейками, создававшими жизненно необходимые материальные блага (прежде всего – продукты питания). Родственные коллективы выживания транслировали культурные традиции, например, фольклор. Семейные группы также помогали своим членам выживать в трудных условиях, буквально спасали им жизнь. Поэтому крайне важна была их верность друг другу.

Они также должны были обеспечивать родственникам психологический комфорт, в частности – чрез праздничный досуг. Последняя составляющая иногда входила в противоречие с необходимой для успешного ведения хозяйства чёткой иерархией и порой большим числом членов многопоколенной семьи, живущих под одной крышей. Но так или иначе эти трудности преодолевались. Например, через нормативный семейный раздел, когда молодая семья оставалась внутри сети родственных ей коллективов. По семейным коллективам выживания серьёзно ударило ослабление их хозяйственной, производственной функции во второй половине XX в.

2 Коренев Е. Краснодарстат: На 1000 браков в крае приходится более 800 разводов / Электронный ресурс: https://sochinews.io/2018/06/22/krasnodarstat-na-1000-brakov-v-krae-prihoditsya-bolee-800-razvodov/?ysclid=lrjew2p0ss69439275 (Дата обращения - 20.11.2022).

ЛИТЕРАТУРА

Барсукова 2003 - Барсукова С.Ю. Сетевая взаимопомощь российских домохозяйств: теория и практика экономики дара // Мир России. Социология. Этнология. 2003. № 2. С. 81-122.

Васильев 1980 - Васильев Л.С. Становление политической администрации (от локальной группы охотников и собирателей к протогосударству – чифдом) // Народы Азии и Африки. 1980. № 1. С. 172-186.

Канивецкий 1993 - Канивецкий Н.Н. По станичному приговору // Канивецкий Н.Н. На вершок от счастья. Краснодар, 1993.

Кон 2005 - Кон И.С. Сексуальная культура в России. М., 2005.

Креминская 1990 - Креминская В.Ю. Живая старина станицы Бесленеевской // Кубанский краевед. Краснодар, 1990.

Кубанские станицы 1967 - Кубанские станицы. Этнические и культурно-бытовые процессы. М., 1967.

Мануйлов 1998 - Мануйлов А.Н. Статус женщины в обычноправовой системе казачьей семьи и станичного общества на Кубани (вторая половина XIX – 20-е годы XX века). Армавир; Краснодар, 1998.

Передельский 1883 - Передельский Е. Станица Темижбекская и песни, поющиеся в ней // Сборник для описания местностей и племён Кавказа. Вып. 3. Отд. 2. Тифлис, 1883.

ПМ КФЭЭ - Полевые материалы Кубанской фольклорно-этнографической экспедиции.

Шаповалова 2015 - Шаповалова Я.А. Динамика разводов в Краснодарском крае в 1980-е гг. // Теория и практика общественного развития. 2015. № 11. С. 168-170.

REFERENCES

Barsukova 2003 - Barsukova S.YU. Setevaya vzaimopomoshch' rossijskih domohozyajstv: teoriya i praktika ekonomiki dara [Network mutual assistance of Russian households: theory and practice of gift economics], in: Mir Rossii. Sociologiya. Etnologiya [The world of Russia. Sociology. Ethnology], 2003, № 2, pp. 81-122 [in Russian].

Kaniveckij 1993 - Kaniveckij N.N. Po stanichnomu prigovoru [According to the stanitsa verdict], in: Kaniveckij N.N. Na vershok ot schast'ya [A little bit of happiness], Krasnodar, 1993 [in Russian].

Kon 2005 - Kon I.S. Seksual'naya kul'tura v Rossii [Sexual culture in Russia], Moscow, 2005 [in Russian].

Kreminskaya 1990 - Kreminskaya V.YU. ZHivaya starina stanicy Besleneevskoj [The living antiquity of the village of Besleneevskaya], in: Kubanskij kraeved [Kuban local historian], Krasnodar, 1990 [in Russian].

Kubanskie stanicy 1967 - Kubanskie stanicy. Etnicheskie i kul'turno-bytovye processy [Kuban villages. Ethnic and cultural processes], Moscow, 1967 [in Russian].

Manujlov 1998 - Manujlov A.N. Status zhenshchiny v obychnopravovoj sisteme kazach'ej sem'i i stanichnogo obshchestva na Kubani (vtoraya polovina XIX – 20-e gody XX veka) [The status of a woman in the customary legal system of the Cossack family and village society in the Kuban (the second half of the XIX – 20s of the XX century)], Armavir; Krasnodar, 1998 [in Russian].

Peredel'skij 1883 - Peredel'skij E. Stanica Temizhbekskaya i pesni, poyushchiesya v nej [The village of Temizhbekskaya and the songs sung in it], in: Sbornik dlya opisaniya mestnostej i plemyon Kavkaza [A collection for describing the localities and tribes of the Caucasus], Vol. 3, Part 2, Tiflis, 1883 [in Russian].

PM KFEE - Polevye materialy Kubanskoj fol'klorno-etnograficheskoj ekspedicii [Field materials of the Kuban folklore and ethnographic expedition] [in Russian].

SHapovalova 2015 - SHapovalova YA.A. Dinamika razvodov v Krasnodarskom krae v 1980-e gg. [The dynamics of divorces in the Krasnodar Territory in the 1980s], in: Teoriya i praktika obshchestvennogo razvitiya [Theory and practice of social development], 2015, № 11, pp. 168-170 [in Russian].

Vasil'ev 1980 - Vasil'ev L.S. Stanovlenie politicheskoj administracii (ot lokal'noj gruppy ohotnikov i sobiratelej k protogosudarstvu – chifdom) [The formation of a political administration (from a local group of hunters and gatherers to a proto-state – chiefdom)], in: Narody Azii i Afriki [The peoples of Asia and Africa], 1980, № 1, pp. 172-186 [in Russian].

Васильев Игорь Юрьевич
– Кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Научно-исследовательского центра традиционной культуры «Кубанский казачий хор» (Краснодар, Россия).

Igor Vasilyev
– Candidate of Historical Sciences, Senior research associate of the Research Center of traditional culture «The Kuban Cossack chorus» (Krasnodar, Russia).

ivasee@mail.ru

РЕТРОСПЕКТИВНЫЙ АНАЛИЗ ДЕЛОПРОИЗВОДСТВА В МЕМОРИАЛЬНЫХ МУЗЕЯХ Г. КУЙБЫШЕВА 1980-Х ГГ.

Д.В. Желтоухова
Самарский национальный исследовательский университет
имени академика С.П. Королева
Россия, 443086, Самара, Московское шоссе, 34
e-mail: dina-pomelova@mail.ru
Researcher ID: T-1452-2017
http://orcid.org/0000-0002-8625-0806
SPIN-код: 8240-3300

АВТОРСКОЕ РЕЗЮМЕ
Исследование посвящено ретроспективному изучению делопроизводства в управленческой деятельности мемориальных музеев г. Куйбышева 1980-х гг. Рассматриваются примеры, иллюстрирующие основные принципы и тенденции документирования 1980-х гг., приводятся аргументы в поддержку выводов.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: ретроспективный анализ, делопроизводство, управленческая деятельность, мемориальные музеи, документы.

RETROSPECTIVE ANALYSIS OF RECORD KEEPING IN MEMORIAL MUSEUMS OF KUIBYSHEV IN THE 1980s

Dina Zheltoukhova
Samara National Research University
Russia, 443086, Samara, Moskovskoye shosse, 34
e-mail: dina-pomelova@mail.ru

ABSTRACT
The author performed a retrospective study of record keeping in the management activities of the Kuibyshev memorial museums in the 1980s. Examples illustrating the main principles and trends of documenting in the 1980s are considered, and arguments in support of the conclusions are given.

KEYWORDS: retrospective analysis, record keeping, management activities, memorial museums, documents.

Делопроизводство является важнейшим инструментом управленческой деятельности каждой организации. Особенно актуальным является ретроспективный анализ делопроизводственной практики. Отметим, что в данной статье интерес представляют не факты, зафиксированные в документах, а разбор реквизитов в управленческой документации, анализ составления документов в соответствии с действующими на тот момент ГОСТами в области делопроизводства и архивного дела. Этот вопрос был выбран в качестве экспериментального для анализа развития системы документирования в учреждениях культуры и пробный анализ делопроизводственной ретроспективы. В качестве примера нами были выбраны управленческие документы мемориальных музеев г. Куйбышева 1980-х гг. Отметим, что все персональные данные лиц, работающих в этот период в этих музеях, найденные в документах нами были изменены, либо скрыты.

РЕТРОСПЕКТИВНЫЙ АНАЛИЗ ДЕЛОПРОИЗВОДСТВА

В данном исследовании использованы архивные материалы Самарского (Куйбышевского) филиала Центрального музея им. В.И. Ленина (далее – ЦМЛ) и Дома-музея им. В.И. Ленина. В период 1980-х гг., как, впрочем, и сейчас, этот мемориальный комплекс являлся одним из наиболее популярных мест культурного отдыха для туристов и местных жителей. Отметим, что 1980-е гг. являются знаковыми для музейной деятельности Советского Союза. Это касается как теоретических, так и практических вопросов музейной деятельности. В методологическом плане вторая половина 1980-х гг. является продолжением «музейного бума» 1960-х гг., во многом это связано с увеличением технического оснащения музеев, использованием новых (на тот период) технологий в музейной практике и нестандартных подходах к созданию экспозиций. Например, идеи музееведа Т.П. Полякова, открывающие новые пути восприятия экспозиционного пространства, основанные на худо-

Самарский (Куйбышевский) филиал Центрального музея им. В.И. Ленина. Конец 1980-х гг.

жественно-мифологическом подходе. Поэтому для музейной работы 1980-е гг. явились переломным этапом. Однако, Самарскому филиалу Центрального музея им. В.И. Ленина в этот период приходилось непросто. Отметим, что сначала строительства (конец 1970-х-начало 1980-х гг.) до полной реорганизации и слияния с Куйбышевским краеведческим музеем (1993 г.) прошло совсем немного времени, а между тем Самарский филиал ЦМЛ проектировался как культурный городской и областной центр. Поэтому управленческая деятельность этих учреждений данного периода вызывает особый исследовательский интерес. Стоит отметить, что вопросы делопроизводства в исторической ретроспективе учреждений культуры, а также документальное сопровождение специфических видов деятельности поднимаются крайне редко.

Уже в середине XX века в штат краеведческих и мемориальных музеев г. Куйбышева была включена должность секретаря-машинистки. На момент конца 1980-х гг. в структуру Куйбышевского филиала ЦМЛ была включена канцелярия, куда входили должности: заведующий канцелярией-инспектор по кадрам (СОГАСПИ, Ф. 426, Д. 36, ОП. 3: Л. 19), машинистка филиала (СОГАСПИ, Ф. 426, Д. 36, ОП. 3: Л. 21), секретарь-машинистка (СОГАСПИ, Ф. 426, Д. 36, ОП. 3: Л. 33). Общий штат учреждения включал 48 должностных единиц. Исходя из данных архивных источников, мы можем утверждать, что делопроизводство в музеях имело смешенную форму, с середины XX века была включена специальная должность, специализирующая на документировании управленческой деятельности, а к концу 1980-х гг. в мемориальных музеях выделялось отдельное структурное подразделение, занимающееся делопроизводством, включающее 3-х сотрудников – канцелярия (СОГАСПИ, Ф. 426, Д. 44, ОП. 3: Л. 7).

Нами были изучены дела с управленческими документами и отчетная документация. Из архивных дел с управленческими документами выделим следующие: распоряжения, протоколы совещаний по вопросам застройки мемориальной зоны и строительства филиала ЦМЛ, планы экспозиции музея, подготовленные сотрудниками ЦМЛ, переписка с различными организациями, справки из Бюро технической инвентаризации на сносимые дома, телеграммы и телефонограммы.

Обратимся к особенностям документирования распоряжений в Самарском филиале ЦМЛ. Распоряжения представляли оперативный вид распорядительных документов и использовались для командирования сотрудников, отпуска, приема на должность, перевода с должности, организаций экскурсий, ремонту зданий, увольнения, выговоров (СОГАСПИ, Ф. 426, Д. 36, ОП. 3: Л. 57). Для распоряжений использовались два формата А 4 или А 5.

Пример № 1. Распоряжение № 3
(СОГАСПИ, Ф. 426, Д. 36, ОП. 3: Л. 3)
РАСПОРЯЖЕНИЕ № 3
по Куйбышевскому филиалу Центрального музея В.И. Ленина
от 6 апреля 1987 г.
Принять тов. Фамилия Имя Отчество на должность каталогизатора с 1 апреля 1987 г. согласно заявления, в порядке перевода (дописано ручкой)
Директор Куйбышевского филиала
Центрального музея В.И. Ленина
И. Фамилия

Некоторые распоряжения (например, разового характера) могли не нумероваться в тексте. Если указаний в тексте было несколько, например, касающиеся кадровых вопросов, то их нумеровали (СОГАСПИ, Ф. 426, Д. 36, ОП. 3: Л. 36).

Пример № 2. Распоряжение № 46
РАСПОРЯЖЕНИЕ № 46
по Куйбышевскому филиалу Центрального музея В.И. Ленина
от 19 августа 1987 г.
1. Принять тов. Фамилия Имя Отчество на должность хранителя фондов с окладом по штатному расписанию 160 рублей в месяц с 20 августа 1987 г.
2. Принять тов. Фамилия Имя Отчество на должность лектора с окладом по штатному расписанию 160 рублей в месяц с 20 августа 1987 г. с испытательным сроком – два месяца. Ознакомлена подпись 20.08.87 г.
3. Принять тов. Фамилия Имя Отчество на должность лектора с окладом по штатному расписанию 160 рублей в месяц с 20 августа 1987 года, с испытательным сроком – два месяца.
Ознакомлена – подпись 20.08.87.
Директор Куйбышевского филиала
Центрального музея В.И. Ленина
И. Фамилия

После прохождения сотрудником испытательного срока издавалось еще одно распоряжение, с перечислением всех фамилий, без нумерации в тексте.

Также распоряжения могли быть составлены на несколько тем одновременно: о приеме на работу, об увольнении, о предоставлении отпусков, о командировках (СОГАСПИ, Ф. 426, Д. 36, ОП. 3: Л. 48-49). Кроме этого распоряжениями могли объявляться благодарности, организовываться дежурства, осуществляться премирование сотрудников.

В целом из особенностей делопроизводства в Самарском филиале ЦМЛ можно выделить: оперативный характер распоряжений, разнообразие ситуаций, использования дополнительного формата А5, проставление регистрационного номера рядом с названием документа, использование ручного и машинописного способа документирования или вписывания отдельных слов (к слову это является нарушением, с точки зрения стандартов делопроизводства).

Далее перейдем к анализу принципов документирования протоколов. Протоколы в Куйбышевском филиале ЦМЛ начала 1980-х гг. имели типовую структуру, но не всегда она соблюдалась при документировании. Использовались полная и краткая форма. Протоколы создавались на стандартных листах формата А4 (СОГАСПИ, Ф. 426, Д. 3, ОП. 3).

Пример № 3. Протокол № 2
(СОГАСПИ, Ф. 426, Д. 3, ОП 3: Л. 1-2)
Полная форма
ПРОТОКОЛ № 2
Заседания рабочей группы Куйбышевского филиала Центрального музея В.И. Ленина
От 30 мая 1980 г.
Присутствовали: 26 человек, члены рабочей группы по-фамильно, 3 чел. С указанием должности. Среди которых Фамилия И.О…… и др. Председатель зав. Отделом науки и уч. заведений Фамилия И.О., зав. Отделом пропаганды и агитации Фамилия И.О., зав. Отделом промышленности Фамилия И.О.
ПОВЕСТКА ДНЯ:
1. Худ. Совет.
2. Сообщение Фамилия И.О. обоснование мемориальной части.
СЛУШАЛИ: Фамилия И.О. Полный текст.
ПОСТАНОВИЛИ: до 10 июня предоставить проект 1 и 2 разделов экспозиции.
II. СЛУШАЛИ: Фамилия И.О.
ПОСТАНОВИЛИ: выделить исторические памятники, которые войдут в мемориальную зону.
Председатель
И.О. Фамилия
Секретарь
И.О. Фамилия

Пример № 4. Протокол
(СОГАСПИ, Ф. 426, Д. 3, ОП. 3: Л.7)
Краткая форма
Копия
УТВЕРЖДАЮ:
Председатель горисполкома
(подпись) И. Фамилия
ПРОТОКОЛ
Совещания в Куйбышевском горисполкоме по вопросу проектирования мемориальной зоны филиала ЦМЛ в г. Куйбышеве.
26.06.81
Т. Фамилия И.О.
председатель горисполкома
Т.……..13 чел.
ПРИНЯТО РЕШЕНИЕ:
1.
2.
…..
Вел протокол
(подпись) И.О. Фамилия

К нарушениям с точки зрения стандартов делопроизводства можно отнести следующее: отсутствие уни-

фикации, указание даты (когда справа, когда слева, написания даты сокращенно, без первых двух цифр года), указание места составления «г. Куйбышев» справа (иногда), использование грифа утверждения непостоянно. Используется числовой и буквенный способ написания даты. При числовом способе на год выделяется два знака. В целом, часто присутствует отклонение от типовой структуры с добавлением других разделов: вопросы, приняты решения. Некоторые протоколы никак не отражают проведенное совещание, а только констатируют решения. Вместо подписей председателя и секретаря, встречаются отметки: вел протокол, записала (иногда без инициалов).

Касательно деловой переписки, стоит отметить, что эта группа представляла собой наиболее унифицированную систему, оформлялась на бланке учреждения и листах формата А 4. Письма на простых бланках оформляются по типовой структуре. В правом верхнем углу могло писаться слово «ПРОЕКТ». (СОГАСПИ, Ф. 426, Д. 25, ОП. 3: Л. 2). Редко мог присутствовать реквизит «Отметка о входящем письме»:

КФЦМЛ
Вх. № 07 на 3 листах
«22» января 1985 г.

На простых письмах формата А 4 регистрационный номер и дата писались в верхней части выше текста от руки. При этом дата не унифицирована, пишется по-разному, хаотично (СОГАСПИ, Ф. 426, Д. 25, ОП. 3).

Пример № 6. Письмо-просьба
(СОГАСПИ, Ф. 426, Д. 25, ОП. 3: Л. 4)
05
22 января 1985 г.
Директору ЦНИИЭП им. Б.С. Мезенцева
Тов. Фамилия И.О.
_____
117331 Москва
Пр. Вернадского, 29
Уважаемый Имя Отчество!
Просим выслать нам листы проекта филиала Центрального музея В.И. Ленина в г. Куйбышеве, в которых дается расстановка, спецификация и единичная стоимость технологического оборудования (ТО-1,2,3,4; ТЧ-1,2) в 5 экземплярах.
Директор Куйбышевского филиала
Центрального музея В.И. Ленина
И. Фамилия

В большинстве писем, содержится унифицированная формула вежливости «С пожеланием новых творческих успехов в Вашей работе», «С пожеланием вам здоровья и успехов во всех начинаниях» (СОГАСПИ, Ф. 426, Д. 25, ОП. 3: Л. 3б).

После текста также могли дописываться пометы «Отправлено по почте. 31/I-85 г.», «Переслали по почте. Дата», «Передано в руки тов.», «Передано тов. Иванову В.В.» с указанием даты. Часто в дате использовались римские цифры (СОГАСПИ, Ф. 426, Д. 25, ОП. 3: Л. 2). «Передано через тов. Московского О.В. 12/II-85» (СОГАСПИ, Ф. 426, Д. 25, ОП. 3: Л. 3). На бланке Института Марксизма-Ленинизма при ЦК КПСС Центральный партийный архив указан адрес и телефон, начиная с индекса. Дата и номер написаны от руки, 7 знаков: «9.01.85 г.». Внизу страницы стоят пометки на машинке «2лф. и 3 лф» (СОГАСПИ, Ф. 426, Д. 25, ОП. 3: Л. 30), также «лу-2», «сг-2», «лу-3» (СОГАСПИ, Ф. 426, Д. 25, ОП. 3: Л. 49, Л. 50, Л.52, Л. 53, Л. 102, Л. 148). Значение этих шифров автором до конца не выявлено. На странице 49 встречается трафаретный способ написания даты «28 марта 1985». Заголовки к письмам не проставляются. Адресат указывается по форме:

Должность
тов. Фамилия И.О.
_____
Адрес

Адресат указывается достаточно хаотично, также может полностью исключаться. Иногда указывалась только улица и дом (СОГАСПИ, Ф. 426, Д. 25, ОП. 3: Л. 53, Л. 52, Л. 51, Л. 50, Л. 49). Иногда, только город (СОГАСПИ, Ф. 426, Д. 25, оп. 3: Л. 16), иногда, город, улица, дом, квартира (СОГАСПИ, Ф. 426, Д. 25, ОП. 3: Л. 22), если с учреждением, то: индекс, город (г. Москва), улица, дом (СОГАСПИ, Ф. 426, Д. 25, ОП. 3: Л. 24). Могли указываться: город, улица, дом, телефон в скобочках (СОГАСПИ, Ф. 426, Д. 25, ОП. 3: Л. 25). Помимо этого дата на машинке могла указываться сразу после реквизита подпись (СОГАСПИ, Ф. 426, Д. 25, ОП. 3: Л. 25). В этом случае дата от руки не указывалась. В справке (СОГАСПИ, Ф. 426, Д. 25, ОП. 3: Л. 31) указана дата от руки сверху наискосок: «22.02.85» и дата после подписи «21.02.85 г.» (СОГАСПИ, Ф. 426, Д. 25, ОП. 3: Л. 31-32).

В переписке хоть и без заголовков, но затрагиваются такие темы как: командирование, приглашение на конференцию, просьба о проведение ремонтных работ, приглашение на другие мероприятия филиала, просьбы проведения оценки художественных произведений, гарантийные письма, письма содержащие копию исторических документов (СОГАСПИ, Ф. 426, Д. 25, ОП. 3: Л. 28), с указанием фондов, описей, дел и листов и слова «Копия». Письма о просьбе в реставрации работ и восстановление мемориальности Дома-музея Ленина, с указанием примерной стоимости, объектов адреса, сроков, на 3 листах. (СОГАСПИ, Ф. 426, Д. 25, ОП. 3: Л. 39-41). Письма-направления на работу в архиве, командирования, письма-выражения благодарности студентам за добросовестную работу во время производственной практики. Многие письма касались работ с экспонатами, их хранением, изготовлением, передачей. В письмах также могли указываться два адресата: должность, тов. Фамилия И.О. Если подписывался исполняющий обязанности, должность и фамилия остаются прежние, но ставится косая черта перед наименованием должности. К номерам, иногда, подписывалось сокращение «Исх». Адресат указывался фланговый и центрированным способом. На л. 72 дано письмо на бланке организации (Пример № 7) (СОГАСПИ, Ф. 426, Д. 25, ОП. 3).

Пример № 7. Письмо-просьба

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ИНСТИТУТ МАРКСИЗМА-ЛЕНИНИЗМА ПРИ ЦК КПСС

КУЙБЫШЕВСКИЙ ФИЛИАЛ ЦЕНТРАЛЬНОГО МУЗЕЯ В.И.ЛЕНИНА

_____

443010, г. Куйбышев (обл.)

Тел. 33-28-33

Ул. Красноармейская, 12

№_____

«30» апреля 1985 г.

На №_____

Гомельская областная библиотека им. Ленина

_____

246618, г. Гомель

ул. Красноармейская, 2

Куйбышевский филиал Центрального музея В.И. Ленина просит выслать по списку литературы, предлагаемой библиотекам для депозитарного хранения № 6, 1984 года издания за №№ 1393, 1394, 1395.

С уважением и пожеланием успехов в работе

Директор Куйбышевского филиала

Центрального музея В.И. Ленина

И.О. Фамилия

2 лф.

Книги выслали в другую библиотеку

Подпись

Всего писем на бланке организации (библиотека) найдено 5 экземпляров, ответы на них были даны от руки, без каких-либо реквизитов (СОГАСПИ, Ф. 426, Д. 25, ОП. 3: Л. 91, Л. 93, Л. 94, Л. 95). В ответах говорилось, что книги переданы в другие библиотеки. Используются отметки внизу страницы: «Копия передана исполнителям 27.05.85 г.» (СОГАСПИ, Ф. 426, Д. 25, ОП. 3: Л. 88):

Внизу

Копия: Фамилия И.О.

190121, г. Ленинград,

Набережная р. Мойки, 112, кв. 30

На л. 96, адрес указан выше наименования учреждения, местонахождения (г. Москва) и ручкой едва разборчивая улица (СОГАСПИ, Ф. 426, Д. 25, ОП. 3). Дата и номер указываются от руки в левом верхнем углу (СОГАСПИ, Ф. 426, Д. 25, ОП. 3: Л. 99, Л. 100, Л. 101, Л. 102):

№ 93

От 31.05.85 г.

Иногда без предлога «от», с добавлением «исх» (СОГАСПИ, Ф. 426, Д. 25, ОП. 3: Л. 98). Активная работа велась с художниками и исследователями жизни Ленина, в переписке имеются обращения с просьбами начать исследования жизни и деятельности Ленина (СОГАСПИ, Ф. 426, Д. 25, ОП. 3: Л. 109): два адресата с указанием адреса, первый без индекса. Помимо писем в оперативной переписке 1980-х гг. использовались телефонограммы (Пример № 8).

Пример № 8. Телефонограмма

(СОГАСПИ, Ф. 426, Д. 25, ОП. 3: Л. 113)

ТЕЛЕФОНОГРАММА

Директору комбината монументально-декоративного искусства

Тов. Фамилия И.О.

В связи с поздним получением телеграммы просим отложить художественный совет по обсуждению оформления фасада. О заседании совета просим сообщить заблаговременно.

Директор Куйбышевского филиала

Центрального музея В.И. Ленина

И.О. Фамилия

Телеграмму передала: И. Фамилия

Телеграмму принял: И. Фамилия

24.06.85. 17ч. 50 мин.

К основным темам деловой переписки мемориальных музеев можно отнести: запросы, передачи материалов, в частности на хранение 60 плакатов «Окна ТАСС» 1941-1945 гг. и 137 плакатов времен ВОВ, запросы в архивы о деятельности сподвижников Ленина, приобретение путевок, фарфоровый, танковый завод, сбор материалов о жизни Ленина, изготовление ксерокопий архивных документов, письма-благодарности за книги и экспонаты, установление новогодней елки (СОГАСПИ, Ф. 426, Д. 25, ОП. 3: Л. 228), переписка с музеем Ленина в Киргизии, архивом Татарстана, библиотека Ульяновска, Библиотекой Латвийской ССР, Таджикской ССР, Житомирской библиотекой, Херсонской библиотекой, Крымская, Брестская, справки о состоянии мемориальных мест (СОГАСПИ, Ф. 426, Д. 25, ОП. 3: Л. 260-268), с рекомендациями и анализом, направлена председателю исполнительного комитета Куйбышевского городского совета народных депутатов. Встречаются справки без адреса, начинаются просто с приветствия, подпись и дата от руки внизу страницы (СОГАСПИ, Ф. 426, Д. 25, ОП. 3: Л. 202) или дата на машинке (СОГАСПИ, Ф. 426, Д. 25, ОП. 3: Л. 211). Даты часто не пропечатывались, распознается только последнее число, к примеру «5», день и месяц, без подчеркивания и кавычек. В деле с перепиской присутствует ДОВЕРЕННОСТЬ, оформлена она как письмо с датой и номером, подписью о доверении в получении наградной медали «Ветеран Труда» профоргу филиала для вручения зав. Домом – музеем Ленина в с. Алакаевка Куйбышевской области (СОГАСПИ, Ф. 426, Д. 25, ОП. 3: Л. 256).

Еще одним примером документирования является письмо из центрального партийного архива: копия в адресате и реквизит ПРИЛОЖЕНИЕ: упомянутое на 2 лл. в 1-й адрес. На этом письме стоит механический штамп (СОГАСПИ, Ф. 426, Д. 25, ОП. 3., Л. 3а):

КФЦМЛ (полностью)

ВХ. № 07 на 3 листах

«22» января 1985 г.

ВЫВОДЫ И РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Отметим, что в Советском Союзе в 1980-х гг. действовали два Государственных стандарта: 6.38-72 «Система организационно-распорядительной документации. Основные положения» и ГОСТ 6.39-72 «Система организационно-распорядительной документации. Формуляр-образец». В конце 1980-х гг. они были объединены и переработаны в новом ГОСТе 6.38-90 «Унифицированная система документации. Система организационно-распорядительной документации. Требования к оформлению документов» (http://docs.cntd.ru/document/gost-6.38-90).

В делопроизводстве мемориальных музеев 1980-х гг. должны были использоваться реквизиты согласно требованиям этих стандартов, однако, часто не выполнялись основные требования к местам расположения реквизитов и их содержанию. Также отметим, что требования к оформлению реквизитов в ГОСТах 1980-х гг. отличны от современных требований стандартов. Пользуясь основным принципом историзма, мы ориентировались на стандарты 1980-х гг., используя современный инструментарий и теоретическое осмысление складывания традиций делопроизводства и документирования в культурных учреждениях. Так существуют различия в требованиях к реквизиту «Дата» и «Регистрационный номер». На дату в числовом варианте отводилось 8 чисел, а к «регистрационному номеру» отсутствуют требования по его местоположению на странице. Разработанные бланки организационно-распорядительных документов мемориальных музеев не соответствуют ГОСТу 1972 года. Таким образом, мы можем выделить два ключевых момента в делопроизводстве мемориальных музеев: первый, это опора на сложившуюся в делопроизводстве учреждения практику. Второй – большое количество переписки, служебных документов с небольшим сроком хранения, необходимых исключительно для передачи информации. Исходя из полученных данных, можно заключить, что мемориальные музеи 1980-х гг. не использовали принципы системности и технологичности в делопроизводстве, что естественно должно было негативно отражаться на уровне управленческой деятельности в музее.

ЛИТЕРАТУРА

СОГАСПИ - Самарский областной государственный архив социально-политической истории.

Электронный фонд 2023 - Электронный фонд правовой и нормативно-технической документации: база данных содержит сведения о современных и востребованных ГОСТах / Электронный ресурс: http://docs.cntd.ru/document/gost-6.38-90 (Дата обращения - 15.12.2023).

REFERENCES

Elektronnyj fond 2023 - Elektronnyj fond pravovoj i normativno-tekhnicheskoj dokumentacii: baza dannyh soderzhit svedeniya o sovremennyh i vostrebovannyh GOSTah [Electronic fund of legal and regulatory and technical documentation: the database contains information about modern and popular GOST standards], Electronic resource: http://docs.cntd.ru/document/gost-6.38-90 (Date of access - 15.12.2023) [in Russian].

SOGASPI - Samarskij oblastnoj gosudarstvennyj arhiv social'no-politicheskoj istorii [Samara Regional State Archive of Socio-Political History] [in Russian].

Желтоухова Дина Васильевна
– Соискатель кафедры отечественной истории и историографии Самарского национального исследовательского университета имени академика С.П. Королева (Самара, Россия).

Dina Zheltoukhova
– The applicant of the Department of the Russian history and historiography of the Samara National Research University (Samara, Russia).

dina-pomelova@mail.ru

НАСЛЕДИЕ СЕРГЕЯ НИКОЛАЕВИЧА АЗБЕЛЕВА

В 2022 году журнал «Исторический формат» запустил масштабный проект публикации научного наследия выдающегося русского историка и фольклориста Сергея Николаевича Азбелева (1926-2017), доктора филологических наук, многолетнего ведущего научного сотрудника Института русской литературы (Пушкинский дом) РАН, известного исследователя Древней Руси, Великого Новгорода, русского летописания и фольклора, члена редколлегии нашего журнала, ветерана Великой Отечественной войны, автора многих работ по истории, литературе и фольклору Древней Руси. Заместитель главного редактора «Исторического формата» М.И. Жих проделал работу по разбору его личного архива и готовит к печати неизданные работы учёного, а также документы, связанные с ключевыми этапами его жизни и творчества. В каждом новом номере «Исторического формата» в рамках рубрики «Наследие Сергея Николаевича Азбелева» планируется издавать одну из его неопубликованных статей или документальных подборок о жизни выдающегося исследователя.

О ВАЖНОСТИ ВНИМАТЕЛЬНОГО ПРОЧТЕНИЯ ДРЕВНЕЙШЕЙ ЛЕТОПИСИ (РЕКА НЕПРЯДВА В ИСТОРИОГРАФИИ РУССКОГО ЛЕТОПИСАНИЯ)

С.Н. Азбелев
Институт русской литературы (Пушкинский Дом) РАН
Россия, 199034, Санкт-Петербург, наб. Макарова, 4
e-mail: mail@histformat.com
Researcher ID: C-5151-2018
https://orcid.org/0000-0001-9063-6544
SPIN-код: 1390-8096

АВТОРСКОЕ РЕЗЮМЕ
В статье обосновывается вывод, что сражение 1380 года произошло вблизи тогдашнего истока Непрядвы, в центральной части Куликова поля – на расстоянии около 40 километров от впадения этой реки в Дон. В древнерусских источниках слово «устье» имеет значение «исток». Современным историкам Куликовской битвы следует внимательнее обращаться к летописным свидетельствам об этом событии, принимая в расчет данные истории русского языка. Археологам же целесообразно было бы направить главные усилия не на обследование периферии Куликова поля в низовьях Непрядвы, а на центральную его часть в районе истока этой реки – туда, где на самом деле происходило великое сражение 1380 года.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: **Куликовская битва, летописание, Непрядва, историография.**

ON THE IMPORTANCE OF CAREFUL READING OF THE ANCIENT CHRONICLES (THE NEPRYADVA RIVER IN THE HISTORIOGRAPHY OF THE RUSSIAN CHRONICLES)

Sergey Azbelev
Institute of Russian Literature (The Pushkin House) of the RAS
Russia, 199034, St. Petersburg, the Makarov's Embankment, 4
e-mail: mail@histformat.com

ABSTRACT
The article substantiates the conclusion that the Battle of 1380 took place near the then source of the Nepryadva, in the central part of the Kulikovo field - at a distance of about 40 kilometers from the confluence of this river into the Don. In Old Russian sources the word «mouth» has the meaning «source». Modern historians of the Battle of Kulikovo should look more attentively at the annalistic evidence of this event, taking into account historical changes of the Russian language. It would be reasonable for archaeologists to direct their main efforts not to exploring the periphery of the Kulikovo field in the lower reaches of the Nepryadva, but to its central part in the area of the source of this river – where the great Battle of 1380 actually took place.

KEYWORDS: **Battle of Kulikovo, chronicles, Nepryadva, historiography.**

Статья представляет собой доклад, подготовленный С.Н. Азбелевым для выступления на третьей Международной научной конференции «Начала Русского мира», которая должна была состояться в 2013 году. По причине смерти организатора конференции, Сергея Васильевича Цветкова (1952-2012), конференция не состоялась и сборник по её итогам не был издан. Публикация статьи подготовлена М.И. Жихом по машинописи из архива С.Н. Азбелева.

Победа России над армией Наполеона в Отечественной войне 1812 года вызвала массовый подъем патриотизма во всех слоях русского общества. Образованное дворянство обратилось тогда и к более глубокому, чем прежде осмыслению героических страниц далекого прошлого истории России. Среди них одно из главных мест принадлежало знаменитой победе московского князя Дмитрия Донского над армией Мамая в 1380 году. С тех пор два столетия наши историки и публицисты обсуждают сражение на Куликовом поле. Не будет преувеличением сказать, что этому эпохальному событию уже

посвящены сотни работ. Все они прямо или косвенно отправляются от изложения фактов в летописях.

Среди первых интерпретаторов таких фактов выделялись образованные помещики, владения которых располагались в низовьях реки Непрядвы около впадения ее в Дон. Крестьяне приносили своим господам артефакты, найденные при пахоте в этих местах. Среди нательных крестов, иконок и других предметов попадались наконечники стрел и копий. Землевладельцы закономерно усматривали в этом свидетельства некогда проходивших здесь боевых действий. Впрочем, среди находимых реликвий были и бердыши XVII века, и даже кремневые пистолеты, которые одинаково пополняли домашние музеи местных историков-любителей среди хозяев этих земель, которые не имели профессиональных познаний, чтобы достаточно четко выделить то, что действительно можно считать материальными остатками Куликовской битвы. Но поскольку именно она была наиболее знаменитым событием местной истории, которое подробно описано в летописях, сам район этих находок и считали местом сражения, толкуя в желательном смысле указания летописей на устье реки Непрядвы.

Хотя понятие «устье реки» и тогда имело в русском языке несколько значений, подходящим представилось именно слияние Непрядвы с Доном. Хозяевам этих земель очень хотелось считать именно себя обладателями Поля русской славы. Поскольку они и были активными интерпретаторами летописных упоминаний «устья Непрядвы», мнение их закрепилось. Этому способствовала эволюция русского языка, где соответствующее значение самого слова «устье» со временем становилось преобладающим.

Уже более ста лет почти в любом учебнике русской истории можно увидеть картосхему сражения на Куликовом поле около впадения Непрядвы в Дон. Вариации подобной схемы много раз публиковались как в трудах военных историков, так и в сочинениях популяризаторов XIX и XX веков. Начало этому положил тульский помещик, в молодости – декабрист, а впоследствии – сенатор, Степан Дмитриевич Нечаев (1792-1860), который с 1817 по 1823 год был директором училищ Тульской губернии и приобретал у местных крестьян различные предметы XII-XVIII веков, найденные в земле при пахоте. Сам же С.Д. Нечаев был наследственным владельцем сельца Куликовка, которое располагалось чуть южнее предполагаемого на его схеме места сражения. Подобное название имели и другие населенные пункты Куликова поля. Но они располагались на более значительных расстояниях от одного из небольших возвышений местного рельефа, которое решили считать тем Красным Холмом, где будто бы располагалась ставка Мамая в день Куликовской битвы – хотя каких-либо летописных указаний на это нет.

Но есть реальное селение Красный Холм находящееся на значительной возвышенности, с которой, открывается хороший обзор центра Куликова Поля. Этот Красный Холм расположен у верховья Непрядвы, всего в двух километрах от этой знаменитой реки, но почти в сорока километрах от того места, где находилась «дача» Нечаевых.

Однако, поблизости от нее, на расстоянии всего трех километров от их сельца Куликовка, впоследствии и была воздвигнута памятная колонна в честь Куликовской битвы – по инициативе уже умершего к тому времени крупного тульского помещика Дмитрия Степановича Нечаева (1742-1820).

В пользу этого ясно свидетельствует текст адресованного генерал-губернатору Рязанской, Тульской, Орловской, Воронежской и Тамбовской губерний А.Д. Балашову и датированного 1820 годом обращения тогдашнего тульского гражданского губернатора графа В.Ф. Васильева, Он писал, что получил «от г. помещика Нечаева, почтенного старца, которого по всем историческим вероятиям почить должно настоящим владельцем самого места, где была битва и центр оной, извещение, в оригинале у сего представленное, что он почтет щастливейшим случаем в жизни его, ежели сей драгоценный для каждого русского памятник согласно историческим преданиям сооружен будет в дачах его поместья, сохраняющего предпочтительно пред другими вероятное название самой битвы, именно в сельце Куликове, в Епифанском уезде, между реками Доном и Непрядвой» (Карпова 2001: 254).

В следующем 1821 году его сын С.Д. Нечаев напечатал в популярном тогда журнале «Вестник Европы» предположения относительно точного места Куликовской битвы, к которым и присоединил гипотетический план расположения войск в этом сражении (Нечаев 1821: 125-129. План на С. 164 а). Позже в том же году он воспроизвел на страницах этого журнала рисунки найденных на Куликовом поле восьми предметов XII-XVII веков, один из которых – наконечник стрелы XIV века – действительно, мог бы быть связан с Куликовской битвой (Нечаев 1821а: 348-351). Через два года С.Д. Нечаев поместил в том же журнале сведения о найденных будто бы «на Куликовом поле», но находящихся в собрании древностей В.А. Левшина «старинных оружиях» – хотя это были пистолет и бердыш, не связанные, естественно, с Куликовской битвой (Нечаев 1823: 307-312).

В 1850 году вблизи имения Нечаевых (якобы на Мамаевом Красном Холме), была торжественно открыта памятная колонна в честь победы над Мамаем, возведенная по проекту А.П. Брюллова. А впоследствии, уже в начале XX века, заботами соседей Нечаевых по имению коллекционеров оружия Александра Васильевича и Юрия Александровича Олсуфьевых (1843-1907 и 1878-1938) невдалеке от неё был заложен храм, завершенный по проекту А.В. Щусева уже в 1918 году.

В 1980-х годах тут широко развернулись археологические раскопки, которые отправлялись исключительно от ставшей к тому времени уже привычной локализации сражения в низовьях Непрядвы – на основе давно утвердившегося среди историков и идущего еще от помещиков Нечаевых истолкования сведений в «Истории государства Российского» Николая Михайловича Карамзина о знаменитой битве 1380 года, происходившей, согласно привлеченных им летописям, вблизи устья реки Непрядвы.

Несмотря на многолетние старания тульских археологов, им не удалось найти следы захоронений тысяч участников Куликовской битвы – как вообще следы каких-либо массовых захоронений в низовьях реки Непрядвы.

Интересы не только исторической истины, но и истинного суверенитета нашей страны, заставляют нас с предельным вниманием и непредвзято относиться к сведениям летописей о героических страницах ее многовековой истории.

Напоминать об этом настоятельно требует теперешняя интенсивная пропаганда в печати и в интернете некомпетентных попыток свести на нет значение «Мамаева побоища». Авторы таких попыток хотят уменьшить раз в пятьдесят площадь боевых действий и приблизительно в двадцать раз уменьшить количество их участников. Поводом как раз и послужили заключения нынешних тульских археологов, основанные на давно укоренившейся крупной ошибке историков-любителей XIX века при определении самого места сражения на Куликовом поле в низовьях реки Непрядвы. Если же сказать точнее – на целом ряде ошибок вследствие недостаточно внимательного чтения самих летописей и произвольной интерпретации их известий при недостаточности познаний в истории русского языка.

Последние десятилетия ознаменовались у нас не только привычными конференциями, статьями и сборниками по случаю двух очередных юбилеев «Мамаева побоища» в 1980 и 2005 годах, но и распространением – особенно в околонаучной среде – нараставшего и, следует признать, небеспричинного скептицизма по поводу реальной исторической значимости этого события.

Согласно русским летописям, численность армии московского великого князя Дмитрия Ивановича, вместе с союзными войсками поддержавших его русских земель и отрядами отдельных князей, могла превышать двести тысяч воинов. Так, например, в Новгородской 4-й летописи: «Бѣаше всеа силы и всихъ ратей числом с полтораста тысящь или с двѣсте. Еще же к тому приспѣша в той чинъ рагозны издалеча велицыи князи Олгердовичи, поклонитися и послужити: князь Ондрѣи Полочкои съ Плесковици, брат его князь Дмитрии Бряньскии съ всеми своими мужи» (ПСРЛ 4: 314). Числовую ошибку переписчика в Софийской 1-й летописи: «и прииде на Коломну, и събравъ своих 100000 и сто, опрочѣ князей рускых и воевод мѣстных» (ПСРЛ 6: 458) объяснил в свое время А.А. Шахматов: «Очевидно 70 было прочтено как 100» (Шахматов 1910: 127). Далее в той же летописи читается аналогично цитированному выше тексту Новгородской 4-й летописи. Сходный текст и в Новгородской летописи Дубровского (ПСРЛ 43: 132).

Летописцы единодушно восклицали, что «от начала миру не бывала сила такова рускых князей, яко же при сем князи великом Дмитрии Ивановиче» (см. например: ПСРЛ 6: 458). Вероятно, аналогичной по численности была противостоявшая русским и ими разбитая армия Мамая. Немецкая хроника Детмара под 1380 годом сообщала о «великой битве» между русскими и татарами, где с обеих сторон сражалось четыреста тысяч и где победили русские (Detmar-Chronik 1884: 568). Немецкий историк Альберт Кранц на рубеже XV и XVI веков подробнее писал об этом событии, характеризуя его как «величайшее в памяти людей сражение» в котором погибло двести тысяч (Krantz 1619: 207).

Вопиющие парадоксы теперешнего интерпретирования Куликовской битвы проистекают из давно укоренившегося ошибочного истолкования смысла важнейших письменных свидетельств. Согласно летописям XIV-XVI веков, русское войско приготовилось к сражению «пришедщю за Дон (т.е. на запад от Дона – С.А.), в поле чисто, в Мамаеву землю, на усть Непрядвы рѣки» (см. например: ПСРЛ 43: 134). Очень существенно, что летописцы совершенно единодушны в указании этих основных географических параметров. Новгородская четвертая и Софийская первая летописи: «Великии же князь Дмитрии Иванович перешед за Дон в поле чисто в ордынскыя земли, на усть Непрядвы рѣкы» (ПСРЛ 4: 318; ПСРЛ 6: 463); Новгородская первая летопись: «Вьниде бо в землю их за Дон и бѣ ту поле чисто, на усть рѣкы Непрядвы» (ПСРЛ 3: 376); Симеоновская летопись и Рогожский летописец: «Князь же великии поиде за Донъ, и бысть поле чисто и велико зѣло, и ту срѣтошася погани половци, татарьскыи полци, бѣ бо поле чисто на усть Непрядьвы рѣкы» (ПСРЛ 15: 139; ПСРЛ 18: 129).

Чтобы правильно истолковать летописные тексты, следует внимательно вчитаться в их смысл. Переправившись через Дон, то есть, перейдя границу между владениями Руси и Орды, и вступив в Мамаеву землю, русское войско оказалось в чистом поле и прибыло на устье реки Непрядвы. В летописях не говорится, что устье Непрядвы являлось местом переправы через Дон. Не говорится даже, что переправа осуществлялась вблизи устья Непрядвы. Однако именно так по традиции истолковывают на протяжении уже двух столетий эти тексты историки, писавшие о Куликовской битве.

Подобное истолкование, хотя оно и не было сколько-нибудь точным, представлялось этим историкам единственно возможным. Оно не вступало в непримиримое противоречие с летописными данными о количестве русских войск и о протяженности поля сражения[1]. Но так было до тех пор, пока между историками не возник спор, на каком берегу Непрядвы – на правом или на левом – при впадении этой реки в Дон произошла Куликовская битва («Левобережная» гипотеза: Кучкин 1980: 16-19; 1984: 47-53; Флоренский 1984: 41-47; «Правобережная» гипотеза: Скрынников 1983: 54-57; Хотинский и др. 1985: 35-37; Зайцев, Фоломеев, Хотинский 1990: 4-9. См. также: Петров 2003: 26-30).

Для разрешения этого спора палеопочвоведы и палеоботаники провели свои исследования на обоих берегах Непрядвы около впадения ее в Дон. Оказалось, что в этих местах левый берег Непрядвы в прошлом был покрыт лесом, а на правом берегу была лесостепь,

1 Впрочем, А.Н. Кирпичников еще в 1980 году, исходя даже из тогдашних представлений о ландшафте в низовье Непрядвы сомневался в достоверности летописных сведений о большой численности войск, участвовавших в Куликовской битве, на том основании, что «предполагаемые размеры удобного для битвы поля (2,5-3 на 4 км) не позволили бы развернуть такие силы» (Кирпичников 1980: 64).

имевшая лишь небольшие открытые участки протяженностью не более 2-3 километров и шириной менее километра (Александровский 1990: 70). Понятно, что ни на одной из таких полян не могло бы уместиться значительное количество участников битвы.

Этим был спровоцирован радикальный пересмотр представлений о масштабах сражения на Куликовом поле. Местные историки, перестав доверять летописцам, поспешили приписать им преувеличение во много раз размеров поля битвы и числа участвовавших в ней войск.

Тульским археологам, уже долгие годы производившим свою работу около впадения Непрядвы в Дон, легче стало объяснять удивляющую малочисленность найденных ими фрагментов оружия и отсутствие там погребений.

Руководители археологических раскопок Куликова поля в своих интервью столичной прессе стали утверждать, что речь должна идти не о крупномасштабном сражении, а о стычке относительно небольших конных отрядов.

Позволю себе привести запечатленные по случаю юбилея битвы на страницах массового московского журнала примеры безапелляционности и научного уровня таких высказываний. Корреспондент журнала встретился в 2005 году с тогдашними руководителями археологических работ, которые особенно интенсивно велись на Куликовом поле в предыдущие десять лет с 1995 года. Это кандидаты исторических наук Михаил Гоняный и Олег Двуреченский. Как сообщает не без иронии корреспондент, «по рассказам ученых, истинная картина великого сражения сильно отличается от хрестоматийной. <...> “Протяженность места боевых столкновений – два километра при максимальной ширине восемьсот метров” – считает начальник Верхне-Донской экспедиции Михаил Гоняный» (Чеботарев 2005: 95-96). «По мнению археологов, – констатирует корреспондент, – число участников битвы в общественном сознании сильно преувеличено. “В советское время думали, – говорит Двуреченский, – что это было народное ополчение, сейчас мы считаем, что сражались профессионалы – от пяти до десяти тысяч как с той, так и с другой стороны, конники”» (Чеботарев 2005: 96).

Этот кандидат исторических наук даже упомянул о летописях, назвав никогда не существовавшую «Новгородскую четвертую летопись младшего извода» и приводя вымышленную цитату «близ устья Дона и Непрядвы», будто бы почерпнутую в не сохранившемся на самом деле «Новгородском Софийском летописном своде» (Чеботарев 2005: 94-95). Это словосочетание представляет собой тенденциозное искажение того, что читается на самом деле в русских летописях.

Подобные сенсационные заявления давно успели размножиться и закрепиться в интернете. Они стали влиять на высказывания в печати некоторых историков – не говоря уже о падких на дискредитацию героики русского прошлого журналистах и недобросовестных комментаторах. А в Туле Государственный музей-заповедник «Куликово поле» поспешил роскошно издать посвященную специально этому полю «Большую иллюстрированную энциклопедию». Объем ее – 744 страницы, из которых несколько страниц посвящены самой Куликовской битве. Здесь можно уже прочесть, что «по последним научным данным русские войска выстроились <...>, занимая фронт не более полутора километров» (Куликово поле 2007: 316-317). Таким образом, за два года, прошедшие после приведенных мною высказываний тульских археологов, мизерная протяженность поля боя оказалась ими сокращена еще на полкилометра[2].

Однако летописи однозначно пишут о небывало многочисленных войсках, которые были развернуты на протяжении десяти верст открытой местности Куликова поля: «И покрыша полки полѣ, яко на десяти верстъ отъ множества вои» (ПСРЛ 4: 319; ПСРЛ 6: 463; ПСРЛ 43: 135).

Нынешние специалисты по изучению Куликовской битвы изобрели, таким образом, своеобразный «выход» из вопиющего несоответствия, заключая, что русские и иноземные письменные источники многократно преувеличивали масштаб сражения и, соответственно, число войск каждой стороны.

Приходится еще раз напомнить о важности внимательного прочтения летописных текстов. Особенно – того, что написано в древнейшей летописи.

Вне поля зрения как нынешних, так и прежних историков сражения на Куликовом поле оставался немаловажный факт: словом «устье» в то время обозначали исток реки. Такое словоупотребление чётко документировано в древнейшем из всех реально сохранившихся текстов русских летописей. Новгородская первая летопись старшего извода дошла, как известно, в рукописи XIV столетия.

В этой летописи говорится следующее о завершении войны Великого Новгорода со Швецией за полвека до Куликовской битвы: «В лѣто 6831 [1323]. Ходиша новгородци съ княземъ Юрьемъ и поставиша город на усть Невы, на Орѣховомъ островѣ; ту же приѣхавше послы великы от свѣйского короля и докончаша миръ вѣчныи съ княземъ и с Новымьгородомь по старой пошлишѣ» (ПСРЛ 3: 97, 339, 457). Здесь речь идет о построении в 1323 году русской крепости Орешек (впоследствии – Шлиссельбург). «Ореховый остров», на котором находится Шлиссельбург, расположен в верховье реки Невы при вытечении ее из Ладожского озера. Употребленные летописцем XIV века слова «на усть Невы» означают: у истока Невы. Аналогичный текст – в списках младшего извода.

Если бы теперешние историки Куликовской битвы, не ограничивались истолкованием «по догадке» значения слов «на усть Непрядвы», а приняли бы во внимание общедоступные сведения по истории русского языка, то проблема бы не возникла.

Наш выдающийся языковед академик Измаил Иванович Срезневский больше ста лет назад завершил пу-

2 В напечатанном несколько месяцев назад сборнике Музея-заповедника «Куликово поле» помещена картосхема, иллюстрирующая упомянутое представление. Здесь, согласно масштабу, на полтора километра южнее впадения Непрядвы в Дон обозначен «эпицентр Куликовской битвы (по О.В. Двуреченскому)» (Куликовская битва 2012: 173).

Волово озеро (Тульская область)

бликацию составленного им словаря древнерусского языка. Первое издание его последнего тома было напечатано Императорской Академией наук в Санкт-Петербурге в 1903 году, второе издание (репринт) пятитысячным тиражом вышло в Москве в 1958 году. В этой книге еще в начале прошлого века можно было прочесть нужное пояснение: «Усть – устье реки <...> исток реки: на усть – при истоке – Поставиша город на усть Невы, на Орѣховомъ островѣ» (дана отсылка к Новгородской первой летописи) (Срезневский 1903: 1292).

Нева, как известно, вытекает из Ладожского озера. Непрядва же некогда вытекала из Волова озера, находящегося в центральной части обширного Куликова поля. Это озеро теперь очень невелико. Вытекавшая из него до своего обмеления Непрядва оставила там следы русла прежнего своего верховья. Сведения о том, что еще в первой половине XVII столетия это озеро служило истоком некоторых рек Куликова поля, можно прочесть в важном документе того времени – «Книге Большому Чертежу». Сама древнейшая карта России не сохранилась, но подробнейшее ее описание, составленное по «государеву указу» в 1627 году, публиковалось уже не раз. В издании, выпущенном Академией наук в 1950 году, с учетом всех известных к тому времени списков, можно прочесть достаточно ясный намек, касающийся истока Непрядвы: «Упа река вытекала из Волова озера от верху речки Непрядвы, <...> от Куликова поля с Муравского шляху» (Книга Большому Чертежу 1950: 59)[3].

Слово «устье» при обозначении истока реки из озера зафиксировано в средневековых источниках отнюдь не только для Невы, но и для гораздо более протяженных рек. Таковы устье Шексны и устье Сухоны. Повесть об Усть-Шехонском монастыре сообщала о перенесении «града Белаозера» на новое место «вверхъ по Белу езеру от Шехонскаго устия десять поприщъ» (Прохоров 1994: 168).

Сказание Паисия Ярославова о Каменном монастыре повествовало о «великой реке Сухоне, яже течет из Кубенского езера в Студеное море-окиян своим устием от начала миру» (Сказание 1861: 261). Сухона является притоком Северной Двины[4].

Впрочем, составители словарей и в недавнем прошлом, и в настоящем отмечали традиционность устаревающего теперь значения «устье» – «исток реки». Достаточно напомнить общеизвестный словарь В.И. Даля или указать специальный словарь народных географических терминов (Даль 1882: 514 («устье реки, исток»); Мурзаев 1984: 583 («Устье... В старых источниках употребляется в значениях “исток реки из озера”; ...”узкий выход из водоема”»).

Существуют подробнейшие (крупномасштабные, вычерченные от руки) карты уездов Тульской губернии, составлявшиеся во второй половине XVIII столетия для нужд генерального межевания. На этих картах видно, что находящееся в центре Куликова поля и уже радикально сократившееся к тому времени в размерах

3 Цитированный список № 1330 «безусловно самый полный из всех сохранившихся списков Книги Большому Чертежу», он «часто восполняет явные пробелы всех списков» (Книга Большому Чертежу 1950: 33).

4 Подробности можно прочесть в топографическом справочнике: «Слово “устье” в русском языке раньше имело три значения: “исток реки из озера”, “место слияния двух рек” и “место впадения реки в озеро или море”». Первое значение проиллюстрировано Кузнецовым цитатами из актовых средневековых источников (Кузнецов 1994: 12).

Волово озеро отделено лишь сотней саженей от ручья, дающего начало реке Непрядве[5].

Показания источников ясно свидетельствуют, что сражение 1380 года произошло вблизи тогдашнего истока Непрядвы, в центральной части Куликова поля – на расстоянии около 40 километров от впадения этой реки в Дон[6].

Соответственно, тульским археологам, которые в недавние десятилетия особенно интенсивно, но безуспешно искали следы массовых захоронений тысяч русских воинов, павших на Куликовом поле, стоило бы несколько переместить район своих полевых работ. Тогда и поразительная малозначительность найденных доныне при раскопках на этом поле остатков оружия получила бы свое естественное объяснение.

Впрочем, следует упомянуть, что недостаточность традиционного ареала археологических работ начинала даже осознаваться в среде сотрудников Музея-заповедника «Куликово поле». В печати проскальзывало пожелание, «чтобы работники музея-заповедника не замыкались в своих исследованиях местности, традиционно определяемой ими как Куликово поле в узком смысле слова, а расширили бы район своих поисков» (Фомин 1999: 38). Однако радикальному его расширению мешала приверженность упомянутых ученых привычной «аксиоме», что битва произошла около впадения Непрядвы в Дон[7].

Устранив это заблуждение, можно по-новому осмыслить ряд показаний известных источников. Естественно полагать, что описанная в летописях переправа русских войск через Дон в ночь с 7 на 8 сентября произошла не ниже впадения в него Непрядвы, как это ныне считается, исходя только из «традиционного» представления о месте самого сражения. Очевидно, русские перешли Дон выше по его течению около Федосова городища, т.е. ближе к центру Куликова поля – там, где Дон еще менее полноводен, а дорога, по которой двигались с севера русские войска, подошла к нему вплотную при впадении в Дон речки Муравлянки и где существовала используемая в те времена переправа.

Лишается опоры и «традиционное» представление, что битва произошла на правом берегу Непрядвы. Предложенная и аргументированная не так давно «левобережная» гипотеза была впоследствии раскритикована и решительно отвергнута. Дело в том, что сторонники такой гипотезы слова «на усть Непрядвы» трактовали «традиционно» – как место впадения её в Дон (см. картосхемы в статьях: Флоренскй 1984: 44; Кучкин 1984: 51), а оказалось, что именно в этом месте на левом берегу Непрядвы прежде находился лес.

Но неосновательно было бы предполагать, что лес некогда покрывал всё левобережье Непрядвы вплоть де ее истока и на многие километры вглубь обширного Куликова поля. Сплошное изучение его почв для определения возможных в прошлом лесных участков проводилось только на небольшом пространстве в низовьях этой реки, так как все поиски места битвы были основаны только на теперешнем понимании слов «устье Непрядвы».

Анализ данных, извлеченных из совокупности официальных письменных источников XVI-XVII вв., привел к выводу, что тогдашнее Куликово поле – отнюдь не лес, а «северо-восточная оконечность степей, которая широким языком вклинивается вглубь широколиственных лесов Среднерусской возвышенности по водоразделу верхнего течения Дона и Оки». Как резюмировал нынешний исследователь исторической географии Куликова поля О.Ю. Кузнецов, «в противоположность традиционным представлениям отечественной историографии советского периода, следует признать значительность его линейных размеров, достигающих 120 км с запада на восток и 80 км севера на юг» (Кузнецов 1999: 30).

Что же касается XIV столетия, то летописи единодушно и неоднократно упоминают именно открытую местность («поле чисто»), по которой русское войско «поидоша за Дон в далняя части земля». Стремясь упредить действия противника, оно спешно направилось к истоку Непрядвы – «переидоша за Дон вскоре люто и сверѣпо и напрасно» (т.е. ожесточенно и храбро и стремительно) (ПСРЛ 43: 134).

Великий князь Дмитрий Иванович, получив ободряющее послание от преподобного игумена Сергия Радонежского, сначала готовился встретить войско Мамая на левом берегу Дона и уже назначил по полкам воевод, которые тогда облеклись «во одежю их мѣстную яко велицы ратницы» (т.е. в доспехи, предназначенные для отличения предводителей во время боя). Подойдя к Дону, русские воеводы «много ту думаша», следует ли переходить на его правый берег (ПСРЛ 43: 133). Однако высланная заранее разведка во главе с Семеном Меликом только что сообщила, что войско Мамая теперь сосредоточивается на правобережье Дона, ожидая соединения с войском Ягайла, которое должно было подойти с запада. Это известие и повлекло за собой решение великого князя Дмитрия Ивановича стремительно, еще ночью, переправиться через Дон (Амелькин, Селезнев 2009: 170-174).

Конному войску русских потребовалось очень немного времени, чтобы преодолеть расстояние около 20 километров по степному водоразделу, между верховьями притоков Упы и притоков Непрядвы, от места переправы через Дон до центральной части Куликова поля. Пешие воины подошли, конечно, позднее. Но за-

5 Ныне карты хранятся в Отделе рукописей Библиотеки Российской Академии наук. Я использовал цветные фотокопии этих карт, полученные мною в файлах, присланных по моей просьбе А.Ю. Морозовым.

6 На применение термина «устье» к истокам Шексны и Сухоны моё внимание обратил А.Л. Грязнов.

7 Необходимо упомянуть, что, в отличие от профессиональных историков и археологов, связанных ошибочной интерпретацией летописных указаний на «усть Непрядвы», некоторые краеведы и историки-любители просто игнорировали эти указания и уже высказывали предположение, что место битвы стоило бы поискать вблизи озера Волова (см. например: Шавырин 1987: 98-104; Звягин 2010: 289-302. Впрочем, названные авторы, пишущие в беллетристической манере, расценивали это лишь как одну из любопытных версий возможной локализации места Куликовской битвы. Однозначно придерживается именно такой версии А.Б. Архипов, высказавший ее в двух письмах ко мне, отправленных электронной почтой в декабре 2011 года и представившийся в них как «технарь». Я тогда же порекомендовал ему отобразить более подробно свои наблюдения в печати.

долго до полудня 8 сентября сосредоточение русских войск должно было завершиться. «Князю же великому Дмитрию Ивановичю пришедшю за Дон в поле чисто, в Мамаеву землю на усть Непрядвы реки, и став ту князь велики по достянию (т.е. как следует) полки разрядив и воеводы учинив» (ПСРЛ 43: 134 (исправлена опечатка в словах «по достоянию»)).

Ордынская армия Мамая, ожидавшего прибытия союзников – литовской армии Ягайла, намеревалась, очевидно, первой выйти на открытую местность в центре Куликова поля между верховьями притоков Дона и Оки. Это был финальный участок давно освоенного степняками пути на Русь, который впоследствии получит обозначение «Муравский шлях». По нему крымские татары затем несколько столетий будут совершать свои опустошительные набеги на русские земли, иногда доходя даже до Москвы. Но 8 сентября 1380 года будущий Муравский шлях оказался перекрыт сводной армией великого князя Дмитрия Ивановича, загородившей ордынцам путь к Москве. Мамаю пришлось, поэтому вступать в сражение с русскими, не дождавшись подхода войска Ягайла.

Из сказанного следует, что Куликовское сражение разыгралось отнюдь не на площадке «2-3 квадратных километров», как писал недавно в своем обзоре под влиянием упомянутых мною тульских археологов московский историк А.Е. Петров (Петров 2003: 29). Оно произошло на пространстве, в десятки раз превосходившем подобные размеры. Развернутые в «чистом поле» на десять верст по фронту русские войска должны были иметь и глубину построения, достаточную для их маневра и для своевременного введения в бой мощного резерва, который решил исход битвы.

Отправив «вверх по Дону» от места общей переправы засадный полк (в летописных текстах он чаще назван «западный», что отвечает расположению западнее главных сил) под командованием своего двоюродного брата князя Владимира Андреевича Серпуховского, и «мужа мудра и храбра» Дмитрия Михайловича Боброка Волынского, и еще трех известных князей, и «в дубравах утаив» (ПСРЛ 43: 134) этот ударный резерв, великий князь Дмитрий Иванович обеспечил победу. Дубрава – не ельник и не кустарник, которые затрудняют передвижение войска. Под кронами дубов можно было скрытно расположить многочисленную конницу и затем в нужный момент направить ее в атаку неожиданно для противника.

Местонахождение исчезнувшей небольшой дубравы разные историки Куликовской битвы предполагали в разных пунктах поблизости от впадения Непрядвы в Дон.

Но существует доныне дубовый лес у самого края Куликова поля, в направлении на северо-северо-восток от Волова озера. Этот лес обозначен не только на современных картах Тульской области, но и на старых картах генерального межевания Тульской губернии. Нынешняя площадь этой дубравы – около двадцати квадратных километров (Атлас 2006. Карта № 56). Теперешнее расстояние ее южного края от верховья Непрядвы – двадцать пять километров. Но прежнее расстояние должно было быть существенно меньше, ибо южную часть дубравы, очевидно, вырубили при постройке расположенного теперь вплотную к этому лесу с юга города Богородицка.

Конный полк князя Владимира Андреевича, направленный от места общей переправы, «вверх по Дону», мог достигнуть этого дубового леса, находящегося в 3-х километрах к северу и в 20 километрах к западу от места переправы, раньше, чем пешие русские полки приблизились к верховьям Непрядвы.

Основные силы развернутой на десять верст по фронту русской армии должны были, очевидно, располагаться в междуречье притоков Дона и Оки, перегораживая неприятелям путь к Москве. Как следует полагать, – на северо-восток от местности, непосредственно прилегавшей к Волову озеру, между верховьями рек Непрядвы и Уперты, значительно севернее верховьев реки Мечи (теперь Красивая Меча) и ее притока – речки Плотовая Меча (теперь Сухая Плота). Татары же подошли к истоку Непрядвы с юго-юго-запада, от северной излучины Мечи.

Сокрушительная атака засадного полка, кратко описанная в Летописной повести о Куликовской битве, привела, как известно, к тому, что «татарове с Мамаем побегоша». Любопытно, что «Красный Холм», на котором, по не имеющей документального подтверждения устной традиции, находилась во время сражения ставка Мамая, – это название расположенного на холме небольшого поселения в семи километрах к востоку от Волова озера и в двух километрах к северу от Непрядвы.

Князь Владимир Андреевич «и иные многие воеводы» возглавившие погоню, «гониша их и бьюще до Мечи реки и до станов их, и взяша все богатство их и стада и тамо бежащих безчисленное множество погибоша. Тогда же бѣ и руси избито множество» (ПСРЛ 43: 135). От верховья Непрядвы на юго-юго-запад до находящейся здесь излучины верхнего течения Мечи расстояние менее 20 километров. Его преодолели, продолжая сражаться на своих уже уставших конях, русские преследователи бегущих ордынцев. Но нереально было бы думать, что это преследование началось от «традиционно» локализуемого места боя – при впадении Непрядвы в Дон. Отсюда до расположенной к югу ближайшей излучины Мечи (в среднем ее течении) расстояние больше шестидесяти километров.

Из сказанного следует, что местоположение захваченного русскими неприятельского лагеря было не вблизи низовья Непрядвы, а вблизи ее верховья.

Бегство остатков разгромленной армии Мамая вряд ли происходило лишь в южном направлении. Часть ордынцев, вероятно, устремилась на запад и присоединилась к отрядам Ягайла. Другая часть бежала на восток и, преодолев Непрядву, отстреливалась из луков на ее правом берегу. Следами преследования этих беглецов, как можно полагать, и являются упомянутые уже мною немногие находки здесь фрагментов оружия – главным образом наконечники стрел и копий.

Современным историкам Куликовской битвы следует внимательнее обращаться к летописным свидетельствам об этом событии, принимая в расчет данные истории русского языка. Археологам же целесообразно

было бы направить главные усилия не на обследование периферии Куликова поля в низовьях Непрядвы, а на центральную его часть в районе истока этой реки – туда, где на самом деле происходило великое сражение 1380 года.

ЛИТЕРАТУРА

Александровский 1990 - Александровский А.Л. Палеопочвенные исследования на Куликовом поле // Куликово поле: Материалы и исследования / Ответственный редактор А.К. Зайцев. М., 1990.

Амелькин, Селезнев 2009 - Амелькин А.О., Селезнев Ю.В. К вопросу о форсировании князем Дмитрием Ивановичем Дона 7 сентября 1380 г. // Верхнее Подонье: Археология. История. Вып. 4. Тула, 2009.

Атлас 2006 - Атлас Тульской области. Масштаб в 1 см - 1 км. / Ответственный редактор А.Г. Косиков. М., 2006.

Даль 1882 - Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. Второе издание, исправленное и значительно умноженное по рукописи автора. Т. 4. СПб.; М., 1882.

Зайцев, Фоломеев, Хотинский 1990 - Зайцев А.К., Фоломеев Б.А., Хотинский Н.А. Проблемы междисциплинарного изучения Куликова поля // Куликово поле: Материалы и исследования / Ответственный редактор А.К. Зайцев. М., 1990.

Звягин 2010 - Звягин Ю.Ю. Загадки поля Куликова. М., 2010.

Карпова 2001 - Карпова Е.В. Работа И.П. Мартоса над проектом памятника Дмитрию Донскому (По новым материалам) // Дмитрий Донской и эпоха возрождения Руси: События, памятники, традиции. Тула, 2001.

Кирпичников 1980 - Кирпичников А.Н. Куликовская битва. Л., 1980.

Книга Большому Чертежу 1950 - Книга Большому Чертежу / Подготовка к печати и редакция К.Н. Сербиной. М.; Л., 1950.

Кузнецов 1994 - Кузнецов А.В. Сухона от устья до устья. Вологда, 1994.

Кузнецов 1999 - Кузнецов О.Ю. Локализация Куликова поля по русским средневековым письменным источникам // Изучение историко-культурного и природного наследия Куликова поля. М.; Тула, 1999.

Куликово поле 2007 - Куликово поле: Большая иллюстрированная энциклопедия / Под общей редакцией В.П. Гриценко. Тула, 2007.

Куликовская битва 2012 - Куликовская битва в истории России / Составитель А.Н. Наумов. Вып. 2. Тула, 2012.

Кучкин 1980 - Кучкин В.А. Победа на Куликовом поле // Вопросы истории. 1980. № 8.

Кучкин 1984 - Кучкин В.А. О месте Куликовской битвы // Природа. 1984. № 8 (828).

Мурзаев 1984 - Мурзаев Э.М. Словарь народных географических терминов. М., 1984.

Нечаев 1821 - Нечаев С.Д. Некоторые замечания о месте Мамаева побоища // Вестник Европы. СПб., 1821. № 14.

Нечаев 1821а - Нечаев С.Д. Описание вещей, найденных на Куликовом поле // Вестник Европы. 1821. № 24.

Нечаев 1823 - Нечаев С.Д. О найденных на Куликовом поле двух старинных оружиях // Вестник Европы. 1823. № 8.

Петров 2003 - Петров А.Е. Куликово поле в исторической памяти: Формирование и эволюция представлений о месте Куликовской битвы // Древняя Русь: Вопросы медиевистики. 2003. № 3 (13).

Прохоров 1994 - Прохоров Г.М. Повесть об Устьшехонском Троицком монастыре и рассказы о городе Белозерске // Книжные центры Древней Руси. XVII век. Разные аспекты исследования. СПб., 1994.

ПСРЛ 3 - Полное собрание русских летописей. Т. 3. Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. М., 2000.

ПСРЛ 4 - Полное собрание русских летописей. Т. 4. Ч. 1. Новгородская четвертая летопись. М., 2000.

ПСРЛ 6 - Полное собрание русских летописей. Т. 6. Вып. 1. Софийская первая летопись старшего извода. М., 2000.

ПСРЛ 15 - Полное собрание русских летописей. Т. 15. Рогожский летописец. Тверской сборник. М., 2000.

ПСРЛ 18 - Полное собрание русских летописей. Т. 18. Симеоновская летопись. М., 2007.

ПСРЛ 43 - Полное собрание русских летописей. Т. 43. Новгородская летопись по списку П.П. Дубровского. М., 2004.

Сказание 1861 - Сказание Паисия Ярославова о Каменном монастыре // Православный собеседник, издаваемый при Казанской духовной академии. Ч. 1. Казань, 1861.

Скрынников 1983 - Скрынников Р.Г. Куликовская битва. Проблемы изучения // Куликовская битва в истории и культуре нашей родины. Материалы юбилейной научной конференции. М., 1983.

Срезневский 1903 - Срезневский И.И. Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам. Т. 3. СПб., 1903.

Флоренский 1984 - Флоренский К.П. Где произошло Мамаево побоище? // Природа. 1984. № 8 (828).

Фомин 1999 - Фомин Н.К. Топоним «Куликово поле» по документам XVI-XVII вв. // Изучение историко-культурного наследия Куликова поля / Государственный музей-заповедник «Куликово поле». Научные труды. М.; Тула, 1999.

Хотинский и др. 1985 - Хотинский Н.А., Фоломеев Б.А., Александровский А.Л., Гуман М.А. Куликово поле: природа и история последних 6 тысяч лет // Природа. 1985. № 12 (844).

Чеботарев 2005 - Чеботарев А. В поисках Куликова поля (датированная 15-м августа 2005 года беседа с руководителями Верхнее-Донской археологической экспедиции Государственного исторического музея) // Нескучный сад. 2005. № 4 (15).

Шавырин 1987 - Шавырин В.Н. Муравский шлях: Краеведческие очерки. Тула, 1987.

Шахматов 1910 - Шахматов А.А. Отзыв о сочинении С.К. Шамбинаго «Повести о Мамаевом побоище». СПб., 1910.

Detmar-Chronik 1884 - Detmar-Chronik von 1101-1395 mit der Fortzetzung von 1395-1400 // Die Chroniken der Deutschen Stadte vom 14. bis 16. Jahrhundert. Bd. 19. Leipzig, 1884.

Krantz 1619 - Krantz A. Vandaliae. Hanoviae, 1619.

REFERENCES

Aleksandrovskij 1990 - Aleksandrovskij A.L. Paleopochvennye issledovaniya na Kulikovom pole [Paleosurface studies at Kulikovo field], in: Kulikovo pole: Materialy i issledovaniya / Otvetstvennyj redaktor A.K. Zajcev [Kulikovo field: Materials and research / Responsible editor A.K. Zaitsev], Moscow, 1990 [in Russian].

Amel'kin, Seleznev 2009 - Amel'kin A.O., Seleznev YU.V. K voprosu o forsirovanii knyazem Dmitriem Ivanovichem Dona 7 sentyabrya 1380 g. [On the issue of Prince Dmitry Ivanovich forcing the Don on September 7, 1380], in: Verhnee Podon'e: Arheologiya. Istoriya [Verkhneye Podonye: Archeology. History], Vol. 4, Tula, 2009 [in Russian].

Atlas 2006 - Atlas Tul'skoj oblasti. Masshtab v 1 sm - 1 km. / Otvetstvennyj redaktor A.G. Kosikov [Atlas of the Tula region. The scale is 1 cm - 1 km. / Executive editor A.G. Kosikov], Moscow, 2006 [in Russian].

CHebotarev 2005 - CHebotarev A. V poiskah Kulikova polya (datirovannaya 15-m avgusta 2005 goda beseda s rukovoditelyami Verhnee-Donskoj arheologicheskoj ekspedicii Gosudarstvennogo istoricheskogo muzeya) [In search of Kulikov Field (dated August 15th, 2005, conversation with the leaders of the Verkhne-Donskoy archaeological expedition of the State Historical Museum)], in: Neskuchnyj sad [Neskuchny garden], 2005, № 4 (15) [in Russian].

Dal' 1882 - Dal' V.I. Tolkovyj slovar' zhivogo velikorusskogo yazyka. Vtoroe izdanie, ispravlennoe i znachitel'no umnozhennoe po rukopisi avtora [Explanatory dictionary of the living Great Russian language. The second edition, corrected and significantly multiplied by the author's manuscript], Vol. 4, Saint-Petersburg; Moscow, 1882 [in Russian].

Detmar-Chronik 1884 - Detmar-Chronik von 1101-1395 mit der Fortzetzung von 1395-1400 [Detmar Chronicle of 1101-1395 with the continuation of 1395-1400], in: Die Chroniken der Deutschen Stadte vom 14. bis 16. Jahrhundert [The chronicles of the German cities from the 14th to the 16th century], Vol. 19, Leipzig, 1884 [in German].

Florenskij 1984 - Florenskij K.P. Gde proizoshlo Mamaevo poboishche? [Where did the Mamaev massacre take place?], in: Priroda [Nature], 1984, № 8 (828) [in Russian].

Fomin 1999 - Fomin N.K. Toponim «Kulikovo pole» po dokumentam XVI-XVII vv. [The toponym "Kulikovo field" according to documents of the XVII-XVII centuries], in: Izuchenie istoriko-kul'turnogo naslediya Kulikova polya / Gosudarstvennyj muzej-zapovednik «Kulikovo pole». Nauchnye trudy [The study of the historical and cultural heritage of Kulikov Field / Kulikovo Field State Museum-Reserve. Scientific works], Moscow; Tula, 1999 [in Russian].

Hotinskij i dr. 1985 - Hotinskij N.A., Folomeev B.A., Aleksandrovskij A.L., Guman M.A. Kulikovo pole: priroda i istoriya poslednih 6 tysyach let [Kulikovo field: nature and history of the last 6 thousand years], in: Priroda [Nature], 1985, № 12 (844) [in Russian].

Karpova 2001 - Karpova E.V. Rabota I.P. Martosa nad proektom pamyatnika Dmitriyu Donskomu (Po novym materialam) [I.P. Martos' work on the project of the monument to Dmitry Donskoy (Based on new materials)], in: Dmitrij Donskoj i epoha vozrozhdeniya Rusi: Sobytiya, pamyatniki, tradicii [Dmitry Donskoy and the Renaissance of Russia: Events, monuments, traditions], Tula, 2001 [in Russian].

Kirpichnikov 1980 - Kirpichnikov A.N. Kulikovskaya bitva [The Battle of Kulikovo], Leningrad, 1980 [in Russian].

Kniga Bol'shomu CHertezhu 1950 - Kniga Bol'shomu CHertezhu / Podgotovka k pechati i redakciya K.N. Serbinoj [The book of a Large Drawing / Preparation for printing and editing by K.N. Serbina], Moscow; Leningrad, 1950 [in Russian].

Krantz 1619 - Krantz A. Vandaliae, Hanoviae, 1619 [in German].

Kuchkin 1980 - Kuchkin V.A. Pobeda na Kulikovom pole [Victory on Kulikovo field], in: Voprosy istorii [History issues], 1980, № 8 [in Russian].

Kuchkin 1984 - Kuchkin V.A. O meste Kulikovskoj bitvy [About the place of the Kulikovo battle], in: Priroda [Nature], 1984, № 8 (828) [in Russian].

Kulikovo pole 2007 - Kulikovo pole: Bol'shaya illyustrirovannaya enciklopediya / Pod obshchej redakciej V.P. Gricenko [Kulikovo Field: A large illustrated encyclopedia / Under the general editorship of V.P. Gritsenko], Tula, 2007 [in Russian].

Kulikovskaya bitva 2012 - Kulikovskaya bitva v istorii Rossii / Sostavitel' A.N. Naumov [The Battle of Kulikovo in the History of Russia / Compiled by A.N. Naumov], Vol. 2, Tula, 2012 [in Russian].

Kuznecov 1994 - Kuznecov A.V. Suhona ot ust'ya do ust'ya [Sukhona from mouth to mouth], Vologda, 1994 [in Russian].

Kuznecov 1999 - Kuznecov O.YU. Lokalizaciya Kulikova polya po russkim srednevekovym pis'mennym istochnikam [Localization of Kulikov Field according to Russian medieval written sources], in: Izuchenie istoriko-kul'turnogo i prirodnogo naslediya Kulikova polya [The study of the historical, cultural and natural heritage of Kulikov field], Moscow; Tula, 1999 [in Russian].

Murzaev 1984 - Murzaev E.M. Slovar' narodnyh geograficheskih terminov [Dictionary of Folk Geographical Terms], Moscow, 1984 [in Russian].

Nechaev 1821 - Nechaev S.D. Nekotorye zamechaniya o meste Mamaeva poboishcha [Some remarks about the place of the Mamaev massacre], in: Vestnik Evropy [Bulletin of Europe], Saint-Petersburg, 1821, № 14 [in Russian].

Nechaev 1821a - Nechaev S.D. Opisanie veshchej, najdennyh na Kulikovom pole [Description of the items found on Kulikovo field], in: Vestnik Evropy [Bulletin of Europe], 1821, № 24 [in Russian].

Nechaev 1823 - Nechaev S.D. O najdennyh na Kulikovom pole dvuh starinnyh oruzhiyah [About two ancient weapons found on Kulikovo field], in: Vestnik Evropy [Bulletin of Europe], 1823, № 8 [in Russian].

Petrov 2003 - Petrov A.E. Kulikovo pole v istoricheskoj pamyati: Formirovanie i evolyuciya predstavlenij o meste Kulikovskoj bitvy [Kulikovo field in historical memory: The formation and evolution of ideas about the place of the Kulikovo Battle], in: Drevnyaya Rus': Voprosy medievistiki [Ancient Russia: Issues of Medieval Studies], 2003, № 3 (13) [in Russian].

Prohorov 1994 - Prohorov G.M. Povest' ob Ust'shekhonskom Troickom monastyre i rasskazy o gorode Belozerske [The story of the Ustshekhonsky Trinity Monastery and stories about the city of Belozersk], in: Knizhnye centry Drevnej Rusi. XVII vek. Raznye aspekty issledovaniya [Book centers of Ancient Russia. The XVII century. Different aspects of the study], Saint-Petersburg, 1994 [in Russian].

PSRL 3 - Polnoe sobranie russkih letopisej. T. 3. Novgorodskaya pervaya letopis' starshego i mladshego izvodov [The complete collection of Russian chronicles. Volume 3. The Novgorod first chronicle of the elder and younger izvodov], Moscow, 2000 [in Russian].

PSRL 4 - Polnoe sobranie russkih letopisej. T. 4. CH. 1. Novgorodskaya chetvertaya letopis' [The complete collection of Russian chronicles. Volume 4. Part 1. The Novgorod Fourth Chronicle], Moscow, 2000 [in Russian].

PSRL 6 - Polnoe sobranie russkih letopisej. T. 6. Vyp. 1. Sofijskaya pervaya letopis' starshego izvoda [The complete collection of Russian chronicles. Volume 6. Issue 1. The Sofia first Chronicle of the senior squad], Moscow, 2000 [in Russian].

PSRL 15 - Polnoe sobranie russkih letopisej. T. 15. Rogozhskij letopisec. Tverskoj sbornik [The complete collection of Russian chronicles. Volume 15. Rogozhsky chronicler. Tver collection], Moscow, 2000 [in Russian].

PSRL 18 - Polnoe sobranie russkih letopisej. T. 18. Simeonovskaya letopis' [The complete collection of Russian chronicles. Volume 18. Simeon's Chronicle], Moscow, 2007 [in Russian].

PSRL 43 - Polnoe sobranie russkih letopisej. T. 43. Novgorodskaya letopis' po spisku P.P. Dubrovskogo [The complete collection of Russian chronicles. Volume 43. The Novgorod Chronicle according to the list of P.P. Dubrovsky], Moscow, 2004 [in Russian].

SHahmatov 1910 - SHahmatov A.A. Otzyv o sochinenii S.K. SHambinago «Povesti o Mamaevom poboishche» [Review of S.K. Shambinago's essay "The Tale of the Mamaev Massacre"], Saint-Petersburg, 1910 [in Russian].

SHavyrin 1987 - SHavyrin V.N. Muravskij shlyah: Kraevedcheskie ocherki [Muravsky shlyakh: Local history essays], Tula, 1987 [in Russian].

Skazanie 1861 - Skazanie Paisiya YAroslavova o Kamennom monastyre [The legend of Paisii Yaroslavov about the Stone Monastery], in: Pravoslavnyj sobesednik, izdavaemyj pri Kazanskoj duhovnoj akademii [The Orthodox Interlocutor, published at the Kazan Theological Academy], Vol. 1, Kazan, 1861 [in Russian].

Skrynnikov 1983 - Skrynnikov R.G. Kulikovskaya bitva. Problemy izucheniya [The Battle of Kulikovo. Problems of studying], in: Kulikovskaya bitva v istorii i kul'ture nashej rodiny. Materialy yubilejnoj nauchnoj konferencii [The Battle of Kulikovo in the history and culture of our motherland. Materials of the anniversary scientific conference], Moscow, 1983 [in Russian].

Sreznevskij 1903 - Sreznevskij I.I. Materialy dlya slovarya drevnerusskogo yazyka po pis'mennym pamyatnikam [Materials for the dictionary of the Old Russian language on written monuments], Vol. 3, Saint-Petersburg, 1903 [in Russian].

Zajcev, Folomeev, Hotinskij 1990 - Zajcev A.K., Folomeev B.A., Hotinskij N.A. Problemy mezhdisciplinarnogo izucheniya Kulikova polya [Problems of interdisciplinary study of the Kulikov field], in: Kulikovo pole: Materialy i issledovaniya / Otvetstvennyj redaktor A.K. Zajcev [Kulikovo field: Materials and research / Responsible editor A.K. Zaitsev], Moscow, 1990 [in Russian].

Zvyagin 2010 - Zvyagin YU.YU. Zagadki polya Kulikova [The Mysteries of Paul Kulikov], Moscow, 2010 [in Russian].

Азбелев Сергей Николаевич
– Доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник Института русской литературы (Пушкинского Дома) РАН, профессор кафедры отечественной истории Новгородского государственного университета имени Ярослава Мудрого (Санкт-Петербург, Россия).

Sergey Azbelev
– Doctor of Philological Sciences, Professor of Russian History at the Yaroslav-the-Wise Novgorod State University, Senior Research Scientist at the Institute of Russian Literature (The Pushkin House) of the Russian Academy of Sciences (Saint Petersburg, Russia).

mail@histformat.com

РЕЦЕНЗИЯ НА КНИГУ: КАРПЕНКО А.А. РУСЬ СЕВЕРЯН ВЕЩЕГО ОЛЕГА: РЕЦЕНЗИИ, ОТВЕТЫ И СТАТЬИ, ОПУБЛИКОВАННЫЕ В СБОРНИКАХ ПО ИТОГАМ НАУЧНЫХ КОНФЕРЕНЦИЙ 2004-2010 ГГ. РОСТОВ-НА-ДОНУ: КНИГА, 2016 272 С.

М.И. Жих
Международный научный журнал «Исторический формат»
(Санкт-Петербург, Россия)
e-mail: max-mors@mail.ru
Scopus Author ID: 55358941500
Researcher ID: F-3154-2014
http://orcid.org/0000-0003-2212-6416
SPIN-код: 6149-3974

АВТОРСКОЕ РЕЗЮМЕ
В рецензии рассматривается книга историка А.А. Карпенко, посвящённая проблемам происхождения Руси и ее правящей династии, их отражению в «Слове о полку Игореве».

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: Русь, Вещий Олег, Повесть временных лет, Слово о полку Игореве, Троян.

BOOK REVIEW: KARPENKO A.A. RUS OF THE NORTHERNERS OF OLEG THE WISE: REVIEWS, ANSWERS AND ARTICLES PUBLISHED IN COLLECTIONS OF THE RESULTS OF SCIENTIFIC CONFERENCES 2004-2010. ROSTOV-ON-DON: BOOK, 2016. 272 p.

Maksim Zhikh
International Scientific Journal «Historical Format»
(Saint Petersburg, Russia)
e-mail: max-mors@mail.ru

ABSTRACT
The review examines the book by historian A.A. Karpenko, dedicated to the problems of the origin of Rus and its ruling dynasty, their reflection in The Tale of Igor's Campaign.

KEYWORDS: Rus, Oleg the Wise, Tale of Bygone Years, Tale of Igor's Campaign, Trojan.

Не смотря на актуальность темы происхождения Руси, серьёзных специальных исследований, посвящённых этой теме, существует не так много. В новейшей историографии одним из интересных исследований данной темы является книга А.А. Карпенко, объединяющая два цикла его ранее вышедших работ, посвященных происхождению Руси и роли в этом процессе алан и северян, а также отражению начальных этапов русской истории в Слове о полку Игореве (далее – СПИ).

Интересными являются наблюдения А.А. Карпенко, согласно которым аланы и черкесы могут быть, как минимум, частичными предшественниками Донского казачества. Как отмечает историк, «ныне теории прямого происхождения казачества от древних народов изжиты. Но при этом, несомненно, что у известных с XVI в. дон-

ских казаков имелись предшественники, проживавшие ранее на этой же или сопредельной территории и внесшие вклад в формирование исторических и культурных традиций, воспринятых казаками» (Карпенко 2016: 114).

Обоснованным, по мнению автора, выглядит поиск следов этнического взаимодействия представителей низших слоёв Российского государства и потомков ранее живших в Подонье народов. Наиболее вероятными предшественниками казачества выглядят донские аланы, что «связано со всё явственнее вырисовывавшимся алано-булгарским характером салтово-маяцкой археологической культуры» (Карпенко 2016: 115).

«В VIII в. аланы, разоряемые арабами, переселились на Дон с Кавказа, изменив геополитическую ситуацию в регионе. На Дону они создали государство, признаки которого наличествовали в социальном расслоении между аланской знатью и местным славянским и булгарским населением, а также в единой системе письма. Ясы были составной частью салтово-маяцкой археологической культуры (VIII-X вв.). Летописи подтверждают это, говоря о присутствии ясов на Дону ещё в XII в.» (Карпенко 2016: 125).

По мнению А.А. Карпенко, если «ясы» «Повести временных лет» (далее – ПВЛ) под 965 г. «вполне могут быть отождествлены с аланами Подонья, то допустимо предположение о том, что незначительная, но организованная группа “касогов” также была увлечена аланами на Дон. На новом месте “касоги” могли быть впоследствии размещены в пограничье между салтовскими аланами и зливкинскими (донскими) булгарами» (Карпенко 2016: 148).

Со ссылкой на крупнейшего исследователя южнорусских степей С.А. Плетнёву А.А. Карпенко отмечает, что для «укрепления своих границ и торговых путей хазарские власти, видимо, примерно в начале IX в. переселили с предгорий Кавказа дополнительные отряды воинов с семьями. Так появились на Северском Донце совсем необычные для того времени и территории трупосожжения, нередко с богатым воинским убором, украшениями и многими деталями обрядности (помимо кремации), резко отличающиеся от обрядов соседей, также входивших в состав подданных каганата. Сходство синхронных предкавказских и донецких захоронений настолько разительно, что привело ряд учёных к выводу об их едином этническом происхождении. Сама С.А. Плетнёва предполагает, что это и были “касоги” наших летописей – столь же воинственные и умелые воины, какими были аланы» (Карпенко 2016: 128. Ср.: Плетнёва 2005: 22-23).

А.А. Карпенко отмечает, что ещё Г.З. Байер увидел предков казаков в «касогах», приведённых из Кабарды в начале XI в. князем Мстиславом, однако, «в дальнейшем версия о связи аланов и касогов с позднейшими казаками была отвергнута и, по сути, забыта». Созвучие имени казаков / черкасов и древних кавказских касогов / черкесов никем не проверялось и фактически было «приравнено к таким совпадениям в названиях как, например, италийские этруски, балтские пруссы, кельто-германские руги-роги, североиранские роксоланы, восточнославянские росы или русы, или, например, гомеровские энеты Трои, кельто-иллирийские венеты Италии, праславянские, а, затем и западнославянские венеды-венды, что надолго отпугнуло исследователей». Однако, по мнению, исследователя, «даже беглый взгляд способен уловить тот факт, что созвучие казаков и касогов, черкасов и черкесов стоит на принципиально ином уровне», а «филологическое тождество касогов и казаков, а так же черкесов и черкасов ещё более усиливается их исторической парностью, а поэтому требует более пристального, чем ранее, и тщательнейшего изучения» (Карпенко 2016: 122-123).

Именно через живших на Дону в VIII-XIII аланов, по мнению автора, вероятно, славяне и узнали об аланском названии «касогов» – «черкесы», а «вероятность наличия в донском регионе в X-XI вв. немногочисленных, но из-за оторванности от основных своих центров довольно организованных и сплочённых касожских адыго-черкесских групп, не выглядит выбивающейся из общей канвы политических процессов развития северокавказского региона в Средневековье» (Карпенко 2016: 128-129).

По мнению А.А. Карпенко, «спустя несколько веков после переселения с Кавказа и сразу вслед за выходом из ослабевшего салтовского объединения (в период до начала XI в.), “касоги”, сплочённые необходимостью обороны от вторжений степняков, сумели создать некое подобное государственности. Хотя её зачатки развивались последовательно, они проявлялись у них недолго

и были прерваны походом русского князя Мстислава» (Карпенко 2016: 131).

А.А. Карпенко отмечает, что «проблема идентификации жителей верховьев Северского Донца, Оскола и Дона VIII-X вв. с помощью европейских аутентичных письменных источников – одна из самых сложных при исследовании салтово-маяцкой археологической культуры. Материалы антропологии однозначно указывают на аланскую этническую принадлежность наиболее развитой части салтовской культуры – её лесостепного варианта. Но при этом под своим именем ("асы" или "аланы") аланы в европейских письменных источниках о событиях IX в. на Дону не фиксируются» (Карпенко 2016: 134).

Среди археологов появились различные истолкования летописных текстов об этносе хазар, которым выплачивали дань восточные славяне. В 1970 г. Д.Т. Березовец, а в 1991 г. А.Г. Николаенко предположили, что хазары IX в., которым давали дань летописные поляне, северяне, вятичи – это салтовские русы, вассалы Хазарии, жителей которых восточные славяне «путали» с хазарами (Березовец 1970: 59-74; Николаенко 1991). В 2002 г. Е.С. Галкина оспорила наличие вассальной зависимости донских русов от хазар (Галкина 2002).

Интересные наблюдения А.А. Карпенко делает, касаясь восточнославянского язычества. Историк солидаризируется с позицией Г. Ловмянского, согласно которой божества, названные в летописном рассказе о «пантеоне Владимира» после Перуна, представляют собой вставку, поскольку «в дальнейшем летопись их игнорировала: описывая возвращение Владимира из Корсуня обращённым в христианство, летопись шаблонным схематическим выражением сообщает о сожжении и разбитии остальных идолов, а вот судьба идола Перуна описана подробно и конкретно – его, привязав к конскому хвосту, влекут с горы к ручью и т.д.» (Карпенко 2016: 141. Ср.: Ловмянский 2003: 91-95).

По мнению А.А. Карпенко, непонятно, зачем было Владимиру ставить «кумиров на холме вне двора, если и до него славяне почитали того же Перуна и других богов. Изменить состав пантеона? Если же предположить, что он установил одного Перуна в Киеве и его же в Новгороде, то вся операция становится попыткой введения монотеизма на языческой основе. Заставить всех поклоняться только богу громовику князя и его дружины» (Карпенко 2016: 142).

Соответственно, «перед Русью стояли тогда не четыре альтернативных возможности приобщения к мировой тенденции монотеизма, а пять. Пятой альтернативой было преобразование своего собственного многобожия в монотеистическую религию. Причём, пятая "перунова" религиозная альтернатива была вполне реальной перспективой» (Карпенко 2016: 142).

В качестве типологической параллели историк указывает Великое княжество Литовское: «Это государственное образование, сложившееся в первой половине – середине XIII в. Долгое время великие литовские князья оставались язычниками. Лишь в 1385 г., согласно условиям унии, заключённой между Польшей и Литвой, христианство католического обряда стало здесь официальной государственной религией» (Карпенко 2016: 143).

При этом, по мнению автора, «следует помнить, что движение по этому пути всё равно было бы ограниченным по времени. В реальной ситуации Русь не могла бы так же успешно, как это случилось впоследствии, развивать свою экономику, культуру и дипломатию, оставаясь при этом вне культурного круга мировых религий. Поэтому следует признать, что конечное предпочтение Владимира, остановившего свой выбор именно на византийском варианте, позволило Русскому государству войти в круг крупнейших европейских христианских держав того времени» (Карпенко 2016: 144).

Как справедливо констатирует А.А. Карпенко, «вопрос о взаимоотношениях ясов и Руси в конце XI в. – начале XII вв. на протяжении достаточно долгого времени вызывает неподдельный интерес у исследователей. Многих удивляет то, что в период, когда последние остатки алан на Дону отуречиваются пришельцами с востока, их самоназвание только появляется на страницах летописей. Поэтому имеет право на жизнь предположение, что в IX-X вв. аланы на Руси представали и под именем хазар» (Карпенко 2016: 164).

По мнению А.А. Карпенко, «византийская письменная традиция, часто упоминавшая о противоборстве греков с хазарами в Крыму из-за находившихся там греческих владений, вызвала в русском источнике единичный перенос имени хазар на жителей бывшей хазарской Тмутаракани» (Карпенко 2016: 165). А.А. Карпенко напоминает мнение А.В. Гадло, который «справедливо отметил, что по существу нет данных о заселении Южного Приазовья хазарами, кроме упоминания о хазарах ("козар") в русской Тмутаракани под 1079 г. В хазарах здесь скорее можно увидеть исконных обитателей Приазовья, чем потомков собственно хазар» (Карпенко 2016: 165. Ср.: Гадло 2004: 135).

А.А. Карпенко отмечает, что «исследователи совершенно не берут в расчет возможность того, что "казары" русских источников, касающихся событий IX – начала XI вв. и носители того же этнонима относительно событий конца XI в., могут представлять различные этнические группы», соответственно, «сообщение ПВЛ о "козарах" под 1079 г. следует считать поздним византийским политонимом, а ясы в IX – начале XI вв., вероятно, назывались на Руси "хазарами"» (Карпенко 2016: 166).

По мнению А.А. Карпенко, «множество неразрешимых вопросов возникает при сопоставлении "козар" и хазар. Согласно ПВЛ, в битву со Святославом "козар" повёл каган, являвшийся как бы военачальником. Но известно, что к 60-м гг. X в. хазарский каган уже не появлялся на поле боя, поскольку окончательно превратился в "церемониального" государя, запертого в своём дворце» (Карпенко 2016: 173).

Почему же аланы в русских источниках названы хазарами? По мнению А.А. Карпенко, «очевидным был бы ответ: аланы, массово переселившиеся с Северного Кавказа на Дон, заместили на новом месте представителей западных окраин Хазарии, и в глазах окружающих народов даже были уравнены с самими хазарами. Но могущество алан быстро угасло в связи с пагубным

влиянием нашествий кочевников – угров и печенегов. Поэтому для летописца, знавшего о победах Святослава над восточными народами, в число которых входили и реальные хазары, было проще причислить к числу хазар и салтовских алан. Такое истолкование кажется вполне возможным» (Карпенко 2016: 174); «Вероятно, из-за этого же обстоятельства аланское объединение на Дону, наиболее удалённое от Византии и имевшее кратковременный период расцвета (последняя треть VIII – первая треть IX вв.) не редко скрылась в наименовании "хазары". Так можно объяснить именование "хазарами" на Руси алан» (Карпенко 2016: 176); «Несложным в этом контексте выглядит запутанный для многих исследователей вопрос о том, на каких хазар ходил князь Владимир Святой после похода 985 г. на дунайских болгар. По свидетельству Иакова Мниха, за походом на болгар последовал поход на хазар: "И на козары шед, победы и дань на них наложи". Стоит заметить, что перед нами, очевидно, те же донские "хазары", с которыми из-за вятичей воевал Святослав. Но, если Святослав в 965 г. просто их поработил, но дань возложить не смог, то Владимир окончательно закончил дело отца, хотя и на время, но подчинив донских алан. Вероятно, по этой причине сам Святослав после похода 965 г., в отличие от сына Владимира, внука Ярослава (и правнука Святослава) в "Слове о законе и благодати" Иллариона каганом не зовётся, но "козары" уже с этого момента как самостоятельная сила навсегда исчезают из русских летописей. Можно предварительно заключить, что славяно-русы, вероятно, получили хазаро-тюркский титул кагана непосредственно от алан» (Карпенко 2016: 176).

Особое место в книге А.А. Карпенко уделено проблеме происхождения правящей династии Древней Руси. По мнению историка, «все камни, на которых держалось здание "варяжства" Олега и Игоря, давно и до основания расшатаны. Норманство их имён не подтверждается данными истории. Скандинавский "прототип" Олега некий Одд "Стрела", также умерший от коня, оказался ровесником князя Владимира. Большая часть так называемых "Олеговых курганов" под Новгородом при их археологическом изучении оказались или разновременными, или вовсе естественными насыпями. Предсмертный путь князя из Киева через Новгород в Ладогу и "за море" подозрительно напоминает путь Рюрика в Русь» (Карпенко 2016: 182). Каково же тогда реальное происхождение «знаменитого и всенародно любимого на Руси князя»?

Как справедливо отмечает А.А. Карпенко, «о том, как было на самом деле, сказать, исходя из состояния источников, уже трудно, но выяснить, как думали об этом позднее в Древней Руси возможность ещё есть» (Карпенко 2016: 182). Историк указывает, что если учесть всех известных носителей имён Олег и Игорь в XII-XIV вв., то «окажется 11 Олегов и 5 Игорей. Соответственно, 10 и 4 являются представителями всего двух ветвей княжеского рода – князей Северско-Черниговских и Муромо-Рязанских, то есть, в Северско-Чернигово-Рязанской традиции, уходящей своими корнями в древнейший период истории северянского племенного союза. На Черниговщине 9 носителей имён древних русских князей Олега и Игоря. Ещё 5 Олегов и Игорей – это князья Муромские или Рязанские. Подобная ситуация в Рязани может быть объяснена тем, что, во-первых, Муром и Рязань в раннее время "тянули", то есть, входили в подчинение Черниговскому князю, а во-вторых, основателем этого княжеского дома является сын Святослава Черниговского (умер в 1076 г.) – Ярослав» (Карпенко 2016: 182).

По мнению А.А. Карпенко, «ранняя история Руси в ПВЛ подверглась полной перекройке, иначе совершенно нелогичными оказываются действия Вещего Олега в 882 г. и после. После военного столкновения с северянами единственным племенем, с которым ему пришлось сталкиваться дважды (при взятии Любеча и после взятия Киева и покорения древлян), Олег вопреки логике обложил их более легкой, чем хазары, данью. Очевидно, олегова половина сказания о начале Руси была кардинальным образом переработана в связи с введением варяжского князя Рюрика. Совмещение на юге Восточной Европы не только изначального месторасположения Руси, но и первых не легендарных членов княжеской династии, возможно, избавит исследователей, от необходимости поиска какой бы то ни было северной или варяжской не то балто-славянской, не то норманской Руси» (Карпенко 2016: 185); «Через Любеч Олег прошёл свободно, поскольку в изначальном варианте сказания ему подчинялась северная часть северян, а южная была присоединена лишь после взятия Киева. Будучи сам северянином, Олег, даже после сопротивления их южной части, именно в этом племенном союзе видел опору для своей власти над другими славянскими племенами» (Карпенко 2016: 265-266); «Известно, что имя главного героя СПИ Игоря, несмотря на то, что первый его носитель, согласно летописи, пришёл именно из Новгорода, на севере Руси в среде исторических князей никогда не встречалось. Показательным исключением является имя Псковского князя Игоря Ярославича. Иных Игорей, за исключением князей Черниговских и Рязанских, на Руси не было» (Карпенко 2016: 197-198).

А.А. Карпенко предпринял интересную попытку разгадать тайну «Трояна» и «трояновых веков» СПИ. Отметив, вслед за А.Г. Кузьминым, что «буквальное значение слова "век" в древности – это срок жизни предмета, явления, человека. Это слово было наиболее употребительно для обозначения жизни одного поколения. Это хорошо известно и подтверждается необходимым количеством источников. Всеслав и Олег Гориславич отнесены в СПИ к седьмому поколению, идущему от Трояна. Отступая к истокам родословной, получим следующий ряд: 7. Всеслав, 6. Брячислав, 5. Изяслав, 4. Владимир, 3. Святослав, 2. Игорь, 1. Троян. Вероятность считать Трояна отцом Игоря, по крайней мере, в понимании автора СПИ, не исключалась. Поэт, очевидно, имел аудиторию, которой также были известны сообщаемые им факты. Эта аудитория из древнейших песен знала о "времени Бусове", о борьбе с готами и других подобных сюжетах. Эта версия, между тем не была совершенно беспочвен-

ной, ведь исторические песни могли дожить и до XI-XII веков» (Карпенко 2016: 260. Ср.: Кузьмин 2003: 199-203).

А.А. Карпенко приходит к выводу, что «поскольку все данные говорят о том, что под Трояном выступает реальный человек» (Карпенко 2016: 235), им является никто иной как Вещий Олег: «Аудитория СПИ не вдаваясь в подробности, могла узнать в нём только этого всенародно любимого князя» (Карпенко 2016: 235), поскольку «варяжское происхождение Олега оказывается ничем не подтверждённым» (Карпенко 2016: 257). Последнее предположение заставляет историка «более внимательно рассмотреть именно Новгород-Северскую версию происхождения Вещего Олега» (Карпенко 2016: 261).

Работа А.А. Карпенко продолжила историографическое направление о юго-восточном, аланском и северянском происхождении Руси, представленное работами Г.В. Вернадского (Вернадский 1996: 270-293), Д.Т. Березовца (Березовец 1970: 59-74), О.Н. Трубачева (Трубачев 2005: 131-188), В.В. Седова (Седов 1999: 50-82; 2002: 255-295), Е.С. Галкиной (Галкина 2002; 2012), автора этих строк (Жих 2009: 147-157; 2018: 176-245; 2020: 210-245; Беззаконов, Жих 2021: 9-58; 2021а: 78-124) и других исследователей. Новаторские нестандартные гипотезы автора будят научную мысль, а их обсуждение будет способствовать дальнейшему продвижению вперёд в изучении такой сложной темы как истоки Руси.

ЛИТЕРАТУРА

Беззаконов, Жих 2021 - Беззаконов С.Н., Жих М.И. Хакан народа рос // Исторический формат. 2021. № 3. С. 9-58.

Беззаконов, Жих 2021а - Беззаконов С.Н., Жих М.И. Поход русов на Константинополь в 860 г.: проблемы исторической географии и логистики // Исторический формат. 2021. № 4. С. 78-124.

Березовец 1970 - Березовець Д.Т. Про ім'я носіїв салтівської культури // Археологія. Т. XXIV. К., 1970. С. 59-74.

Вернадский 1996 - Вернадский Г.В. Древняя Русь. Тверь: ЛЕАН, 1996. 448 с.

Гадло 2004 - Гадло А.В. Предыстория Приазовской Руси. Очерки истории Русского княжения на Северном Кавказе. СПб.: Издательство СПбГУ, 2004. 358 с.

Галкина 2002 - Галкина Е.С. Тайны Русского каганата. М.: Вече, 2002. 428 с.

Галкина 2012 - Галкина Е.С. Русский каганат. Без хазар и норманнов. М.: Алгоритм, 2012. 336 с.

Жих 2009 - Жих М.И. К проблеме Русского каганата: Древняя Русь и ее степные соседи // Русин. 2009. № 3 (17). С. 147-157.

Жих 2018 - Жих М.И. Работы Дмитрия Тарасовича Березовца и проблема локализации Русского каганата // Исторический формат. 2018. № 3-4. С. 176-245.

Жих 2020 - Жих М.И. Восточные славяне накануне государственности. М.: Вече, 2020. 448 с.

Карпенко 2016 - Карпенко А.А. Русь северян Вещего Олега: рецензии, ответы и статьи, опубликованные в сборниках по итогам научных конференций 2004-2010 гг. Ростов-на-Дону: Книга, 2016. 272 с.

Кузьмин 2003 - Кузьмин А.Г. Начало Руси. Тайны рождения русского народа. М.: Вече, 2003. 432 с.

Ловмянский 2003 - Ловмянский Г. Религия славян и её упадок (VI-XII вв.). СПб.: Академический проект, 2003. 511 с.

Николаенко 1991 - Николаенко А.Г. Северо-Западная Хазария или Донская Русь? Древности Приоскольской лесостепи в заметках краеведа. Волоконовка, 1991. 132 с.

Плетнёва 2005 - Плетнёва С.А. Хазары и Хазарский каганат // Хазары. Евреи и славяне. Т. XVI. М.; Иерусалим, 2005. С. 17-26.

Седов 1999 - Седов В.В. Древнерусская народность. Историко-археологическое исследование. М.: Языки русской культуры, 1999. 320 с.

Седов 2002 - Седов В.В. Славяне. Историко-археологическое исследование. М.: Языки русской культуры, 2002. 622 с.

Трубачев 2005 - Трубачев О.Н. В поисках единства: взгляд филолога на проблему истоков Руси. Третье издание, дополненное. М.: Наука, 2005. 286 с.

REFERENCES

Berezovec 1970 - Berezovec' D.T. Pro im'ya nosiïv saltivs'koï kul'turi [About the name of the Saltovo culture bearers], in: Arheologiya [Archaeology], Vol. XXIV, Kiev, 1970, pp. 59-74 [in Russian].

Bezzakonov, ZHih 2021 - Bezzakonov S.N., ZHih M.I. Hakan naroda ros [Khagan of the Ros people], in: Istoricheskij format [Historical format], 2021, № 3, pp. 9-58 [in Russian].

Bezzakonov, ZHih 2021a - Bezzakonov S.N., ZHih M.I. Pohod rusov na Konstantinopol' v 860 g.: problemy istoricheskoj geografii i logistiki [Military expedition of the Rus' to Constantinople in 860: problems of historical geography and logistics], in: Istoricheskij format [Historical format], 2021, № 4, pp. 78-124 [in Russian].

Gadlo 2004 - Gadlo A.V. Predystoriya Priazovskoj Rusi. Ocherki istorii Russkogo knyazheniya na Severnom Kavkaze [The prehistory of Azov Rus. Essays on the history of Russian Rule in the North Caucasus], Saint-Petersburg, Izdatel'stvo SPbGU Publ., 2004, 358 p. [in Russian].

Galkina 2002 - Galkina E.S. Tajny Russkogo kaganata [Secrets of the Russian kaganate], Moscow, Veche Publ., 2002, 428 p. [in Russian].

Galkina 2012 - Galkina E.S. Russkij kaganat. Bez hazar i normannov [The Russian khaganate. Without the Khazars and Normans], Moscow, Algoritm Publ., 2012, 336 p. [in Russian].

Karpenko 2016 - Karpenko A.A. Rus' severyan Veshchego Olega: recenzii, otvety i stat'i, opublikovannye v sbornikah po itogam nauchnyh konferencij 2004-2010 gg. [The Rus of the Northerners of Prophetic Oleg: reviews, answers and articles

published in collections based on the results of scientific conferences 2004-2010], Rostov-on-Don, Kniga Publ., 2016, 272 p. [in Russian].

Kuz'min 2003 - Kuz'min A.G. Nachalo Rusi. Tajny rozhdeniya russkogo naroda [The beginning of Russia. The secrets of the birth of the Russian people], Moscow, Veche Publ., 2003, 432 p. [in Russian].

Lovmyanskij 2003 - Lovmyanskij G. Religiya slavyan i eyo upadok (VI-XII vv.) [The religion of the Slavs and its decline (VI-XII centuries)], Saint-Petersburg, Akademicheskij proekt Publ., 2003, 511 p. [in Russian].

Nikolaenko 1991 - Nikolaenko A.G. Severo-Zapadnaya Hazariya ili Donskaya Rus'? Drevnosti Prioskol'skoj lesostepi v zametkah kraeveda [Northwestern Khazaria or Don Rus? Antiquities of the Prioskolskaya forest-steppe in the notes of a local historian], Volokonovka, 1991, 132 p. [in Russian].

Pletnyova 2005 - Pletnyova S.A. Hazary i Hazarskij kaganat [The Khazars and the Khazar Khaganate], in: Hazary. Evrei i slavyane [The Khazars. Jews and Slavs], Vol. XVI, Moscow; Ierusalim, 2005, pp. 17-26 [in Russian].

Sedov 1999 - Sedov V.V. Drevnerusskaya narodnost'. Istoriko-arheologicheskoe issledovanie [Ancient Russian nationality. Historical and archaeological research], Moscow, YAzyki russkoj kul'tury Publ., 1999, 320 p. [in Russian].

Sedov 2002 - Sedov V.V. Slavyane. Istoriko-arheologicheskoe issledovanie [Slavs. Historical and archaeological research], Moscow, YAzyki russkoj kul'tury Publ., 2002, 622 p. [in Russian].

Trubachev 2005 - Trubachev O.N. V poiskah edinstva: vzglyad filologa na problemu istokov Rusi. Tret'e izdanie, dopolnennoe [In search of unity: a philologist's view on the problem of the origins of Russia. Third edition, expanded], Moscow, Nauka Publ., 2005, 286 p. [in Russian].

Vernadskij 1996 - Vernadskij G.V. Drevnyaya Rus' [Ancient Russia], Tver, LEAN Publ., 1996, 448 p. [in Russian].

ZHih 2009 - ZHih M.I. K probleme Russkogo kaganata: Drevnyaya Rus' i ee stepnye sosedi [On the problem of the Russian khaganate: Ancient Russia and its steppe neighbors], in: Rusin, 2009, № 3 (17), pp. 147-157 [in Russian].

ZHih 2018 - ZHih M.I. Raboty Dmitriya Tarasovicha Berezovca i problema lokalizacii Russkogo kaganata [Works of Dmitry Tarasovich Berezovets and the problem of localization of the Rus' khaganate], in: Istoricheskij format [Historical format], 2018, № 3-4, pp. 176-245 [in Russian].

ZHih 2020 - ZHih M.I. Vostochnye slavyane nakanune gosudarstvennosti [Eastern Slavs on the eve of statehood], Moscow, Veche Publ., 2020, 448 p. [in Russian].

Жих Максим Иванович
– Международный научный журнал «Исторический формат» (Санкт-Петербург, Россия).

Maksim Zhikh
– International Scientific Journal «Historical Format» (Saint Petersburg, Russia).

max-mors@mail.ru

ПРАВИЛА ПУБЛИКАЦИИ В ЖУРНАЛЕ

В соответствии с требованиями ВАК и наукометрических баз данных РИНЦ и Scopus, в международном научном журнале «Исторический формат» вводятся следующие правила публикации.

Журнал публикует оригинальные статьи с результатами научных исследований на русском, английском, французском и немецком языках, относящиеся к исторической тематике, а также сообщения о проводимых под эгидой или при участии журнала научных мероприятиях. Редакция не вступает с авторами в содержательное обсуждение статей, переписку по методике написания и оформления научных статей и не занимается доведением статей до необходимого научно-методического уровня. Плата за публикацию в международном научном журнале «Исторический формат» не взимается. Авторский гонорар не выплачивается, не оплачивается рецензирование статей. Для обеспечения широкого доступа материалы журнала размещаются в Интернете: на сайте журнала, в научной электронной библиотеке «КиберЛенинка», в наукометрической базе данных РИНЦ и т.д.

Авторы статей, принятых к публикации высылают на электронный адрес редакции скан-копию бланка согласия, в котором дают разрешение на редактирование статьи, включение ее в электронные базы данных, а также на безвозмездную передачу указанных прав третьим лицам, при условии соблюдения их неимущественных авторских прав, извлечение из статьи и использование на безвозмездной основе метаданных (название, имя автора/правообладателя, аннотации, библиографические материалы и пр.) с целью включения в базы данных РИНЦ и Scopus, и подтверждение, что материал ранее не был опубликован и не находится на рассмотрении и/или не принят к публикации в каком-либо ином издании. Бланк согласия должен быть подписан автором и заверен в организации, в которой он работает или обучается.

В случае несоблюдения каких-либо требований редакция оставляет за собой право не рассматривать поступившие статьи. Журнал не публикует авторские материалы, ранее напечатанные в других изданиях; материалы, не соответствующие тематике журнала; статьи, не содержащие новой информации либо содержащие фактологические, исторические или иные ошибки, которые не могут быть исправлены; статьи, содержащие утверждения и гипотезы, прямо противоречащие установленным научным фактам; литературно-художественные и публицистические произведения любого содержания, в том числе и на научную тему; любую информацию и объявления, не имеющие непосредственного отношения к научной деятельности; материалы, содержащие сведения, которые составляют государст-венную либо коммерческую тайну; материалы, содержащие оскорбления, клевету либо заведомо ложные сведения в отношении граждан и организаций.

ПОРЯДОК СДАЧИ МАТЕРИАЛА:

Статья оформляется в соответствии с требованиями к оформлению материалов и высылается вместе со скан-копией заверенного бланка согласия на электронный адрес редакции: mail@histformat.com

Файлы должны быть поименованы по фамилии автора в латинской графике (например, IvanovStatya, IvanovBlank). Рукописи принимаются к рассмотрению непрерывно в течение года. Материал не должен превышать 1 п.л. (40 тыс. знаков с пробелами, включая рисунки, таблицы, список литературы и прочие компоненты статьи), сообщения — 0,5 п.л., рецензии — 0,2 п.л.

Статьи, поступившие в редакцию, подлежат внутреннему и внешнему рецензированию. Внутреннее рецензирование осуществляется редколлегией. Внешнее рецензирование научных материалов обеспечивается автором предоставленного материала и осуществляется специалистом соответствующего профиля, имеющим ученую степень доктора или кандидата наук. В случае несоблюдения каких-либо требований редакция оставляет за собой право не рассматривать такие статьи.

ТРЕБОВАНИЯ К ОФОРМЛЕНИЮ МАТЕРИАЛОВ:

Редколлегия журнала «Исторический формат» принимает только материалы, присланные файлом, прикрепленным к электронному письму (формат Word, файл с расширением .doc ., docx ., rtf). Статья должна быть оформлена строго в соответствии общими требованиями к оформлению научных публикаций и тщательно вычитана.

Рукописи, направляемые в журнал, должны содержать следующие разделы:

1. Индекс по Универсальной десятичной классификации (УДК).

2. Название статьи, ФИО автора(ов), сведения об авторе, адресные данные (полное юридическое название организации, адрес организации, адрес электронной почты всех или одного автора), авторское резюме и ключевые слова на русском языке, адрес электронной почты. Объем аннотации должен включать от 100 до 250 слов. Ключевых слов и словосочетаний должно быть не более 10.

3. Те же данные, указанные на английском языке, в той же последовательности, что в п. 2. Авторское резюме на английском языке (Abstract) может отличаться от русского аналога, но обязательно должно быть максимально подробным, чтобы выполнять функцию независимого от статьи источника информации. Информация резюме на английском должна быть понятна и интересна англоязычному читателю, который мог бы без обращения к полному тексту получить наиболее полное представление о тематике и уровне исследования.

4. Полный текст статьи, оформленный в соответствии с действующими требованиями журнала, приме-

чания, список использованной литературы (название «Литература»), список литературы в романском алфавите (название “References”).

Параметры оформления статьи: выравнивание — по ширине листа; первая строка — отступ 1,25; межстрочный интервал — одинарный; шрифт — Times New Roman; размер — 14; без автоматической расстановки переносов.

Иллюстрации (фотографии, рисунки, таблицы, графики, диаграммы и т.п.) должны иметь сквозную нумерацию согласно их положению в тексте и дополнительно прилагаться в виде отдельных файлов. Иллюстрации предоставляются в форматах tif или jpeg (разрешением не менее 300 dpi).

При оформлении статьи используется «гарвардский стиль» — оформление библиографии, когда список литературы выстроен в алфавитном порядке, а отсылка в тексте оформляется через фамилию автора (или фамилия первого автора, если авторов несколько), год издания и по необходимости номер страницы.

5. Список литературы с последующей английской транслитерацией. Автоматизировать процесс транслитерации можно, воспользовавшись программным обеспечением, которое доступно по адресу http://translit.ru (в раскрывающемся списке «Варианты» выбирать BGN). После автоматического транслитерирования необходимо вручную проверить правильность полученного результата и внести необходимые коррективы. Транслитерированные ссылки должны содержать только значащие для аналитической обработки элементы (ФИО авторов, название первоисточника, выходные данные). В списке литературы названия работ на языках, использующих нелатинизированные алфавиты, должны быть переведены на английский и заключены в квадратные скобки; названия источников должны быть транслитерированы, в конце следует указать язык оригинала в квадратных скобках. В случае цитирования книги название издательства (если это название учреждения) должно быть переведено на английский язык, во всех остальных случаях — транслитерировано, место издания — переведено.

Примером оформления публикации может служить любая статья в последнем опубликованном номере журнала. Просим авторов обратить на это внимание и следовать принятым правилам оформления материалов.

МЕЖДУНАРОДНЫЙ НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

ИСТОРИЧЕСКИЙ ФОРМАТ

2023, № 1-2

* * *

ЭЛЕКТРОННОЕ ПЕРИОДИЧЕСКОЕ ИЗДАНИЕ

Дата выхода номера: 15.02.2024
Формат 210x297
Электронный файл PDF
Гарнитура «Source Sans Pro»

Издатель: Редакция журнала
«Исторический формат»

Верстка: Жих М.И.

Редакция может не разделять точку зрения авторов статей, не вступает с авторами в содержательное обсуждение статей, переписку по методике написания и оформления научных статей и не занимается доведением статей до необходимого научно-методического уровня. Ответственность за содержание публикуемых материалов несет автор.

При любом использовании материалов ссылка на журнал обязательна.

* * *

E-mail редакции: **mail@histformat.com**
Официальный сайт: **http://histformat.com/**

16+

© Исторический Формат, 2023-2024
ISSN 2411-9415

▲ вернуться к оглавлению

http://histformat.com/